Я-

Оззи

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Люди постоянно спрашивают меня, как так вышло, что я ещё жив. Если бы в детстве меня поставили у стены вместе с другими детьми, и попросили показать того, кто из них доживёт до 2009 года, у кого будет пятеро детей, четверо внуков, дома в Бекингэмшире и Калифорнии — наверняка не выбрал бы себя. Хера с два! А тут, пожалуйста, я готов впервые своими словами рассказать историю моей жизни.

В ней каждый день был улётным. В течение тридцати лет я подбадривал себя убийственной смесью наркоты и бухла. Пережил столкновение с самолётом, убийственные дозы наркотиков, венерические заболевания. Меня обвиняли в покушении на убийство. Я сам чуть не расстался с жизнью, когда на скорости три км/ч наскочил квадроциклом на выбоину. Не всё выглядело в розовом свете. Я натворил в жизни кучу разных глупостей. Меня всегда привлекала тёмная сторона, но я не дьявол, я — просто Оззи Осборн — парень из рабочей семьи в Астоне, который бросил работу на заводе и пошел в мир, чтобы позабавиться.

- Оззи Осборн, Крис Айрс
  - Посвящение
  -
  - Часть первая
    - 1. Про Джона-взломщика
    - 2. Оззи Зиг ищет группу
    - 3. Баба Яга и нацист
    - 4. «Чуваки, никакие вы не черные!»
    - 5. Как я убил пастора (в Atrocity Cottage)
    - 6. Конец близко
  - Часть вторая
    - 7. Де Мойн
    - 8. Пока я спал
    - 9. Бетти, где у вас тут бар?
    - 10. Затмение
    - 11. Снова мёртвый
  - Записки пациента
  - Благодарности:
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91

- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107

Оззи Осборн, Крис Айрс
Я — Оззи

Посвящение

Я хотел бы посвятить эту книгу всем моим фанам.
Благодаря вам у меня была такая чудесная жизнь.
Благодарю вас от всего сердца.
Да благословит Вас Господь.
ОЗЗИ.

P.S. Давайте помнить об одном парне по имени Рэнди Роудс, который так много значил для меня.
Покойся с миром. Я тебя никогда не забуду.
Надеюсь, мы где-нибудь встретимся.
Говорили, что я никогда не напишу эту книгу.

А пошли они в жопу — вот она.

Вот только вспомню что-нибудь…

Бля, ничего не помню.

Ну, разве что это…[1]

Часть первая
В начале…

1. Про Джона-взломщика

Отец всегда говорил, что я чего-нибудь в жизни добьюсь.

— Джон Осборн, у меня предчувствие, что из тебя будет толк, — любил он приговаривать, предварительно осушив пару бокалов пива, — или попадешь за решётку!

И он был прав, мой старик.

Не исполнилось мне и восемнадцати, а я уже сидел в тюрьме.

Посадили меня за кражу со взломом. Или, как гласило обвинение: «Незаконное проникновение в помещение и похищение имущества на сумму 25 фунтов», примерно около трех сотен по нынешним деньгам. Скажу я вам, вовсе не было это «Величайшим ограблением века». Херовый из меня домушник. Но я продолжал заниматься этим снова и снова. Как-то раз, на улице за нашим домом заприметил магазин одежды Сары Кларк. На первом деле, когда прихватил гору вешалок, подумалось: «Клёво, всё толкну в пабе». Увы, забыл фонарик, а потом оказалось, что взял детские трусики и слюнявчики.

С подобным успехом я мог бы толкать собачье дерьмо.

Что делать, вернулся туда опять. В этот раз стырил 24-х дюймовый телевизор. Эта хрень была слишком тяжелой для меня, и когда я слазил со стенки за магазином, телек свалился мне на грудь, и я около часа не мог пошевелиться. Лежу в канаве, весь в крапиве, как идиот. Или как мистер Магу[2], только под кайфом. Кое-как удалось столкнуть телек в сторону, но домой я вернулся с пустыми руками.

За третьим заходом прихватил пару рубашек. Мне даже пришла в голову гениальная мысль надеть перчатки как настоящий профессионал. Судьбе было угодно, что на одной из них не хватало большого пальца, ну и я порядком наследил. Через несколько дней в дверь постучали фараоны. Сразу нашлись и перчатки, и барахло.

— Перчатка без пальца? Ай-ай-ай! — издевался легавый, застегивая на мне браслеты — Что? Думал — самый умный?

Неделю спустя судья влепил мне 40 фунтов штрафу. В руках не держал такого бабла. Штраф заплатить я никак не мог: должен был грабануть банк, или попросить взаймы у отца. Но батя не протянул мне руку помощи.

— Я зарабатываю на жизнь честным трудом! — говорил он. — Это я должен дать тебе денег?! Тебя посадят, а ты не воруй! Это будет тебе уроком!

— Но папа.

— Так будет лучше для тебя, сынок.

И всё, конец базара.

За «уклонение от уплаты штрафа» судья приговорил меня к трём месяцам заключения в Винсон Грин.

Скажу вам честно: я чуть не обосрался от страха, когда мне сказали про тюрягу. Винсон Грин — это старая тюрьма, викторианской постройки 1849 года, где вертухаями были те ещё ублюдки. Спустя годы, главный инспектор пенитенциарной системы на всю страну заявил, что в жизни не видел тюрьмы, где было бы столько вонищи, насилия и бесправия, сколько было в грёбаной Винсон Грин. Я умолял отца, что бы тот заплатил штраф, но он повторял, что тюрьма научит меня уму-разуму.

Как большинство малолеток, которые вляпались в криминал, я просто хотел произвести впечатление на своих корешей. Думал как это круто — быть бандюком, ну и попробовал им стать. А в Винсон Грин быстро передумал. Когда меня принимали на входе, сердце стучало так, будто хотело вырваться из груди и грохнуться на бетонный пол. Вертухаи опустошили содержимое моих карманов, и, упаковав мелочь (кошелек, ключи, сигареты) в полиэтиленовый пакетик, вдоволь поржали над моими длинными волнистыми каштановыми волосами.

— А ты понравишься парням из блока Эйч! — шепнул мне на ухо один из надзирателей. — Удачи в душевой, сладенький!

Понятия не имел о чем он.

Скоро узнал.

У молодежи в Астоне не было перспектив на будущее — ну, разве что чьим-то призванием было горбатиться в ночную смену на конвейере. Только там требовались рабочие руки. Люди тогда жили в убогих лачугах без толчков. Во время налетов Астон поплатился сполна за то, что в войну в центральной Англии собиралось много танков, грузовиков и самолетов. Когда я был маленьким, практически на каждом углу были «развалины», т. е. дома, которые немцы сравняли с землей в надежде разбомбить производство «спитфайеров» в Касл Бромвич. А я потом наивно предполагал, что именно так называются детские площадки.

Родился я в 1948 году и вырос в доме номер 14 на Лодж Роуд, в самой середине ряда одинаковых домиков с общими стенами. Мой папа, Джон Томас, по профессии слесарь-инструментальщик, работал в ночную на заводе «General Electric» на Виттон Лэйн. Все его называли Джек, непонятно почему, но именно так обращались тогда к Джонам. Батя часто рассказывал о войне, о том, как в начале 40-х работал в Кингз Стэнли в графстве Глостешир. Каждую ночь немецкие бомбардировщики разносили в хлам Ковентри, в каких-то пятидесяти милях от деревни. Сбрасывали

фугасы и мины на парашютах, а зарево взрывов было таким ярким, что во время затемнения отец мог спокойно читать газету. Тогда я был мальцом и понятия не имел, какой это был ад. Представьте себе, люди ложатся вечером спать и не знают, будут ли стоять их дома на рассвете.

Послевоенная жизнь, знаете ли, была ничуть не лучше. Когда под утро отец возвращался с завода «General Electric», моя мама Лилиан собиралась в первую смену на завод «Lucas». И так изо дня в день, никакого, на хрен, разнообразия. Между тем, никто из них не роптал.

Моя мать была католичкой, но без фанатизма: Осборны в костел не ходили, хотя я на какое-то время записался в воскресную англиканскую школу. Иначе можно было сдуреть от скуки, а там хотя бы давали на халяву чай и печенье. Изучение библейских историй и рисунки Христа-младенца не сделали меня лучше. Сомневаюсь я, чтобы пастор гордился своим бывшим учеником, скажем так.

Воскресенье было для меня самым ужасным днем недели. Я был из тех детей, которые всегда искали развлечений, но Астон для этого — не самое подходящее место. Ничего, только серое небо, пабы на каждом углу и всюду изможденные люди, вкалывающие на конвейере. Но у рабочего класса была своя гордость. Некоторые облицовывали каменной плиткой стены коммунальных домов, как будто хотели превратить их в долбаный Виндзор. Только рвов да разводных мостов не хватало! Большинство домов стояли впритирку, как наш, и там, где заканчивалась каменная кладка одного дома, начиналась штукатурка другого. Уродство!

Я был четвертым ребенком в семье и первым мальчиком. Старших сестер звали Джин, Айрис и Джиллиан. Не знаю, когда у родителей было время этим заняться, не успел я оглянуться, как у меня появилось два младших брата: Пол и Тони. Итак, на Лодж Роуд, 14, подрастало шестеро детей! Дурдом! Как я уже вспоминал, в то время в домах не было канализации, просто возле кровати ставили ведро. В конце концов, Джин, старшая сестра, получила отдельную спальню в пристройке на заднем дворе. Остальные продолжали делить ведро, пока сестра не подросла и не вышла замуж. Тогда следующая по старшинству заняла ее место.

Я старался не путаться у сестер под ногами (они то и дело цапались, как это бывает у девчонок), а мне не хотелось схлопотать ни с той, ни с другой стороны. Но моя старшая сестричка Джин всегда обо мне заботилась и была для меня второй мамой. До сих пор по воскресеньям мы созваниваемся,

хоть камни с неба.

Правда, не знаю, что бы я делал без Джин, а был я ребенком крайне нервным. Ежеминутно воображал, что случится какое-нибудь несчастье. Вбил себе в голову, что если по дороге домой наступлю ногой между тротуарных плиток, то умрет моя мама. А когда днем отец отсыпался после ночной, я подумал, что батя умер и толкал его в бок, чтобы убедиться в том, что он еще дышит. Можете себе представить, как был рад мой старик! В моей башке роились самые удивительные вещи.

Практически всегда я был чем-то напуган.

И самое первое воспоминание тоже связано со страхом. 1953 год, 2 июля, вхождение на трон королевы Елизаветы. Батя балдел тогда от американского комика Эла Джолсона: мой старик пел домашним его песни, рассказывал юморески и одевался как он, по поводу и без повода.

Эл Джолсон прославился тем, что пародировал негров. Сегодня за подобную неполиткорректность его бы наверняка линчевали. Как бы то ни было, отец попросил тетю Вайолет сшить два черно-белых костюма менестреля, которые я и он должны были носить во время торжеств по случаю коронации. Прикид был полный отпад! Тетя Вайолет от себя подогнала еще два цилиндра и для полного комплекта — белые бабочки и тросточки в красно-белую полоску. Но когда папа спустился вниз, да еще с черным лицом, у меня напрочь снесло башню. Я верещал, выл, стонал:

— Что вы с ним сделали?! Верните мне папу!

Заткнулся я только когда мне объяснили, что это просто гуталин. Потом домашние хотели загримировать и меня. Я снова завёлся. Ну не хотел я, чтобы мое лицо измазали этой дрянью. Я подумал, что навсегда останусь черным.

— Нет! Нет! Нееет!

— Не ссы, Джон! — осадил меня батя.

— Нет! Нет! Нееет!

Позже выяснилось, что среди моих родственников полным-полно психов. Бабушку со стороны отца должны были закрыть на дурке. Ох, и отжигала старушка! Беспрестанно надо мной глумилась, хотя повода я не давал. Никогда не забуду, как она лупила меня по заднице. На втором месте находится тетушка Эдна, младшая сестра мамы. Она покончила с собой: утопилась в канале. Ее выпустили из дурдома, а она возьми да и сигани в воду. Бабушка по материнской линии тоже не подарок. На руке вытатуировала инициалы моего дедушки A.U., т. е. Артур Юнитт. Вспоминаю о ней всякий раз, когда вижу по телеку офигенных

телок, испачканных чернилами. Пока ты молода и свободна как птичка, это выглядит прикольно, но поверьте мне на слово, бля, ничего прикольного уже нет, когда бабуля баюкает внуков, а на бицепсе красуются расплывшийся кинжал и две облезлых змеи. А вот ей было по барабану, моей бабульке. Я очень ее любил. Померла она в возрасте 99 лет. Когда я начал бух**а**ть, бабушка колотила меня по заднице свернутой газетой «Миррор» и приговаривала:

— Завязывай пить! Ты располнеешь! От тебя несет как от сраной пивной бочки!

По сравнению с ними мои родители могли считаться вполне нормальными. Отец был суров, но никогда не бил меня и не запирал в чулане, где хранился уголь. Ничего подобного! Если я набедокурил, то самое страшное, что мне светило — это подзатыльник. Например, когда вздумал заклеймить раскаленной кочергой колено мирно спящего дедушки. Зато папа ругался с мамой и, как позже оказалось, даже поднимал на нее руку. Мать подала на него в суд, хотя мне об этом никто тогда не сказал. Я часто слышал крики, но не понимал, что происходит. Думаю, ссорились из-за денег. Так уж устроен мир, знаете ли, не получится постоянно сюсюкать: «Да, милая! Понимаю, давай поговорим о чувствах, сюси-пуси, ёксель-моксель…» Люди, утверждающие, что никогда не повысили голоса, живут, бля, на другой планете! А уж в те времена быть мужем и женой было и вовсе непросто. Даже не представляю себе, каково это отпахать в ночную, утром попрощаться с женой на целый день и, в результате, не иметь сколько-нибудь приличного бабла.

Мой старик был мировым мужиком, простым и старомодным. В смысле телосложения — «мухач», на носу очки в толстой черной оправе а ля Ронни Баркер[3].

— Может у тебя не будет приличного образования, — любил поучать он — но хорошие манеры тебе не помешают.

И сказанное претворял в жизнь: уступал женщинам место в автобусе, мог помочь старушке перейти через дорогу.

Отец был добрым человеком, мне его очень не хватает.

Теперь понимаю, что он был немного ипохондриком и, возможно это я мог унаследовать от него. Батя постоянно жаловался на ногу, постоянно обматывался бинтами, но чтобы пойти к врачу — это нет. Предпочел, чтобы его скрутило, чем идти на обследование. Панически боялся докторов, впрочем, не он один в таком возрасте. При этом не взял ни одного отгула. Если бы почувствовал себя настолько плохо, чтобы остаться дома, нужно было готовиться к похоронам.

Единственное, что я не унаследовал от него — это мою

страсть к дурным привычкам. Папа пропускал пару бокалов пива, но никогда не напивался. «Мэйксон Стаут» — вот что он любил больше всего. Заглядывал в рабочий клуб, чтобы потусоваться с коллегами по работе и возвращался домой напевая: «Хорошо, что есть на свете это счастье — путь домой». [4]. И все! Ни разу я не видел его блюющим, ползающим по земле с обоссаными штанами. Просто у него было хорошее настроение. Время от времени, по воскресеньям брал меня с собой в пивную. Потом я играл на улице, слышал, как он горланит песни. Подумал тогда: «Ё-моё! Лимонад, который пьет папа должно быть обалденный!» У меня было буйное воображение. Долго я ломал голову каково же пиво на вкус, а когда наконец-то попробовал, подумал: «Что за хрень! Папа ни за что бы это не выпил!» Однако быстро открыл тот факт, что после пива человек чувствует себя несколько иначе, а я за то, чтобы чувствовать себя иначе, был готов пойти на все. В возрасте 18 лет осушал бокал в пять секунд.

В нашей семье не только папа любил петь навеселе. Мама и сестры не отставали. Джин приносила домой пластинки Чака Берри и Элвиса Пресли, все учили тексты, а в субботу вечером организовывали небольшие семейные концерты. Сестры даже выучили напамять несколько номеров «Эверли Бразерс». [5]. Собственно, на одном из таких междусобойчиков, я впервые выступил в качестве вокалиста. Я спел хит «Living Doll» Клиффа Ричарда, который услышал по радио. Мне и не снилась карьера певца, просто такой поворот событий не принимался в расчет. Я был уверен, что если нужно заработать бабки, то должен как все в Астоне идти на завод. Или грабануть банк.

Причем второй вариант не исключался.

У меня была врожденная смекалка к правонарушениям и я даже нашел себе сообщника. Парня звали Патрик Мерфи и жили мы на одной улице. Семейства Мерфи и Осборнов дружили, хотя дети первых, нормальных католиков, учились в другой школе. Началось все с того, что мы ходили с Патом воровать яблоки. Заметьте, вовсе не для того, чтобы их продавать. Мы их хавали без разбору, потому что были голодными, а когда попадалось гнилое — на несколько дней понос был обеспечен. Было поблизости укромное местечко, где Тринити Роуд сходилась с другой улицей, благодаря чему достаточно было наклониться за ограждение, расправить рубаху и наполнить ее яблоками с деревьев, растущих на другой стороне. Однажды, когда я влез на ограду и маячил там, как беременный яблоками контрабандист, хозяин заметил это и натравил на меня двух волкодавов. Они напали сзади, я свалился в сад и грохнулся головой о землю. В мгновение ока под глазом вспух большой черный фингал. Когда

такой красивый я вернулся домой, папаня разозлился не на шутку. А в больнице врачи вставили мне своих пистонов.

Несмотря ни на что, я и дальше корешил с Патом.

На смену яблокам пришла зачистка» парковочных автоматов. Потом начались мелкие кражи в магазине. У моих предков было шестеро детей и мы не жировали. Человек совершает самые отвратительные поступки, лишь бы набить брюхо. Лично для меня это вовсе не повод для гордости, я не принадлежу к тому типу людей, которые говорят: «Сейчас я в шоколаде, бабла хватает, чего ворошить прошлое.»

У каждого своя школа жизни.

Потом мы придумали такую тему: в день матча, у стадиона «Астон Виллы», мы собирали по полшиллинга за охрану машины. В те времена тачку на ключ никто не запирал и у нас был повод подурачиться внутри. Попробовали зарабатывать на жизнь мойкой авто. Задумка была гениальной, но однажды нам взбрело в голову надраить одному лоху машину щеткой по металлу. Не успела тачила высохнуть, как с нее слезла половина краски. Чувак охуел.

Наперекор влечениям, я вовсе не был гаденышем. Мне просто хотелось попасть в одну из местных шаек. Помню наши забавы. Сходилась улица на улицу, мы забрасывали друг друга камнями, а из крышек мусорных баков делали щиты, ну прям как древние греки против римлян. Было прикольно до тех пор, пока кто-то не заехал противнику камнем в табло и поверженного, с лицом, залитым кровью, забрала скорая. Играли в войнушку. Делали бомбы собственного производства. Покупали кучу петард за один пенс, вытряхивали из них порох, сгибали один конец медной трубки, в середине делали отверстие, засыпали внутрь порох, заворачивали другой конец трубки, вставляли фитиль от петарды в подготовленное отверстие. Оставалось только поджечь спичку и валить, причем очень быстро.

Ба-бах!

Ха-ха-ха.

Не все, что мы делали было запрещено, но и вовсе не безопасно.

Однажды с Патом мы вырыли землянку в твердой глиняной насыпи, затащили внутрь каркас от старой кровати и какие-то доски, а в потолке вместо трубы была обыкновенная дыра. Рядом стояли ржавые бочки, с которых мы прыгали на старую металлочерепицу, клевый трамплин, скажу я вам. Прыг — и приземляешься на крыше нашего блиндажа. Так продолжалось несколько недель, пока я не влетел внутрь через долбаную дыру и

чуть не свернул себе шею.

Какое-то время Пат думал, что мне конец.

Но самое большое развлечение ждало нас на развалинах домов. Часами мы бродили по руинам, складывая фигуры из булыжника, разбивая что-нибудь, разжигая костры. И постоянно искали клад. Воображение работало на полных оборотах. У нас был огромный выбор разрушенных викторианских домов, тогда только начинали отстраивать Астон. Эти старые дома были величественны: можно было подурачиться на трех, четырех этажах. Мы покупали пару сигарет и покуривали в развороченных взрывами прихожих. «Вудбайн», «Парк Драйв» — наши любимые сигареты. Сидит себе человек среди этой грязи и пыли, дымит папироской, вдыхая тяжелый желтый смог Бирмингема.

Эх, было времечко.

Я ненавидел школу, как же я ее ненавидел!

До сих пор помню свой первый день в школе Prince Albert Juniors в Астоне. Я был пойман за шиворот и силой туда доставлен, вереща и брыкаясь по дороге.

Единственное, чего я с нетерпением ждал в школе, был звонок в 16.00. Я не умел нормально читать, соответственно, не получал хороших оценок. Знания в моей башке не задерживались, а я не мог понять, почему вместо мозга у меня бесполезный холодец. Когда я листал книжку, мне казалось, что она написана по-китайски. Чувствовал себя тупицей, полным неудачником. Только когда мне было за тридцать, я узнал что у меня дислексия, синдром дефицита внимания и гиперактивности[6]. В то время об этом дерьме никто не слышал. В классе было человек сорок и если кто-то чего-то не понимал, учитель скорее не пробовал ему помочь. Нам разрешали бездельничать, чем я и пользовался. И когда кто-нибудь пытался подъебнуть меня за тупость, например, заставлял читать вслух, то я пробовал рассмешить одноклассников. Придумывал такие глупости, чтобы другие смеялись.

Наверное, единственным преимуществом моей болезни было то, что дислектики очень креативны. Так по-крайней мере мне сказали. Мы думаем не так как все. Но не уметь читать как все нормальные люди — это стыд и позор. Я всегда жалел, что не получил добротного образования. Книжки — это клёво, в натуре! Находить время для чтения книг, бля, — это феноменальное дело. У каждого должна быть такая возможность. За всю свою жизнь мне удалось дочитать книгу до последней страницы только пару раз. Раз в пятилетку у меня в голове что-то разблокируется и я стараюсь читать как можно больше. А когда снова включится

блокада, могу только пялиться в книгу как баран на новые ворота.

Сколько себя помню, в школе все называли меня Оззи. Понятия не имею, кто это первым придумал, а также когда и зачем. Наверное, это было уменьшительным от фамилии. И абсолютно соответствовало моей клоунской сущности. С тех пор как эта кликуха приклеилась ко мне, только моя семья продолжала называть меня Джон. Сегодня я вообще не реагирую на свое настоящее имя. Если кто-то говорит: «Эй, Джон! Иди сюда!» — я даже не оборачиваюсь.

По окончании начальной школы я перешел в среднюю школу на Бирчфилд Роуд в Перри Барр. А там уже носили униформу. Это было необязательно, но практически у всех она была, включая моего младшего брата, который прикидывался пай-мальчиком. Ежедневно приходил в школу в пиджачке, старых фланелевых брючках и рубашке с галстуком. А я красовался в заляпаных калошах, рваных джинсах и старых, пропахших потом, свитерах. Мистер Олдэм, директор школы, постоянно устраивал мне показательные выволочки, всякий раз я попадался ему на глаза:

— Джон Осборн! Приведи себя в порядок! Ты позоришь школу! — Орал он на весь коридор. — Почему ты не берешь пример с брата?

И лишь однажды мистер Олдэм отозвался обо мне по-хорошему. Я стуканул ему, что, мол, один из старшеклассников попытался отравить рыбок в аквариуме и плеснул в воду средство для мытья посуды. Меня даже похвалили на линейке:

— Благодаря Джону Осборну нам удалось задержать негодяя, совершившего этот гнусный поступок.

Но мистер Олдэм и не знал, что это я пытался отравить рыбок, заливая «Фэйри» в аквариум. Только очканул на полпути. Зная, что пену в аквариуме и так повесят на меня (я был виновником всего плохого, что случалось в школе), я решил, что ничего не случится, если переведу стрелки на кого-нибудь другого. И план сработал.

Был один учитель, которого я даже любил — мистер Черрингтон — за его страсть к истории Англии. Он забрал нас как-то на открытый урок в место под названием Пимпл Хилл, где ранее возвышался замок Бирмингем. Это было классно! Рассказывал об укреплениях, местах захоронений, средневековых орудиях пыток. Никогда в жизни ни один урок мне так не понравился, хоть я не получил хорошей оценки, потому как не смог ничего написать в тетради. Вы будете смеяться, но единственным предметом, по которому я успевал на Бирчфилд Роуд, была обработка металла. Наверное, потому что я

унаследовал тягу к металлу от отца-инструментальщика. И даже занял первое место в классном конкурсе на изготовление шпингалета. Но это вовсе не означает, что я перестал чудить. Наш трудовик, мистер Лэйн без устали лупил меня под зад обрезком доски. Лупил от души и тогда мне казалось, что моя жопа отвалится. Но несмотря на это, он был дядька что надо. Хоть и страшный расист. Я фигею, что он нам рассказывал. Он сегодня бы за это загремел.

На уроках по обработке металла я делал такой прикол: брал однопенсовую монету и три–четыре минуты нагревал ее паяльной лампой, а затем подкладывал на стол мистеру Лэйну. Когда тот садился и из любопытства брал монету в руки, сначала было слышно только: — Аааай!

И тут же:

— Осборн! Гаденыш!

Ха, ха!

Ах, этот старый добрый прикол с монеткой! Полный отпад, чувак!

Когда мне было 11, ну может 12 лет, ребята постарше надо мной издевались. Поджидали после уроков, снимали штаны и прикалывались. Приятного мало. Правда, меня не трахали и не дрочили мой болт, ничего подобного не было, так, для ржачки, как это делают мальчишки в их возрасте. Но мне было стыдно, вдобавок, я был запуган и не мог рассказать об этом родителям. Дома мы часто донимали друг друга (ничего удивительного — в тесной клетушке жило шестеро детей), но именно поэтому я не видел смысла жаловаться. Мне казалось, что это я виноват.

По крайней мере, решил, когда я вырасту и у меня будут дети, скажу им: «Не бойтесь рассказывать маме и папе о своих проблемах. Вы знаете, что такое хорошо и что такое плохо! И если кто-то захочет сделать с вашим телом что-то, что не нравится вам, просто идите с этим к родителям». И поверьте, если бы я узнал, что какой-то подонок причинил им боль, то пустил бы кровушки этому сукиному сыну.

В конце концов, нашелся способ как покончить с этими преследованиями. Я заприметил самого большого парня на площадке и кривлялся до тех пор, пока тот не рассмеялся. Так он стал моим другом. На вид мой великан был чем-то средним между кирпичным «очком» и долбаной горой Сноудон. Если бы кому-то взбрело в голову поприкалываться над ним, то этому смельчаку пришлось бы месяца полтора питаться в столовой через соломинку. А на самом деле, это был добродушный великан. С тех пор как мы подружились, никто уже ко мне не

приставал — и очень хорошо, т. к. дрался я так же плохо, как и читал.

Одним из тех, кто меня ни разу не тронул в школе, был Тони Айомми. Учился на класс старше и все его знали, он умел играть на гитаре. Хотя он не задирался, я и так чувствовал перед ним респект. Тони был высоким, красивым, все девчонки сохли по нему. А дрался он так, что никто не мог его завалить в партер. Раз он был старше меня, значит, мог дать под зад пару раз, или чего покруче, не более того. Если вспомнить Тони в школьные годы, то приходит на ум день, когда нам разрешили принести в школу рождественские подарки. Тони заявился с ярко-красной электрогитарой. Помню, тогда подумал, что ничего круче в своей жизни не видел. Я всегда хотел играть на каком-нибудь инструменте, но у стариков не было на это денег, да и у меня не хватало усидчивости. Больше пяти секунд ни на чем сосредоточиться не мог. А вот Тони, тот умел играть. Был талантлив от рождения. Ему можно было дать какие-нибудь монгольские волынки, и через пару часов он научился бы на них лабать блюзовые риффы. В школьные годы мне было интересно, как сложится его судьба.

Должно было пройти еще несколько лет, прежде чем наши пути вновь пересеклись.

Когда я подрос, начал чаще пропадать в туалете с бычком в зубах и реже появляться в классе. А коптил уже так, что постоянно опаздывал на утренние построения, которые проводил мистер Джонс, тренер школьной команды по регби. Как же он меня ненавидел! Заставлял меня оставаться после уроков и издевался надо мной на глазах других детей. Но самое большое удовлетворение ему приносило наказание ботинком. Мистер Джонс посылал меня к противоположной стене класса, к полке со спортивной обувью, откуда я должен был принести ботинок самого большого размера. Потом мучитель направлялся туда сам с проверкой, и если находил теннисные туфли б**о**льшего размера, то я получал по заднице по двойному тарифу. Никто не издевался надо мной, так как он.

Кроме того, по утрам мистер Джонс устраивал проверку внешнего вида, в частности, осматривал наши шеи с помощью белого полотенца. Если полотенце становилось грязным, провинившегося нещадно полоскали как животное под классным умывальником.

Никто не издевался над нами так, как этот мистер Джонс.

Довольно быстро я смекнул, что у стариков бабок меньше, чем у родителей моих товарищей. Наверное, понятно, что каждый

год мы не отлеживались на Майорке, потому что надо было прокормить и одеть шестерых Осборнов. Я впервые увидел море, когда мне было четырнадцать, да и то, благодаря тетушке Аде из Сандерленда. А уж океан с водой, в которой не плавают какашки из Ньюкасла и в которой за три секунды не замерзнешь нахер, и вовсе когда мне было за двадцать.

Признаков нищеты было гораздо больше. Например, куски газеты, которыми мы подтирались вместо туалетной бумаги. И калоши, в которых я был вынужден ходить летом, не было обычных туфель. И то, что мама никогда не покупала мне нижнего белья. Ну и тот подозрительный тип, который постоянно требовал денег. Мы его назвали стукачом. Это был обыкновенный лоточник, который впаривал маме в рассрочку разную хрень из каталога, потом каждую неделю требовал денег. Деньги у мамы никогда не водились, поэтому она постоянно просила меня ответить, что ее нет дома. В конце концов, мне это надоело:

— Мама говорит, что ее нет дома!

Пару лет спустя я решил покончить с этим раз и навсегда. Открыл стукачу дверь и оплатил все мамины долги. Вдобавок, сказал ему, чтобы тот отвалил и никогда больше у нас не появлялся. Но это не помогло. Через две недели прихожу, а мама распаковывает новенький костюм-тройку. Угадайте с одного раза, откуда он взялся?

Когда я был маленьким, денег не хватало ни на что. Однажды мама подарила мне на день рождения 10 шиллингов на покупку фонарика (знаете такой, который светит разными цветами), а по дороге домой я потерял сдачу. Это был один из самых печальных дней моего детства. Наверное, часов пять прочесывал все канавы и ливневки Астона в поисках этих медяков. А самое смешное то, что сейчас и не припомню, что мне сказала мама, когда я вернулся домой. Помню только, что пересрал с испугу.

Нельзя сказать, что на Лодж Роуд 14 жилось ужасно, но идиллией, бля, и не пахло.

Во-первых, мама немного не дотягивала до кулинарных талантов Делии Смит[7].

По воскресеньям она целый день пропадала на кухне, а мы тряслись от нетерпения, в ожидании конечного результата. Жаловаться было нельзя. Однажды ем капусту, а у нее вкус мыла. Джин, заметив мою реакцию, исподтишка бьет меня в бок и шепчет:

— Сиди тихо!

Меня так тошнит и я не собираюсь сыграть в ящик, отравившись капустой. И уже хочу что-то сказать, как в это время

возвращается из паба отец, вешает плащ, садится за стол, берет тарелку, насаживает капусту на вилку, а там болтается кусочек скрученной проволочки! Мамочка, благослови ее Боже, приготовила нам щетку «Brillo» для мытья посуды.

Все бегут на толчок, чтобы проблеваться.

В другой раз, мама сделала мне в школу бутерброд с яйцом вкрутую. Заглядываю вовнутрь, а там пепел от сигареты и измельченная скорлупа. Спасибо, мама!

Короче говоря, школьная столовка спасла мне жизнь. Это было единственное, что мне нравилось за все время долбаной учёбы. Обеды в школе были как в сказке: первое и пудинг на десерт. Фантастика! Сегодня только взял что-то съестное, а уже слышно: «О! Здесь 200 калорий!» Или: «Здесь содержится 8 граммов насыщенных жиров». Но тогда, о такой фигне как калории, никто понятия не имел. На тарелке лежала жратва, которой, как по мне, всегда было мало.

Каждое утро я пытался придумать отмазку, как бы откосить от школы. Поэтому никто мне не верил, даже если говорил правду.

Например, когда я услышал привидение.

Сижу себе в кухне, собираюсь в школу. Зима, лютый мороз, в кране нет горячей воды, я подогреваю чайник, чтобы залить кипятком раковину и вымыть посуду. И тут слышу голос:

— Осборн, Осборн, Осборн!

Перед тем, как лечь спать после ночной смены, отец отправлял нас в школу. Ну, я поворачиваюсь к старику:

— Папа! Папа! Кто-то зовет нас! Привидение! Наверное, в нашем доме завелось привидение!

— Ну, ты придумал, сынок! — отрывается он от газеты. — Привидение или нет, в школу все равно пойдешь! Давай, мой посуду!

А в это время снова голос:

— Осборн, Осборн, Осборн!

— Но, папа! — кричу я. — Ведь слышно, правда? Послушай!

В конце концов, он тоже слышит.

Голос доносится вроде бы с улицы. Выбегаем во двор, я босиком, а там — никого. Голос слышен вновь, на этот раз очень близко:

— Осборн, Осборн, Осборн!

Доносится из-за забора. Ну, мы туда, а там, на земле лежит соседка. Беспомощная одинокая старушка поскользнулась на льду и наверняка замерзла бы насмерть, не подоспей мы вовремя. Перелезли через забор, внесли ее в гостиную, где до этого никогда не были, а ведь живем по соседству с незапамятных

времен. Вот это и было самым печальным. Мужа старушки во время войны убили фашисты во Франции. Дети погибли в бомбоубежище. Она делала вид, что они живы: повсюду были их фотографии, одежда, игрушки и т. п. Как будто время в этом доме остановилось. Пожалуй, ничто в жизни не повергало меня в такую депрессию. Помню слезы мамы, когда в этот день она вернулась от соседки.

Поразительно, разве не так? Можно жить в двух шагах от соседей и ничего о них не знать.

В этот день я опоздал в школу, но мистер Джонс не требовал от меня объяснений, опаздывал я каждый день. Просто у него был повод, чтобы портить мне жизнь. Однажды утром, может даже в тот же день, когда мы нашли старушку на льду, хотя не уверен, я пришел на перекличку так поздно, что она уже заканчивалась, входили дети из другого класса. Для меня это был особый день, отец дал мне несколько металлических прутьев, унесенных с завода, чтобы я сделал из них отвертки в мастерской мистера Лэйна. Прутья были у меня в портфеле, я не мог дождаться момента, когда их достану и покажу друзьям.

Но день был испорчен, едва начавшись. Помню, стою возле учительского стола, мистер Джонс устраивает мне взбучку, а дети из другого класса рассаживаются за партами. Я чувствовал себя так глупо, что охотно провалился бы сквозь землю.

— Осборн! — верещит мистер Джонс — Ты позоришь себя и всю школу! Неси ботинок!

В классе стало так тихо, что можно было услышать как муха пёрнет.

— Но пожалуйста.

— Неси сюда ботинок, Осборн! И помни! Он должен быть самым большим, иначе я тебя так выпорю! Месяц не сможешь сидеть!

Чувствую на себе пристальные взгляды. Уж лучше бы, на хер, сдохнуть! Ребята на год старше смотрят на меня как обезьяну в зоопарке. С опущенной головой, сгорая от стыда, плетусь в другой конец класса. Кто-то подставляет мне подножку, кто-то высовывает в проход портфель, что бы я его обходил. Весь дрожу, на лице огонь. Не хочу разреветься на глазах старших, но чувствую, вот-вот расклеюсь. Подхожу к полке, выбираю ботинок. Даже не соображаю, какой из них самый большой. Подаю ботинок мистеру Джонсу, взгляд опущен в землю.

— По-твоему, это самый большой?! — орет мистер Джонс. Он шагает к шкафу, возвращается с ботинком б**о**льшего размера и приказывает мне наклониться.

Все взгляды устремлены на меня. Едва сдерживаю слезы, в

носу уже пузырится сопля, но я утираюсь рукавом.

— Я сказал — нагнись, Осборн!

Делаю, что велят. И тогда, основательно замахнувшись, Джонс лупит меня со всей дури кроссовком 45 размера.

— Аааай!!!

Пиздец как печет! А этот хек продолжает: раз, другой. На третьем или четвертом ударе моему терпению приходит конец. Я начинаю свирепеть, меня трясет от ненависти. И когда он снова замахивается, чтобы меня треснуть, я быстро вынимаю из портфеля папины прутья и швыряю в потную жирную харю мистера Джонса. Спортсмен из меня никудышный, но за эти две секунды я мог бы застолбить за собой место в национальной сборной по крикету. Мистер Джонс отпрянул, из носа течет кровь, а до меня доходит, что я натворил. В классе галдеж. Ох, ё-моё! Смываюсь в коридор, оттуда через школьный двор, минуя ворота, мчусь на Лодж Роуд 14. Влетаю наверх, в комнату, где спит папа, пытаюсь его разбудить. И тут я разревелся.

Ну и разозлился же отец! Слава Богу, не на меня, а на мистера Джонса. Пошел туда и потребовал разговора с директором. Крик стоял на всю школу. Мистер Олдэм сказал, что он понятия не имеет о том, что мистер Джонс бьет учеников и пообещал этим вопросом заняться. Папа ответил, что лучше бы он, на хер, этим занялся.

После этого случая избиения прекратились.

В школе я не был великим Казановой. Дамы считали меня придурком, но какое-то время я встречался с одной. Джейн ходила в школу для девочек на той же улице. Я в ней души не чаял! Да еще как! Перед каждым свиданием втирал в школьном туалете мыло в волосы, чтобы прилизать их. Почему-то я думал, что так в ее глазах я выгляжу красивее. Но однажды пошел дождь, прихожу я на свиданку: голова в пене, мыло на лбу и даже в глазах. Она смотрит на меня и сразу:

— Ты что, дебил?

Удивление. Шок. Просто какой-то, на хер, облом.

Через несколько лет вижу ее возле какого-то клуба в Астоне, пьяную в стельку и начинаю удивляться, чего это я тогда так переживал.

Были еще несколько девчат, но ничего серьезного у меня с ними не было. Я быстро убедился в том, как это больно, когда объект твоих воздыханий встречается с другим парнем. Или когда с тобой встречаются ради прикола — тоже ничего смешного. Однажды я назначил встречу одной девчонке у «Crown and Cushion» в Пэрри Барр. Льет как из ведра, прихожу, как

условились, на 7:30, а ее нет. Хорошо, думаю, придет через полчаса. Жду до восьми. Нет. Даю себе еще полчаса. По-прежнему никого. Кисну там часов до десяти. Потом, промокший как цуцик, возвращаюсь домой. Я тогда чувствовал себя подавленным и отвергнутым. Зато теперь рассуждаю с позиции отца: «Поздравляю, Оззи! Ты — балбес! Какой же родитель позволит пойти своей дочери на свидание со школьным товарищем в такой дождь!»

Но тогда это были лишь щенячьи нежности. Не будучи взрослым, я чувствовал себя взрослым. Когда мне было четырнадцать, пошел с одной чиксой в кино. А чтобы она убедилась, какой я крутой, решил понравиться с помощью сигарет. К тому времени я уже покуривал, но не в таких огромных количествах. На этот вечер припас пять сигарет и коробку спичек за один пенс. Ну, значит, сидим в зале, я корчу из себя взрослого, и вдруг меня бросает в холодный пот. «Бля, что за хрень?» — думаю. Отрыгиваю и чувствую во рту кислоту. Лечу что есть духу в туалет, закрываюсь в кабине и тут меня разбирает такой кашель, будто я хочу выблевать желудок. Как же херово мне было. Когда попустило, я доплелся до выхода и пошел домой. Всю дорогу блевал. С той малышкой я больше не встречался, а ей на память обо мне досталась коробка шоколадок.

По молодости со мной приключилось несколько неприятных историй, связанных с курением. Помню, однажды ночью, перед тем случаем или сразу после него, покуриваю у себя в комнате на Лодж Роуд. Бычкую, чтобы заначить немного на утро. Через несколько часов просыпаюсь от кашля. Везде дым. «Твою мать! — думаю — Спалил хату!» Но замечаю свою пепельницу возле кровати, сигарета в ней не тлеет. Я не знал, что батя пришел домой слегка поддатый и закурил в постели, но вместо того, чтобы погасить окурок, бросил его за диван. Поролон начал тлеть и коптить адским черным дымом.

Вбегаю в зал, а там захмелевший папка с кислой миной и согнувшаяся пополам от кашля мама, а лицо ее мокрое от слез.

— Джек Осборн — говорит она и заходится кашлем. — Твою дивизию, что ты наде…

В этот момент мама закашлялась так сильно, что ее вставная челюсть дословно вылетает изо рта, разбивает оконное стекло, а морозный ветер, врывающийся в дом, еще больше раздувает пламя.

Долбаный диван превратился в пионерский костер, а я уже и не знаю, смеяться мне или обосраться.

Во всяком случае, нам с папой пожар удалось погасить, а мама в это время искала свою челюсть в огороде. В доме еще

несколько недель неприятно пахло.

Скажу вам по секрету, это происшествие не склонило меня завязать с курением. Я был уверен, что с сигаретой в зубах просто неотразим. Возможно, что-то в этом было, ибо несколько недель спустя, я впервые познакомился со своей рукой. Совсем недавно я открыл для себя, что мой пенис служит не только для наполнения помойного ведра и стал вытворять с ним такие чудеса, где только можно. Дрочил вдохновенно, даже спать не мог, только бы дернуть гуся. Потом, как-то раз был в пабе на танцах в Астоне. Я тогда еще не пил, в подсобке справляли чей-то день рождения или что-то в этом роде. Крутилась там одна девушка старше меня, клянусь Богом, не помню ее имени, и, по-моему, мы даже танцевали. Потом она привела меня к себе домой и трахала всю ночь напролет.

Не знаю, чем она думала, когда выбирала меня. Может, изголодалась по этому делу, а другого кандидата под рукой не было. Кто ее знает? Во всяком случае, я не жаловался. Конечно, хотелось продолжения банкета. И уже на следующий день с мыслью о добавке бегу к ней, как пес, который хочет обнюхать любимый столбик.

— Какого тебе? — наехала она со старта.

— Как насчет повторить?

— Да пошел ты!

Так закончился наш чудный роман.

Я окончил школу, когда мне было 15 лет. Ну и что мне дала британская система образования за десять лет? Клочок бумажки, который гласит:

«Джон Осборн окончил среднюю школу на Бирчфилд Роуд.

Подпись.

Мистер Олдэм (директор)».

И все, на хер, по теме. Какая — то специальность? Никакой. Если речь зашла о будущей профессии, то я стал перед выбором: физический труд или физический труд. Начал с того, что заглянул на последнюю страницу «Бирмингем ивнинг мэйл», где печатались объявления об открытых вакансиях. В этом номере как раз было приложение о перспективах трудоустройства для выпускников школ. Просмотрел все: молочник, мусорщик, слесарь-сборщик, каменщик, дворник, водитель автобуса и т. п. Мой выбор пал на водопроводчика, по крайней мере, это конкретная профессия. А меня так и учили: в жизни чего-то можно достичь, если у тебя есть профессия. Когда я наконец получил работу, которая мне была так необходима, наступила поздняя осень, стало холодно. Ну не мог я предвидеть, что у

водопроводчиков самая горячая пора — середина зимы, когда все трубы лопаются. Преимущественно, ты стоишь, согнувшись над колодцем, когда на улице минус пять и отмораживаешь себе яйца. Продержался я меньше недели. Выперли не из-за погоды — воровал яблоки в обеденный перерыв. Трудно завязать с вредными привычками.

Следующая работа была менее амбициозной. Я ездил на промышленное производство автозапчастей под Астоном, где должен был обслуживать офигенно большую установку для обезжиривания деталей. Мне подносили корзины, полные прутьев, пружин, рычагов и прочую дребедень, которую высыпали и мыли в чане с химикатами. Пенящиеся химикаты были ядовитыми, на установке висела табличка: «Опасно для жизни! Работа без защитной маски запрещена! Над емкостью не наклоняться!»

Я поинтересовался, что так пенится в чане, и кто-то меня просветил: дихлорметан. Я призадумался: «Хм, интересно, а может, удастся поймать кайф?» Однажды снимаю маску, склоняюсь над пенящейся ванной, буквально на секундочку. Ёёёб… Меня торкнуло так, будто нюхнул клею. Только в сто раз сильнее! С тех пор по утрам регулярно вдыхал испарения: выходило гораздо дешевле, чем поход в пивную. Я начал с двух раз в день, потом нюхал каждые пять минут. Но вот загвоздка: после каждого сеанса мое лицо покрывалось слоем черного жира от испарений. Товарищи по цеху быстро раскусили, в чем дело. Перерыв на чай, все пялятся на мою черную рожу.

— Опять копался в обезжирке? Тебе что жизнь не мила, чувак?

— То есть? — переспрашиваю, включая дурака.

— Оззи! Траванёшься на хер!

— Поэтому я без маски не работаю и над емкостью не наклоняюсь. Табличка висит.

— Ты нам не заливай! И держись от этого подальше, Оззи, а не то плохо кончишь.

Через несколько недель дошло до того, что в голове полный бардак, я скакал по цеху, пел песни. Случались и «галлюны». Просто не мог с этим завязать, это было сильнее меня. И вот однажды я куда-то запропастился. Нашли меня возле чана, в полной отключке.

— Вызвать ему скорую! — приказал мастер. — И чтобы этого идиота я здесь больше не видел!

Родители впали в неистовство, когда оказалось, что меня снова выперли с работы. Я продолжал жить вместе с ними и они надеялись на мою долю в оплате счетов, несмотря на то, что я

старался проводить дома как можно меньше времени. В итоге, моя мама договорилась со своим начальством и выхлопотала для меня работенку на автозаводе «Лукас», где могла бы приглядывать за бестолковым сыном.

— Это будет стажировка, Джон — сказала мама. — Да любой твой ровесник дал бы руку на отсечение лишь бы получить такой шанс. А ты приобретешь новые навыки и станешь профессиональным настройщиком клаксонов.

У меня все опустилось. Клаксоны?

В те времена типичное рассуждение рабочего выглядело так: получаешь какое-нибудь образование, идешь в подмастерья, потом тебе дают самую грязную работу, и ты гордишься этим, хотя это просто грязная работа. И так будешь вкалывать до гробовой доски. Грязная работа — это все, что у тебя есть. Большинство населения Бирмингема не доживает до пенсии, умирают прямо в цехах.

Нужно было оттуда валить, чтобы не закончить так, как другие. Но как же вырваться из Астона? Я пытался было иммигрировать в Австралию, да вот беда, не было червонца на билет. Пробовал даже пойти добровольцем в армию, но меня не взяли. Парень в мундире смотрит на мою харю и говорит:

— Мне жаль, но это армия, а не цирк!

Поэтому пришлось согласиться на работу на автозаводе. Своему корешу Пату сказал, что буду работать в музыкальном бизнесе.

— Как это в музыкальном бизнесе?

— Буду настройщиком — отвечаю расплывчато.

— Настройщиком чего?

— А какая тебе, на хер, разница?

В первый день мастер привел меня в звуконепроницаемое помещение. Моим заданием было взять клаксон с раздаточной ленты, вложить его в приспособление в виде шлема. Потом подавался ток, настраивался клаксон с помощью отвертки, пока не раздавалось нечто: «Ба! Бу! Уи! Эр! Би-ип!» И так 900 раз в день, такова была дневная норма. Все можно было подсчитать, потому что по окончании настройки каждого клаксона нужно было нажать на специальную кнопку счетчика. В комнатушке толпилось пятеро рабочих, а значит, одновременно пищало, свистело и мычало пять сигналов — с восьми утра и до пяти вечера.

Когда я выходил из этого чертова места, в ушах стоял такой гул, что я не слышал собственных мыслей.

Вот как выглядел мой день: Взять клаксон. Подключить провода. Покрутить отверткой. Ба! Бу! Уи! Эр! Би-ип!

Положить клаксон на раздаточную ленту. И по новой.

Когда я работал, мама смотрела на меня с гордостью сквозь стеклянную перегородку. Однако уже через несколько часов этот чертов шум начал меня сводить с ума. Мне хотелось кого-нибудь убить. Ну и я начал нажимать на кнопку счетчика по два раза после каждого настроенного клаксона, думал, что тогда меня быстрее отпустят домой. Делал все, чтобы вырваться из этой долбаной будки. А когда понял, что номер прошел, стал нажимать три раза. Потом четыре. Потом пять.

И так продолжалось несколько часов, как вдруг слышу шипение ретранслятора и скрежет останавливающейся раздаточной ленты. Кто-то со злостью кричит в мегафон: «Осборн! К мастеру, немедленно!»

Там хотели узнать, каким чудом мне удалось махнуть 500 клаксонов за двадцать минут. Я говорю, наверное, что-то не так со счетчиком. А они мне, мол, не пальцем деланые, а если речь идет о счетчике, то что-то не так с кретином, который его обслуживает. И если это повторится, то выкинут меня на хер и дело с концом. И понял ли я?

— Да, понял — отвечаю и смурной бреду в свою будку:

Взять клаксон.

Подключить провода.

Покрутить отверткой.

Ба! Бу! Уи! Эр! Би-ип!

Положить клаксон на раздаточную ленту.

Нажать на кнопку.

Через несколько недель пребывания в этом дерьме, решаюсь поговорить с Гарри, дядькой постарше, который работал рядом со мной.

— Долго здесь работаешь? — спрашиваю я.

— Ась?

— Долго ты здесь?

— Чего ты там шепчешь, сынок?

— Долго здесь работаешь?!!! — кричу.

Гарри наверняка потерял слух от ежедневного бибикания клаксонов.

— Двадцать девять лет и семь месяцев — заявляет с ухмылкой.

— Ты че? Прикалываешься?

— Че?

— Ничего!

— Чего ты там шепчешь, сынок?

— Чертовски долго, Гарри!!!

— А знаешь, что самое приятное?

Я поднимаю руки вверх и отрицательно покачиваю головой.

— Через пять месяцев получу золотые часы. За 30 лет стажа. Тридцать лет стажа в этой дыре! Аж захотелось, чтобы русские сбросили бомбу и сравняли это место с землей.

— Если тебе так нужны эти часы — говорю — нужно было их спереть у ювелира. Даже если бы тебя поймали, ты отсидел бы в десять раз меньше, чем прозябаешь в этой дыре.

— Повтори-ка сынок!

— Ничего.

— Ась?

— Ничего!!!

Терпение мое лопнуло. Я бросил отвертку, вышел из будки, миновал маму и прямо с проходной направился в ближайший паб. Так закончилась моя первая работа в музыкальном бизнесе.

Сама идея найти работу в музыкальном бизнесе выглядела идиотской шуткой. Это было абсолютно невозможно: с таким же успехом я мог мечтать о карьере астронавта или каскадера. Или трахнуть Элизабет Тэйлор. Однако с того момента, когда спел «Living Doll» на семейной вечеринке, я подумывал о создании группы. Какое-то время даже хвастался, что являюсь участником группы «Black Panthers». Как бы не так! Моя группа состояла из пустого футляра из-под гитары, на которой я эмульсионной краской (найденной у нас в сарае) намалевал название: BLACK PANTHERS. Все это происходило в моем воображении. Я так же говорил людям, что у меня есть собака по кличке Hush Puppy[8]. На самом деле я нашел этот ботинок на мусорке и привязал на поводок. Потом шлялся по улицам Астона с пустым футляром, таскал за собой этот раздолбанный ботинок и внушал себе, что я блюзмен из Миссисипи. А прохожие считали меня конченым придурком.

Все время, не занятое мнимой группой и псом-ботинком, я тусовался со стилягами[9]. Их эпоха немного опережала мою, как-то не подходили мне их длинные плащи, ботинки-подкрадули на толстой подошве и тому подобные глупости. Но я любил музыку, которую они заказывали в музыкальных аппаратах. Несколько недель распевал всюду хит Пола и Полы «Hey Paul». Старые мелодии рулят! Потом восторгался модами: любил носить облегающие мохеровые костюмы[10]. Потом перековался в рокеры: кожаные куртки, набитые заклепками ремни[11]. И так меня носило туда-сюда. Приключений искал, делал все, лишь бы не работать на заводе.

А потом появились битлы.

Внезапно, четверка стриженых **ливерпуделей** заполонила

эфир. С последней зарплаты я купил их вторую пластинку «With the Beatles».

Когда пришёл домой, во мне все изменилось, как будто в голове зажегся свет. Я запилил эту пластинку до дыр. Волшебство гармоний Леннона и Маккартни перенесли меня из Астона в воображаемый мир «Битлз». Я не мог оторваться от этих 14 вещей, восьми оригинальных и шести кавер-версий, в том числе «Roll over Beethoven» Чака Берри. Может сейчас это прозвучит напыщенно, но тогда я почувствовал, что в моей жизни появился смысл. Снова и снова слушал эту пластинку на раздолбанной отцовской радиоле. Этот гибрид лампового приемника и старомодного граммофона выглядел как часть мебельного гарнитура и занимал почетное место в гостиной. Так же я ходил на каток «Silver Blades», там крутили «битлов». А порою даже гулял с пластинкой под мышкой, так был этим возбужден. Начал собирать все с логотипом «Битлз»: фотки, плакаты, открытки, все! Я развесил это богатство над кроватью. Братьям это не мешало, они тоже балдели от «битлов», но это меркло по сравнению с тем, как от «Битлз» балдел я.

Понятное дело, нужно было поднапрячься, чтобы купить их первый альбом «Please Please Me», а когда вышел «A Hard Day's Night», я был первым в очереди в музыкальный магазин. Благодаря битломании, мне не нужно было скрывать свое нежелание работать на заводе. Джон Леннон и Пол Маккартни тоже не хотели работать на заводе! И были похожи на меня: обыкновенные парни из рабочих семей, воспитанные в бедных районах серого промышленного города вдали от Лондона. Единственная разница заключалась в том, что они были из Ливерпуля, а я из Астона. А раз они играли в группе, то это казалось логичным, что я тоже могу попробовать. Я был на восемь лет младше Леннона и на шесть — Маккартни, а значит, у меня была уйма времени, чтобы прославиться. Другое дело, я понятия не имел, как это сделать. За исключением Тони Айомми, с которым я не виделся со школьной скамьи, не знал никого с навыками игры на музыкальных инструментах. Тогда я принялся отращивать длинные волосы и позаботился о татуировках. Так, для виду.

С волосами никаких проблем, а наколки пекли, как не знаю что.

Сперва появился кинжал на руке, потом сам научился колоть иглой, заправленной тушью. Достаточно было зацепить капельку туши на кончике иглы и вонзить её поглубже под кожу, чтоб цвет держался. Однажды в возрасте 17 лет почти целый день я провел в Саттон Парк, благополучном районе Бирмингема, результатом

прогулки была татуировка на пальцах OZZY. Когда вечером вернулся домой, я был доволен как слон. А вот папа не был так сильно рад. Увидев меня, побледнел: — Сынок, ты выглядишь как последний идиот!

В 1964 году случилось нечто невообразимое: я получил работу, которая мне нравилась. Оказалось, несмотря на то, что я был хреновым водопроводчиком, у меня не получилось настраивать автомобильные сигналы, пахать на стройке и делать многие другие идиотские вещи (за что только не выгоняли с работы!), у меня обнаружился врожденный талант к убийству животных. Говорят, что обыкновенный человек после визита на бойню становится вегетарианцем. Только не я. Хотя и научился кое-чему. Быстро узнал, что не бывает курицы в виде поджаренной ножки или маленьких коров, похожих на гамбургер. Животные — это страшно вонючие бестии. По-моему, каждый, кто ест мясо, должен хоть раз в жизни побывать на бойне и увидеть, как это выглядит на самом деле. До хера кровищи, вонищи и прочего говна. Бойня, куда я устроился, находилась в Дигбет, одном из старых районов Бирмингема. Поначалу в мои обязанности входила очистка желудков. Мне показали в углу огромную кучу овечьих желудков, которые я должен был по очереди разрезать и очищать от содержимого. В первый день я блевал напропалую и долго потом с этим мучился. Где-то месяц меня выворачивало практически каждый час, будто в животе кто-то развел костер. Временами коллеги подшучивали надо мной, например, подкидывали мне бракованный желудок старой больной овцы, непригодный к употреблению. Однажды хватаю этот желудок с «сюрпризом», а он лопается у меня в руках. Кровь вперемешку с гноем стекает по моему лицу. Все обссыкаются, блин, будто это был самый лучший прикол на Земле.

Но, в конце концов, я полюбил бойню. Привык к вони, а когда справился с очисткой желудков, меня повысили до забойщика коров.

Е-мое, что это была за работа! Скажу я вам: кто разок получил копытом от коровы, тому не нужны пояснения. Когда одна буренка заехала мне по крашенкам, я подумал, что **выплюну** левое яйцо.

Вся процедура выглядела следующим образом: пять или шесть мужиков затягивают на привязи корову на бойню. Животное входит на пандус, а тут я с пневматическим пистолетом, холостой заряд которого позволяет пробить череп коровы большим гвоздём типа круглой стамески. Это сделано для того, чтобы оглушить животное, чтобы оно не почувствовало

боли, за исключением момента, когда чёртов гвоздь вонзается ему в голову. Заковыка в том, что нужно подойти как можно ближе, чтобы выстрелить из пистолета, а если животное разозлилось, его трудно завалить с первого раза. Однако обратного пути ни у одной из противоборствующих сторон нет.

Сколько же смертельных схваток «Человек против Коровы» повидала эта бойня в Дигбет! В одного быка пришлось выстрелить пять или шесть раз, и только потом он свалился. Бля, как же он рассвирепел! В какой-то момент подумал, что это я закончу жизнь в булке с кетчупом.

После забоя коровы ей нужно было связать ноги и поддеть вверх тормашками на передвижной крюк, на котором туша попадает в разделочный цех. Там кто-то перерезает ей горло, кровь стекает в корыто и животное, в конце концов, погибает от потери крови. Однажды я подвесил корову на крюк, не догадываясь, что она еще жива. И аккурат когда буренка болталась кверху копытами, ей удалось долбануть меня копытом под зад, да так что я грохнулся мордой в корыто с кровью. Когда меня оттуда вытащили, я выглядел будто новорожденный. С одежды стекала кровь, в ботинках плескалась кровь, волосы слиплись от крови. Даже хлебнул ее чуток. Не только кровь плавала в этом корыте, в этой херовине было полным-полно неизвестных субстанций. Я так провонял, что несколько недель в автобусе рядом со мной никто не хотел сидеть.

В Дигбет я выполнял разные задания. Какое-то время специализировался в потрошении: вырезал корове желудок, загружал его в большую тачку и оставлял на ночь на пропитку. Еще я был «съемщиком каблуков», другими словами, срезал коровам копыта. Потроха — это я еще могу понять, но кто, на хер, может есть долбаные копыта? Поработал немного забойщиком свиней. Говорят же, что у свиньи съедобно все, кроме поросячьего визга, и это правда. Каждая, самая мельчайшая часть свиньи, в том или ином виде, становится продуктом. Было такое задание: взять щипцы с губками, намочить их в воде, зажать ими свиную голову, нажать кнопку на ручке и подождать, когда хрюша вырубится. И тут были сложности, но всем было по барабану.

Кореша порою прикалывались над свиньями, зверствовали по полной программе. Натурально, устраивали им Освенцим, чего только не вытворяли. Бывало, свиньи оказывались в ванне с кипятком еще до того, как их убивали током. Или живьем помещали в печь, чтобы сгорела шерсть. Сегодня я сожалею, что принимал в этом участие. Забить свинью на колбасу — это одно, но жестокости нет оправдания, даже если это делает для развлечения банда молокососов.

Человек, хоть немного поработавший на бойне, по-другому смотрит на мясо. Помню, однажды, уже после Дигбет, поехал на пикник, мы готовили стейки на гриле. С соседнего поля ко мне подошли коровы и начали обнюхивать меня, будто знали, что у меня рыло в пуху. Я почувствовал себя идиотом с этими стейками.

— Это были не ваши родственники, я здесь не при делах! — говорю им, а бурёнки не хотят уходить. Пересрали мне гриль. Это как то не по-людски, есть говядину в компании коров.

Несмотря ни на что, работа в Дигбет мне нравилась. У корешей, с которыми я работал, всегда были безбашенные идеи, и они всегда искали повод поржать. А после выполнения нормы можно было идти домой — достаточно начать с утра пораньше, чтобы в 9 или 10 часов свалить на все четыре стороны. Припоминаю, как после зарплаты в четверг мы шли прямиком в пивную. Благодаря чему я мог похвастаться своим коронным номером: подбрасывал людям в коктейли коровьи зрачки. С этой целью тырил их с бойни дюжинами. Круче всего было заприметить молоденькую и на вид впечатлительную куколку, выждать, пока она скроется в туалете, и подкинуть ей зрачок на банку с колой. По возвращении у девчонок случались припадки. Однажды, хозяин выгнал меня после того, как одна моя жертва заблевала ковер с орнаментом. Ну, я вынимаю второй бычий глаз, становлюсь на входе и вскрываю его ножом. Это вывело из строя еще двух-трех человек, а я, по понятным причинам, считал это гениальным приколом.

У бойни в Дигбет было еще одно преимущество, прямо через дорогу находился ночной клуб «Midnight City». Там крутили музыку соул, следовательно, вывалившись из паба после его закрытия, я мог танцевать в клубе до пяти утра, заряжая яйца декседрином. А оттуда направлялся прямо на бойню, что прибить еще пару коров. Так длилось до вечера воскресенья, когда я наконец-то попадал на Лодж Роуд.

Классно!

На бойне я продержался каких-то полтора года. После очистки желудков, забоя коров, потрошения внутренностей, обрезки копыт и оглушения свиней, я получил должность сборщика жира. У животного вокруг желудка есть нечто под названием сальник. Наверняка что-то в этом роде найдётся и в пузе любителя пива. Я должен был этот толстый слой жира вырезать и развесить на ночь для просушки на жердях-растяжках. Наутро все это упаковывали. Преимущественно из нее делали женскую косметику. Но перед просушкой сальник нужно было еще очистить. Там стоял чан с кипятком и трюк заключался в том,

чтобы очистить жир с помощью пара, промыть и натянуть сальник на растяжках.

А коллеги по работе, как водится, прикалывались. Когда ты наклонялся над чаном, подрезали тесемки разделочного фартука и настоящий фонтан крови, говна и хер знает чего еще обделывал тебя с ног до головы. Меня вообще раздражали эти приколы, особенно докучал один тип. Ну, значит, наклоняюсь я над чаном, тот подкрадывается сзади и обрезает мне тесемки. Оборачиваюсь и, не задумываясь, бью его по башке палкой. Я себя не контролировал, чувак. Картина была не из приятных: я ударил несколько раз, пока его лицо не залило кровью. Закончилось тем, что моего обидчика отправили в больницу.

Так закончилось моя работа на бойне.

— Пошел вон и чтоб духу твоего здесь не было! — сказал шеф.

Вот так я стал Джоном-взломщиком. Просто не мог заставить себя работать на заводе. Сама мысль о Гарри и его золотых часах и двух фунтах в неделю была для меня невыносима.

И только отсидка в Винсон Грин заставила меня усвоить этот урок. Час в этом говенном месте — это уже долго, что говорить про три месяца. Сразу на входе спросил кого-то, что имел в виду вертухай, когда говорил о моих длинных волосах и душевой. Остаток недели я умолял дать мне ножницы, так не хотел выглядеть как девчонка. По утрам, в душе, закрывал рукой яйца, а задницей подпирал стену, так меня, на фиг, застращали. А если выронил мыло, то даже не пробовал поднять его с земли. И старался не наклоняться ни на секунду.

Но я боялся не только того, что меня опустят. Там если кому-то насолил, могли и прикончить. Драки случались каждый день, а я дрался как последняя баба. Я поступил так же как в школе на Бирчфилд Роуд: заприметил в прогулочном дворике самых больших и самых отвратительных отморозков, потом кривлялся до тех пор, пока они не заржали.

Это было моим спасением.

Тюрьма изнутри выглядела такой, какой я ее себе представлял: стук закрывающихся дверей, грохот ключей, отдельные этажи для зеков разных мастей, но каждый с балконом, выходящим на главный зал. Меня держали в крыле YP для малолеток. Над нами сидели взрослые преступники, в ожидании суда или оглашения приговора. Убийцы, насильники, грабители банков — со мной чалились сливки общества какие только можно себе представить. Обалдеть, в камеру могли пронести все — пиво, сигареты, прочую хрень. Хотя самым ходовым товаром был табак,

любой. Курение помогало скоротать время, злейшего врага людей за решеткой. Даже обслюнявленные бычки там стоили целое состояние.

Время проходило за нанесением татуировок. Один тип доказал мне, что можно обойтись без нормальной иглы и туши. Шариковой ручкой нарисовал мне на руке Святого (я был фанатом этого сериала, с тех пор как он появился на телевидении в 1962 году). Потом прокалывал кожу с помощью булавки, украденной в швейной мастерской, а жидкостью для очистки противней закреплял татуировку.

После Винсон Грин нанесение рисунков на моем теле приняло серийный характер. Я наколол смайлики на коленях, чтобы поднять себе настроение во время утренних заседаний на горшке.

В тюрьме я научился дробить спички. Там это дефицитный товар, кореша начали из одной спички делать четыре. Они дробили спички булавкой. Помню, подумал: «Почему эти гениальные люди еще не стали миллионерами?»

Самое яркое воспоминание о Винсон Грин у меня связано с появлением Брэдли, известного рецидивиста-педофила, он сидел в камере этажом выше. На дверях висела огромная надпись: ИНСТРУКЦИЯ 43. Это означало круглосуточную охрану, боялись расправы со стороны других зеков. Без раздумий они бы повесили его на лампе. Но вертухаи ненавидели Брэдли так же, как и осужденные. Ведь он был арестован за 17 преступлений, связанных с растлением малолетних, в том числе собственных детей. Охранники сделали все, чтобы его жизнь стала адом. Однажды я видел, как один богатырь с татуировкой змеи на лице дубасил Брэдли, а надзиратели молчали и отворачивались. Уже после первого удара у него был сломан нос. Кровь, сопли и кусочки хрящей стекали ему в рот, а он сам выл от боли.

В тюряге меня поставили на раздаче жратвы. Зеки подходили с разделенными на секции подносами, а я раскладывал в них отвратительную жидкую бурду с горошком, или другое говнище, которое было тогда в меню. Когда приближался Брэдли, дежурный вертухай говорил мне:

— Осборн! Много ему не давай!

И я ему почти ничего не давал.

Брэдли приходил в столовку под конвоем, чтобы по пути с ним ничего не случалось, но это не всегда ему помогало. Помню, после нескольких недель вынужденной голодовки, Брэдли обратился к парню, который раздавал овсянку:

— Могу ли я попросить еще немного?

Парень на раздаче только взглянул на него, потом поглубже

запустил в котел тяжелый тюремный половник, размахнулся и ляпнул им Брэдли в рыло. Никогда не забуду этот звук. Хряп! Нос ещё не зажил после предыдущего нападения, снова был расквашен. Брэдли верещал, плакал, метался как загнанный пес, а вертухай поддал ему палкой под зад, и потребовал не задерживать очередь. Жесть!

После этого Брэдли отказался выходить из камеры. Но это породило проблему для надзирателей, которые, согласно внутреннему распорядку, должны были каждый вечер обыскать камеру, кроме того, по утрам параша должна быть вынесена, а полы вымыты. Когда начальник тюрьмы узнал о том, что Брэдли не хочет идти в столовую, поднялся кипеш. Я аккурат был на кухне. Вертухай подходит ко мне и к другому зеку:

— Ты и ты! Взять этого упыря в душ! И хорошенько его там **отдраить!**

Уж не знаю, сколько его гноили в камере, судя по состоянию трюма, не выходил он оттуда несколько дней. Ведро, которое служило парашей, было перевернуто, всюду плавало говно и моча. И сам Брэдли в был по уши в этих помоях. Мы его вытащили из камеры и занесли под ледяной душ. Потом взялись драить его щетками, которыми подметают прогулочный дворик. Морда у него была опухшей и черной, нос разбит, самого Брэдли трясло, он плакал. К концу дня, мне даже стало его жаль. А говорят, педофилы живут на зоне припеваючи. Поверьте, это не так. Поражаюсь, как Брэдли не наложил на себя руки. Может зассал, а может, не оказалось бритвы под рукой.

Под конец срока в Винсон Грин нарезаю круги в прогулочном дворике. И вдруг вижу кореша.

— Эй, Томми! — кричу я.

Томми присматривается, улыбается и подходит поближе. Чтобы согреться, машет руками и курит.

— Оззи? Черт возьми, чувак, неужто ты?

Томми работал со мной на бойне в Дигбет. Был одним из тех, кто связывал корову, в которую я стрелял из пневмопистолета. Он спрашивает меня, какой срок, я ему, мол, три месяца, но за работу на кухне и помощь с Брэдли мне должны скостить срок наполовину, до шести недель.

— За отличное поведение — говорю я. — А ты надолго сюда?

— На четыре — отвечает он и выпускает дым.

— Недели?

— Года.

— Твою так, Томми, что ты натворил? Взял королеву на гоп-стоп?

— Обчистил пару кафешек.

— Много бабла взял?

— Ни копья. Только сигареты, немного шоколадных батончиков и прочей дребедени.

— Четыре года за сигареты и шоколадки?

— Третий срок. Судья сказал, что я ничему не научился.

— Я фигею, Томми.

Вертухай свистит и приказывает нам шевелиться.

— Как нибудь свидимся, Оззи!

— Да, пока, Томми!

Мой старик поступил мудро, не заплатив за меня штраф. После увиденного в Винсон Грин, хера с два пойду сидеть. В КПЗ — еще может быть, в тюрягу — никогда.

Хотя я должен признаться, пару раз я был близок к этому.

Своим сроком не горжусь, что было, то было. Поэтому не прикидываюсь, как некоторые, мол, ничего не было. Если бы не эти шесть недель на зоне, хер его знает, во что бы я вляпался. Может, повторил бы судьбу моего друга Пата, вместе с которым воровал яблоки. Он покатился по наклонной плоскости. Связался с дурной компанией. Наркотики, я так думаю. Подробностей не знаю, никогда не расспрашивал. Когда я откинулся, наши дороги разошлись, и мне не хотелось ввязываться в темные делишки. Но как бы то ни было, я бы даже сейчас встретился с ним, выпил по стаканчику или что-нибудь в этом роде. Он не был плохим человеком. Люди любят вешать собак на других, но я считаю, что Патрик Мерфи был нормальным чуваком. Просто пару раз оступился, а потом было поздно. В конце концов, стал главным свидетелем обвинения, что означало, смягчение приговора за сдачу более крупной рыбешки. После отсидки он сменил фамилию, его переселили в Саутэнд или другой Мухосранск. Полиция охраняла его круглосуточно. А жена, не дожидаясь, пока он освободится, потребовала развода. Пат пошел в гараж, завел машину, подключил шланг для полива огорода к выхлопной трубе, а другой конец запустил в салон и подождал пока СО не сделает свое дело. Было ему немного за тридцать. Когда я узнал эту новость, позвонил его сестре Мэри. Спросил, а не был ли он бухой, когда это сделал. Она ответила, что никаких следов алкоголя не нашли. А значит, Пат сделал это в трезвом уме, хладнокровно.

Я откинулся посреди зимы 1969 года. Ёлы-палы, чувак, какой был дубарь! Вертухаи мне сочувствовали и я получил от них старое, пропахшее нафталином пальто. На столе появился пакетик с моими вещами (кошелек, ключи, сигареты). Помню, тогда подумал: «А каково это получить вещи обратно через

тридцать лет, будто машина времени перенесла меня в другое измерение?» После того, как формальности были улажены, сперва открылись двери, потом ворота с колючкой, и я мог выйти на улицу.

Теперь — я свободный человек, прошедший тюрьму, к тому же никто не трахнул меня в задницу и даже не избил.

Так почему же я был так подавлен, черт побери?

2. Оззи Зиг ищет группу

Тук-тук.

Просунув голову между занавесок в гостиной, вижу усатого парня с большим носом и длинными волосами. Стоит на ступеньках у дверей эдакий гибрид Гая Фокса[12] и Иисуса из Назарета.

И на нем были?.. Да, твою мать, на нем были вельветовые брюки!

— Джон! Глянь, кто там!

Моя мама, если уж крикнула, то могла разбудить полкладбища в Астоне. С тех пор, как я вышел из тюряги, она без устали компостировала мне мозги. Каждые две секунды неслось: «Джон, сделай то! Джон, сделай это!» Ну не хотел я бежать к дверям с низкого старта. Сперва должен был привести в порядок свои мысли и взять себя в руки. По-видимому, у парня было серьезное дело. А вдруг что-то важное?

Тук-тук.

— Черт возьми, Джон Осборн, ты откроешь?!

— Иду, иду! — протопав через прихожую, я кручу замок входных дверей и открываю их.

— А это ты, Оззи Зиг? — отзывается Гай Фокс с сильным бирмингемским акцентом.

— А кто спрашивает? — интересуюсь я, сложив на груди руки.

— Терри Батлер. Видел твое объявление.

Именно это я и надеялся от него услышать. Как я ждал этих слов! Как мечтал об этой минуте! Она являлась мне во сне и фантазиях. Сидя на горшке, я составлял в уме целые диалоги. «Однажды — думал я — люди прочитают в газетах статью о моем объявлении в «Ringway Music», а в статье будет написано, что эта объява стала отправной точкой в жизни Джона Майкла Осборна, бывшего настройщика автомобильных сигналов. «Скажите, мистер Осборн, — спросит меня Робин Дэй в эфире Би Би Си — будучи мальчишкой в Астоне, могли вы предположить, что с помощью обыкновенного объявления в витрине музыкального магазина вы станете пятым участником «Битлз», а ваша сестра Айрис выйдет замуж за Пола Маккартни? А я ему отвечу: «Да ни за что на свете, Робин, никогда.»

Объявление, в натуре, было офигенным. «ОЗЗИ ЗИГ ИЩЕТ ГРУППУ» — написал я фломастером заглавными буквами. А внизу дописал: «Опытный фронтмен с собственной аппаратурой». Указал так же адрес (Лодж Роуд, 14), где меня можно было

застать в рабочие дни с шести до девяти вечера. Правда, я мог зависать в пабе, в надежде выпить на халяву. Или пропадать на катке «Silver Blades». Или где-нибудь еще.

В то время у нас еще не было телефона.

Даже не спрашивайте, откуда взялся этот «Зиг» в моем прозвище. Я просто его выдумал. После того как откинулся из тюряги, я постоянно ломал голову как бы раскрутиться в роли вокалиста. Шансы оценивались как один к миллиону (при хорошем раскладе), но я был готов на все, только бы не повторить судьбу Гарри и его золотых часов. Кроме того, такие группы как «Move», «Traffic», «Moody Blues» доказали, что можно добиться успеха, не будучи жителем Ливерпуля. Считалось, что brumbeat — это вторая сила после merseybeat'a[13]. Как хотите, бля, так и понимайте.

Не буду прикидываться, что помню каждое слово разговора со странным парнем в вельветовых штанах, но все могло быть примерно так:

— А что, у нас намечается концерт, Теренс?

— Кореша называют меня «Geezer».

— Geezer? То есть хрыч?

— Ну, да.

— Прикалываешься?

— Нет.

— То есть хрыч, как в предложении «Этот старый вонючий хрыч только что насрал в штаны»?

— Это очень смешная шутка для кого-то по прозвищу Оззи Зиг. А что это за отстойный пушок на твоей голове, чувак? Попал под газонокосилку? В таком виде тебе на сцену нельзя.

И правда, я оболванился во время очередного приступа поклонения модам, но сейчас вновь хотел стать рокером и отращивал длинные волосы. Делал это осознанно, скажу я вам, поэтому мне не понравилось то, что Гизер пристал к моим волосам. Я хотел было отпустить какую-то колкость по поводу его шнобеля, но сдержался:

— Ну, так что? Найдется для меня место в группе или нет?

— Слышал о «Rare Breed»?

— Конечно! Это у вас стробоскопы и хипарь на бонгах или что-то в этом роде, не так ли?

— Да, это мы. Только мы остались без вокалиста.

— Вот оно что!

— В объяве написано, что у тебя есть усилок, — говорит Гизер, не заводя рака за камень.

— Ну, есть.

— Ты пел когда-нибудь в группе?

— Ясный, бля, красный. Пел.

— Считай, ты принят.

* * *

Так я познакомился с Гизером.

Во всяком случае, я так это запомнил. Я был тогда страшным задирой. В основном из-за того, что чувствовал себя загнанным в угол. Был также очень нервным: многие вещи, которые раньше мне были по барабану, вдруг стали меня раздражать. Как это так, я живу до сих пор с родителями на Лодж Роуд! Как это так, у меня постоянно нет денег! Как это так, до сих пор не играю в группе!

Весь этот хипповый хлам, который передавали по радио, когда я вышел из Винсон Грин, тоже мне действовал на нервы, и еще как! Придурки в водолазках ломились после школы в магазин и покупали синглы типа «San Francisco (Be Sure To Wear Some Flowers In Your Hair.)»[14]. Цветы в волосах? Я вас умоляю!

Это дерьмо даже начали играть в пабах Астона. Сидишь себе в завшивленной забегаловке с пожелтевшими стенами, перед тобой стоит бокал, сигареты и маринованные яйца, каждые пять минут летишь в тубзик, все поддатые, без денег, к тому же смертельно отравлены асбестом или другой токсичной херней, которую вдыхали каждый день на работе. И вдруг слышишь хипповую хрень о «благородных людях», которые ходят на встречи детей цветов в Хайт — Эшбери, где бы это долбанное Хайт-Эшбери не находилось![15].

В общем, всем было глубоко пофигу, что там творится в Сан-Франциско. А в Астоне человек мог увидеть цветы только в виде венков, которые бросали на его могилу, после того как он загнулся у станка в возрасте 53 лет.

Ну не переваривал я этот хипповский бред!

Чувак, я его в натуре ненавидел.

Однажды в пабе дошло до драки, когда звучали подобные песни. Какой-то тип зажимает мою шею одной рукой, а другой пытается выбить мне зубы. И тут музыкальный аппарат заиграл сраную «Kumbaya» с колокольчиками, где какой-то педик соловьем заливается о «чудных вибрациях» таким голосом, будто его хозяйство зажали в тисках. А в это время, типок, который хочет меня убить, вытащил меня на улицу и лупит по морде. Чувствую, глаз распухает, кровь течет из носу, я пытаюсь уйти от удара, бью ублюдка в ответ, только бы тот от меня отцепился, а вокруг верещат зеваки: «Добей его! Добей его!» И вдруг — хрясь!!!

Открываю глаза и вижу следующую картину: я лежу в полубессознательном состоянии на куче битого стекла, руки и ноги нещадно искромсаны, джинсы и свитер — в клочья, везде крик, полно кровищи. Во время драки мы потеряли равновесие и упали спиной на стеклянную витрину. Боль была адской. Возле меня лежала отрубленная голова, я чуть не наложил в штаны. К счастью, это была не настоящая голова, только часть манекена. Послышались звуки сирены. И все, конец фильма.

Почти всю ночь я провел в больнице, где мне наложили швы. Стеклом содрал столько кожи, что одна татуировка была срезана наполовину, врачи сказали, что шрамы на голове останутся на всю жизнь. Я подумал, что это чепуха, главное — не облысеть. Помню, возвращаюсь домой на автобусе, напеваю мотивчик «San Francisco» и вдруг мне приходит в голову мысль, а неплохо было бы написать свою анти-хипповую песню «Aston (Be Sure To Wear Some Glass In Your Face)»[16].

Самое смешное — я никогда не умел хорошо драться. Мой девиз: лучше живой трус, чем мертвый герой. Но, по каким-то причинам, в юности я постоянно участвовал в каких-то разборках. Думаю, вид у меня был такой, располагающий к драке. Мой последний большой бой состоялся в другом пабе, недалеко от Дигбет.

Понятия не имею, с чего все началось, помню только, что уже летали стаканы, пепельницы и стулья. Я был уже поддатый, когда какой-то парень падает на меня спиной, бесцеремонно отталкиваю его в другую сторону. Но он поднимается с полу. Краснея, говорит мне:

— Паря, ты чё, рамсы попутал?

— Чё-чё? — включаю я дурака.

— Слышь, со мной этот номер не пройдет.

— А как насчет такого номера?

Ну и пробую ему зарядить в рыло. В общем, логичное решение, хотя всего я предвидеть не мог. Во-первых, того, что уже упаду, едва замахнувшись. Вдобавок, я нарвался на фараона после службы. В мгновение ока лежу мордой в пол и слышу над собой голос:

— Ты только что совершил нападение на офицера полиции! Ты арестован, сучонок!

Заслышав это, вскакиваю и пробую смыться. Но «мусор» бежит за мной и в регбийном прыжке настигает меня, я падаю на тротуар как куль с говном. Через неделю стою в суде с распухшей губой и фингалом под глазом. К счастью, штраф составил всего несколько фунтов, которые мне удалось наскрести. Но я задался вопросом: **а чё я забыл в тюряге?**

После этого случая я завязал с боксом.

Мой батяня, прослышав о том, что я хочу петь в группе, пообещал мне купить аппаратуру. До сих пор не знаю почему. Нам едва хватало на пропитание, что тут говорить о 250 фунтах займа на усилитель и две колонки. Но если в те времена у тебя не было собственного аппарата, какой же из тебя певец. Это как барабанщик без установки. Даже батя это знал. Взял меня с собой в музыкальный магазин Джорджа Клея возле ночного клуба «Rum Runner» в Бирмингеме, где мы вместе выбрали 50-ваттный «VOX». Надеюсь, папа догадывался, как я ему благодарен. Хотя он на дух не переносил той музыки, которую я слушал целыми днями. Говорит мне:

— Послушай, что я тебе скажу об этих «битлах», сынок! Они не протянут и пяти минут. Нет здесь никакой мелодии. Воют так, что в пабе никто петь их не будет.

Он меня добил. Это «Битлз» поют без мелодии? А «Taxman»? А «When I'm Sixty Four»? Нужно быть глухим, чтобы не оценить этих мелодий.

Я не понимал, что ему не нравится, но спорить не собирался. Особенно, после того, когда батя отстегнул 250 фунтов.

С тех пор как прошел слух, что я обзавелся собственным аппаратом, вокруг меня крутилось до хрена народу. Первой группой, от которой поступило приглашение, называлась «Music Machine», где заправилой был Микки Бриз.

Слово «амбиции» — это было не про нас. Пределом наших мечтаний было играть в пабах и получать деньги на пиво. Заминка была в том, чтобы сыграть, нужно уметь играть. А нам некогда было учиться, все время просиживали в пабе за разговорами о том, как однажды начнем играть в пивных за деньги. Если не ошибаюсь, не состоялось ни одного концерта «Music Machine».

Через несколько месяцев застоя мы, наконец, что-то сделали: сменили название. «Music Machine» осталось в прошлом, теперь мы назывались «The Approach». Кроме того, мало что изменилось. Поначалу бесконечно долго настраивали инструменты, а потом я пел писклявым голосом, в то время как другие пытались припомнить аккорды какого-то безнадежного кавера. Я шутил тогда, что работа на бойне мне на что-то сгодилась, могу классно запороть вещи вроде «(Sittin' On) The Dock Of The Bay». Между нами: я уже мог правильно интонировать, а когда переходил на высокие ноты, стекла не лопались и местные коты не хотели со мной спариваться. А это было уже кое-что. Впрочем, недостатки техники компенсировал энтузиазмом. Глупости родом из «бурсы»

на Бирчфилд Роуд придали мне уверенности в том, что я могу раскачать публику. Но при условии, что будут выступления. В то же время, парни из «The Approach» с трудом собирались на репетиции, что уж говорить о концертах.

Вот почему я повесил свое объявление в витрине «Ringway Music». Магазин находился в ультрасовременном гипермаркете «Bull Ring», недавно открывшемся в центре Бирмингема. С самого начала этот торговый центр был у всех как бельмо на глазу. Попасть туда можно было только через подземные переходы, где воняло мочой и было полно бандитов, дилеров и прочего жулья.

Но кому до этого было дело. «Bull Ring» стал новым местом встреч старых друзей, значит — все ходили туда.

А самым центровым» местом был музыкальный магазин «Ringway Music», где торговали примерно тем же, чем и у Джорджа Клея. Все с виду крутые подростки тусовались у входа: курили сигареты, ели чипсы, обсуждали последние пластинки. «А значит, достаточно влиться в это движение, и все завертится» — подумал я. Поэтому написал объявление. А через несколько недель, ясное дело, ко мне пришел Гизер.

Этот Гизер был вовсе не таким простым парнем, как вы могли подумать. Во-первых, не сквернословил. Часами просиживал за книжками о китайской поэзии, читал о войнах древних греков и тому подобные, чертовски серьезные вещи. И не ел мяса. При мне попробовал его только раз, когда мы застряли в Бельгии и подыхали от голода. А на следующий день после хот-дога был в больнице. Ну, не лезло в него это мясо, а значит, старые добрые бутерброды с беконом были, скорее, не для него. Когда я с ним познакомился, он курил до херища травки. Когда мы приходили, скажем, в клуб, он сразу начинал наваливать о червоточинах в вибрации сознания и тому подобной бредятине. И что-то у него было не так с чувством юмора. Я всегда при нем кривлялся, испытывая на прочность его самообладание и нежелание смеяться, это меня распаляло еще больше и мы могли ржать часами.

Гизер играл на ритм-гитаре в «Rare Breed» и выходило это у него весьма недурственно. Самое главное — он отлично вписывался в движняк со своим хаером а ля Христос и усиками Гая Фокса. Он мог позволить себе обалденные шмотки, этот Гизер. Окончив школу, получил настоящую работу стажера-бухгалтера на заводе. Платили там жалкие гроши, но и так он получал больше меня, несмотря на то, что был на год младше. И практически все спускал на тряпки.

Если говорить о моде, для стиляги-Гизера не существовало понятия экстрима в одежде. На репетиции он приходил в желто-

зеленых клешах и ботинках на серебряной платформе. Глядя на него, я спрашивал:

— Какого хрена ты это напялил?

По секрету скажу, я и сам в вопросах одежды не был консерватором. Рубахой мне служил верх от пижамы, а вместо ожерелья носил на шее бечевку с водопроводным краном от горячей воды. Говорю же вам, нужно было пофантазировать, чтобы выглядеть без денег как рок-звезда! Я должен был пораскинуть мозгами. И никогда не носил ботинок, даже зимой. Всякие разные спрашивали, из какой «Бурды» я черпаю вдохновение для своей одежды. А я им в ответ, я голодранец и никогда, бля, не моюсь.

Люди думали, что я сбежал с дурки. А глядя на Гизера, сразу же думали: «Держу пари, этот играет в группе». У него для этого было все. Парень был суперинтеллигентный, наверняка, мог бы открыть собственную фирму с табличкой на двери «Geezer Geezer Ltd». Но самое большое впечатление на меня произвели его тексты. Они были, в натуре, офигенными: впечатляющие тексты о войнах, супергероях, о черной магии и вообще о таких вещах, что в голове не помещалось. Когда впервые он мне их показал, я предложил:

— Гизер, мы должны писать свои песни и использовать твои тексты. Они классные!

Мы скорешились, я и Гизер. Никогда не забуду, как однажды весной или в начале лета 1968 года шатаемся по «Bull Ring», и тут, откуда не возьмись, перед нами вырастает патлатый блондин в невообразимо облегающих штанах и хлопает Гизера по плечу:

— Ёрш твой клеш, Гизер Батлер!

Тот поворачивается и говорит:

— Роб! Как дела, старина?

— Э, ну знаешь. Могло быть и хуже.

— Роб, познакомься, это Оззи Зиг. Оззи, это Роберт Плант. Пел когда-то в «Band Of Joy».

— Как же — говорю, узнавая лицо. — Видел тебя на каком-то концерте. Вокал зашибись, старичок.

— Спасибо — Плант ослепляет нас своей очаровательной, во весь рот, улыбкой.

— Хорошо. Чем занят сейчас? — интересуется Гизер.

— Хм, раз об этом спросил, я получил работу.

— Клево. В какой группе?

— «The Yardbirds».

— Ого! Поздравляю, старина! Это уже что-то. А они часом не распались?

— Да, но Джимми, помнишь гитариста Джимми Пэйджа,

хочет продолжать, и басист тоже. У них есть контракты на выступления в Скандинавии, еще не время разбегаться.

— Ну и классно! — говорит Гизер.

— Хм. Правда я еще не определился подписаться мне на это или нет, — Плант пожимает плечами — Знаешь, у меня тут кое-что наклевывается: собрал свою команду.

— О! Клево! — спрашивает Гизер — Как называетесь?

— «Hobbstweedle».

Позже, когда Плант удалился, спрашиваю у Гизера, мол, паренек совсем без башни:

— Он что, в натуре, хочет похерить группу с Джимми Пэйджем ради какой-то «Хоббсхрени»?

Гизер пожимает плечами.

— Ну, может, он побаивается, что из этого ничего не выйдет. Но присоединится к ним, если сменят название. Под вывеской «The New Yardbirds» долго они не продержатся.

— Во всяком случае, это звучит лучше, чем этот долбаный «Hobbstweedle».

— Что правда, то правда.

В обществе Гизера неоднократно попадались нам такие люди как Роберт Плант. Мне казалось, что Гизер знает всех. Он крутился среди клевых парней, ходил на классные вечеринки, употреблял правильные наркотики, водил дружбу с людьми, которые что-то значат. Я радовался тому, что принимаю в этом участие и привыкал к новой жизни. Нас тяготило только одно: наша группа «Rare Breed» была полным отстоем. По сравнению с нами, «Hobbstweedle» играли как «The Who». Когда я пришел в группу, говорилось, что «мы экспериментируем». У нас был улётный сценический реквизит и огни стробоскопов, как будто мы хотели стать вторыми «Пинк Флойдами». Очевидно, в этом не было ничего плохого — позже охотно делал себе химическую промывку мозгов под «Interstellar Overdrive» — но мы играли в другой лиге. «Pink Floyd» выступали для богатеньких деток из колледжа, а мы, бля, были их полной противоположностью. Во всяком случае, «Rare Breed» топталась на месте, о чем догадывались и я, и Гизер. Каждая репетиция — это бесконечный спор, в каком месте должно быть соло на бонгах. Хуже всего было то, что с нами играл типок по прозвищу «Кирпич», который косил под хиппаря из Сан-Франциско.

— «Кирпич» — мудак! — говорю я Гизеру.

— Ты чего? Он парень в поряде.

— Нет, «Кирпич» — мудак!

— Расслабься, Оззи.

— Гнать на хуй этого «Кирпича»!

И так далее.

С остальными участниками группы у меня не было никаких трений. Но как только на сцене появлялся «Кирпич», меня переклинивало. Было ясно, что дальше так продолжаться не может. В конце концов, даже Гизер начал выходить из себя.

Единственное выступление, которое я запомнил с тех пор, вроде как с «Rare Breed», хотя могли играть и под другим названием и с другими людьми (составы менялись ежеминутно), состоялось на Рождество в пожарной части Бирмингема. Среди зрителей было двое пожарных, одно ведро и лестницы. Мы заработали на шестерых полпива с лимонадом. Однако то выступление имело для меня особое значение, впервые я ощутил на себе боязнь сцены. Ох, ё-моё, как я тогда срал в штаны! Сказать, что я нервничал перед концертом это все равно, что сказать, если рванет атомная бомба, то будет немного больно. Когда выходил на сцену, меня хватал долбаный паралич. Пот льется, во рту сушняк, как на мормонской свадьбе, ноги ватные, сердце херачит, руки трясутся — полный комплект. В натуре, думал, что обоссусь. Никогда в жизни этого не чувствовал. Чуть раньше, припоминаю, осушил бокальчик, чтобы немного остыть. Не помогло. Выпил бы и двадцать, если бы деньги были. Закончилось все тем, что я прохрипел несколько вещей, пока не навернулся динамик и мы оттуда свалили на хер. Папане об этом ничего не сказал, только снял рабочий динамик с радиолы, а туда поставил сгоревший.

Пообещал себе, что куплю ему динамик, как только найду нормальную работу. И мне пришлось бы ее найти, потому что, судя по концерту в пожарной части, на музыкальном поприще я вряд ли чего-либо добьюсь. А несколько дней спустя решил навсегда завязать с вокалом. Помню разговор с Гизером в пабе.

— Хватит с меня, чувак, это пустая трата времени.

Гизер морщит лоб и разминает пальцы. А потом говорит приглушенным голосом:

— На работе предложили повышение. Буду третьим в бухгалтерии.

— Так значит все ясно, так ведь?

— Скажем так.

Допили пиво, пожали руки и разошлись в разные стороны.

— Пока, Гизер.

— Держись, Оззи Зиг.

Тук-тук.

Открываю штору в гостиной и вижу на ступеньках странного

длинноволосого парня с усами. Это что же, на фиг, дежа вю? Но нет. Несмотря на волосы и усы, это не Гизер. Выглядит скорее как бомжара. Рядом стоит еще один тип. Тоже с длинными волосами, над верхней губой усы размера кинг сайз. Чуть повыше и немного мне напоминает. Нет, это невозможно. Это не он. За ними во дворе стоит старый голубой «коммер» с большой ржавой дырой в крыле и едва различимой надписью на боку: «MYTHOLOGY».

— Джон! Ты откроешь дверь?!

— Иду, иду!

Со времени моего ухода из «Rare Breed» прошло несколько месяцев. Мне стукнул двадцатник и я оставил всякую надежду на то, что когда-нибудь стану певцом или вырвусь из Астона. Ну, есть у меня аппарат. Что с того? Ничего у меня не выйдет! Я убеждал себя в том, что нет смысла пробовать, все провалю — так же как провалил школу, работу, все, за что брался.

«Хорошенький из тебя певец! — повторял я себе — Да и на инструментах играть не умеешь. На что ты рассчитывал, парень?» Дом под номером 14 на Лодж Роуд превратился в Безнадёга-Сити. Я даже поговорил с мамой на предмет моего возвращения на завод «Лукас». Она должна была сказать, что из этого получится. Хозяина «Ringway Music» я попросил снять мое объявление. Оззи Зиг — что за дебильная кличка! Тут Гизер был прав. Поэтому я удивился, когда в девять вечера во вторник передо мной стояли два патлатых типа. Кореша Гизера? Что у них общего с «Rare Breed»? Ерунда какая-то!

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук-тук-тук.

Открываю дверь. Неловкая пауза. В конце концов, тот, что пониже и бомжеватого вида, спрашивает:

— Это ты, Оззи Зиг?

Не успел я ответить, как тот, что повыше наклонился и посмотрел на меня внимательно. Я мгновенно его узнал и остолбенел. Он тоже узнал меня и прорычал со злобой в голосе:

— А, твою так. Это ты.

Глазам своим не верю. На пороге стоит Тони Айомми, красавчик из школы на Бирчфилд Роуд, на год старше меня — тот самый, который принес на Рождество в школу электрогитару и наделал столько шума, что учителя озверели. Не видел его пять лет, но немного слышал о нем. По окончании школы он стал в Астоне человеком-легендой, все дети его знали, и если хотели играть в группе, то только вместе с Тони. Увы, он был обо мне иного мнения.

— Пойдем, Билл! — говорит Тони бомжеватому. — Потеря времени, да и только.

— Подожди-ка! — отвечает Билл. — Что это за тип?

— Вот что я тебе скажу: никакой он не Оззи Зиг и никакой он не певец. Этого идиота зовут Оззи Осборн. Валим отсюда!

— Подождите минутку — встряю я в их разговор. — Откуда вы знаете этот адрес? Откуда слышали про Оззи Зига?

— «Оззи Зиг ищет группу» — говорит Билл и пожимает плечами.

— Я же сказал им снять это чертово объявление еще несколько месяцев назад!

— Ну, иди, поговори с ними, еще сегодня там висело.

— В «Ringway Music»?

— На витрине.

Прикидываюсь равнодушнным.

— Тони! — говорит Билл. — Может, дадим ему шанс? Мне кажется он парень нормальный.

— Шанс?! Ему?! — у Тони лопается терпение. — В школе он был клоуном. Я не буду играть в группе с долбаным кретином!

Ничего умного мне в голову не приходит, я стою, опустив голову.

— Бедные не выбирают, Тони — прошептал Билл. — В противном случае нас бы здесь не было, правда?

Но Тони только фыркнул и пошел к фургону. Билл качает головой, будто хочет сказать: «Прости, старик, тут уже ничего не поделаешь». Так бы все и закончилось, если бы что-то не бросилось мне в глаза: правая рука Тони. Наверняка, пострадала в несчастном случае.

— Е-мое, Тони! Что с твоими пальцами, чувак?

Оказалось, что не только меня выбрасывали с работы как мусор, с тех пор как в возрасте 15 лет я распрощался со школой. Когда я травился испарениями на обезжиривающей установке и портил себе слух на настройке автомобильных сигналов, Тони познавал таинство обработки металла — был учеником слесаря. Позже он мне рассказывал, что его наука сводилась к обучению электросварке.

А электросварка — это исключительная опасная хрень. Самой большой опасностью является ультрафиолетовое излучение, которое может прожечь кожу или глаза. Можно умереть от удара током или отравиться антикоррозионной хренотенью, которой обрабатывают металлические листы. Во всяком случае, днем Тони занимался сваркой, а по вечерам в поисках удачи объезжал клубы с группой «Rocking Chevrolets». Он был талантлив, а оттого, что постоянно шлифовал номера Чака Берри, Бо Диддли и Эдди Кокрена, начал шпарить, как сукин сын. В конце концов, его заметил какой-то агент и предложил ему профессиональное выступление в Германии. Тони решил бросить работу на заводе.

Подумал, вот она, удача.

А тут-облом.

В последний день ему поручили заменить парня, который не вышел на работу. Стальной лист перед сваркой нужно спрессовать и нарезать — именно это и должен был делать Тони. До сих пор не знаю точно, что там случилось: то ли Тони слабо знал прессовочный станок, то ли он был поломан, а может что-то другое. Во всяком случае, этот огромный блядский металлический пресс отрубил ему подушечки двух пальцев правой руки: среднего и безымянного. Тони был левшой и этими пальцами брал аккорды. Даже сегодня меня пробирает дрожь от одной только мысли об этом. Представьте себе, как это должно было ужасно выглядеть: полно крови, крики, люди в спешке ищут на полу подушечки пальцев. А в больнице Тони сказали, что он никогда не сможет играть. В течение нескольких месяцев он посетил многих специалистов, но все твердили одно: «Выкини из головы рок-н-ролл, сынок! Забудь, найди себе другое занятие!» Бедняга, наверняка подумывал «сливать воду». Это было для него так же страшно, как для меня простреленное горло.

После случившегося Тони надолго погрузился в страшную депрессию, хорошо хоть по утрам вставал с кровати. Но однажды его старый наставник с завода принес пластинку бельгийского цыгана Джанго Райнхарда, джазового гитариста, который лабал солешники, хотя аккорды мог брать только двумя пальцами, остальные были обожжены.

Тогда Тони подумал: «Ну, раз у старика Джанго получилось, выйдет и у меня».

Сначала пробовал играть правой рукой, но ничего из этого не вышло. Вернулся к левой и начал брать аккорды двумя пальцами, но это его не устраивало. Наконец, он придумал, что нужно сделать. Расплавил пластиковую бутылку из-под «Фэйри» и сделал два наперстка на поврежденные пальцы. Отшлифовал их, пока те не приобрели форму и размер кончиков пальцев. Позже приклеил поверх маленькие кожаные чехольчики, чтобы было удобно прижимать струны. Ослабил натяжение струн, благодаря чему не нужно было их сильно прижимать.

С тех пор он начал учиться играть с нуля, хотя чувства в пальцах не было. До сих пор понятия не имею, как ему это удалось. Куда бы не собирался, Тони берет с собой пакет с наперстками и кожаными чехольчиками собственного изготовления; паяльник всегда под рукой, на случай если нужно что-то подправить. Если говорить о технике игры, меня поражала его целеустремленность. Поэтому у меня к Тони Айомми — огромный респект и уважуха. Кроме того, считаю, что тот случай

удивительным образом помог ему; когда он научился играть заново, то создал свой собственный неповторимый стиль, который никто не смог скопировать. Черт возьми, а ведь пробовали многие!

После того происшествия Тони связался с группой «Rest», но без особого энтузиазма. Он думал, что вся шумиха по поводу «бирмингемской волны» — это чепуха и хотел свалить. Поэтому когда группа «Mythology» предложила ему прослушивание в Карлайле, его как ветром сдуло. Даже вокалиста из «Rest» с собой прихватил. Когда типы из «Mythology» увидели этот дуэт в действии, накинулись на них как коршуны. Через несколько месяцев из группы ушел барабанщик. Тони позвонил в Астон своему старому знакомому Биллу Уорду, а того не нужно было долго уговаривать.

Я никогда не был на концерте «Mythology», но слышал, что повсюду, где они выступали, публика была в восторге. У них было грязное, тягучее блюзовое звучание, они играли каверы таких групп как «Buffalo Springfield», «The Jimi Hendrix Expirience» или «John Mayall The Bluesbreakers», где новым гитаристом тогда был Эрик Клэптон. Клэптон недавно ушел из «The Yardbirds», благодаря чему смог пробиться Джимми Пэйдж. Это была классическая эра рок-н-ролла и у «Mythology» все шло офигенно. Выступая в переполненных залах на разогреве у таких гигантов как Гэри Уокер из Walker Brothers, группа быстро приобрела толпы верных фанов в графстве Камберлэнд. А позже начались проблемы с законом, что случалось с каждым, кто носил длинные волосы, усы и облегающие кожаные штаны. Я слышал, что в первый раз они спалились на том, что вместо того, чтобы заплатить дорожный сбор и получить настоящий талон, прилепили на лобовое стекло своего фургона наклейку с бутылки «Newcastle Brown Ale». В следующий раз все было серьезней и это их добило. Полиция закрыла их дилера, студента из Лидса, и со списком его клиентуры и ордером на обыск, устроила налет на штаб-квартиру «Mythology» в Комптон Хаус в Карлайле. Плохи были дела, ребята!

Все четверо участников группы попали за решетку за хранение марихуаны. Сегодня из подобных случаев не раздувают скандала, но в те времена это был просто капец. Речь вовсе не о наказании, потому что они признали вину и должны были уплатить по 15 фунтов штрафа, но клеймо преступников осталось. Никто не хотел якшаться с людьми, которые спалились на наркотиках, таких считали отстоем. Более того, никто не хотел иметь проблем с законом, особенно, если на кону стояла лицензия и ее можно было лишиться. К лету 1968 года заработки

от концертов «Mythology» истощились настолько, что ребята практически остались без копья. На жратву не хватало! Перед Биллом и Тони стал выбор: забросить профессиональную музыку и подыскать нормальную работу в Карлайле, как планировали их товарищи по группе, или свалить назад в Астон, пожить немного с родителями и спасать карьеру. Выбрали Астон, и так они оказались на пороге моего дома.

Хоть убей, не помню, что я сказал Тони возле дома в тот вечер, но он передумал и решил дать мне шанс. Наверняка, повелся на мой аппарат. А может, понял, что мы уже пять лет как окончили школу и за это время оба повзрослели? Ну, может я и не слишком повзрослел, но, по крайней мере, знал, что не хочу вернуться ни в тюрьму, ни на завод. Думаю, Тони чувствовал то же самое, после неприятностей с наркотиками и происшествия с прессом. И, несмотря на то, что его родители были обеспеченными людьми — у них был собственный магазинчик на углу Парк Лэйн — Тони покинул школу на Бирчфилд Роуд с призрачными перспективами на будущее. Как и я.

Без музыки нам — капут!

Да и Билл подписался за меня. Милейший парень, этот Билл. Фантастический барабанщик, в чем я вскоре убедился, но также рассудительный и уравновешенный человек. Достаточно посмотреть на его одежду. В плане моды он был противоположностью, анти-Гизером. Кто-то со стороны мог подумать, что этот тип проживает в картонной коробке на обочине трассы М6. И за все годы нашего знакомства он абсолютно не изменился. Несколько лет спустя я впервые летел на «Конкорде» с Биллом. Он опаздывал, а я сидел в салоне самолета и ломал голову, где его, на хер, носит. В конце концов, является в отстойном плаще и двумя пакетами из «Tesco».[17], наполненными банками с сидром.

Смотрю на него и говорю:

— Но ты же знаешь, Билл, на борту «Конкорда» подают бесплатные напитки! Не нужно таскать за собой сидр из «Tesco»!

А он мне:

— А, не хочу их напрягать!

В этом весь Билл Уорд.

После того, как Тони немного смягчился, мы влезли в фургон и просидели там до утра. Курили, рассказывали истории о тюрьме и Карлайле, облавах на наркоманов и обрезанных пальцах, учителе мистере Джонсе, забое коров пневмопистолетом и последних блюзовых пластинках. А затем начали строить наполеоновские планы.

— Прежде всего — говорит Тони — нам нужен басист и

название.

— Басистов не знаю, — отвечаю я — но знаю одного малого по имени Гизер, который играет на ритм-гитаре.

Тони и Билл переглядываются, потом смотрят на меня.

— Гизер Батлер? — спрашивают в один голос.

— Да!

— Это псих! — говорит Билл. — Когда я его видел в последний раз, он куролесил в «Midnight City».

— Это потому, что Гизер возомнил себя рок-звездой — сказал я. — Но это и к лучшему. И он не ест мяса, значит, гастроли нам обойдутся дешевле. А еще он — квалифицированный бухгалтер.

— Оззи прав — кивает Тони. — Гизер — славный малый.

— Загляну к нему завтра и узнаю, не окажет ли он нам честь — говорю я. — Ему понадобится какое-то время, чтобы научиться играть на басу, но разве это сложно, а? Четыре долбаных струны и всего-то делов.

— А что с названием? — спрашивает Тони.

Смотрим друг на друга.

— Берем пару дней на размышления — предлагаю я. — Не знаю как у вас, а у меня есть укромное местечко, где я ищу вдохновения в трудную минуту. Оно меня никогда не подводило.

Спустя два дня объявляю:

— Есть!

— Ты имеешь в виду ту левую телку, которую чпокнул вчера ночью! — шутит Гизер. — Ну и как? Твоя морковка не позеленела?

Тони и Билл ржут над тарелками с яйцами с картошкой. Сидим в какой-то тошниловке в Астоне. Пока у нас всё пучком.

— Очень смешно, Гизер — махнул я вилкой с кусочком яйца. — Я имею в виду название группы.

Ржанье стихло.

— Валяй! — подбадривает меня Тони.

— Так вот. Сижу это я вчера на толчке и…

— Это твое укромное место, да? — у Билла изо рта летят пережеванные кусочки яйца и кетчуп «Heinz».

— Бля, а ты думал где? В висячих садах долбаного Вавилона? Ну, значит, сижу я на горшке, потихоньку запускаю крота в санфаянс…

Гизер застонал.

— …и смотрю на полку прямо перед собой. Мама поставила там жестяную банку с тальком, понимаете, о чем я? Любит она подобные вещи. Захожу в тубзик после того, как она приняла ванну, а там все сияет как в пещере Санта-Клауса. Во всяком случае, это дешевый говённый тальк, такой в банке в черно-белый

горошек.

— «Polka Tulk»[18] — говорит Тони.

— Вот именно! «Polka Tulk»! — я смотрю то на одного, то на другого и скалю зубы. — Ну как, зашибись?

— Не догоняю — откликается Билл с набитым ртом. — Что общего у нашей группы со старыми вонючими подмышками твоей мамы?

— «Polka Tulk Blues Band» — провозглашаю я. — Так будем называться! За столом стало так тихо, что можно было услышать как выходит пар из четырех чашек чая.

— У кого-нибудь есть идеи получше? — спросил Тони.

Тишина.

— Тогда решено! — сказал он. — Мы называемся «Polka Tulk Blues Band», в честь вонючих немытых подмышек Оззиной мамы.

— Эй! — говорю я. — Ты завязывай! Никто не будет прикалываться над старыми вонючими подмышками моей мамы!

Билл снова лопается от смеха, изо рта вновь летят кусочки яйца и капли соуса.

— Вы оба — животные! — говорит Гизер.

Мы должны были выбрать не только название группы, а так же обсудить вопрос предполагаемого расширения состава. Окончательно пришли к выводу, что вещи, которые мы хотим исполнять — т. е. грязный тяжелый блюз южных штатов[19] — лучше играть с б**о**льшим числом инструментов, а потому было бы идеально подпрячь в это дело саксофониста и музыканта, играющего на слайд-гитаре, для обогащения интерпретации. У Тони был на примете саксофонист Алан Кларк, а мой школьный кореш, Джимми Филипс, умел играть на слайд-гитаре.

Скажу вам правду, мы хотели скопировать состав «Fleetwood Mac», потому что их второй альбом «Mr.Wonderful» поразил нас. Тони был под впечатлением от их гитариста Питера Грина. Как и Клэптон, Грин поигрывал немного с «John Mayall The Bluesbreakers», а теперь сам стал идолом рока. Казалось, чтобы сделать карьеру, гитарист должен поиграть в популярной группе, уйти из нее и собрать собственный коллектив. К счастью для нас, Тони выпал из обоймы из-за травмы руки, прежде чем его захомутала» какая-нибудь известная группа.

Кто-то теряет, кто-то находит.

В те выходные мы встретились на первой репетиции в доме культуры в Сикс Вэйз, одном из самых старых и загаженных районов Астона. Была одна проблемка: мы едва слышали свои колонки, такой шум стоял на развязке трассы А34. Дело усугубляли машины и грузовики, кружившие по бетонному

кольцу, построенному недавно сверху. В то время в Астоне лилось столько бетона, что чуть-чуть и мы бы начали покупать шапки-ушанки и обращаться друг к другу «товарищ». Твою мать, здесь и так хватало серости, так на кой хрен делать пейзаж еще мрачнее?!

Чтобы его немного оживить, я пошел туда ночью, предварительно выглушив пару бокалов пивка, вооружившись краской в аэрозольной упаковке и сделал несколько украшений. На стене возле кольца написал среди прочего: «Железная пропасть». Черт его знает, что у меня было тогда на уме.

Репетиции проходили хорошо, принимая во внимание тот факт, что я никогда не пел в нормальной группе. Вообще-то, парни просто импровизировали, а Тони кивал головой, когда я должен был вступить. Если говорить о текстах, то я выдавал такие перлы, какие только приходили мне в голову.

Гизеру тоже было нелегко. Тогда не хватало денег на бас-гитару, он выжимал все, что можно из своего «телекастера», т. к. басовые струны нельзя натягивать на нормальную гитару, гриф лопнет. Сначала Тони смотрел на Гизера с недоверием, но, как оказалось, из него получился офигенный басист. Прирожденный талант. Именно он среди всех нас больше всего напоминал рок-звезду.

Первый концерт мы дали в Карлайле, благодаря старым связям Айомми со времен «Mythology». А это значило, что мы должны были проехать двести миль по автостраде М6 на ржавом раздолбанном автобусе Тони. К тому же дорога ежеминутно кончалась и начиналась — не везде успели положить асфальт. Подвеска нашего авто умерла вместе с динозаврами, и когда мы входили в поворот, все должны были обеспечить равновесие, дабы подкрылками не изорвало резину. Вскоре мы убедились, что подобное равновесие малоэффективно на практике, а внутрь фургона постоянно втягивало отвратительный смрад паленой резины, сыпались искры, доносился ужасный скрежет колеса, постепенно пробивающего в обшивке огромную дыру.

— Хорошо, что ты немного шаришь в сварке, — сказал я Тони.

Второй проблемой были дворники на лобовом стекле — они вообще не работали. То есть немного работали, но начало лить так, что где-то в районе Стаффорда привод дворников совсем сдох. Тони был вынужден съехать на обочину, а я с Биллом выпустил через окно один конец веревки, привязал к одному дворнику и запустил внутрь через другое окно. Благодаря этому мы могли вытирать стекло вручную: я тянул за один конец, Билл за другой и так всю дорогу до гребаного Карлайла.

Но стоило мариноваться эти восемь часов, потому что когда

мы прибыли на место, я не мог глаз оторвать от листовки с рекламой нашего первого выступления.

C.E.S. Promotions имеет честь пригласить на ежегодный молодежный бал
County Hall Ballroom, Карлайл
Суббота, 24 августа 1968 г., 19:30–23:30
Новая многообещающая группа из Бирмингема «Polka Tulk Blues Band» (в составе — бывший участник «Mythology»).
Так же в программе «Creeque».
Танцы без перерыва (Вход: 5 ш.)

— Вот оно! — думаю я. Наконец-то, случилось.

Концерт прошел обалденно, хотя я был так напуган, что едва не наложил в штаны. Проблемы начались после концерта. Собираем аппаратуру — техники были непозволительной роскошью — подходит ко мне рыжий богатырь с прыщами на лице. Держит бокал с пивом, а рядом трется его карликовая телка.

— Эй, ты! — кричит он. — Клеишь мою девчонку?

— Что-что? — переспрашиваю я.

— Что слышал. Клеишь мою девчонку? Ты пялился на нее. Что, хочешь ее трахнуть?

— Ты, наверное, ошибся. Я ни на кого не глазел.

— Ты глазел на нее. Я видел. Собственными глазами. Хочешь потрахаться?

Тип стоит так близко, что я чувствую запах его пропахшей по**т**ом футболки. У этого гиганта голова размером с наковальню и выглядит он еще больше, чем мой школьный заступник с Бирчфилд роуд, тот, который распугал моих преследователей. Я в замешательстве, потому что знаю, сейчас что-то случится. Если я скажу: «Старик, даю слово, не клею твою девчонку» А он мне в ответ: «Ты утверждаешь, что она некрасивая, бирмингемская твоя морда!» И оторвет мне башку. А если отвечу: «Смешно, что ты об этом вспоминаешь, но я только подумал, что охотно бы ее приласкал». А он мне: «Я так и знал, бирмингемская морда!» И оторвет мне башку. Так или иначе — мне жопа. И тут в голове промелькнуло: если подключить сюда кого-нибудь еще, может давление распределится на двоих?

— Эй, Билл! — кричу на противоположный конец сцены. — Поди-ка сюда на минуточку!

Билл подходит вразвалочку, руки в карманах, что-то насвистывая.

— Что случилось, Оззи?

— Не хотел бы ты отодрать его девчонку? — спрашиваю я, указывая на ту коротышку.

— Чего???

— Его дамочку. Трахнул бы ее или она страшненькая?

— Оззи! Ты совсем еба…

В этот момент парень находится в крайней стадии бешенства. С криком бросает бокал — пиво разливается, сыплется стекло — и прыгает на меня, но я успел увернуться. «Ой-ой! — подумалось мне. — Сейчас будет потасовочка» Гигант пробует вломить Биллу, который выглядел так, будто лежал привязанный к рельсам перед приближающимся «Летучим Шотландцем»[20]. Теперь я уверен, что один из нас (если не оба) проведем месяц в больнице, но недооценил возможности Тони. Понимая, чем это грозит, он подбегает к великану, отталкивает его и просит отвалить. Тони намного ниже противника, но умеет драться как профи. Рыжий этого не прочувствовал и бросился в бой. Немного борьбы, рыжик пропускает несколько ударов и тут Тони попадает ему в табло и продолжает лупить: Бац! Бац! Бац! Бац! — пока человек-гора не идет на дно как «Титаник». Хлобысь!

Я смотрю с открытым ртом как Тони трясет ушибленной рукой, стирает кровь с лица и спокойно продолжает паковать аппаратуру. Никто и слова не проронил.

Позже, когда мы ехали на следующий концерт в Воркингтон, я поблагодарил его за спасение. Он отмахнулся, сказав, чтобы я об этом не вспоминал.

А вот Билл не разговаривал со мною целую неделю. Как я его понимаю.

* * *

Когда мы вернулись в Астон, Тони высказал свое недовольство Аланом и Джимми. Джимми слишком много валял дурака на репетициях, сказал он, а кроме того, не было смысла держать саксофониста, раз у нас не было полной группы духовых инструментов. Вообще-то, никому она была не нужна, эта полная группа духовиков: если так, то для начала нужен был двухэтажный автобус, а о заработке можно было забыть, пришлось бы делиться баблом с целой армией трубачей и тромбонистов.

Было решено: Алан и Джимми уходят, а «Polka Tulk Blues Band» превращается в квартет. Но Тони продолжал ворчать:

— Это название. — говорит во время перекура на репетиции — Полная лажа.

— Что тебе не нравится? — протестую.

— Всякий раз, когда его слышу, представляю себе, как ты сидишь со спущенными штанами и выдавливаешь личинку.

— Тебе не о чем больше подумать? — обижаюсь я.

— Раз уж мы заговорили об этом — отзывается Билл. — Я тоже в последнее время думал и вот, что придумал.

— Говори — подбадривает его Тони.

— Представьте себе большой плакат. Лучше биллборд.

— Ну, представил — говорит Тони.

Билл берет глубокий вдох и говорит: «Earth».

Тони и Гизер переглядываются, пожимают плечами. Я не обращаю на них внимания и прикидываюсь чем-то озадаченным.

— Все в порядке, Билл? — спрашиваю, слегка прищурив глаза.

— Конечно, а что?

— Ты уверен?

— Конечно, блин, уверен!

— Да, но мне показалось, что ты срыгнул.

— Чего?

— UUURRRFFF!

— Отвали, Оззи!

— UUURRRFFF!

— Ты хоть немного подумай, бля! Название простое, мощное, без глупостей, только пять букв: EARTH.

— Билл, дружище, искренне советую тебе, пойди к врачу. Ты опять срыгнул. UUURRRFFF.

— Оззи, прекрати — нервничает Тони. — Это уже лучше, чем сраная «Polka Tulk».

— Согласен — добавляет Гизер.

На том и порешили.

Официально в группе не было лидера, а неофициально мы все знали, что им был Тони. Он был самым старшим, самым высоким, дрался лучше нас, лучше всех выглядел, у него был опыт, и, что самое главное, талант. В довершение, Тони начал вживаться в роль. Купил себе черную замшевую ковбойскую куртку с бахромой, на которую велись тёлочки. Мы осознавали, что место Тони — на вершине, рядом с такими знаменитостями как Клэптон и Хендрикс. Понемногу он мог вырасти до их уровня. Он был нашим билетом в светлое будущее. Может именно поэтому я так робел в его присутствии, хотя мы были друзьями. А может, потому что он был замкнутым в себе человеком? Никогда не знаешь, что творится в голове у Тони. Иными словами, он — моя полная противоположность. Всегда видно, что плавает в

холодце, наполнявшем мою тупую башку.

Я не робел в присутствии Гизера, а ведь он закончил хорошую школу и много знал. Что касается Билла, он всегда был объектом насмешек. Мы любили над ним прикалываться. Когда он напивался в хлам, мы оставляли его спать на лавке в парке, предварительно прикрыв газетой. И ржали над этим, как будто смешнее на Земле ничего не было. Такой милый парень. Просто нарывался на приколы.

А я? Продолжал клоунаду, был психом и болтуном, который не отступит ни перед чем. Меня всегда выталкивали в тот момент, когда нужно было сделать что-то не совсем приятное. Например, если заблудились, спросить как проехать к месту выступления. Однажды в Борнмуте, видим через дорогу идет парень с ковром под мышкой. Все кричат: «Давай, Оззи! Спроси его, спроси!» Ну, я открываю окно и кричу: «Алё, мистер! Не подскажете как проехать на трассу М1?» Тот оборачивается и говорит: «Нет! Отвали, козел!» В другой раз мы были в Лондоне, я кричу: — Извини, шеф, как отсюда добраться до клуба «Marquee»? А он мне: «Шеф? Вождь? Я что похож на долбанного индейца?»

Просто отпад. Ржу нимагу. И этим мы выделялись: чувством юмора. Благодаря этому все шло гладко, по крайней мере, на первых порах. Если нет чувства юмора и вы играете в группе, у вас есть шанс закончить как грёбаный «Emerson Lake and Palmer»: альбомом из восьми пластинок, чтобы каждый мог закатить свое соло часика эдак на три. Да кто хотел слушать такое дерьмо?

Если бы не родители Тони, не уверен, что мы бы не померли от голода в 1968 году. Были на такой мели, что ходили посреди ночи красть овощи в огородах, чтобы кинуть что-то на зуб. Когда мы с Биллом нашли десять пенсов, мы радовались, бля, как будто сорвали джек-пот в лотерее. Не знали что купить: четыре упаковки чипсов или десять сигарет и коробок спичек. В конце концов, выбрали сигареты.

Родители Тони были нашим спасательным кругом. Подкармливали нас бутербродами из магазина, консервированной фасолью в жестяных банках, иногда пачкой «Player's No.6», случалось — деньгами на бензин из кассы. А ведь буржуями не были: они держали магазинчик в Астоне, а не гламурный «Harrods»[21]. Мне нравилась Сильвия — мама Тони, она была замечательной леди; я её обожал. Отец Тони тоже был ничего. Скупал и ремонтировал старые развалюхи, благодаря этому у нас всегда было средство передвижения, какой-нибудь фургончик нам был нужен постоянно, концертов мы не бросали. Даже если платили несколько фунтов на четверых за двухчасовое

выступление — минус издержки. Мы считали каждую копейку. Даже Гизер к тому времени бросил дневную работу. Группа была нашим последним шансом, иначе нас ждали заводские ворота. Мы должны были пахать, выбора не было.

Мы были жутко целеустремленными. Самой безумной затеей — автором был Тони, как я думаю — было ожидание, когда в город приедет известная группа. Мы грузили аппаратуру в фургон и караулили их возле концертной площадки. А вдруг группа не приедет? Шансы были нулевые, но если бы это случилось, мы бы выступили перед тысячами фанатов, даже если бы нас забросали бутылками в отместку за то, что мы не та группа, на которую ушел их заработок за несколько дней.

И знаете что? Нам повезло!

Один раз.

Известная группа называлась «Jethro Tull». Уж не припомню, где должны были играть — в Бирмингеме, а может в Стаффорде, а может где-то еще — во всяком случае, они не приехали. А мы сидим в голубом «Коммере», готовы к бою.

Тони пошел на переговоры с администратором зала.

— Группа еще не приехала? — спрашивает Тони десять минут спустя после предполагаемого начала концерта.

— И ты туда же, сынок? — звучит нервный ответ. Очевидно, у администратора денек не задался. — Еще не приехали, не знаю почему, я ничего не знаю, во всяком случае, их здесь нет! Да, звонили в гостиницу. Пять раз. Приходи завтра, оформим возврат билетов.

— Меня не нужен возврат — говорит Тони. — Я хотел сказать, что я с группой проезжал мимо, а тут такое дело, раз звезды не явились, мы готовы подменить их на сцене.

— Кого? Их?

— Да.

— «Jethro Tull»?

— Да.

— Как вы называетесь, сынок?

— EARTH.

— ERS?

— EARTH!

— ERF?

— Как наша планета[22].

— Ага. Наслышан, безумный вокал, блюзовые каверы. Я прав?

— Да. Плюс пару собственных вещей.

— Где аппаратура?

— Рядом, в фургоне.

— Вы что, пионеры что ли?

— То есть?

— Хорошо подготовились!?

— А… это да!

— Итак, через пятнадцать минут вы должны быть на сцене. Плачу десять фунтов. Смотрите, чтоб вас бутылками не забросали. Толпа недовольна.

Как только сторговались, Тони выбежал на улицу, улыбка от уха до уха, большие пальцы вверх.

— Через пятнадцать минут на сцене! — кричал он. — Пятнадцать!

Помню этот нереальный выброс адреналина. Эмоции переполняли меня, я позабыл о страхе. А сам концерт произвел фурор. Сперва люди еще ворчали, а я должен был уклоняться от летящих снарядов, но, в конце концов, так вжарили, что ого-го!

Попутно приключилась забавная вещь. Иэн Андерсон, главный вокалист «Jethro Tull», (знаменит тем, что играл на флейте с вытаращенными глазами и на одной ноге, как придворный шут) появился в зале посреди нашего выступления. Их автобус поломался где-то на трассе М6, или что-то в этом роде, и у них не было возможности связаться с организаторами концерта. Я так думаю, Иэн Андерсон добрался сюда автостопом, чтобы лично извиниться перед ними. Ну, я верещу себе в микрофон, вижу — на галерке стоит Андерсон, покачивается, ведет себя так, будто ему нравится наша музыка. Эмоции зашкаливали!

Мы сошли со сцены возбужденными. Администратор зала не находил себе места от счастья. Наверное, сам Андерсон был нам благодарен. После этого случая, название нашей группы знал каждый организатор концертов, даже если не мог его произнести.

В течение следующих недель мы набирали темп. Концертов становилось все больше, на сцене мы выглядели более сыгранными, вокруг нас начали крутиться местные менеджеры. Особенно нами интересовался Джимми Симпсон, бывший трубач из «Locomotive», довольно известной группы из Бирмингема. Когда он завязал с концертами, основал продюсерский центр «Big Bear». Такую кличку ему дал Джон Пил[23], из-за крепкого телосложения, постоянно заросший, с красной мордой, Симпсон шастал по Бирмингему как большой прирученный медведь-гризли. Джимми открыл ночной клуб над пабом «Корона» на Стейшн стрит и назвал его «Henry's Blues House». Мы любили там зависать. Одним из первых выступлений, которые я там увидел, был джем-сэйшн Роберта Планта и Джона Бонэма, незадолго до их скандинавского турне. Аж мурашки по коже пробирали. Под конец 1968 года Джим пригласил нас выступить вместе с «Ten

Years After», в то время известной блюзовой группой. Элвин Ли, вокалист и гитарист группы стал позже нашим близким другом. Какой же это был вечер! Отправная точка для «Earth», так же как та замена «Jethro Tull». Несколько дней спустя, за пивом Джим сказал мне и Биллу, что подумывает о том, чтобы стать нашим менеджером. Его фирма «Big Bear» держала под крылышком «Locomotive», и еще две местные группы «Bakerloo Blues Line» и «Tea and Symphony». Для нас это был бы прорыв. Поддержка Джима означала тяжелый труд, но с другой стороны появлялся реальный шанс зарабатывать музыкой и отказаться, наконец, от подачек родителей Тони. Мы могли бы поехать в Лондон на концерт в «Marquee» или отправиться в тур по Европе. Ничто нас ограничивало. Мы с трудом дождались утра, чтобы рассказать об этом Тони. Для репетиций сняли зал в Сикс Вэйз. Наконец, появляется Тони, а мы ему со старта:

— Хер догадаешься, что случилось?

И когда я расписываю ему перспективы контракта, Тони мычит нечто вроде «Угу», потупив взгляд. И выглядит он сам каким-то растерянным, не от мира сего.

— С тобой все в порядке, Тони? — спрашиваю я.

— У меня тоже есть новости — тихо говорит он.

Чувствую, сердце останавливается. Бледнею. Я подумал, что у него кто-то умер: мама или папа. Должно было случиться что-то отвратительное, раз он не рад факту, что у нас есть менеджер.

— Что с тобой?

— Со мной связался Иэн Андерсон — говорит он, отводя взгляд. — От них ушел гитарист. И Андерсон попросил меня, чтобы я его заменил, ну и я согласился. Извините, парни, не смог отказать. Десятого декабря играем с «Роллингами» в «Wembley»[24].

Мы в шоке. Это конец. То, что было так близко, вдруг отдалилось на миллионы световых лет.

— Тони. — я пытаюсь что-то сказать, но ком подкатил к горлу. — Зашибись, старик! Ты всегда этого хотел.

— Поздравляю, Тони. — Гизер откладывает гитару в сторону и подходит, чтобы похлопать его по плечу.

— Вот именно — добавляет Билл. — Если кто из нас этого заслуживает, то наверняка это ты. Надеюсь, «Tull» понимают, как им с тобой повезло.

— Спасибо, парни! — с трудом выдавливает из себя Тони, как будто ему трудно дышать. — Вот увидите, у вас все получится. Со мной или без меня.

Могу сказать откровенно, что мы не кривили душой — с Тони за последние несколько месяцев мы прошли многое, и каждый из

нас искренне желал ему успехов.

Несмотря на это, это была самая хреновая новость, которую я услышал в своей жизни.

3. Баба Яга и нацист

Мы были убиты горем, зная что никогда не найдем другого такого гитариста как Тони. С ним у нас все получалось. Может потому, что мы выросли на соседних улицах? Может потому, что мы были голодранцами, лишенными надежд и отдавали себе отчет в том, как сложится наша жизнь без рок-н-ролла. Во всяком случае, мы понимали друг друга с полуслова, это мог подтвердить каждый, кто видел нас вместе на сцене.

Помню, как после той злосчастной репетиции, я лежал в постели, закрыв лицо руками. В комнату вошел отец и присел на кровати.

— Поди-ка, сынок, выпей с друзьями — и вложил мне в руку десять шиллингов. Должно быть, я выглядел настолько хреново, раз он так поступил, принимая во внимание неоплаченные счета на кухонном столе, над которыми сокрушалась мама. — Свет клином на Тони не сошелся. Найдете другого гитариста.

Хорошим человеком был мой отец. Но в этот раз ошибся — другие гитаристы для нас не существовали — таких как Тони не было.

Так я оказался в пабе вместе с Биллом, где мы с горя нажрались. Билл, как обычно, заливался сидром, деревенским пойлом, на вкус чуть лучше, чем отрава. Чтобы сидр был не очень кислым, Билл разбавлял его соком черной смородины. Большой бокал тогда стоил два шиллинга, поэтому все его глушили. Но Билл не изменил своей привычке, даже когда уже мог себе позволить шампанское. Реально подсел на сидр. Этим пойлом трудно было упиться, просто после пары бокалов трещала башка.

В тот вечер главной темой наших разговоров был Тони и я могу с абсолютной уверенностью сказать, что нас не съедала зависть. Просто мы были подавлены. Хотя мы оба любили «Jethro Tull», но считали, что «Earth» может быть в сто раз лучше. Тони перед уходом колдовал над мощными риффами — самыми тяжелыми, которые я когда-либо слышал, а Гизер начал писать улетные тексты в тему. Что касается меня и Билла, то мы прогрессировали с каждым концертом. В отличие от большинства групп — однодневок из хит-парада, мы не выглядели как подделка. Нас собрал вместе не какой-то хрен в галстуке где-нибудь в прокуренном лондонском кабинете. Одна звезда, крутое название плюс банда сессионных музыкантов, причем для каждого тура — разные. Все это не про нас. Мы давали, блин, настоящий продукт.

Тони ушел от нас в декабре 1968 года.

Зима была такой морозной, что я начал припоминать те времена, когда вкалывал водопроводчиком, заглядывая в колодцы, а моя жопа покрывалась инеем. Не хер нам было ловить без Тони. Мы просиживали целыми днями, жалуясь на судьбу, запивая это чаем. Все наши концерты были отменены, а так как мы дневную работу давно позабросили — ни у кого из нас денег не было. А значит, отменялись и походы в пивную.

Несмотря на это, никто и не задумался о поиске «настоящей» работы.

— В 1968 году Джон Осборн был восходящей звездой рок-н-ролла — пародировал я голос за кадром, меряя шагами свою комнату. — В 1969 году он уже стал восходящей звездой помоек.

Единственное, что нас держало на плаву-то, что мы увидим Тони по телеку. Би-Би-Си планировало трансляцию лондонского концерта «Rolling Stones». Все это под названием «Рок-н-ролльный цирк «Rolling Stones». Такого еще не было: «Стоуны», собственно, организовывали частный концерт с участием приглашенных друзей по цеху. Действо должно было пройти в «Intertel Studios» в лондонском районе Уэмбли, где была построена сцена в виде цирковой арены и накрыта большим шатром. Представление открывали «Jethro Tull», потом на арену выходили парни из «The Who», Мик Джаггер даже уговорил Джона Леннона исполнить новую версию «Yer Blues» в сопровождении спешно сколоченной специально для этого случая группы «Dirty Mac»: Эрик Клэптон, барабанщик Митч Митчелл, бас — Кейт Ричардс. Я даже не знал, что Ричардс умеет играть на бас-гитаре. Пресса просто визжала от восторга, это было первое публичное выступление Леннона со времен последнего шоу «Битлз» 1966 года. (Позже мне рассказали, как один из крутых продюсеров Би-Би-Си позвонил Леннону с вопросом, какой бы он хотел усилитель. На что Джон коротко ответил: «Исправный». Просто отпад. Жаль, что я с ним не был знаком.)

В конце концов, Би-Би-Си ничего не показало. Дело запороли «Стоуны», поговаривают, Джеггеру не понравилось звучание группы во время концерта. И только 28 лет спустя этот материал был показан на нью-йоркском кинофестивале. Если будете смотреть, парень в белом капюшоне с огромными усами — это Тони. Хорошо у него получился «Song For Jeffrey», но между ним и Иэном Андерсоном нет искорки. Может поэтому, спустя четыре дня, Тони решил оттуда уйти.

* * *

— Как это ты ушел?! — спрашивает Гизер на военном совете в пабе, за несколько дней до Рождества.

— Не моя тема — говорит Тони и пожимает плечами. В тот день он проставлялся.

— Как можно играть в «Jethro Tull» и говорить «не мое» — удивился Гизер. — Ты же выступал вместе с Джоном Ленноном, старик!

— Я предпочитаю играть в собственной группе. Не хочу быть чьим-то наемником.

— Так что, Иэн Андерсон — мудило? — спрашиваю я, переходя к сути.

— Нет, он парень в порядке. Ну, разве что, не было в этом никакого прикола. Не то, что с вами.

Билл уже приговорил третий бокал сидра, Билл выглядел так, будто вот-вот расплачется.

— Ну что, снова вместе? — Гизер всегда спокоен, старается не улыбаться.

— Если вы меня примете.

— Хорошо, только прошу вас, давайте придумаем другое название — предлагаю я.

— Послушайте, название — это все чушь! — говорит Тони. — Мы должны четко себе уяснить, что это серьезно. Завязываем валять дурака. Я видел, как пашут в «Jethro Tull». Они, в натуре, пашут. Перед каждым концертом — четыре дня репетиций. Мы тоже должны так делать. Обязательно играть собственные песни на собственные тексты, даже если нас зафукают. Пипл схавает. Только так мы выработаем свой фирменный стиль. Мы должны подумать о пластинке. Поговорим завтра с Джимом Симпсоном.

Все уважительно закивали головами.

Скажу как на духу, никто из нас не осознал тогда, как же нам чертовски повезло. Не сошел ли Тони с ума? Люди в здравом рассудке не уходят из таких групп, откуда ушел Тони. Даже Роберт Плант, в конце концов, махнул на свою «Хоббсхрень» и рванул к Джимми Пэйджу, чтобы влиться в «The New Yardbirds». В общем, я бы не поступил, так как Тони. Как бы я не горевал, когда распалась «Earth», но если бы мне предложили место в популярной английской группе, красной строкой выступающей на рок-фестивалях, с контрактом на запись пластинки — сказал бы только: «Э… Ну пока, парни!» Подводя итог: снимаем шляпу перед Тони Айомми. Он знал, чего хочет и, скорее всего, знал, что добьется успеха без помощи Иэна Андерсона.

А мы должны были просто доказать, что он принял верное решение.

— Ладно, парни! — подытожил Тони, грохнув пустым

бокалом о стол. — За работу!

Как только Джим Симпсон стал нашим менеджером, первым делом выслал нас в «тур по Европе». Итак, мы должны были загрузить аппаратуру в фургон Тони («Коммер» пошел в отставку, его заменил «Форд Транзит»), доехать до порта Харвич, доплыть паромом до Хук-ван-Холланд по ту сторону Северного моря и молиться, чтобы двигатель завелся, когда надо будет продолжить наш путь. В Дании было минус 20. Мы двигались на Копенгаген, где у нас был запланирован первый концерт.

Припоминаю, что в это путешествие я взял с собою весь свой гардероб: рубашку на вешалке из проволоки, трусы на смену, все в одном пакетике. Остальное носил на себе: джинсы, бэушную лётную куртку, футболку с надписью «Henry's Blues House» и ботинки на шнуровке.

День первый: поломался фургон. Было так холодно, что замерз тросик газа: когда Тони нажал на педаль, он просто оборвался. Так мы застряли где-то в глуши, на полпути до Копенгагена. За окном — метель, а Тони говорит, что моим заданием «в качестве официального представителя группы» является поиск и обеспечение буксировки. Ну, значит, иду я по полям — снег метет в лицо, из носа свисают две сопли — и вдали замечаю свет на какой-то ферме. Потом я упал в канаву. Наконец, выбираюсь из этого дерьма, доползаю через заносы к входным дверям и громко стучу.

— Halloj? — открывает мне двери огромный красномордый эскимос.

— Ну, слава яйцам! — говорю я, тяжело дыша, шмыгаю носом. — Фургон заглох. Нас бы по… потянуть?!

— Halloj?

Датским я не владею, показываю на дорогу и говорю:

— Фургон. Эль капутски. Я?

Краснокожий смотрит на меня и начинает выковыривать серу из ушей.

— Bobby Charlton, ja? — спрашивает он.

— Чего?

— Bobby Charlton, betydningsfuld skuespiller, ja?

— Прости, старичок! Спико инглишки?

— Det forstar jeg ikke *(Я не понимаю),* — пожимает плечами краснокожий.

— Чего?

Минуту мы стоим, молчим, таращимся друг на друга.

В конце концов, тот говорит: «Undskyld, farvel» *(Прости, прощай!)* и захлопывает дверь у меня перед носом. В сердцах я пинаю ее ногой и пробираюсь по сугробам обратно. Замерз так,

что аж руки посинели. Когда я добрался до дороги, заметил подъезжающую машину и практически бросился под колеса. Оказалось, это были датские фараоны, слава Богу, настроенные миролюбиво. Они дали мне напиться из фляги, не знаю, что это было, но я мигом пришел в себя. Полицейские быстро организовали буксир, которым нас затащили к механику в близлежащую деревеньку.

Отличные ребята, эти датские фараоны. Прощаясь, они просили передать привет Бобби Чарлтону.

— Хорошо, передадим ему привет от вас — пообещал Гизер.

День второй: поломался фургон. На этот раз подвел злосчастный датчик топлива. В баке стало пусто, а мы ни сном, ни духом. Я снова был послан за помощью, но в этот раз поступил более рационально. Мы застряли около белой церквушки, перед которой стояла машина, возможно, пастора. Я подумал, что он будет не прочь побыть добрым самаритянином, поэтому с помощью шланга перекачал топливо из бака в бак. Все прошло гладко, разве что я хлебнул бензина, когда полилось из шланга. До самого вечера меня мучила токсичная и огнеопасная отрыжка.

Всякий раз меня перекашивало, когда я опускал стекло, чтобы избавиться от бензина вместе со рвотой.

— Фу! Как я ненавижу четыре звезды! [25].

Между выступлениями мы начали импровизировать, из чего постепенно рождались песни. И вот тут Тони подкинул нам идейку насчет зловещего звучания. Возле дома культуры в Сикс Вэйз, где мы репетировали, находился кинотеатр «Ориент» и как только показывали фильм ужасов, очередь уходила за горизонт. Помню, Тони как-то сказал:

— А вас не удивляет, что люди отваливают такие деньжищи за то, чтобы их напугали? Может нам следует отказаться от блюза и писать страшную музыку?

Мы с Биллом считали, что это классная идея и взялись за работу. Вскоре появилось несколько текстов, позже ставших основой песни «Black Sabbath». Одним словом, это история о парне, который видит, как темная личность приближается к нему, чтобы затащить его в озеро огня.

Тони придумал жутко звучащий рифф, я подкинул мелодию и, в конечном итоге, получилось офигенно, лучше, чем что-либо до сих пор — в разы. Позже мне кто-то сказал, что рифф Тони построен на так называемом «дьявольском интервале» или «тритоне». Говорят, в средневековье церковь запрещала его использовать в религиозных песнопениях, люди срали от страха. Органист начинал играть, а прихожанам мерещилось, что дьявол, вот-вот выскочит из-за алтаря.

Если речь идет о названии песни, то его придумал Гизер. В кинотеатрах показывали фильм с участием Бориса Карлоффа. Но, честно говоря, я думаю, что Гизер никогда его не видел. Я-то уж точно — нет, только много лет спустя узнал о том, что есть такой фильм. Смешно, хоть мы двигались в новом направлении, но, по сути, играли тот же двенадцатитактный блюз. Если прислушаться внимательней, в нашем звучании можно обнаружить огромное влияние джаза, например, свинговое вступление к «Wicked World», одному из наших первых номеров. Разница была в том, что мы лабали в тысячу раз громче, чем джаз-бэнд.

Сегодня некоторые утверждают, что это мы своей песней «Black Sabbath» породили «хэви-метал». Меня же это утверждение раздражает, как не имеющее никакой связи с музыкой — особенно теперь, когда существует «хэви-метал» 70-х, «хэви-метал» 80-х, 90-х, нового тысячелетия. Каждый абсолютно иной, хотя для обычного человека разницы никакой нет. На самом деле, я впервые услышал этот термин в тексте песни «Born to be Wild». Но пресса этот ярлык подхватила и понеслось. Мы его абсолютно не придумывали. Мы считали себя обыкновенной блюзовой группой, которая решила поиграть немного с мрачным звучанием. Но с другой стороны, мы давно не записывали подобную музыку, а люди продолжали говорить: «А, это «металлисты». Наверняка поют о сатане и конце света». Именно поэтому я так возненавидел это определение.

Увы, не помню, где мы впервые сыграли «Black Sabbath», но отлично припоминаю реакцию публики. Все девки выбежали с визгами из зала. Я ворчал позже, мол, мы для чего играем в группе, чтобы трахать телок или чтобы их распугивать?

— Привыкнут — прокомментировал Гизер.

Другое памятное исполнение «Black Sabbath» состоялось в какой-то ратуше под Манчестером. Когда мы выгружались из фургона, нас уже поджидал празднично одетый, в костюме с галстуком, организатор концерта. Жаль, что вы не видели его физиономии, когда он рассмотрел нас поближе.

— И в таком виде вы собираетесь выступать на сцене? — спрашивает он, вылупившись на мои босые ноги и верх от пижамы.

— Нет, нет — прикидываюсь я озабоченным. — Я всегда выступаю в золотом спандексе[26]. Вы когда-нибудь видели концерт Элвиса? Я немного на него похож, но у меня сиськи поменьше.

— Ну да, ну да — соглашается организатор.

Аппаратура выставлена, настраиваемся. Тони берет начальный рифф «Black Sabbath» — ты-ды-дыын! — после первых

слов на сцену выскакивает красный как помидор устроитель и начинает вопить:

— Стоп! Стоп! Стоп! Вы что, на хер, с ума посходили?! Вы должны играть танцевальные версии песен из хит-парада. Кто вы такие?

— «Earth» — отвечает Тони и пожимает плечами. — Вы же нас сюда пригласили.

— Я рассчитывал услышать нечто иное! Я думал, вы сыграете «Yellow Mellow», «California Dreamin'».

— Кто? Мы? — Тони смеется.

— Именно это мне обещал ваш менеджер!

— Джим Симпсон пообещал вам такое?!

— А кто это такой?

— Ага — Тони догадывается, что случилось. Оборачивается к нам и говорит: «Парни, не только мы называемся «Earth»».

Он был прав. Где-то на дне музыкального мирка существовал еще один «Earth». Они не играли сатанинскую музыку, предпочитали поп и каверы «Motown». А рекламный плакат, изготовленный Джимом Симпсоном, добавил неразберихи, мы выглядели как группа хиппарей. Вокруг большого солнца в облаках были размещены наши портреты, нарисованные от руки. Название «Earth» было написано нечеткими буквами в психоделической манере.

— Сами видите, название пахнет нафталином — говорю я. — Прошу вас, давайте, в конце концов, придумаем что-то, что не звучит как…

— Послушайте — прерывает меня организатор. — Вот двадцатка за беспокойство, вы ведь приехали издалека. А сейчас отвалите. Ага, и этот мальчик-бомж правильно говорит — смените название. Хотя я не уверен, кто в здравом уме хотел бы слушать это говно.

Через несколько недель я писал:

> Дорогая мама, мы едем на концерты в «Star Club» в Гамбург. Там играли «Битлы»! Сейчас я плыву на пароме в Дюнкерк. Надеюсь, тебе понравится фотография белых скал (с обратной стороны), я сейчас на них смотрю. А теперь бомба: по возвращении в Англию мы меняем название на «Black Sabbath». Может, в конце концов, пробьемся. Всех обнимаю,
>
> Джон.
>
> PS. Позвоню Джин из Гамбурга.
>
> PPS. Когда у вас появится телефон? Скажи папе, что на дворе уже 70-е!!!

Было 9 августа 1969 года. Именно в этот день Чарлз Мэнсон расстрелял людей в Лос-Анжелесе. Но мы не следили за новостями, тогда купить английскую газету в Европе было практически невозможно, а если и удавалось, то это был номер за прошлый месяц. А, кроме того, мы были сконцентрированы на концертах и не забивали себе голову тем, что творилось на свете.

Мы уже выступали в «Star Club» на известной улице Реепербанн, где в мини-юбках и чулках в сеточку дефилируют все эти барышни легкого поведения, а значит, догадывались, чего можно ожидать. Но в этот раз мы выступали на постоянной основе, то есть на гарантии. Плюс нас поселили в раздолбанном помещении над сценой, неоднократно горевшем в огне. И, взамен за это, мы должны были играть семь раз в день, заполняя паузу между выступлениями приезжих групп. В общем, неплохое развлечение, хотя чертовски изматывало. Мы каждый день начинали в полдень, а заканчивали в два часа ночи. Подбадривали себя «спидом», таблетками, травкой, пивом — всем, что попадало под руку, только бы не уснуть. Кто-то подсчитал наши выступления в «Star Club» и получилось, что мы сыграли там больше концертов, чем «Битлы». Имейте в виду, 1969 год — это семь лет после золотой эпохи «Битлз» и клуб немного испаскудился. В общем, мы были одной из последних английских групп, которые там выступали постоянной основе. Заведение закрылось насовсем за день до Нового года.

А потом клуб сгорел дотла.

Так или иначе, концерты в «Star Club» были для нас той практикой, о которой мы мечтали. Выступление вживую — это не репетиция, нужно было выстоять до конца, даже в состоянии нестояния, что было нашим обычным состоянием. Мои кривляния на сцене не требовали специальной подготовки, я был придурком от рождения, а дураки — они дураки и есть. Зато в Гамбурге мы отшлифовали все новые вещи, такие как «The Wizard», «N.I.B.» (навеяно бородой Билла, которая нам напоминала кончик пера), «War Pigs», «Rat Salad» и «Fairies Wear Boots» (до сих пор не знаю, о чем эта песня, хотя люди говорят, что я написал текст). В «Star Club» мне удалось победить страх перед сценой. Я расслаблялся, вытворял все б**о**льшие глупости и шоу раскручивалось. А парни меня подбадривали. Когда они замечали, что публика скучает, Тони кричал: — Оззи, давай жару!

Это был сигнал, чтобы я выкинул какой-то безумный фортель, чем привлек внимание зала. Однажды нашел где-то за сценой банку фиолетовой краски и, заслышав сигнал Тони, макнул туда нос. И все бы хорошо, только эта хрень не отмывалась.

Несколько недель не мог смыть эту гадость. Люди подходили ко мне и спрашивали: «Ты че, ебанутый, паря?» Или чаще всего, вообще не подходили, думали, что я псих.

Каждый из нас по-своему отличился в клубе. Однажды Тони, обкурившись травкой, вздумал поиграть на флейте, но утратил ориентацию в пространстве и вместо рта прикладывал инструмент к подбородку. Так и простоял до конца песни, дул в микрофон, а люди думали: «Ну что за фигня-то?» Отпад!

Был один способ скрасить себе пребывание в «Star Club». Для этого нужно было подцепить немецкую телочку и зависнуть у нее на хате, чтобы не делить многоярусную кровать с пердящими, чешущими яйца товарищами по группе. Если говорить о телках, то мы были ребятами непривередливыми, мы-то тоже с виду не принцы. А если девки нам еще выставляли пиво и угощали сигаретами, мы рассматривали это как приятное дополнение. Если же нам не ставили пива и не угощали сигаретами, мы старались их обчистить. Чаще всего приманкой был Тони, по нему сохли все телки. План был такой: Тони идет в наш схрон, затягивает телку на верхний ярус кровати и начинает с ней обжиманцы, а в это время я как спецназовец, по-пластунски ползу туда, где она оставила свою сумочку, ну и потрошу кошелек. Гордиться нечем, но нам же нужно было, на хер, что-то жрать.

Мы давали телкам клички, которые с перспективы времени выглядят довольно жестокими, а порою и брутальными. Например, я завис на хате у девчонки, которую все называли «Баба Яга», у нее был шнобель побольше, чем у Гизера.

Мой союз с «Бабой Ягой» не прошел испытания временем. Она привела меня как-то к себе, а утром проснулась, сделала кофе и сказала перед уходом: — Мне пора на работу. Ты можешь остаться, только ничего не трогай, договорились?

Но ведь понятно, что с ее стороны было крайне неосмотрительно говорить мне такое. Только двери закрылись, как я принялся потрошить шкафчики, выискивая то, чего не должен был видеть. И пожалуйста: глубоко в шкафу нахожу идеально выглаженный немецкий мундир. Наверняка он принадлежал ее отцу или ее родственникам. Я же тогда подумал: «Ебануться, это же Клондайк». Одеваю мундир, нахожу в комнате небольшой бар и уже через минуту марширую по залу и с издевательским немецким акцентом отдаю приказания мебели. Курю сигареты, а меня вставляет все больше и больше. Ну люблю я военные реликвии!

Через час развлечений снимаю мундир, вешаю его в шкаф, убедившись, что ничего не помял и прикидываюсь, типа, ничего не было. Примерно в полдень пришла Баба Яга и быстро меня

раскусила. Пошла прямиком к шкафу, открыла двери, посмотрела на мундир и как разорется.

Не успела она оглянуться, как я уже оседлал ее метлу и вылетел из квартиры.

По возвращении в Англию мы встретились с Джимом Симпсоном у него дома, чтобы сообщить об изменении названия группы на «Black Sabbath». Он не скакал от радости, хотя, откровенно говоря, мог быть дезориентирован моим фиолетовым носом. Джим не обмолвился об этом ни словом, но по роже я понял, что у него на уме, потому что он все время с опаской вглядывался в мое лицо. Наверняка подумал, что я подхватил в Германии какую-нибудь редкую болезнь, типа того. На той встрече вроде бы присутствовал Элвин Ли из «Ten Years After». Ему еще больше не понравилось новое название группы:

— Сомневаюсь я, парни, что вы далеко пойдете с таким названием.

Откровенно говоря — что было дальше — я помню весьма смутно. Помню только, что Джим договорился с типом по имени Тони Холл, он был музыкальным продюсером и пообещал нам помочь в издании пластинки, если в случае успеха отвалим ему доляху — что-то в этом роде. Я в этом не шарю. Про контракты, бабки и тому подобное меня лучше не спрашивать.

Во всяком случае, Тони Холл сказал, что мы «клевая блюзовая группа», но нам нужен дебютный сингл, хотя группы вроде нашей редко выпускают синглы. Он поставил нам вещицу «Evil Woman» в исполнении американской группы «Crow» и спросил, не хотим ли мы записать свою версию. Зная, что мы подходим к этому делу осторожно, предложил «утяжелить» гитары. Нам по-прежнему эта затея была не в смак, но Тони предложил зарезервировать на какое-то время «Trident Studios» в Сохо, а мы подумали: «Хрен с ним, а почему бы и нет?»

Получилось не совсем то, что ожидалось. Мы понятия не имели о записи в студии, не знали, с какого краю подойти, просто расставились, нажали кнопку «запись» и сыграли нашу концертную программу. Вот что у нас получилось почти профессионально, так это надпись черными буквами «Black Sabbath». Ее вырезал из изоленты и наклеил на бочку Билла один техник.

Продюсером был Гас Даджон. В его присутствии мы робели; как же, он работал с Эриком Клэптоном, «Moody Blues» и «Rolling Stones». Оглядываясь назад, я понимаю, что он к нам относился хорошо, хотя временами любил покомандовать, а к выполнению приказов мы не привыкли. Однако результат говорит сам за себя:

парень был гением. После выпуска «Evil Woman», Гас продюсировал в 70-е и 80-е несколько больших хитов Элтона Джона. Все были подавлены, когда в 2002 году он погиб в автокатастрофе вместе с женой Шейлой. Гас принадлежал к числу тех, кто оказал огромное влияние на развитие британской музыкальной индустрии, несмотря на то, что его имя не было широко известно. И хотя тогда мы не смогли по достоинству оценить это, нам неимоверно повезло, что он помог на раннем этапе нашей карьеры.

Мы сыграли в нескольких лондонских клубах. Перед одним из этих концертов ди-джей поставил пластинку, которая просто снесла мне крышу. Голос вокалиста мне показался знакомым. И тут меня озарило: Роберт Плант! Ну, я подхожу к ди-джею и спрашиваю:

— Это новая пластинка «The New Yardbirds»?

— Нет, это новая группа «Led Zeppelin».

— Неужели?

— Сто пудов, чувак. Даю слово.

Отыграли концерт, а в голове у меня все крутится эта пластинка. Опять подхожу к ди-джею и спрашиваю:

— А ты уверен, что это не «The New Yardbirds»? Я знаю вокалиста и, вообще-то, он не поет в группе под названием «Led Zeppelin». А что написано на конверте, кто еще играет в группе?

Читает мне имена: — Джимми Пэйдж, Джон Бонэм, Джон Пол Джонс, Роберт Плант.

Я не верил своим ушам. Парни из «The New Yardbirds» должны были сменить название на «Led Zeppelin», и выпустили самую лучшую пластинку, которую я услышал за последние годы. По дороге домой, в фургоне, я спросил Тони: — Слышал этот тяжелый саунд «Led Zeppelin»?

Тот, не моргнув глазом, ответил: — Мы сыграем тяжелее.

В конце 1969 года изо всех сил мы пробовали взобраться на следующий уровень, однако, несмотря на бесконечные концерты, оставались группой из третьей лиги. Последний концерт в том году мы должны были сыграть 24 декабря в Камберленде (нас охотно туда приглашали), а именно, в Wigton Market Hall. Оказалось, что возле концертного зала находилась психиатрическая больница для женщин и каждый год на Рождество врачи отпускали пациенток на праздничные танцы. Мы об этом понятия не имели, а если и догадывались, то никто из нас не мог предположить, что в этот раз в дурдоме решат пойти на концерт «Black Sabbath». Но так и случилось. Играем «N.I.B», и где-то посреди номера, через двери в конце зала входят ровным

строем все эти полоумные девки. Под конец песни уже начинается заварушка. Это нужно было видеть: чокнутые телки лупят по морде парней, а их девчонки колотят телок с дурки. Полный дурдом! Когда приехала полиция, на полу штабелями лежали бабы с подбитыми глазами, расквашенными носами и разорванными губами.

А потом они запели «Give Peace A Chance» (Дайте миру шанс). Мы в это время стоим на сцене, в колонках шум. Я переглядываюсь с Тони: — Ебануться! — беззвучно шевелю губами. Тони пожимает плечами, подкручивает громкость и начинает играть «We Wish You A Merry Christmas» (Желаем Вам счастливого Рождества).

В январе 1970 года наконец-то случилось.

Мы подписали контракт на запись пластинки.

Несколько месяцев Джим Симпсон пробовал нас продать. Приглашал важных шишек из Лондона на наши концерты, но никто не заинтересовался. Пока однажды вечером не приехал в Бирмингем парень из «Philips», чтобы посмотреть на наше выступление в «Henry's House Blues» и решил на нас поставить. Думаю, название группы «Black Sabbath» было выстрелом в десятку. В те времена списки бестселлеров оккупировали оккультные книги Денниса Уитли. Фильмы ужасов киностудии «Hammer Film» зарабатывали огромные деньги в кинотеатрах, а телевидение вовсю трубило об убийствах Мэнсона. Значит, был огромный спрос на все, что имело зловещий характер. Не поймите меня неправильно: наверняка и так бы его получили благодаря нашей музыке, но, порою, если речь идет о подписании контракта, в нужное время все составляющие должны быть идеально подогнаны.

И никогда не повредит немного везения.

Помогло нам и то, что «Philips» создавал тогда альтернативный проект «Vertigo», а мы туда идеально вписались. Самым смешным было то, что пока «Vertigo» раскрутилось, сингл «Evil Woman» вышел под другим лэйблом «Филипса», «Fontana», и только после этого, был переиздан с логотипом «Vertigo».

Но это синглу ни хера не помогло. Оба раза он шел на дно в чартах как камень. Но нас это не беспокоило, ведь Би-Би-Си передало нашу песню по «Radio 1». Один раз. В шесть утра.

Я был так возбужден, что проснулся в пять и выпил, наверное, восемь чашек чаю.

— Не поставят — убеждал себя. — Не поставят.

И вдруг:

БАМ! БАМ! Тын Дыын! БААМ! Тын дын! Ты-ды-дын, дыын!

Бам-Бам! Ты-ды! Ту-Дууу-Ду. Тын — Ды. Ту-Дуу-Ду…

Невозможно описать, что чувствует человек, когда впервые услышит свой голос на «Radio 1». Это как в сказке, даже круче! Я носился по дому и орал: «Меня передают по радио! Бля, я на радио!» В конце концов, вниз спустилась мама в ночнушке и сказала, чтобы я заткнулся.

— Evil Woman! — я врубил на всю громкость. — Don't You Play Games With Me!

А потом выскочил из дому и с ужасным криком пронесся по улице.

И если тот факт, что ты услышал себя по «Radio 1», был просто радостным, это не шло ни в какое сравнение с авансом от «Филипса»: по сто пять фунтов на брата!

Я никогда в руках не держал заработанного червонца, про сотку вообще молчу. Чтобы заработать такие деньги, я должен был целый год настраивать сигналы на заводе «Лукас». Всю неделю чувствовал себя, будто выиграл в лотерею. Первое, что купил — лосьон после бритья «Brut», чтобы лучше пахнуть. Потом справил себе новенькие ботинки, старые развалились в Дании. Что осталось, отдал маме на оплату счетов. А потом постоянно клянчил у нее, чтобы пойти обмыть это дело в пабе.

А потом опять за работу.

Если я не ошибаюсь, у нас не было ни демо-записей, никакого официального обсуждения выпуска пластинки тоже не состоялось. Просто однажды Джим сообщил, что нас пригласили на неделю в Цюрих, а по дороге туда мы должны были заскочить в «Regent Sound Studios» в Сохо и записать там несколько композиций под руководством продюсера Роджера Бэйна и звукорежиссера Тома Аллома. Что мы и сделали. Так же как и в прошлый раз, расставили аппаратуру и сыграли как на концерте, только без зрителей. Покончив с этим, за несколько часов отшлифовали гитары и вокал, тут и делу конец. Записано! Мы даже успели подкрепиться в пабе. На все про все — не больше двенадцати часов.

По-моему, именно так должны записываться альбомы. Чихать я хотел на тех, кто записывает второй «Bridge Over Troubled Water», ковыряется в одной пластинке пять, десять, пятнадцать лет, как «Guns N' Roses». Это, просто смешно и точка. За это время ты как исполнитель умер, возродился вновь и затем снова умер.

Заметьте, мы тогда не могли так разбазаривать время, такой вариант даже не рассматривался. Просто пришли в студию, записали пластинку, а на следующий день выехали на «транзите» в Цюрих, цель — кабак под названием «Hirschen Club». Даже не успели услышать готового сведенного материала, тем более —

увидеть обложки. Так в те времена функционировал шоу-бизнес. У группы было меньше прав, чем у уборщицы туалетов в офисе директора фирмы грамзаписи. Помню, путешествие в Швейцарию фургоном тянулось бесконечно долго. Мы курили травку, чтобы убить время. До фигища травы! Когда наконец-то добрались до Цюриха, подыхали с голоду, значит, первым делом направились в одну из этих вылизанных швейцарских кафешек, где устроили соревнования: кто больше всех съест банановое мороженого. Прежде чем хозяин нас вышвырнул, я успел сожрать 25 штук. Вся морда в креме. И еще парочку бы осилил.

Потом мы отправились на поиски «Hirschen Club». Оказалось, что это еще большая дыра, чем «Star Club». Там была микроскопическая сцена, в двух шагах от нее бар, было темно и повсюду крутились шлюхи. Нас разместили в завшивленной комнатушке на этаже, а значит, в первую очередь, каждый из нас должен был найти себе телочку с жилплощадью.

Однажды вечером две девчонки в чулках в сеточку пригласили меня и Гизера в гости. Девчата определенно были на работе, но я был готов на многое, только бы не спать в одной кровати с Биллом, который постоянно жаловался на то, что мои ноги воняют. А когда предложение было подкреплено травкой, я быстро сдался: — Фиг с ним, идем!

Но Гизер засомневался:

— Это шлюхи, Оззи! — повторял он. — Подхватим какой-нибудь трепак. Давай поищем других девчонок!

— Я не планирую трахаться ни с той, ни с другой! — говорю я. — Просто неохота сидеть в этой долбаной дыре.

А Гизер на это:

— Ага, так я и поверил! Та темноволосая чувиха — очень даже ничего. После пары бокалов и нескольких затяжек волшебного зелья сделает со мной все, что захочет.

— Послушай, если она будет к тебе цепляться, получит пинок под зад и мы уходим. Договорились?

— Обещаешь?

— Гизер, как только увижу, что она метит на твою шишку, стягиваю ее с тебя и сваливаем.

— Лады!

Мы идем с ними в комнату. Полумрак, Гизер с одной стороны сидит с темноволосой телочкой, с другой стороны — я, с ее страшненькой подружкой, раскурили косячок и слушаем альбом «Blind Faith» — супергруппы в составе: Эрик Клэптон, Джинджер Бэйкер, Стив Винвуд и Рик Грэх. Какое-то время в комнате царит идиллия: кайф, играет музыка, все лижутся и лапают друг друга. Но вдруг в клубах дурь-травы раздается низкий голос с

бирмингемским акцентом:

— Эй, Оззи! — кричит Гизер. — Пришло время ботинка!

Вижу, как шлюха оседлала его, а Гизер лежит с закрытыми глазами и страдальческим выражением лица. В натуре, не видел ничего смешнее.

Не знаю, трахнул он её или нет. Помню только, я ржал так, что прослезился.

По приезду из Швейцарии Джим Симпсон назначил нам встречу у себя дома.

— Хочу вам кое-что показать — сказал нам своим зловещим голосом.

Ну, значит, сидим у него после обеда в зале, нервничаем, ломаем голову над тем, что он нам, на хер, скажет. Джим открыл «дипломат» и вытащил готовую пластинку «Black Sabbath». А мы не могли вымолвить и слова. На обложке изображена жуткого вида мельница XV века (позже я узнал, что это мельница из Мэйплдюрэм над Темзой в Оксфордшире), вокруг полно засохшей листвы, посередине стоит чахлая бледнолицая женщина с длинными черными волосами, вся в черном. Гениально. Открывается раскладной конверт, а там на черном фоне перевернутый крест да жуткая поэма, написанная внутри него. Мы не оказали никакого влияния на выбор художника и перевернутый крест — символ сатанистов, о чем мы узнали позже — не имел к нам никакого отношения. Говорят, что мы были недовольны, но это все глупости, высосанные из пальца. Насколько я помню, обложка нас просто поразила. Мы глазели на нее и повторяли: — Ё-моё! Блин, клево!

Джим подошел к проигрывателю и поставил пластинку. Ее звучание меня пробрало чуть не до слез. Когда мы были в Швейцарии, Роджер и Том добавили отголоски бури и колокол в начальном аккорде заглавной песни, все звучало как звуковая дорожка к фильму. Эффект был потрясающий! До сих пор мурашки по спине бегают, когда слушаю этот альбом.

В пятницу, 13 февраля 1970 года, пластинка «Black Sabbath» поступила в продажу.

Я чувствовал себя как заново рожденный, но критики ее обосрали. У дислектиков есть такая черта, если они говорят, что не читают рецензий, значит, действительно их не читают. Но это не означает, что другие не следили за тем, что писали в газетах. Из всех неодобрительных рецензий самую худшую написал вроде бы Лестер Бэнгс из «Rolling Stone». Он был моим ровесником, но я тогда об этом не знал. В сущности, я никогда о нем не слышал, а после того, как мне рассказали, что он написал, я подумал, что

уж лучше бы и не слышал вовсе. Припоминаю как Гизер читал отзывы критиков. Помню, как сыпались такие определения как «пустословие», «дубовые», «сырое». Последнее предложение звучало примерно так: «Просто похожи на «Cream», только хуже». Что было для меня непонятно, ведь «Cream» была одной из самых лучших групп в мире.

Бэнгс умер двенадцать лет спустя, в возрасте 33 лет. Люди говорили, что он ловко жонглировал словами, ну а для нас он был напыщенным хреном — одним из многих. С тех пор нам не везло с «Rolling Stone». Но знаете что: получить разнос от такого журнала — клевое дело, благодаря этому получаешь шумиху в прессе. Музыкальные издания заполонили дети после колледжа, которые считали себя мудрецами, и возможно, они таковыми являлись. А нас, в свою очередь, выгоняли из школы в возрасте 15 лет, мы зарабатывали на жизнь на заводах и бойнях и добились чего-то, несмотря на сопротивление целой системы. Как тут не злиться, когда умники нам говорили, что мы бездари?

В то же время, считалось, что кто-то думал о нас иначе, ибо «Black Sabbath» поднялся до восьмого места в британском хит-параде и до двадцать третьего места в Штатах.

А оплеухи от «Rolling Stone» подготовили нас к тому, что наступит позже. Сомневаюсь, что кто-нибудь вообще написал о нас по-хорошему. Собственно, поэтому я критиков игнорирую. И когда слышу, что кто-то на них жалуется, говорю, что критиковать — это их работа. Поэтому их называют критиками. Но некоторые, знаете ли, перегибают палку. Помню однажды в Глазго, в нашей гостинице появился критик. Тони подходит к нему и говорит:

— Хочу поговорить с тобой, золотой ты мой!

Я не знал об этом, но парень прошелся по Тони, называя его «Джейсоном Кингом с руками строителя». В то время Джейсон Кинг был популярной личностью на телевидении, чем-то вроде частного детектива с усиками и отстойной прической. Ну, значит, Тони стоит перед ним, а тот идиот заливается смехом, что было глупо с его стороны. Тони подождал немного и говорит:

— Ну, хорошо, сынок, посмейся еще немного, а через тридцать секунд тебе будет не до смеху, — и тоже смеется.

Критик это предупреждение не воспринял всерьез и продолжает ржать. Так несколько секунд оба стоят и ржут. И тут Тони заехал ему кулаком так, что парень чуть не угодил в больницу. Я не читал его рецензии о нашем концерте, но мне сказали, что она не была хвалебной.

Батя тоже не разделил моего восхищения первым альбомом. Я никогда не забуду тот день, когда явился домой с пластинкой в

руках и заявил:

— Смотри, папа! Мой голос записан на пластинке!

Вижу, как он крутит в пальцах очки и подносит под нос обложку. Потом раскрывает конверт и говорит:

— Хм… — и прибавляет — А ты уверен, сынок, что здесь нет ошибки?

— Какой?

— Крест перевернут вверх ногами.

— Так и должно быть.

— Ага. Хорошо, ну, не стой, поставь-ка ее. Споем вместе.

Подхожу к радиоле, открываю тяжелую деревянную крышку, вкладываю пластинку, в надежде на то, что сгоревший динамик, который я туда вставил, подаст голос и включаю громкость.

Раздается первый удар грома и папа вздрагивает.

Я смотрю на него с беспокойством. А потом:

БОМ! БОМ! БОМ!

Папа кашляет.

БОМ! БОМ! БОМ!

Папа закашлялся вновь.

БОМ! БОМ! БОМ!

— Сынок, когда же.

БАМ! ТЫН! ТЫЫЫН! ДЫЫЫН!

Мой бедный батяня побледнел. Наверное, ожидал услышать что-нибудь в стиле «Knees Up Mother Brown…»[27]. Так или иначе, пластинки не выключаю, Тони и Гизер пилят на гитарах, Билл валит по кастрюлям, а я завываю про парня в черном, который забирает меня в озеро огня. Через шесть минут восемнадцать секунд папа протирает глаза и, покачивая головой, опускает взгляд. Тишина.

— Ну, что скажешь?

— Джон! — говорит отец — А ты точно уверен, что пьешь только пиво?

Покраснев как помидор, отвечаю: «Э, ну… Да, папа, а впрочем, неважно.»

Бог с ним, он так ничего и не понял.

Знаете, мое сердце было разбито. Я чувствовал, что разочаровал отца. И вовсе не из-за того, что он меня когда-либо упрекал. А из-за того, что я вылетел из школы, не умел нормально читать и писать, отсидел в тюрьме и меня выгоняли с любой работы, за какую бы я не брался. Но, в конце концов, я делал с группой то, что мне нравилось, в чем был силен. Что ж, ради этого я был готов тяжело работать. Мне просто хотелось, чтобы отец мною гордился. И не его вина в том, каким он был. Таким было его поколение. И я думаю, в глубине души он все-

таки гордился мною, по-своему.

Могу поклясться, что мы ни на секунду не принимали всерьез всю эту черную магию. Нам нравилась только театральная атмосфера. Даже мой батя вошёл в тему и в обеденный перерыв на работе сделал мне из металла улетный крест. А когда я принёс его на репетицию, все захотели такой же, пришлось попросить отца сделать еще три штуки.

Я отказывался верить, когда узнал, что есть люди, практикующие оккультисты. Чудаки в черных облачениях, с белым макияжем приставали к нам после концертов и приглашали нас на черные мессы на кладбище Highgate в Лондоне. Я им отвечал:

— Послушай, чувак, духи, которым я поклоняюсь, называются: виски, водка и джин.[28]

Однажды, группа сатанистов предложила нам сыграть концерт в Стоунхендже. Мы их послали подальше, а они пообещали послать на нас проклятие. Что это была за хрень! Тогда в Англии был даже свой верховный ведьмак по имени Алекс Сандерс. Я никогда с ним не встречался — никогда и не хотел. По секрету, однажды, мы купили табличку Уижа и устроили небольшой спиритический сеанс. И нагнали страху друг на друга.

Поздно ночью, Бог весть в котором часу, Билл звонит мне и говорит:

— Оззи! Я думаю, у меня в доме привидение!

— Ну, так продавай билеты, — отвечаю ему и кладу трубку.

Весь этот дьявольский маскарад послужил нам невероятной бесплатной рекламой. Люди просто сходили с ума. В день выпуска пластинка «Black Sabbath» разошлась в пяти тысячах экземпляров, а к концу года мировые продажи приблизились к миллиону.

Мы протирали глаза от изумления.

Джим Симпсон вроде бы тоже до конца в это не верил. Бедный, он не мог с этим управиться. Его офис находился в Бирмингеме, далеко от Лондона, который был центром всех событий, он вынужден был заботиться обо всем сам: Джим вёл дела других групп, никого не нанял себе в помощь и, кроме того, был еще «Henry's House Blues». Из-за этого он начал нас раздражать. Во-первых, мы не получали денег. Джим не разводил на нас на бабки — он является одним из самых честных людей в шоу-бизнесе, но «Philips» зажимал гонорары, а Джим был не из тех, кто поедет на фирму и устроит скандал. Прибавьте сюда Америку. Мы хотели туда лететь, притом немедленно, это значит

— должны были подготовиться к этому как следует, т. е. не перегнуть палку с дьявольщиной, мы не хотели прославиться как почитатели «семьи Мэнсона»[29]. За это нас бы подвесили за яйца. Долго ждать не пришлось, лондонские акулы разнюхали кровь в воде, т. к. начались трения с Джимом. И начали кружить вокруг нас. Они прицепились и видели горящие неоновыми огнями громадные знаки фунтов стерлингов. Наш первый альбом обошелся максимум в 500 фунтов, значит, заработки были астрономическими.

Первым нам позвонил Дон Арден. Мы ничего о нем не знали, кроме клички «Mr.Big». А потом услышали историю о том, что он может свесить человека вниз головой с пятого этажа своего офиса на Карнаби стрит или погасить сигару у посетителя на лбу. А в дополнение, требовал, чтобы деньги по контрактам ему приносили лично в коричневых бумажных пакетах. Ну, мы слегка подссыкали, когда ехали в Лондон на первую встречу. Когда вышли из поезда на станции Euston, нас уже ожидал его голубой «Роллс-Ройс». Я никогда не ездил на «Роллс-Ройсе». Сидел на заднем сиденье как король Англии и думал: «Три года назад ты чистил желудки на бойне, а позже накладывал собачью жратву педофилам в Винсон Грин. Смотри, где ты теперь».

Дон имел репутацию человека, который мог из кого угодно сделать звезду мирового масштаба, но, и пользуясь случаем, обдирал его до нитки, не прибегая к сложным финансовым комбинациям в стиле Берни Мэдоффа[30]. Просто, бля, не платил и все. Было бы так: «Дон, ты должен мне миллион фунтов, могу я получить деньги?» А он на это: «Нет, не можешь!» Конец разговора. А если бы вы явились в его офис, чтобы лично просить деньги, весьма вероятно, что вас увезли оттуда на «скорой помощи».

Только мы не хотели, чтобы из нас кто-то делал знаменитостей. Мы практически ими были. Но, несмотря на это, уселись в офисе Дона и слушали его речи. Мужик он был невысокий, но крепко сбитый и опасный как разозленный ротвейлер. И очень громко говорил. Он схватил трубку, соединился с секретаршей и рявкнул так, что вся планета задрожала.

В конце разговора мы встали, чтобы сказать, как приятно нам было познакомиться, тра-ля-ля, хотя никто из нас не хотел иметь с ним дела. Когда мы вышли из кабинета, он представил нас телке, на которую постоянно орал по телефону во время встречи.

— Это Шарон, моя дочь — буркнул он — Шарон, проводи парней к машине, хорошо?

Я широко улыбнулся ей, а она посмотрела на меня

неуверенно. Наверно, подумала, что я псих, стою перед ней босиком, частично в пижаме и с краном на шее. Но потом, когда Дон, пыхтя, скрылся за дверями своего кабинета, я отмочил какую-то шутку и она улыбнулась. Я чуть не свалился на пол. Это была самая прекрасная улыбка проказницы, которую я видел в жизни. Вдогонку, она еще раз рассмеялась. Я чувствовал себя счастливым. Хотел, чтобы она делала это снова и снова.

До сих пор меня мучают угрызения совести из-за того, как мы обошлись с Джимом Симпсоном. Я так думаю, он просто не прошел испытания. Спустя столько лет легко говорить, что должен, а что не должен был тогда сделать Симпсон, но если бы он понял, что мы переросли его возможности, мог бы нас перепродать другой менеджерской фирме или поручить управление нами посреднику. Не хватило ему целеустремленности, чтобы так поступить. А мы так мечтали о выезде в Штаты и продолжении карьеры, что не хотелось ждать пока этот парень раздуплится.

В конце концов, нас перехватил некий хитрец по имени Патрик Миэн, немного старше нас. Он занялся продюсерским обдираловом вместе с отцом, каскадером из ТВ шоу «Danger Man», а позже работал на Дона Ардена, сперва шофером, а потом главным курьером у таких групп как «Small Faces» и «Animals». С Патриком работал еще один бывший подручный Дона Ардена — Вильф Пайн. Мне нравился этот Вильф, сильно, напоминал мне бандита из комикса: невысокий, крепкий как бетонная болванка и, вдобавок, огромная циничная морда, как из фильма. Думаю, он больше понтовался, хотя, скажу вам откровенно, если ему хотелось подраться, кто-то мог неплохо огрести. Пайн долго был личным телохранителем Дона, а в то время, когда мы были знакомы, часто посещал тюрьму Брикстон: навещал там братьев-близнецов Крэй[31], которых недавно посадили. Этот Вильф, был парень что надо. Мы прикалывались над ним.

— А ты в курсе, что ты псих? — говорил он мне.

Патрик ничем не напоминал ни Дона, ни Вильфа, да и своего отца, в общем, тоже. Был приятным, говорливым, всегда невозмутим и быстр, дамочки так и тёрлись возле него. Он всегда щеголял в костюмах, ездил на «Роллс-Ройсе», носил длинные волосы, но не очень. Ни у одного парня не видел на пальцах столько перстней с брильянтами. Наверняка, многому научился у Дона Ардена. Патрик использовал против нас все эти штучки из учебника: был лимузин с шофером, обед с шампанским, беспрерывные комплименты и притворное удивление, что мы еще не мультимиллионеры. Обещал, что если мы подпишем с ним

контракт, у нас будут тачки, дома, девочки, дословно все. Достаточно будет позвонить и попросить. Рассказывал нам детские сказки, но такие, в которые мы хотели поверить. В общем, было в этом немного правды. Шоу-бизнес — это нормальное поле для зарабатывания денег. Когда идут продажи, все зашибись, но только что-то застопорится, как сразу льется кровь и начинаются суды.

Точно не помню, когда и при каких обстоятельствах мы расстались с Джимом — вроде бы, не выгнали его так, в наглую, но какая разница — только в сентябре 1970 года «Big Bear Management» была в прошлом, а мы сотрудничали с «Worldwide Artists», фирмой Миэна.

Джим в три с половиной секунды подал на нас в суд. Мы получили повестку, когда были за кулисами концертного зала на Женевском озере и готовились к следующей части нашего концерта. Не в последний раз с нами такое случалось. Джим также обвинил Миэна в переманивании. Процессы тянулись годами. Считаю, что Джим в определенной степени был потерпевшим, не продумав все детали. В общем, это он убедил «Philips» посмотреть на нас, что и привело к заключению контракта на запись пластинки. И даже если отсудил немного денег, то за много лет сильно потратился на адвокатов. А значит, это была так себе победа. Вот так иметь дело с юристами, в чем мы убедились на собственной шкуре. Самое смешное то, что я встречаюсь время от времени с Джимом. Мы как друзья в «Одноклассниках». Он много сделал для музыки в Бирмингеме, этот Джим Симпсон. И до сих пор работает. Желаю ему только хорошего, в самом деле.

Однако в то время мы считали, что избавиться от Джима — это самое лучшее, что нам удалось сделать. Казалось, что мы выиграли в лотерею: деньги сыпались с неба. Каждый день я раздумывал, что бы попросить:

— Э… алле! Это офис Патрика Миэна? Говорит Оззи Осборн. Мне бы пригодился «Триумф Геральд» кабриолет. Можете выслать зеленый? Спасибо!

Бац и вдруг — та-даам! — на следующее утро заказанная херовина стоит возле дома, под дворник подложен конверт с документами, которые нужно подписать и отослать обратно. Миэн слово держал; неважно, что мы просили, достаточно только попросить. Сперва, это было не бог весть что: получали деньги на текущие расходы, значит, хватало на пиво, сигареты, ботинки на платформе, кожаные куртки. Мы могли позволить себе останавливаться в гостиницах вместо того, чтобы спать в фургоне Тони.

А в то время продажи пластинки росли. Только что плелись в хвосте групп из Бирмингема, а тут, одним махом, опередили почти всех. Только мы не догадывались, что Миэн львиную часть доходов забирал себе. И многое из того, что он нам давал, формально принадлежало нам. За кулисами выжимал нас как лимон. И знаете что? Спустя годы, я много об этом думал и пришел к выводу, что нам грех жаловаться. Мы стартовали в Астоне с пустыми карманами и большими надеждами, а в возрасте двадцати с гаком лет жили как короли. Уже не должны были сами таскать аппаратуру, не должны были готовить еду, нам осталось только завязывание шнурков. А если этого было недостаточно, на блюдечке появлялось все, о чем мы только попросили.

Вы должны увидеть коллекцию «Ламборджини», которую собрал Тони. Даже Билл получил в пользование «Роллс-Ройс» с личным водителем. Наше видение было таким: делить бабки поровну на четыре части. Тони готовил аккорды, Гизер писал тексты, я занимался мелодиями, а Билл безумствовал за барабанами. У каждого было ответственное задание, значит, все получали одинаковую долю. Я так думаю, что именно поэтому мы продержались долго. Никогда не было ссор по поводу того, кто чем должен заниматься. А когда хотелось показать нечто больше, например, Билл хотел петь или я хотел что-то написать, без проблем. Никто не садился с калькулятором, чтобы пересчитать сумму гонорара. Прошу заметить, мы делали то, что хотели делать, также и потому, что у нас была абсолютная свобода творчества. Ни одна «шишка» из фирмы грамзаписи не указывала, как нам играть. Некоторые пробовали, но мы указали им место, куда они могут засунуть свои требования.

Сегодня редкая группа имеет столько свободы.

Жаль только одного: я не давал больше денег родителям. А ведь, если бы не батяня, который купил в кредит аппаратуру, у меня не было никаких шансов. Возможно снова занялся бы кражами. А может до сих пор просидел бы в тюрьме? Как-то о родителях не подумал. Был молод, часто под кайфом, а мое эго начинало управлять миром. В общем, может и был я богатым, но наличность имел крайне редко. Достаточно было позвонить в офис Патрика Миэна и сделать заказ, но это не одно и тоже, когда у тебя есть деньги и ты можешь сорить ими налево и направо. Фактически, только тогда срубил большое бабло, когда до меня дошло, что могу продавать то, что получаю от менеджерской фирмы. Однажды толкнул «Роллс-Ройс». Остальные тоже быстро научились этому трюку. Но как мне это объяснить родителям, если я ходил головой в облаках? Не могу сказать, что не давал им

ничего, но с абсолютной уверенностью не давал им столько, сколько им было положено. Это можно было понять по атмосфере на Лодж Роуд, 14, только я переступал порог дома. Спрашивал маму:

— Что-то не так?

Она отвечала:

— Нет, что ты.

— Но ведь вижу, что что-то не так. Скажи.

Мама ничего не говорила, но и так вопрос висел в воздухе: деньги, деньги и еще раз деньги. Ничего, кроме денег. Нет, чтобы сказать: «Я горжусь тобой, сынок. Молодец, наконец-то тебе повезло, ты тяжело работал. Выпей чайку. Я люблю тебя». Только деньги! Это меня, в конце концов, и отвернуло от дома. Я не хотел там находиться, чувствовал себя не в своей тарелке. Допускаю, что у них никогда не было своих денег, а значит, хотели поиметь мои. В общем-то, справедливо. Нужно было им дать эти деньги.

Но я не дал.

Вместо этого познакомился с девушкой и переехал.

4. «Чуваки, никакие вы не черные!»

С противоположным полом у меня по-прежнему не клеилось. Даже когда наш первый альбом стал золотым, красивые девчонки мне как-то не попадались. «Black Sabbath» была группой для пацанов. В нас летели окурки и пивные бутылки, а не кружевное белье. Мы даже шутили, что если на наши концерты приходят группи[32], то только двухпакетницы, трахнуть которых можно было только надев на голову два пакета, чтобы не видеть их лица. Одного пакета было явно недостаточно. Откровенно говоря, в большинстве случаев я был рад и двухпакетнице. Девчонки, которые после концерта хотели затянуть меня в постель, обычно были трех- или даже четырехпакетницами. Однажды ночью в Ньюкасле мне показалось, что мне попалась пятипакетница (такая красавица, что нужно было воспользоваться всеми пятью пакетами).

Ночка выдалась забойной. Если мне не изменяет память, пролилось море джина.

Несмотря на все это, я продолжал искать возможность перепихнуться. Одним из мест, куда я выбирался на охоту, был «Rum Runner», ночной клуб на Брод-стрит в Бирмингеме. Школьный приятель Тони работал там вышибалой. «Rum Runner» был местом популярным (годы спустя, «Duran Duran» какое-то время играли здесь на постоянной основе), так что было клево иметь там знакомого, который мог пропустить в клуб без лишних вопросов.

Однажды вечером, вскоре после подписания контракта на запись пластинки, я выбрался с Тони в «Rum Runner». Это было еще до знакомства с Патриком Миэном, а значит, мы были без гроша. Приехали на подержанной тачке Тони, по-моему, на «Форде Кортина». Во всяком случае, это была старая развалюха. Альберт, как обычно, приветствует нас у дверей, вышибалы отцепляют веревку, чтобы пропустить нас внутрь, и первое, что я вижу — темноволосая чикса, работающая в раздевалке.

— Кто такая? — спрашиваю Альберта.

— Телма Райли — отвечает он. — Красотка. К тому же, сообразительная. Но разведенка, с ребенком, так что, смотри в оба.

Мне было по барабану.

Она была красивой и я хотел с ней поговорить. А значит, сделал то, что делал всегда, чтобы подцепить телочку: я нажрался. Но в ту ночь случилось нечто удивительное, потому что старая тактика напиться до невменяемого состояния не

подвела: я вытащил Телму на танцпол. Тони танцевал с ее подругой. А потом все вместе мы поехали к Тони домой на его «Кортине»; я всю дорогу на заднем сиденье активно искал подходы к Телме языком и руками.

Тони бросил подружку Телмы уже на следующий день, а мы продолжали встречаться. И когда атмосфера на Лодж Роуд, 14 стала совсем невыносимой, мы сняли квартиру над прачечной в Эджбастоне, шикарном районе Бирмингема.

Примерно через год, в 1971 году, мы официально поженились. Я думал, что так и должно быть: скопил немного бабла, нашёл себе девчонку, женился, остепенился и стал чаще ходить в пивную.

Как же я ошибался!

За несколько месяцев до моей свадьбы, «Black Sabbath» наконец-то приступили к покорению Америки. Помню, перед отъездом нам позвонил отец Патрика Миэна: собрал нас в лондонском офисе и сказал, что мы будем «послами британской музыки», так что нам, сука, надо хорошо себя вести.

Мы только покивали и пропустили его слова мимо ушей.

И в самом деле, я старался не перегнуть палку с бухлом пока не доехал до аэропорта. Но вот чего я не знал, так это о том, что в аэропортах есть бары, ну, и не смог отказать себе в удовольствии принять по-быстряку чуток для успокоения нервов. Когда объявили посадку в самолет, я был уже бухой в стельку. Потом мы узнали, что с нами на борту оказались «Traffic». Я никак не мог поверить в то, что одним рейсом со мной летит Стив Винвуд. Первый раз в жизни почувствовал себя настоящей рок-звездой.

Несмотря на количество выпитого, полет до аэропорта JFK [33] длился для меня целую вечность. Я смотрел в иллюминатор и думал: «Как эта херовина держится в воздухе?» Потом мы пролетели над Манхэттеном, где только строили ВТЦ [34], до половины зашитый в леса и стальные конструкции, и приземлились на заходе солнца. Помню, был теплый вечер, и ничего подобного я ранее не испытывал. Вечер в Нью-Йорке, знаете ли, имеет специфический запах. Мне он страшно понравился. А вообще-то, я к тому времени был в запредельном ауте. Обслуживающий персонал самолета буквально вынул меня из кресла, а позже я грохнулся на ступеньках трапа.

Когда добрался до паспортного контроля, у меня началось похмелье. Так трещала башка, что я не помнил, что для прикола написал в визовом формуляре. В графе «вероисповедание» написал «сатанист». Парень берет у меня формуляр и начинает читать. Дочитав до половины, он делает паузу, со скучным

выражением лица смотрит на меня.

— Сатанист, говоришь? — сильный акцент выдает обитателя Бронкса.

Вдруг меня прошибает пот: «Ох, ёб…»

Но у меня не было шанса объясниться, потому что он ставит печать и кричит: «Следующий!»

«Добро пожаловать в Нью-Йорк!» — гласит надпись над его головой.

Мы забрали багаж с ленты, и оказались в очереди на такси у выхода из зала прилетов. Хер его знает, что все эти бизнесмены (а каждый в костюме, при галстуке, с чемоданами) думали, стоя рядом с патлатым, немытым и угашенным жителем Бирмингема, который носит на шее водопроводный кран, старые вонючие джинсы с надписью «Peace» и символом пацифистов на одной штанине, и лозунгом «Black Panthers — рулят!» и знаком черного кулака — на другой.

Когда мы так стояли и ждали, рядом проехала огромная желтая машина. У нее, наверное, было девятнадцать или двадцать дверей.

— Я знал, что здесь большие тачки — буркнул я. — Но не настолько же.

— Это лимузин, придурок! — сказал Тони.

До отъезда из Англии мы записали следующую пластинку. Она была готова всего через пять месяцев после выхода «Black Sabbath», во что трудно поверить, принимая во внимание, какими черепашьими темпами нынче записывают альбомы. Изначально, он должен был называться «Warpiggers», это значило, колдовская свадьба или что-то в этом роде. Потом мы изменили название на «War Pigs» (военные свиньи), а Гизер написал мощные тексты про смерть и разрушения. Неудивительно, что на наши концерты девок не затянешь. Гизера просто не интересовали слащавые попсовые песенки про любовь. Даже если случались тексты «парень встретил девушку», то всегда был элемент неожиданности. Возьмем, например, вещицу с первого альбома «N.I.B», где парень оказывается дьяволом. Гизер любил писать на злобу дня, например, о войне во Вьетнаме. Он всегда держал руку на пульсе, этот Гизер.

Для записи пластинки мы снова оказались в «Regent Sound» в Сохо, перед этим несколько недель репетировали в бывшем амбаре, принадлежащем «Rockfield Studios» в Южном Уэльсе. Студийное время стоило тогда целое состояние, нам не хотелось заниматься херней, зная, что тикает счетчик. Закончив запись, мы перебрались в «Island Studios» в Ноттинг Хилл, чтобы свести

готовый материал. И тогда Роджер Бэйн понял, что нам не хватает нескольких минут музыки. Помню, во время перерыва, выходит из аппаратной и говорит:

— Послушайте, парни, нужно еще что-то добавить для метражу. Можете что-нибудь сымпровизировать?

Все уже изошли слюной, глядя на бутерброды, однако Тони занялся новыми аккордами, Билл сыграл несколько ритмических рисунков, я пропел мелодию, а Гизер в углу набросал текст.

Через двадцать минут у нас была песня под названием «The Paranoid», которая к концу дня превратилась просто в «Paranoid». С лучшими песнями так всегда: они приходят из ниоткуда, когда никто особенно не старается. Интересно, что «Paranoid» не вписывался ни в одну категорию: это была песня, похожая на панковскую, хотя панк начался много лет спустя. Мы предполагали, что «Paranoid» ни хрена не ст**о**ит, по сравнению с такими хитами как «Hand of Doom» и «Iron Man» или другими тяжелыми композициями. Но эта песня цепляла. Я все время напевал её по дороге со студии домой.

— Телма! — говорю по возвращении в Эджбастон. — Мы вроде записали сингл.

Она окинула меня взглядом, как будто хотела сказать: «Ну-ну! Давай, заливай!»

Смешно, правда? Если бы тогда кто-то сказал нам, что люди будут слушать эти песни сорок лет спустя и что альбом разойдется только в Америке в количестве более четырех миллионов экземпляров, мы бы рассмеялись этому человеку в лицо. Но дело в том, что Тони Айомми оказался одним из лучших творцов тяжелых аккордов в истории рока. Всякий раз, оказавшись в студии, мы всегда подначивали его, чтобы он превзошел свой последний рифф. И тогда Тони выкатывал что-нибудь в стиле «Iron Man», чем приводил всех в восторг.

Но «Paranoid» — это было нечто иное. Спустя две секунды после прослушивания песни, боссы из «Vertigo» весь альбом назвали «Paranoid». И вовсе не потому, что «War Pigs» мог задеть чувства американцев из-за Вьетнама, по крайней мере, мне так кажется. Нет, они просто протащились от нашей трехминутной поп-песенки, поскольку считали, что ее возьмут на радио, а групп вроде нашей, никогда в эфире не было. И очень хорошо, что альбом получил такое же название как и сингл, это облегчило его рекламу в музыкальных магазинах.

Боссы не ошиблись. «Paranoid» сразу занял четвертое место среди британских синглов и позволил нам выступить в передаче «Top Of The Pops», в компании, среди прочих, Клиффа Ричарда. Была только проблема с обложкой пластинки, подготовленной до

изменения названия и сейчас утратившей всякий смысл. Что общего с паранойей у четырех розовых парней, которые держат щиты и размахивают мечами? Парни были розовыми, потому что таков, предположительно, был цвет военных свиней. Но без надписи «War Pigs» на обложке, они смотрелись как геи, которые пробуют фехтовать.

— Это не геи-фехтовальщики, Оззи — сказал мне Билл. — Это параноидальные геи-фехтовальщики.

Выступление в «Top Of The Pops» было тогда самым важным событием в моей жизни. Когда я подрастал в Астоне, семейство Осборнов в полном составе еженедельно усаживалось перед телевизором, чтобы посмотреть передачу. Даже моей маме нравилось. Родители потеряли дар речи, когда узнали, что меня покажут по телеку. В те времена пятнадцать миллионов человек каждую неделю смотрело «Top Of The Pops», а «Pan's People» продолжали совершенствовать хипповые танцы в перерывах между выступлениями.

Было классно, чувак.

Помню, как был под впечатлением от Клиффа Ричарда, потому что он спел живьем под аккомпанемент **полного** оркестра.

Мы не прикалывались над ним, ничего подобного; в конце концов, не так давно сам в семейном кругу пел «Living Doll». Клифф вроде бы исполнил тогда «I Ain't Got Time Any More». Много лет я не видел этой записи, может ее стерли, чтобы освободить бобину, так часто случалось на Би-Би-Си. Ну, что я вам скажу: вовсе не удивился бы, если в программе «Top Of The Pops» 1970 года он выглядел старше, чем теперь. Его счетчик лет крутится в обратную сторону. Всякий раз, когда я его встречаю, оказывается, что он опять сбросил пару лет.

Когда пришла наша очередь, меня парализовал страх. Оставшееся трио не должно было сыграть ни одной ноты: просто вжиться в обстановку и притопывать в такт фонограмме. А я должен был петь живьем. Это было мое первое выступление на телевидении, и я срал в штаны так, как не срал никогда в жизни. Просто ужас. Во рту так пересохло, мне казалось, будто он переполнен ватой. Но как-то выкрутился.

Родители смотрели меня по телеку, о чем я узнал от братьев пару дней спустя. Даже если они гордились мною, то не сказали об этом. Все же тешу себя надеждой, что гордились.

Эта песня изменила нашу жизнь. Я любил ее петь. Через пару недель на наших концертах стали появляться истеричные девчонки, бросавшие в нас трусами, это была приятная новость. И

в тоже время мы были обеспокоены тем, что наши преданные поклонники могут обозлиться на нас. Сразу после «Top Of The Pops», мы выступали в Париже. После концерта ко мне прилепилась премилая французская девушка. Привела меня к себе и отдрюкала так, что перья летели. Я не понял ни слова из того, что она говорила. Порою так даже лучше, если знакомство должно длиться одну ночь.

Америка казалась для меня прекрасной.

Взять, например, пиццу. Я тогда мечтал, чтобы кто-нибудь изобрел новый вид еды. В Англии у нас всегда яичница с жареной картошкой, сосиски с жареной картошкой, пирог с жареной картошкой. Ко всему подавался картофель. Знаете, в конце концов, это надоедает. Но в начале 70-х, в Бирмингеме было трудно найти салат руккола с тонко нарезанными кусочками пармезана. А если что-то не жарилось на жиру, то люди спрашивали: «Что это за хрень?!» И только в Нью-Йорке я открыл для себя пиццу. Это знакомство снесло мне башню. Пожирал десять, двадцать кусков в день. А когда до меня дошло, что могу купить себе большую пиццу, начал заказывать ее где только можно. Уже не мог дождаться возвращения домой, чтобы рассказать всем корешам: «Послушайте, это бомба! Это из Америки и называется пицца. Похожа на хлеб, только в тысячу раз лучше!» Однажды попробовал воспроизвести нью-йоркскую пиццу дома, чтобы Телма попробовала. Приготовил тесто, натаскал банок с фасолью, сардинами, оливками и прочей дрянью и все высыпал наверх. Товару вбухал на пятнадцать целковых. Но через десять минут все начало растекаться в духовке, как будто кто-то там наблевал.

Телма смотрит и говорит:

— Мне, наверно, пицца не понравится, Джон.

Она никогда не назвала меня Оззи, моя первая жена. Ни разу, сколько ее знаю.

Другая обалденная вещь, с которой познакомился в Америке, был «Harvey Wallbanger»: коктейль из водки, ликера «Гальяно» и апельсинового сока. Эта херовина могла свалить меня с ног. Я выпил столько «волбэнгеров», что сейчас их на дух не переношу. Только понюхаю и со старта блюю.

Отдельная тема, это американские девушки, совсем не такие, как в Англии. Ну, скажем, вы познакомились с британской чиксой. Мило улыбаетесь, а потом все идет по накатанной: приглашаете ее в кабачок, покупаете подарки, а примерно через месяц спрашиваете, не хотела бы она **немного пошалить.** В Америке девушки сами подходят к вам и предлагают: «Пойдем трахнемся!» И пальцем не надо шевелить.

Мы узнали об этом в первую же ночь, когда остановились на ночлег в мотеле «Loew's Midtown Motor Inn» на углу 8 Авеню и 48 стрит, в довольно гадкой части города. Я не мог уснуть из-за смены часовых поясов, что так же являлось для меня новым, презабавным опытом. Ну, значит, лежу я с открытыми глазами, три часа ночи, кто-то стучит в дверь. Встаю, открываю, а там — тощая телка в тренче. Расстегивает пуговицы и я вижу, что под ним ничего нет, чувиха голая.

— Можно войти? — шепчет она сексуальным гортанным голосом.

И что я должен был ответить? «Нет, дорогая, спасибо. Я немного занят?»

Ну, значит, беру ее в оборот, а когда совсем рассвело, она поднимает с полу плащ, целует меня в щечку и отваливает.

Позже, когда все сидим за завтраком и пробуем понять, с чем едят кленовый сироп (Гизер полил им свои драники), я говорю:

— Вы не поверите, что со мною случилось ночью.

— А я поверю! — отвечает Билл и легко покашливает. Оказалось, что к каждому из нас ночью постучались. **Со стороны устроителя гастролей это был акт гостеприимства по-американски.** Хотя, судя по тому, как моя барышня выглядела при дневном свете — вполне могла разменять четвертый десяток — наверняка, он сделал оптовый заказ.

Во время двухмесячного путешествия по Америке нужно было преодолевать такие расстояния, которые в Англии даже представить трудно. Мы играли в «Филмор Ист» на Манхеттене, играли в «Филмор Вест» в Сан-Франциско, поехали даже во Флориду, где первый раз удалось поплавать в бассейне под открытым небом: дело было в полночь, я отправился плавать, предварительно взбодрившись алкоголем и травкой. Красота! Так же во Флориде в первый раз увидел настоящий бирюзовый океан.

Билл не переносил перелетов и на концерты чаще всего мы добирались на машине, что стало для нас своеобразным ритуалом. Героические путешествия в компании Билла принадлежали к самым светлым моментам моих американских гастролей. Мы проводили вместе столько времени в арендованных кемпинговых прицепах GMC, что сошлись так, как два бандюка. Спустя какое-то время, Билл нанял шофером своего зятя Дэйва, благодаря чему у нас было больше времени накачивать себя наркотой и бухлом. Невероятно, как хорошо можно узнать человека во время гастролей. Например, по утрам, Билл выпивал чашечку кофе, стакан апельсинового сока, стакан молока и пиво. Всегда именно в этой последовательности.

Когда-то я спросил, почему он так делает.

— Кофе ставит меня на ноги — ответил Билл. — В соке есть витамины, благодаря этому я не болею, молоко создает защитную оболочку в желудке на целый день, а пиво для того, чтобы снова заснуть.

— Ага. Тогда понятно.

Смешной кореш, этот Билл. Помню, когда-то конкретно затарили прицеп пивом и сигаретами, за рулем сидел Дэйв. Нам предстоял большой переезд из Нью-Йорка в какую-то местность на Восточном побережье.

Поэтому мы встали пораньше, несмотря на то, что нехило погудели ночью. Дэйв занудствовал, что перед сном съел хреновую пиццу. На вкус была как крысиное говно, так и сказал. В семь или в восемь утра я оказался на месте пассажира, меня мучило похмелье и клонило в сон. Дэйв с кислой миной рулит, а Билл давит на массу на заднем сиденье.

Я открываю окно и раскуриваю косячок, потом оборачиваюсь и вижу, что физиономия Дэйва зеленеет.

— Ты в порядке, Дэйв? — спрашиваю и выпускаю дым в кабину.

— Да, я…

И тут его прорвало. БЭЭЭЭЭ!

Он заблевал панель управления, а непереваренные кусочки сыра, теста вместе с томатным соусом начали стекать в вентиляционные отверстия и заляпали мне пачку сигарет. Одного вида и запаха хватило, чтобы мы начали блевать в два ствола.

— О, нет! — говорю. — Дэйв, я вроде сейчас. БЭЭЭЭЭ!

Значит так, имеем фургон, залитый содержимым двух желудков. Вонища — капец! Но Билл ничего не чувствует, знай себе храпит.

Въезжаем на первую же стоянку для грузовиков. Я бегу и спрашиваю у продавщицы в магазинчике, нет ли какого-нибудь освежителя воздуха. Вариант отмыть блевотину даже не рассматривался, но что-то надо было делать с вонизмом. Нам казалось, что даже водители обгонявших нас машин затыкали нос. Но продавщица, бля, не врубается, что я ей говорю. В конце концов, одуплилась:

— Ах, вот вы о чем! — и протягивает мне аэрозольную упаковку с запахом мяты. — Хотя я лично не советую.

— Хер с ним — думаю я и покупаю. Бегом возвращаюсь в машину, громко хлопаю дверью, а когда Дэйв выезжает с паркинга, распыляю эту хрень.

Вдруг с заднего сиденья послышался шорох и бормотанье. Оглядываюсь и вижу Билла, который уже сидит и выглядит исключительно паршиво. Он выдержал вонь блевотины, но запах

мяты был за пределами его возможностей.

— Боже! — говорит он. — Что здесь, на хрен, так воняет.

…БЭЭЭЭЭ!

Наш первый американский концерт состоялся в клубе «Ungano's» на 70 West Street в Нью-Йорке. Сразу после этого выступали в «Филмор Ист» вместе с Родом Стюартом и «Faces». Мы обиделись на «Faces», потому что те не оставили нам времени на настройку звука. А Род держался от нас подальше. Вспоминая этот случай, думаю, что он не был в восторге от такого разогрева как «Black Sabbath». Мы были немытыми хулиганами, а Род Стюарт — голубоглазым пареньком. Но он был в порядке, этот Род. Всегда вежливый. Я считаю, что он феноменально пел.

Два месяца тянулись целую вечность, ведь мы были вдали от дома. Тосковали по Англии, как не знаю что. Особенно, когда говорили о том, как уже не можем дождаться того момента, когда пойдем в паб и расскажем всем про Америку. В те времена, полет в Штаты был как экспедиция на Марс. Из-за дорогих билетов редкий британец летал за океан.

Лучшим способом не думать о доме были приколы. Среди прочего, мы прикалывались над американским акцентом. Всякий раз, когда портье в отеле обращался ко мне «мистер Озз-бёрн», нас плющило от смеха. Потом в гостиничных ресторанах мы проделывали такой номер: во время завтрака один из нас мёлся к администратору и просил найти мистера Харри Боллокса. Ну, значит все сидят, поедают гамбургеры, а тут входит посыльный и кричит: «Я ищу господина Хэйри Боллокса! Здесь есть господин Хэйри Боллокс?»[35].

Билл ржал так, что у него заболело пузо.

Но самый большой культурный шок мы испытали на концерте в Филадельфии. В зале в основном собралась черная публика, и можно сказать, что они ненавидели нашу музыку. Мы отыграли «War Pigs», а тишина стоит такая, можно услышать, как булавка упала. Один парень, громадный верзила с прической афро, сидит на подоконнике и каждые две минуты орет: «Эй, ты! «Black Sabbath!»». Я задумался, какого хера его заклинило? Чего ему надо? А он подумал, что меня зовут Black Sabbath. Во всяком случае, где-то в середине концерта и под конец на какой-то вещи, он опять за свое: «Эй, ты! «Black Sabbath!»». Мое терпение в тот момент лопнуло. Я подхожу на край сцены, смотрю на него и спрашиваю:

— Хорошо, старик, твоя взяла. Какого хрена тебе от меня нужно? Просто скажи! В чем дело?

Он смотрит на меня удивленно:

— Парни, никакие вы не черные!

По секрету скажу, это был наш единственный неудачный концерт.

Мы были потрясены тем, что в Америке так круто продается наша пластинка «Black Sabbath». Она просто улетала. Наша американская фирма грамзаписи «Warner Bros» так этому обрадовалась, что решила перенести премьеру «Paranoid» на январь следующего года.

Где бы мы не выступали, на концерты валили толпы, начали появляться группи.

Наше первое безумное приключение с поклонницами имело место в «Holiday Inn» где-то в Калифорнии. Патрик Миэн обычно бронировал для нас номера в самых говеных гостиницах. Зачастую мы жили все вместе в каком-то зачуханом мотеле на окраине города, к тому же, в одном номере за пять баксов. По нашим меркам, «Holiday Inn» был люксом. У меня в номере была ванная с душем, телефон и телевизор. Даже кровать с водяным матрацем, последний писк моды в то время. Я любил спать на таких кроватях — мне чудилось, будто я плаваю на матраце посреди океана.

Во всяком случае, мы заселились в «Holiday Inn», я только что закончил разговор с Телмой по телефону, как вдруг слышу стук. Открываю дверь, а там смазливая телочка в соблазнительном платьице.

— Оззи? — говорит. — Клевый концерт. Мы можем поговорить?

И только вошла, сбрасывает платье; трали-вали и отваливает, я даже не успел спросить как ее зовут. Через пять минут снова стук. Думаю: «Наверное, что-то забыла в номере». Ну, я встаю и открываю дверь. А там другая телка.

— Оззи? — говорит она. — Клевый концерт. Мы можем поговорить?

Ее платье уже лежит на полу, так же как мои брюки, потом пять минут мы плаваем на матраце, над ней колышется моя волосатая жопа, приятно познакомиться, покедова, она уходит.

«Эти гостиницы, бля, просто сказка!» — подумал я. И вдруг снова стук.

Вы, наверное, догадываетесь, что произошло дальше.

В ту ночь я уработал трех телок. Трех! Мне даже не нужно было выходить из номера. Скажу вам откровенно, на последней дуське я слегка подсел. Пришлось воспользоваться особым запасом.

В конце концов, решил проверить, откуда, на хрен, берутся

все эти шмоньки. Спускаюсь в бар, а там никого. Я спрашиваю у парня в вестибюле:

— А куда все подевались?

— Ваши английские товарищи? Проверьте у бассейна.

Лифт доставляет меня на крышу, открываются двери и я глазам своим не верю. Сцены как из «Калигулы». Десятки офигенных девчонок, самых красивых, каких только можно представить, все голышом. Слева, справа и где угодно — отсосы, треугольники, что угодно. Я раскуриваю косячок, сажусь на лежак между двумя лесбиянками и начинаю петь «Боже, благослови Америку».

Но по Америке нас сопровождали не только поклонницы. Было множество придурков, которые к черной магии относились серьезно. Перед нашим вылетом в Штаты, кто-то прислал нам фильм, в котором показан парад сатанистов в Сан-Франциско, устроенный в нашу честь. Кент, который выглядел как Минг Беспощадный[36], восседал в кабриолете «Роллс-Ройс», а на улице вокруг него танцевали полуголые девицы. Парня звали Антон ЛяВи, он был Верховным Жрецом Церкви Сатаны — что за хрень! — и даже написал книгу под названием «Библия Сатаны».

Мы подумали: «Да ну его на хер!»

Знаете ли, у меня есть такая теория, про людей, для которых эти бредни являются смыслом жизни: они занимаются этим, потому что так можно устраивать сексуальные оргии.

А это уже было похоже на правду.

Но мы не хотели иметь с этим ничего общего. Люди озаботились убийством Шарон Тэйт, а значит, мы не хотели прославиться в роли членов «Семьи» Чарлза Мэнсона. Только пару месяцев назад играли в «Henry's Blues House», развлекая десяток посетителей, а тут вдруг выступаем в лос-анжелесском «Форуме» перед двадцатью тысячами поклонников. Популярность в Штатах нас радовала и мы не хотели там облажаться.

По секрету, однажды вечером мы наткнулись на членов «Семьи» Чарлза Мэнсона в клубе «Whiskey A Go Go» на бульваре Сансет в Лос-Анжелесе.

Очень странные люди, не от мира сего, если вы меня понимаете. Не настроены на частоту нашего мира. Они нагнали на меня страху, в натуре. Но самое смешное в этом то, что Мэнсон часто выступал на музыкальной сцене Лос-Анжелеса, перед тем, как у него съехала крыша. Если бы он не сел в тюрягу, мы бы наверняка с ним потусовались. Я был потрясен, когда узнал, что с ним водил дружбу Деннис Уилсон из «Beach Boys». Они записали кавер-версию одной из песен Мэнсона — «Never Learn Not to Love». Из того, что я слышал, Деннис так испугался

Мэнсона и его приятелей, что сбежал из собственного дома. Однажды проснулся и свалил. Потом Мэнсон приказал доставить пулю в новое пристанище Уилсона. Должно быть, паренек пересрал не на шутку.

В то время много было подобного свинства в мире.

В 1970 году Лос-Анжелес был сумасшедшим городом. Безумство цветов было еще на волне. Проезжая на машине, мы видели патлатых, босоногих людей, которые сидели на улице и, покуривая травку, бренчали на гитарах. А местные аборигены и нас считали придурками. Однажды, помню, вхожу в винный магазинчик на бульваре Сансет и заказываю двадцать сигарет. А баба за прилавком как разорется:

— А зачем тебе двадцать сигарет? Вали отсюда, извращенец долбанный!

Наверняка, приняла меня за секс-гиганта. Я конечно же не знал тогда, что в Америке «fags» означает нечто иное, чем сигареты[37].

Несмотря на то, что мы старались их избегать, сатанисты продолжали досаждать нам **до сраной немочи.** Примерно год спустя после нашего первого тура, даем концерт в Мемфисе. И тут на сцену выскакивает парень в черной мантии. Когда фанат выбегает на сцену, при нормальном раскладе я кладу ему руку на плечо и минуту мы вместе трясем патлами. Но этот похож на придурка-сатаниста, ну, я ему говорю, чтобы он проваливал и подталкиваю в направлении Тони. И тут внезапно один из техников влетает на сцену и со всей силы лупит сатаниста по морде металлическим прутом. Не верю своим глазам.

— Ты чего, сдурел, паря?! — ору я. — Тебя нельзя его бить!

Техник оборачивается ко мне:

— А я говорю, можно! Смотри, бля!

Сатанист лежит на сцене, мантия распахнута, а в правой руке он сжимает кинжал.

Я так испугался, что чуть не упал на колонки. Если бы не техник, Тони уже отправился бы к праотцам.

В тот вечер в мотель мы возвращались потрясенными. Сукины дети прознали, где мы живем и на стоянке перед мотелем собралась целая банда в черных рясах с капюшоном. Они пели какие-то песни. Мы были достаточно вымотаны, чтобы базарить с ними, а, значит, проигнорировали их и пошли прямиком в наши номера, окна которых выходили на улицу. Минуту спустя один из техников поднял хай. Оказалось, кто-то нарисовал кровью на двери перевернутый крест.

Не могу сказать, что нас это напугало, но после случившегося на сцене, не хотелось ковыряться в этом дерьме. Мы вызвали

полицию. Понятное дело, полицейских это только повеселило.

Просто не могли от нас отстать, эти сатанисты. Утром выхожу из номера, а они уселись в кружок на половике у двери, все в черных накидках с капюшоном, вокруг расставлены свечи. Мне это порядком надоело. Однажды, вместо того, чтобы безмолвно разойтись с ними, я подошел поближе, присел на корточки, глубоко вдохнул, затушил свечи и пропел «С Днем Рождения!»

Поверьте мне, они не слишком-то обрадовались.

В течение двух лет с начала первого турне по Штатам, мы беспрерывно выступали. Между 1970 и 1972 годом около шести раз пересекали Атлантику. Проводили в воздухе столько времени, что были на короткой ноге со стюардессами из «PanAm» И хотя мы были измучены и больны от смены часовых поясов, алкоголя и наркотиков — это был настоящий прорыв. Чего мы только не делали и не видели, с кем только не познакомились.

Побывали даже на концерте Элвиса.

Дело было в лос-анжелесском «Форуме». Мы были под кайфом, пока расселись, король уже спел половину репертуара. Мы видели его издалека, маленького как муравей. Я никак не мог смириться с фактом, что его группа играла целую вечность, пока Король не соизволил выйти на сцену. А потом он выдал пару хитов и свалил. Мы сидели и думали: «И это все?» Затем из колонок раздался трубный глас: «Дамы и господа! Элвис покинул здание».

— Жирная, ленивая скотина — сказал я, позабыв, где нахожусь.

Этот концерт стал для нас наглядным примером. Я впервые увидел так классно отлаженную торговлю перед концертом. Можно было купить подстаканники с изображением Элвиса, крышки для унитаза, чашки и ложки с Элвисом, куклы, часы, сарафаны от Элвиса. На всем, что душа пожелает, делали надпись «ELVIS» и впаривали поклонникам вместе с Элвис-колой и Элвис хот-догом. А фаны были только рады за это платить.

Должно быть, он был самым богатым парнем на Земле.

Вскоре мы начали принимать наркоту посильнее. В Бирмингеме трудно было достать кокаин, я познакомился с ним только в начале 1971 года в Денвере, где мы выступали с «Mountain». Именно Лесли Вэст, гитарист и ведущий вокалист этой группы ввел меня в мир **старого доброго дурь-порошка.** Мы так называли смесь амфетамина и экстези, потому что после него не спишь всю ночь и несешь ахинею. Хотя Вэст до сих пор утверждает, что я принимал кокс задолго до этого случая. И слегка занудствовал по этому поводу. А я ему в ответ: «Послушай,

Лесли, если ты родом из Астона, то абсолютно точно помнишь свое первое приключение с кокаином. Так же как первый секс».

Сидим в гостинице после выступления и Лесли делит дорожку:

— Хочешь немного?

Сперва я отвечаю:

— Ты чё, бля, старичок, ни в коем случае!

А он опять за свое:

— Чего ты ломаешься? Попробуй чуток, все будет зашибись!

Ну, меня долго уговаривать не надо.

А потом: нюх-нюх, ооо!

Я его полюбил, сразу же. Получилось как и с другими наркотиками: беру на пробу и мне уже хочется пребывать в этом состоянии до конца жизни. Но никогда ничего из этого не выходит. Хоть расшибись в лепешку, такого кайфа как в первый раз, уже никогда не будет.

После этого случая мой мир слегка погрузился в туман.

Ежедневно я курил травку, бухал, втягивал пару дорожек кокса, догонялся стимуляторами, барбитуратами, сиропом от кашля, кислотой, чем попало. Зачастую не знал, какой сегодня день. Пока однажды мы не вернулись в «Island Studios» в Ноттинг Хилл для записи очередного альбома «Master of Reality», снова под руководством Роджера Бэйна.

Немногое из тех событий помню, ну разве что Тони перестроил гитару, чтобы ему было легче играть, Гизер писал текст к «Sweet Leaf» с мыслью о травке, которой мы укуривались, а «Children of The Grave» был самым офигенным творением, которое нам удалось записать. Как обычно, критики смешали эту пластинку с дерьмом, хотя один назвал нас оркестром с «Титаника» за день до конца света, что мне показалось удачным сравнением. Впрочем, музыкальная пресса мало кому отбила охоту купить пластинку, потому что «Master of Reality» стал следующим большим хитом. В Британии он добрался до пятого места, а в Америке — до восьмого.

Но нам не суждено было почивать на лаврах. А у меня не было времени насладиться прелестями семейной жизни. Впрочем, начал осознавать, что жениться по молодости было не совсем обдуманным решением. Дома не находил себе места, будто сходил с ума. Чтобы с этим справиться, я должен был нажираться.

Семейную жизнь осложнял и тот факт, что с нами жил сын Телмы — Эллиот. В то время ему было четыре или пять лет. Вообще-то, я усыновил его. Он был неглупым ребенком, но как-то мы с ним не ладили. Сами знаете, некоторые просто не могут найти общий язык с детьми и все тут. Именно так было у меня с

Эллиотом. Когда я был дома, то все время орал на него или таскал за ухо. И не то чтобы он делал что-то плохое и заслуживал этого. Жаль, что я не мог быть добрее к нему, потому что до того, как я появился, ему пришлось несладко. Его отец сбежал, когда он был еще младенцем. Когда Эллиот подрос, то рассказал мне, что один раз видел своего старика в пабе, но не решился подойти и заговорить с ним. А это действительно очень печально.

Да и я не был полноценной заменой. Беспробудное пьянство, наверняка, только усугубляло проблему, я становился раздражительным. И к тому же — страшным эгоистом. Сказать по правде: наверное, я был ужасным отчимом.

А если и любил Телму, то с уверенностью не давал ей это почувствовать. Жалею в жизни о нескольких вещах — и это, собственно, одна из них. Я много лет вел себя как женатый холостяк, вырывался из дому, кадрил девок, так нажирался в пабе, что засыпал в машине прямо на улице. Эта женщина прошла со мной ад. Мне не следовало на ней жениться. Она не заслужила этого: Телма была хорошим человеком и хорошей женой. Это я был долбаным дегенератом.

Через девять месяцев после свадьбы — день в день — Телма забеременела. В то время мы по-прежнему не получали достаточно бабла ни за концерты, ни с продажи пластинок, но знали, что с группой все в порядке. Поэтому были уверены, что вот-вот Патрик Миэн заплатит нам такой гонорар, что нам хватит на Букингемский дворец. А пока работала старая схема: если что-то было нужно, набирал номер телефона. Вот Телма и подкинула идею, чтобы мы подыскали новое жильё. Мы не могли жить в тесной комнатушке с рыдающим ребенком, говорила она, поэтому нужно подыскать себе что-то более подходящее. В конце концов, мы могли себе это позволить. Я был руками и ногами «за».

— Давай переедем в деревню — сказал я. Уже мысленно представлял себя в твидовом костюме, зеленых болотниках, на «Рэндж Ровере» и с ружьем.

На протяжении нескольких месяцев всякий раз, когда на пару дней заезжал домой, я вскакивал в наш новенький зеленый «Триумф Геральд» с откидным верхом (я купил его для Телмы, поскольку сам водить не умел) и мы выезжали за город на поиски дома. Наконец мы нашли то, что нравилось нам обоим: Bulrush Cottage в Рентоне, графство Стаффордшир. За него просили двадцать с лишним кусков, что не было заоблачной ценой. Там было четыре спальни, сауна, комната для переделки под маленькую студию, и, что самое главное, большой участок земли вокруг дома. На всякий случай мы поискали еще, просто для самоуспокоения. Но однажды в чайной лавке в Ившеме, графство

Вустешир, мы пришли к выводу, что повидали достаточно и остановились на варианте с Bulrush. Казалось, что я наконец-то повзрослел. Мы начали фантазировать как заживем в деревне, и вдруг Телма меня прерывает и говорит:

— Ты слышишь?

— Что?

— Что-то капает.

— Что капает?

Но я уже и сам слышу. Скорее льется, чем капает. Кап-кап-кап-кап. Смотрю на пол, а под стулом Телмы стоит лужа. Что-то течет из-под платья. Одна из официанток, разносящих чай, завидев этот разлив, начинает голосить по поводу грязи на полу.

— О, Боже! — говорит Телма. — У меня отошли воды!

— Что такое? Ты упи**и**салась?

— Нет, Джон. У меня отошли околоплодовые воды.

— И че?

— Я рожаю.

Я подорвался с места так быстро, что перевернул стул. Потом меня заклинило, я запаниковал. Не мог собрать мысли в кучу, сердце стало биться барабанной дробью. Первое, что пришло в голову: «Мало выпил». Бутылка коньяка, которую осушил в машине, перестала действовать. Я всегда предполагал, что Телма будет рожать в больнице. Понятия не имел, что это может произойти внезапно посреди сраной чаевни.

— Здесь есть врач!? — кричу я и беспомощно озираюсь. — Нам нужен врач, на помощь! Нам нужен доктор!

— Джон! — шипит Телма. — Отвези меня в больницу. Нам не нужен врач.

— Нужен.

— Вовсе нет.

— А я говорю, нужен — верещу я. — Мне плохо.

— Джон! — повторяет Телма. — Отвези меня в больницу. Быстро!

— У меня нет прав.

— С каких это пор ты вдруг начал соблюдать законы?

— Я пьян.

— Ты пьян с 1967 года. Собирайся, Джон, мы едем.

Я встал, заплатил по счету и отвел Телму в машину. Не знал, с какой стороны подойти к автомобилю. У родителей тачки не было, а я всегда себя убеждал, что никогда столько не заработаю. Поэтому не забивал себе голову вождением. Знал только основы: умел настроить радио и опустить стекла. Но чтобы какие-то скорости? Подсос? Сцепление? Не-е-ет!

Наверное, минут двадцать машина скакала на рессорах взад-

вперед как обдолбившееся кенгуру, пока я наконец-то тронулся с места. Не в ту сторону. В конце концов, воткнул первую передачу.

— Джон, ты должен будешь нажать ногой на педаль — говорит Телма в перерыве между стонами.

— У меня дрожит нога — отвечаю я. — Сползает с педали.

У меня тряслись и руки. Я боялся, что наше дитятко вылетит из Телмы на приборную доску и ее сдует ветром, потому что мы ехали с открытым верхом. Представлял себе заголовки: «Младенец рокера погибает в автокатастрофе!»

— Я говорю серьезно, Джон. Ааа! Быстрее! Ааа! У меня схватки!

— Больше из нее не выжать!

— Ты едешь только двадцать километров в час!

Через тысячу лет, как показалось, мы доехали в больницу Queen Elizabeth Hospital в Эджбастоне. Теперь нужно только остановиться, но всякий раз, когда я нажимал среднюю педаль, машина начинала попеременно трогаться и тормозить с омерзительным скрежетом. Скажу вам правду, мне повезло, что не въехал в зад машине скорой помощи. Каким-то образом мне удалось сделать так, чтобы колеса перестали крутиться, я вытащил Телму из машины (это было непросто, она постоянно охала и сопела) и привел её в родильное отделение.

Несколько часов спустя, точно 23:20, родилась малышка Джессика Осборн. И так в первый раз я стал отцом. Было 20 января 1972 года. Холодная, безоблачная зимняя ночь. За больничным окном в небе были видны все блестящие россыпи звезд.

— Какое дадим ей второе имя? — спрашивает Телма и прижимает малютку к груди.

— Starshine[38], — отвечаю я.

5. Как я убил пастора (в Atrocity Cottage)

Летом 1972 года, полгода спустя после рождения Джессики, мы снова полетели в Штаты, на этот раз, чтобы записать новый альбом. Назвать его решили «Snowblind»[39] в честь нашего нового пристрастия к кокаину. К тому времени, я запаковывал в нос столько порошка, что каждый день должен был выкуривать целый чемодан травки, в противном случае мое сердце не выдержало бы. Разместились мы в Бел Эр по адресу Страделла Роуд, 773, в резиденции 30-х годов, снятой вместе с горничными и садовниками. Дом был собственностью семьи Дюпон[40], в нем было шесть спален, семь ванных и собственный кинозал (где мы писали тексты и репетировали), за домом находился бассейн на сваях, который выделялся на фоне леса и гор. Никуда мы оттуда не выходили. Выпивка, наркота, еда, девочки — все было с доставкой на дом. В хороший день в каждой комнате у нас стояло по миске белого порошка и по ящику бухла, к тому же по дому слонялись приблудные рокеры и девочки в бикини — лежали в спальнях, на диванах, на лежаках у бассейна — и все обдолбанные, как и мы.

Практически невозможно оценить, сколько кокса уходило в этом доме. Мы открыли для себя, что после кокаина, каждая мысль, каждое слово, даже малейшее предположение становилось самым удачным в твоей жизни. Порою товар уходил так быстро, что его должны были доставлять два раза в день. Не спрашивайте, кто всем рулил: помню одного подозрительного типа, который постоянно висел на телефоне. Но он наверняка отличался от других подозрительных личностей: был хорошо пострижен, говорил как студент престижного университета, носил белые рубахи и элегантные брюки, словно собирался на работу в офис.

Однажды я спросил его: «Чем ты, на хер, вообще занимаешься, чувак?»

Он только рассмеялся и нервным движением поправил свои большие, темные очки. А мне было все равно, главное, чтобы товар не кончался.

Когда меня т**о**ркало, я любил валяться всю ночь перед телевизором и смотреть американские программы. В то время, по окончании нормальной программы, в полночь можно было посмотреть только одно: рекламные ролики Кэла Уортингтона, который толкал беушные тачки в Лонг Бич или где-нибудь еще. Приколист, он всегда появлялся в эфире со своей собакой по кличке Спот… вот только собака никогда не была собственно собакой. Могла быть аллигатором на поводке или каким-то не

менее странным существом. Кэл любил произносить свою коронку: «Если вы найдете дешевле, я съем клопа». А потом выполнял разные трюки, например, его привязывали к крылу самолета, который делает в воздухе петлю. Через несколько часов втягивания кокса и просмотра этого дерьма, у меня было впечатление, что я схожу с ума. Самое смешное, он по-прежнему этим занимается, старина Кэл. Ему, должно быть, примерно тысяча лет.

На Страделла Роуд, 773, мы откровенно валяли дурака, удивительно, что еще удавалось сочинять музыку. А там был не только кокаин. Мы затарились пивасиком. Я притащил из Англии несколько «бочонков для вечеринки» самого лучшего биттера, купленного в моем любимом винном погребке. Емкость каждого бочонка — пять пинт, а в одном чемодане помещалось шесть таких бочонков. Это напоминало «в Тулу со своим самоваром», но мы скучали по нашему старому доброму английскому пиву. «Нафаршированные» коксом, мы лежали возле бассейна, жара под сорок, потягивали выветрившуюся бирмингемскую мочу и любовались видом на Бел Эр.

Потом пришлось немного сбавить обороты, так как на несколько дней приехала Телма, без ребенка. Однако, примерное поведение долго не продлилось. Как только она уехала в аэропорт, чтобы вернуться в Англию, мы опять превратились в животных. Например, во время творческих исканий, никто не утруждал себя походом наверх в туалет, просто выходили на балкончик и отливали за перила. Балкон был очень низко, практически на земле. Однажды Тони взял голубую краску в аэрозольной упаковке, притаился за перилами, а когда Билл вышел отлить, распылил ему краску на член. Слышал бы ты эти вопли, чувак! Зачёт! И вдруг через две секунды Билл вырубился, упал вниз головой через перила и начал катиться вниз с холма.

Я сказал Тони: «А ну дай-ка взглянуть на эту краску».

Подает мне баллончик, а там на боку надпись заглавными буквами: «Внимание! Избегать попадания на кожу. Это может привести к появлению сыпи, ожогов, конвульсиям, тошноте и/или потере сознания. Если наблюдается один из этих симптомов, необходимо обратиться к врачу».

— А, ничего с ним не будет — говорю я.

И в натуре, ничего не было. Ну, разве что какое-то время у него был хрен голубого цвета.

Несмотря на этот балаган, в музыкальном смысле несколько недель, проведенных в Бел Эр, дали самый мощный толчок нашей карьере. По моему мнению, «Snowblind» является одним из лучших альбомов в истории «Black Sabbath», хотя фирма

грамзаписи не позволила нам сохранить название. В то время, кокаин был в заголовках новостей и никто не хотел, чтобы наша пластинка породила кривотолки. А мы и не собирались ругаться.

Итак, после записи новых песен в «Record Plant» в Голливуде название «Snowblind» было изменено и наш четвертый альбом назывался просто «Vol.4». Несмотря на это, нам удалось вставить между строк скрытые реверансы кокаину. Кто посмотрит повнимательнее, в благодарностях на обложке увидит посвящение «классной фирме Кокса-Кола из Лос-Анжелеса».

И это было правдой — этот альбом был круто замешан на кокаине. Когда слушаю такие вещи как «Supernaut», я почти чувствую его вкус. Эта пластинка — сплошное втягивание «дорожек» в ваши уши. Фрэнк Заппа однажды мне рассказал, что «Supernaut» — это одна из его самых любимых рок-н-ролльных вещей всех времен, потому что в ней чувствуется адреналин. Просто космос! И это — в 1972 году, спустя всего лишь два года с момента, когда самым большим комплиментом, который мы могли услышать, были слова: «Вы не облажались в Карлайл!». А теперь у нас было больше денег, чем у «Queen» (мы так считали), три кассовых альбома в хитпарадах, поклонники по всему миру, и завались бухла, наркоты и телок.

Мы были на седьмом небе. Да что там — на восьмом и еще выше. И нам по-прежнему была небезразлична музыка. Она, в первую очередь, должна была впечатлить нас самих, а потом и всех остальных, а если так получалось, что людям нравилось то, что мы делаем, нас это радовало вдвойне. Именно так произошло с песней «Changes», которая звучала иначе, не так как все остальное до сих пор. Когда люди слышат название «Black Sabbath», все думают о тяжелом звучании. А нам хотелось чего-то большего, особенно, когда мы пытались вырваться из этой сраной черной магии. Если речь идет о «Changes», Тони просто подобрал аккорды на рояле, я напел мелодию, а Гизер написал волнующий текст о расставании с женой, которое собственно переживал тогда Билл. С самого начала я считал, что это отличная песня.

Я не устал слушать её снова и снова. И делаю это по сей день: когда пускаю ее с АйПода, довожу всех до бешенства, потому что остаток дня пою только эту песню.

В определенный момент, мы стали задумываться, откуда, бля, берется весь этот кокс. Знали только, что его привозили в безликих фургонах, упакованный в картонные коробки. В каждой коробке было около тридцати капсул, три слоя по десять штук, каждая капсула завинчена крышкой и запаяна воском.

Отвечаю: этот кокс был самым белым, самым чистым и мощным товаром, который только можно себе представить. Одна

тяга и ты властелин Вселенной.

Быть человеком-пылесосом нравилось всем нам, но мы знали, что разгорится скандал, если нас накроют на одной такой поставке, особенно в Штатах. Мне не улыбалось провести остаток жизни в тюряге Лос-Анжелеса с членом какого-нибудь жирного гангстера у себя в заднице. Чувство постоянного стрёма доводило меня до паранойи. И немногим позже я накрутил себя, что наш наркодилер из универа работает на ФБР, полицию Лос-Анжелеса или грёбаное ЦРУ. Однажды вечером мы все вместе пошли в кино в Голливуд на «Французского связного». Этот культпоход был большой ошибкой. Сюжет фильма основан на реальных событиях из жизни двух нью-йоркских полицейских, работавших под прикрытием, которые повязали группу международных контрабандистов героина. Когда на экране пошли титры, у меня участилось дыхание.

«Откуда, на хрен, берутся эти ампулы с коксом, заклеенные воском?» — спросил я Билла.

Тот пожал плечами. И мы пошли в туалет, чтобы втянуть пару дорожек. Несколько дней спустя лежу себе утречком у бассейна, потягиваю пивко, попыхиваю косячком, пробую успокоить сердце, вдруг откуда не возьмись появляется наш подозрительный типчик и садится возле меня. В одной руке он держит чашечку кофе, в другой — «Wall Street Journal». А я даже не спал накануне. «Вот и повод, чтобы прощупать корешка — подумалось мне — Проверю, что он за фрукт». Наклоняюсь к нему и спрашиваю: «Видел новый фильм «Французский связной?»

Улыбнувшись, он покачал головой.

— А ты посмотри. Очень интересный.

— Конечно, — смеется кореш — только зачем смотреть, если у меня каждый день такое кино?

Как только я это услышал, меня залил холодный, свербящий пот. Еще будут проблемы с этим парнишей, у меня плохое предчувствие.

— Послушай, старичок — спрашиваю его. — Ты на кого работаешь?

Тот откладывает газету в сторону, пьет кофе.

— На правительство Соединенных Штатов — отвечает.

Меня чуть не сдуло с лежака в кусты. Голова кружилась, и за ночь затекли ноги. «Всё, сливай воду. Нам всем — капец».

— Да ладно, чувак, расслабься — успокаивает меня типчик, увидев как изменилось моё лицо. — Я не федерал и тебя не повяжут. Здесь только друзья. Я работаю в Агентстве по контролю качества продуктов питания и медикаментов[41].

— Где?

— В FDA.

— Ты хочешь сказать, что весь этот кокс, попадает к нам из…

— Считай, что это подарок от Деда Мороза. А знаешь, Оззи, что говорят про Деда Мороза?

— Что?

— Там, откуда он родом, много снега.

Я не успеваю сообразить насколько серьезно все это, как типчик смотрит на часы и говорит, что ему пора на встречу. Допивает кофе, встает, похлопывает меня по плечу и отваливает. Я больше об этом не думал. Потом вернулся в дом, чтобы зарядиться коксом и пару раз затянуться мариванной.

Сижу себе на диване, передо мной батарея запакованных капсул с кокаином, рядом стоит большая миска травы, а я готовлю себе первую за день дорожку. Вдруг меня пробивает пот, такой же холодный и свербящий, как и раньше. «Ёбтыть! — думаю. — Сегодня я конкретно очкую. В этот момент в комнату входит Билл с пивом в руках и говорит: «У тебя здесь жарко как в печке, Оззи! Чего ты не включишь кондишен?» — и открывает дверь во двор, чтобы впервые за столько дней почувствовать на себе солнечные лучи. А я ломаю голову: «Что это за кондишен в доме?» И вдруг меня осенило: кондиционер. Постоянно забываю, что дома в Америке более продвинуты в смысле техники, чем в Британии.

Только привык к такой новинке, как толчок в доме, а тут, пожалуйста, автоматический климат-контроль. Ну, я встаю и начинаю искать кнопку термостата. «Наверняка где-то в стене» — подумал я. Через несколько минут — опа! Кнопочка притаилась в углу за входными дверями. Подкручиваю температуру и возвращаюсь к своему коксу и травке.

Сказка!

Но когда я втягиваю первую дорожку, слышу что-то странное.

А это случайно не…

Не-е-ет…

Черт возьми, звучит как…

Вдруг Билл с обезумевшим лицом забегает обратно в дом. В этот момент слышен звук хлопнувшей двери на другом конце дома и топот, будто трое парней катятся кубарем по лестнице. Наконец, в комнату влетают заспанные Тони, Гизер и один из техников, американец по имени Фрэнк. Они уже частично одеты, за исключением Фрэнка, который красуется в одних трусах.

Мы смотрим друг на друга и кричим в один голос: «Сирены!»

* * *

Вой стоял такой, будто у нас во дворе собралась вся полиция Лос-Анжелеса. Нас повяжут! Блядь! Блядь! Блядь!

— Прячьте кокс! Прячьте кокс! — верещу я.

Фрэнк бросается к столику, сгребает ампулы с кокаином, но потом просто мечется вокруг, волосы стоят дыбом, сигарета в зубах, трусы въелись в задницу.

И тут я припоминаю еще кое о чем.

— Прячьте травку! Прячьте травку!

Фрэнк снова подскакивает к столику, хватает миску с травкой, но при этом роняет ампулы с коксом. Ползает на четвереньках и пробует все собрать. Я же не могу пошевелиться. И без сирен сердце херачило в три раза быстрее обычного. А сейчас колотилось, будто хотело разорвать мне грудь.

Б-б-бум! Б-б-бум! Б-б-бум!

Прежде чем я пришел в себя, Билл, Гизер и Тони уже удрали. Значит, остался только я, Фрэнк и столько кокса, что вся боливийская армия могла бы с ним пройти маршем до Луны и обратно.

— Фрэнк! Фрэнк! — кричу я. — Сюда! В унитаз! Быстрей! Фрэнку каким-то образом удалось добраться с наркотой до сортира, который как раз находился в прихожей, рядом с главным входом в дом. Мы заскочили туда и закрыли за собой дверь. Сирены воют так, что можно, на хрен, оглохнуть. Полицейские машины с визгом тормозов останавливаются у дома. Слышны переговоры по рации. А потом стук в дверь.

БАМ! БАМ! БАМ!

— Откройте! — кричит полицейский — Быстро, открыть двери!

Я и Фрэнк сидим на коленях. В приступе паники, мы сперва попробовали опустошить миску, а потом избавиться от кокаина. Высыпали травку в умывальник, а остаток — в унитаз. Хрена с два! Умывальник и унитаз не справились с нагрузкой, начали наполняться комками и коричневатой водой. Мы хотели протолкнуть травку дальше по колену с помощью ерша для унитаза, но все напрасно. Трубы были забиты.

А мы должны были избавиться еще и от кокаина.

— Выхода нет — говорю я Фрэнку. — Втягиваем весь этот кокс.

— Ты что, охренел? — он отвечает. — Хочешь склеить ласты?

— Ты был когда-нибудь в тюрьме, Фрэнк? А я был и возвращаться туда не собираюсь.

И начинаю открывать ампулы, высыпать содержимое на пол. Падаю на четвереньки, подношу нос к кафельным плиткам и втягиваю порошок, сколько влезет.

БАМ! БАМ! БАМ!

— Откройте! Мы знаем, что вы там!

Фрэнк смотрит на меня как на придурка.

У меня красное лицо, ноги немеют, взгляд блуждающий.

— В любую секунду мусора выломают дверь и нам крышка.

— Ё-мое, чувак — Франк садится возле меня на четвереньки — Просто не верю, что я это сделаю.

Мы потянули, наверное, по шесть или семь граммов каждый, как вдруг я услышал за дверью какой-то топот.

— Цыц! — говорю. — Слушай!

И снова: топ-топ-топ. Что-то похожее на шаги. Слышу, как открываются входные двери. Какая-та женщина говорит по-испански. Служанка! Служанка впустила копов в дом. Блядь! Я разбиваю очередную ампулу и прикладываю нос к полу. И тут раздаётся мужской голос:

— Добрый день, мэм! Похоже, кто-то в доме нажал тревожную кнопку.

Я замер посреди дорожки.

Тревожная кнопка?

Служанка что-то объясняет по-испански, полицейский отвечает, потом слышны шаги двух человек в прихожей, а мужской голос становится разборчивым. «Мусор**а**» в доме!

— Обычно ее устанавливают возле термостата системы кондиционирования — говорит коп. — О, вот и она! Здесь, на стене. Если вы нажмете эту кнопку, мы услышим сигнал тревоги в участке Бел Эр и высылаем нескольких офицеров, чтобы убедится, все ли в порядке. Наверняка, кто-то нечаянно нажал кнопку, когда крутил термостат. Вы даже не догадываетесь, как часто это случается. Вы позволите мне переустановить систему. Вот, теперь в порядке. Ну, мы пошли. Будут проблемы — звоните, вот наш номер телефона. Так же можно нажать кнопку. Дежурный офицер на смене круглосуточно.

— Грасиас — благодарит служанка.

Входные двери закрываются, служанка направляется на кухню. Наконец-то я могу выпустить воздух из легких. Слава яйцам, пронесло! Смотрю на Фрэнка. На его лице белый порошок смешан с соплями, из левой ноздри течет кровь.

— Так что?…

— Вот именно — я киваю головой. — Кто-то должен показать Биллу, как пользоваться этой херовиной.

Постоянный страх оказаться в тюрьме был не единственным минусом самоистязания кокаином. Дошло до того, что я нес абсолютный кокаиновый бред. Пятнадцать часов без перерыва втирал парням, что люблю их больше всего на свете. Случались и

такие ночки, когда мы сидели с Тони, который обычно сторонился разговоров, обнимались и говорили: — Нет, ну, старичок, в натуре, я люблю тебя. В натуре, люблю.

Потом, я ложился спать, дожидался, пока сердце перестанет биться с частотой восемь ударов в секунду и тогда на меня нападали отходняки. Меня ломало так, что я начинал молиться: «Боже, дай мне уснуть! Обещаю, что никогда не притронусь к кокаину!»

А потом просыпался, челюсть болела от ночного бреда. И готовил для себя очередную дорожку.

Это удивительно, как быстро мы подсели на кокаин. Дошло до того, что ничего без него не могли сделать. А потом — уже и с ним ничего не получалось. Когда понял, что травки недостаточно, чтобы успокоиться после кокса, я начал принимать валиум, а потом перешел на героин. Но, слава Богу, герыч мне не понравился. Гизер тоже пробовал. И считал, что это офигенно, но при этом не терял головы. Он не хотел стать зависимым. Фрэнк, наш техник, не был таким везунчиком, героин погубил его. Много лет о нем ни слуху, ни духу и скажу вам правду, я бы удивился, если бы он выкарабкался. Хотелось бы верить, правда, но когда ты подсел на героин, обычно это означает только одно — КОНЕЦ.

Во время работы над «Vol.4» у каждого из нас были моменты полной отключки и мы не могли нормально функционировать. С Биллом это случилось, когда мы записывали «Under The Sun». К тому времени, когда Билл смог нормально сыграть свою партию ударных, мы уже называли песню «Everywhere Under the Fucking Sun»[42]. Потом бедняга подхватил гепатит и чуть не загнулся. В то же время у Гизера были проблемы с почками и он попал в больницу. Даже у Тони сели батарейки. Сразу после записи альбома у нас было запланировано выступление в «Hollywood Bowl». А Тони уже несколько дней сидел на коксе, впрочем, как и все остальные, с той разницей, что он действительно перегнул палку. Знаете ли, кокс искажает восприятие действительности. Вы начинаете видеть то, чего нет на самом деле. Ну и Тони слег. Под конец выступления сошел со сцены и упал.

— Истощение организма — констатировал врач.

Ну, можно и так сказать.

В то же время, кокс порядком расхерачил мне голос. Когда принимаешь лошадиные дозы кокаина, в горло стекает такая белая херня, поэтому его нужно постоянно глубоко прочищать, шмыгая носом. А это дает очень большую нагрузку на такой маленький комковатый язычок, который находится у основания гортани — эпиглоттис (надгортанник) или «погремушка», как я всегда называл его. Во всяком случае, тянул столько порошка, что

должен был отхаркивать мокроту каждые две минуты, пока, в конце концов, не разорвал «погремушку» пополам. Лежал на кровати в гостинице «Sunset Marquis» и почувствовал, как она отвалилась мне в горло. Ужас! А потом эта херовина распухла до размеров мячика для гольфа. «Ну вот, приехали! — подумал я. — Сейчас сдохну». И пошел к врачу на бульвар Сансет.

— На что жалуетесь, мистер Осборн? — спрашивает доктор.

— Я проглотил погремушку — прохрипел я.

— Что вы сделали?

— Погремушка — и показываю горло.

— Так, посмотрим — эскулап берет палочку от леденцов и маленький фонарик. — Прошу открыть рот пошире и сказать: Ааа!

Открываю рот. Закрываю глаза.

— Матерь Божья! — схватился за голову доктор — Скажите, ради Бога, как вы это сделали?

— Не знаю.

— Мистер Осборн, ваш эпиглоттис теперь размером с маленькую лампочку и горит так же ярко. Мне даже фонарик не нужен.

— А починить это можно?

— Думаю, да. — Говорит он и выписывает рецепт. — Не знаю, в чем причина, но лучше с этим завязать.

На этом наши проблемы со здоровьем не закончились.

Когда пришло время возвращаться в Англию, каждый боялся привезти домой какую-нибудь деликатную болезнь, подхваченную от поклонницы в туре и заразить ею свою вторую половинку. Нас всегда беспокоило, что мы заболеем в Америке какой-нибудь экзотичной хренью. Я помню, как во время одной безумной ночи в каком-то отеле, Тони выскочил из номера с криком: «Ай! Мой член! Мой член!»

Спрашиваю, мол, что случилось. Он рассказывает, что когда обрабатывал одну девицу, заметил, как из нее течет какая-то желтая слизь. Тони подумал, что отбросит копыта.

— А странный запах был? — спрашиваю я.

— Ну, да — говорит Тони, весь побледнел. — Я чуть не блеванул.

— Ага.

— Что значит твое «ага»?

— А это часом не блондиночка? Ну, та, с татуировкой?

— Да. А что?

— Ну, тогда все ясно.

— Ты все прикалываешься, Оззи! А это серьезно! — Тони конкретно разозлился. — В чем дело?

— Послушай, я не доктор, но знаю, что желтая хрень — это не слизь.

— Но тогда, что это?

— Наверняка банан, который я ей воткнул до тебя.

Тони уже и сам не знал, радоваться ему или огорчаться.

Очевидно, эффективным средством против заражения своих благоверных каким-нибудь свинством был укол пенициллина. Я узнал об этом, когда подхватил триппер. У нас не было своего доктора, и чтобы получить «укол безопасности» нужно было идти на прием в кабинет неотложной помощи в ближайшую больницу. Так мы и поступили после записи «Vol.4». Мы выехали из Бел Эр и путешествовали по американской глубинке, отыграв несколько концертов по дороге домой. Никогда не забуду эту картину: я, Тони, Гизер и почти весь обслуживающий персонал (не знаю, куда подевался в тот день Билл), идем вечером в больницу. Понятное дело никто не осмелится сказать симпатичной девушке в регистратуре, что нас сюда привело, а значит, все науськивали меня: «Давай, Оззи! Скажи ей, тебе все равно, ты же придурок». Но даже я не смог заставить себя произнести: «Добрый день, меня зовут Оззи Осборн, я тут пару месяцев трахал фанаток, и мне кажется, что мой хрен отвалится. Не будете ли вы столь любезны, прописать мне укол пенициллина, чтобы моя женушка не подхватила того, что уже есть у меня?» Но отступать было поздно. И когда девушка спрашивает меня, на что жалуюсь, я густо покраснел и буркнул:

— У меня вроде поломаны ребра.

— Понятно. Вот номерок. Врач вызовет вас, когда освободится.

Подходит очередь Гизера.

— У меня та же фигня, что и у него — говорит он и показывает на меня.

В конце концов, врачи просекли, в чем дело. Не знаю, кто им стуканул, но точно не я. Помню только, как ко мне подошел парень в белом халате:

— Вы вместе со всеми?

Я киваю головой, и он ведет меня в кабинет, где уже собрались Тони, Гизер и еще несколько патлатых англичан, все наклонились, штаны спущены, лилово-белые задницы замерли в ожидании укола.

— Прошу в очередь! — сказал санитар.

Когда мы вернулись в Англию, на дворе стоял сентябрь. Покупка Bulrush Cottage состоялась, а Телма и Эллиот с малышкой уже успели там обжиться. Когда я ехал домой, то

всегда улыбался, в основном из-за того, что наш дом стоял на маленькой сельской дороге под названием Butt Lane[43]. «А вот и Батт Лэйн! — обращался я к гостям. — Добро пожаловать в британский Задрищенск!»

Не только я, так же Телма и ребенок начинали жизнь на новом месте. Я подсуетился и купил домик побольше для мамы и папы. Как обычно, финансовые дела взяла на себя контора Патрика Миэна, а вот когда была выставлена на продажу земля возле Bulrush Cottage, мы купили ее на собственные деньги. А именно за деньги, вырученные с продажи «Роллс-Ройса», который Патрик подарил Тони, а тот, в свою очередь, передарил его мне. По-моему, в тот раз мы впервые что-то купили на свои кровные. До сих пор не знаю, почему мы так поступили. Может потому, что Телма занялась всей бумажной работой. Я сбросил все на нее, потому что фермер, который продавал нам землю, был трансвеститом и я не хотел с ним встречаться. Просто фигею, чувак, когда я в первый раз увидел этого типа, подумал что у меня «галлюны»! Он ездил на тракторе по Butt Lane, у него была большая густая борода, и в то же время, он рядился в бабское платье и носил бигуди в волосах. Временами отливал у дороги с задранной юбкой, и, что интересно, это никого не удивляло.

Тони и Гизер тоже обзавелись хатками по возвращении в Британию. Тони купил дом в Acton Trussell, по ту сторону трассы M6, а Гизер подыскал себе что-то в Вустешире. Билл несколько дольше искал свое рок-н-ролльное пристанище, а пока снимал имение Fields Farm под Ившэм. Не прошло и трех лет, как мы из босоты превратились в богатых джентльменов-землевладельцев. Невероятно!

И я обожал жить в деревне. Прежде всего, оказалось, что там у меня достаточно места для игрушек, присланных из конторы Патрика Миэна. Таких, как двухметровое чучело медведя-гризли. Или цыганская кибитка с маленьким камином внутри. Или птица-говорун по имени Фред, он жил в прачечной. Весьма забавно копировал звук стиралки, этот Фред. Ну, по крайней мере, до того момента, пока я не приставил ружье к его клюву и не велел заткнуться.

Должен признаться, что после переезда в Bulrush Cottage, я буквально засыпал просьбами контору Патрика Миэна. Требовал привезти все, чего у меня не было в детстве. В конце концов, у меня был целый сарай игрушечных машинок «Scalextric», музыкальных автоматов, настольного футбола, батутов, бильярдных столов, дробовиков, арбалетов, катапульт, мечей, настольных игр, солдатиков, игральных автоматов… Я просил все, что приходило в голову. Но больше всего мне нравилось

оружие. Самой мощной штуковиной в моей коллекции была пятизарядная полуавтоматическая «Benelli». Как-то раз, я испробовал ее на чучеле медведя. Голову гризли просто разнесло. Старик, это надо было видеть! Еще одна забава: привязывал манекены к дереву в саду и расстреливал их на рассвете. Это страшно, скажу я вам, что бухло и наркот**а** может сделать с вашим мозгом, если вы потеряете над этим контроль. А я потерял.

Очевидно, самое главное, что я должен был сделать, переехав в деревню — это наладить поставку наркотиков. Поэтому я позвонил одному из своих американских дилеров и попросил его авиапочтой высылать мне кокаин, при условии, что я заплачу ему во время следующих гастролей. Трюк сработал, правда, мне пришлось целый день выглядывать почтальона, как верный пес ожидает возвращения хозяина. Телма, должно быть, думала, что я покупаю похабные журналы или что-то в этом роде.

Потом я познакомился с местным дилером, который пообещал мне достать по-настоящему крепкий афганский хаш. И он был прав. Когда я покурил его товар в первый раз, мне почти снесло башню. Травка попадала ко мне в виде больших черных смоляных плиток, такой даже мне хватало на несколько недель. Больше всего я любил, когда кто-нибудь, будучи в Bulrush Cottage, говорил: «Травка? Нет, не курю. Она меня не вставляет».

После этого человек был МОИМ.

Первым, кто заявил о своей невосприимчивости к травке, был наш местный торговец фруктами и овощами, Чарли Клэпэм. Он был славный парень, этот Чарли, и мы быстро закорешили. Как-то вечером после похода в паб я достал жестянку с афганским гашишем и сказал: «Попробуй-ка это».

— Не-ет, травка на меня не действует.

— Ну, давай, Чарли, попробуй, только разок. Ради меня!

Он вырывает кирпичик у меня из рук и, в мгновение ока, откусывает от него большой ломоть. Наверно, съел, по меньшей мере, грамм 15. Затем, срыгнув мне в лицо, произносит: «Фу, какая гадость!» А через пять минут говорит: «Вот видишь? Ничего» — и уходит домой.

Он ушёл около часа ночи, а в четыре утра бедняга уже должен вкалывать у своего прилавка на рынке. Но я-то знал, что он никоим образом не сможет нормально отработать этот день.

Понятное дело, я не ошибся. Когда мы встретились через несколько дней, он сгреб меня за шиворот и сказал: «Что за херню ты мне тогда подсунул? Когда я добрался до рынка, у меня начались галлюцинации. Я не мог выбраться из фургона. Лежу в кузове на морковке, накинув на голову пальто и кричу. Я думал,

что здесь приземлились марсиане!»

— Жаль, что так вышло, Чарли, — сказал я.

— А можно я приду завтра вечером и возьму ещё немножко? — спросил он.

В Bulrush Cottage я редко спал в своей постели. Каждый вечер был такой бухой, что не мог подняться по лестнице. Поэтому засыпал в машине, в цыганской кибитке, в гостиной под пианино, в студии или на улице, в стоге сена. Зимой не раз просыпался с синим лицом и сосульками на носу. В те времена не существовало такого понятия как «переохлаждение организма».

А какой цирк творился в этом доме! Тот факт, что я чаще всего был поддатый и носился с ружьем, только накалял обстановку. Это гремучая смесь: алкоголь и ружья… А главное, бля, безопасная! Однажды хотел перепрыгнуть с оружием в руках через ограду в саду за домом. Но забыл поставить ружье на предохранитель и когда оказался на земле раздалось: «Бах! Бах! Бах!» Я чуть не отстрелил себе ногу. Чудо, что не остался калекой!

Я тогда палил во все что шевелилось. Помню, как мы избавились от принадлежащего Телме «Триумфа Геральда» и заменили его на новенький «Мерседес» — как всегда, после звонка в контору Патрика Миэна. Этот «Мерс» постоянно был исцарапан и мы не могли въехать почему. Отдавали его в покраску, на ночь ставили в гараж, но каждое утро нам нем были свежие царапины. Я вбухал в это целое состояние. Пока, в конце концов, понял в чем дело. Оказывается, в нашем гараже завелись бродячие коты, и когда становилось холодно, они любили влазить на капот «Мерса», там было тепло и уютно. Однажды, я вернулся после марафона в пабе «Hand Cleaver», схватил ружье и разнес в пух и прах долбаный гараж. Замочил тогда две или три кошки. Каждый день приходил и отстреливал остальных.

Вообще-то, жестокость по отношению к животным — это одна из тех вещей, о которых я сожалею. Мог бы найти другой способ избавиться от этих кошек, но, как я уже сказал, я был неуправляем. Дело дошло до того, что люди начали называть мой дом Atrocity Cottage[44] вместо Bulrush Cottage. Это я придумал такое название — выпалил его как-то вечером, будучи пьяным — вот с тех пор оно и прилипло.

Люди приезжали к нам в гости, и менялись до неузнаваемости. Взять хотя бы моего старого приятеля Джимми Филлипса, того парня, который играл на слайд-гитаре в «Polka Tulk». Однажды ночью у нас его так развезло от выпивки и афганского хаша, что он насрал в кухонную раковину. В другой

раз один из моих школьных друзей из Бирмингема приехал со своей новоиспеченной женой. На следующий день я проснулся со страшной головной болью и большой волосатой рукой, лежавшей у меня на плече. Подумал, мол, приятель подкатывал к Телме, покуда я спал, поэтому вскочил с кровати, чтобы разобраться с подонком. И вдруг понимаю, что случилось: ночью я встал, чтобы отлить и вернулся не в ту комнату. Как говорится, неловкое положение, твою мать! К тому же, я был совершенно голый, поэтому схватил с пола свои брюки, нырнул обратно в кровать, надел их под одеялом и поковылял в свою комнату. И никто мне слова не сказал!

С тех пор я больше ни разу их не видел.

А со временем безумие принимало все большие масштабы. Однажды — не спрашивайте почему — я начал постоянно носить одежду врачей. Ее покупал для меня мой помощник, Дэвид Тэнги. В зеленых халатах американских хирургов, со стетоскопами на шее мы блуждали по сельским дорогам из одного паба в другой, косые от выпивки, травки и кислоты, да от всего, что угодно.

Иногда в Bulrush Cottage приезжали ребята из «Led Zeppelin». На самом деле, Роберт Плант жил не так далеко, и я тоже к нему ездил. Помню один вечер у Планта — мы недавно вернулись из Бел Эр — я научил его играть в семикарточный покер. Это было большой ошибкой с моей стороны. Когда я объяснил правила, он сказал, что хочет сделать ставку — «ну, чтобы проникнуться атмосферой происходящего, понимаешь?» — а потом продолжил увеличивать ставки. Я начал было думать с каким же придурком сел за стол, как он вытащил флэш-рояль, и мне пришлось отвалить ему 50 фунтов.

Он надул меня, хитрый гадёныш.

Проведя несколько вечеров с «цепеллинами», оказалось, что их барабанщик Джон Бонэм такой же вольтанутый, как и я, поэтому, в основном, мы убивали время, пытаясь превзойти друг друга в этой области. Такой уж у меня стиль, знаете ли. Я пытался завоевать расположение людей своим безумием, так же как в школьном дворе на Бирчфилд Роуд. Конечно, под маской чаще всего скрывался старый печальный клоун. Я думаю, Бонэм был таким же.

Он напивался до потери сознания. Как-то раз, мы попросили его помощника по имени Мэтью на моей машине отвезти нас в клуб, в Бирмингем. Но когда пришло время ехать домой, Бонэм был так угашен и возомнил, что это его машина, закрыл все двери изнутри и не хотел меня впустить. Я стою на парковке и кричу:

— Джон, это моя машина. Открой дверь!

— Иди на хер! — говорит он, не опуская стекла, а Мэтью уже

прогревает двигатель.

— Джон, твою дивизию…!

— Я же сказал, иди на хер!

— НО ЭТО МОЯ ТАЧКА!

В конце концов, в его голове что-то переключилось.

— Ну, так чего ты, бля, в нее не садишься, а?

Несмотря на то, что в 70-е годы я был все время бухой, больше всего на свете хотел сдать на права. И я, бля, пробовал. Уж не припомню, сколько раз сдавал экзамен, пока жил в Bulrush Cottage, и каждый раз заваливал его. Знаете, просто начал его бояться и все. После первых неудач стал предварительно посещать местный паб «Hand Cleaver», чтобы успокоить нервы, но чаще всего, к моменту посадки в машину с экзаменатором, я был уже в стельку пьян и ехал как пизда на мокром кафеле. Потом я подумал, что проблема, возможно, в машине, поэтому позвонил в контору Патрика Миэна и попросил себе «Рэндж Ровер» вместо «Мерса». Когда и это не помогло, попросил «Ягуар». Но это был «Ягуар» с двенадцатицилиндровым двигателем, так что стоило мне нажать на педаль, как я просыпался в какой-нибудь изгороди.

Наконец, я попытался сдать экзамен на «Роллс-Ройсе».

И снова облом.

В конце концов, я пошел к врачу и попросил какое-нибудь успокоительное, он выписал мне рецепт. На упаковке таблеток было написано: «НЕ СМЕШИВАТЬ С АЛКОГОЛЕМ». Такие надписи действуют на меня как красная тряпка на быка. Тем не менее, я сумел ограничить себя и выпить в день экзамена всего три или четыре бокала. К сожалению, при этом выкурил в два раза больше «афганца». Плюсом было то, что когда я сел в машину с экзаменатором, совершенно не боялся. Минус — стоило мне остановиться на первом же светофоре, как я вырубился.

После этого я забил на экзамены, но все равно продолжал водить машину. Всякий раз, когда я кого-нибудь подвозил, меня спрашивали: «У тебя уже есть права?» И я отвечал: «Да, разумеется».

Что было отчасти правдой.

У меня был телевизионный абонемент[45].

Но я не хотел слишком уж искушать судьбу, и пытался изыскать иные способы перемещения в пространстве. Всё закончилось тем, что я прикупил коня.

Вообще-то я не в восторге от лошадей: у них нет тормозов и есть собственные мозги. Но мне так надоело ездить в «Hand» на газонокосилке, что я отправился к торговцу лошадьми и спросил: «Слушай, ты не мог бы достать мне какую-нибудь лошадь, только

немного ленивую?»

Несколько дней спустя, ко мне заявилась девушка с абсолютно белым мерином — конем, лишенным двух радостей жизни — по имени Торпин. «Он ко всему совершенно равнодушен — сказала она. — Он не доставит вам никаких хлопот. Единственное, чего он не любит — это очень громкого шипения, наподобие пневматических тормозов в грузовике. Но здесь ничего подобного ему не грозит».

«Конечно же, нет — сказал я, улыбаясь — Рантон — это очень спокойное место».

Итак, я позвонил в офис Патрика Миэна, чтобы тот перегнал бабки конезаводчику и всё — я стал счастливым обладателем ленивого коня. Держал его на соседней ферме, потому что там был небольшой загон и человек, который мог кормить лошадь и чистить стойло.

Конечно, как только у меня появился конь, я сразу возомнил себя Джоном Уэйном. Начал рассекать на нем по Butt Lane в ковбойской шляпе и кожаной рубахе, которые я купил в Лос-Анжелесе, распевая песенку из фильма «Rawhide»[46]. Через несколько дней я стал держаться в седле настолько уверенно, что, однажды, в обеденное время решил проехать мимо пивной, чтобы показаться местным, а возможно, и сделать небольшую остановку для дозаправки. Мы едем себе по Butt Lane, цок-цок, цок-цок. Дело было летом, в «Hand Cleaver» выставили столы для пикника на улицу, так что я знал, что зрители у меня будут. И мне не терпелось увидеть, как у всех отвиснет челюсть от зависти.

Еду себе дальше, цок-цок, цок-цок.

Еще две минуты и я на месте.

И в самом деле, все сидят на улице сжимают в руках бокалы и пакетики со свиными шкварками, а когда они увидели моего белого скакуна-красавца, начали охать и ахать. Я натягиваю поводья, чтобы остановить Торпина, и начинаю спешиваться. Но как только я собрался перекинуть ногу через седло, из-за поворота показался грузовик, который возил молоко. Сначала я не обратил на это внимания — этот грузовичок каждую неделю проезжал по Butt Lane, но потом меня пронзила мысль: Надеюсь, что у него нет пневматических тор…

ПССССШШШ — зашипел грузовик.

Как только раздался этот звук, Торпин прижал уши и стартовал со скоростью победителя ежегодных скачек «Grand National». Сначала он рванул в сторону грузовика. Я изо всех сил держусь за седло, одна нога у меня была не в стремени, моя ковбойская шляпа на шнурке свисала с шеи. Потом до него дошло, что бежит не в ту сторону, он разворачивается и несется

галопом обратно на ферму. Конь промчался мимо пивной с такой скоростью, что лица людей, сидящих снаружи, выглядели сплошным расплывшимся пятном. Я, между тем, ору во все горло: «Сто-о-ой! Проклятая скотина! Сто-о-ой!»

Что он и сделал, как только вернулся в свой загон — стал как вкопанный, и я перелетел через его голову, а еще через изгородь.

И приземлился на коровью лепешку.

После этого у Торпина появился новый хозяин.

Через несколько дней я убил пастора. Во всяком случае, мне показалось, что я его убил. Имел место несчастный случай.

Видите ли, в то время на деревне священники ходили по домам. Им не нужен был какой-то особый повод, чтобы нанести вам визит. Человек слышал стук в дверь, открывал, а там стоял парень в сутане и воротничке, желающий поговорить о погоде.

Однажды, когда я был в пабе, пастор пришел в Bulrush Cottage и Телма пригласила его на чай. Загвоздка в том, что наше жилище не было приспособлено для приема священнослужителей: повсюду валялись разбросанные банки из-под пива, ружья, бонги[47], к тому же, Телма не знала, чем его угостить. Прошерстила кухню и обнаружила отвратительный с виду кекс в старой жестяной коробке. Не было выхода, пришлось дать ему кусочек, хоть он на вид и на вкус был говно.

К сожалению, она забыла, что неделю назад мой дилер толкнул мне паршивый товар. Хаш зачерствел, курить его было невозможно, но крепости он не утратил. А чтобы добро не пропало, я натер его на терке, смешал с сухой смесью для кекса и испек. Травки у меня была целая гора, а в буфете нашлось только полбанки смеси, значит, конечный продукт содержал в себе 80 % гашиша и 20 % смеси. Когда я это попробовал, чуть не блеванул.

Помню, сказал Телме:

— Видишь эту коробочку? Никто не должен к ней прикасаться!

Она наверняка меня не слушала. Знала только, что есть коробка с нарисованными черепом и двумя костями, внутри какой-то кекс, а пастор ждет угощения. Вот и отрезала ему дольку.

Когда я вернулся из паба, тот собственно доедал последний кусок. Викарий сидит на диване, перед ним стоит пустая тарелка, полно крошек. Я начинаю догадываться, чем это закончится.

— Правда, хороший кекс. Спасибо большое, госпожа Осборн! — говорит священник — А могу ли я попросить еще кусочек?

— Да, конечно, пожалуйста! — отвечает Телма.

— Телма! — сказал я — Думаю, что у нас нет больше кекса.

— Нет, у нас есть, Джон, он на кух….

— У. НАС. НЕТ. БОЛЬШЕ. КЕКСА.

— О, не хочу доставлять вам хлопот, — говорит священник и поднимается с дивана. Вытирает лоб платочком. Затем его лицо приняло странный оттенок. Я точно знал, что сейчас будет. Видите ли, есть травку — это совсем не то, что её курить. Она действует на все тело, а не только на голову. И для передозировки достаточно совсем маленького кусочка.

— Надо же! — сказал викарий. — Кажется, я чувствую себя немного..

БУМ!

— Твою мать! Священник упал! — заорал я, бросаясь к нему проверить дышит ли он. Потом я вызверился на Телму:

— Чем ты думала?! — сказал я. — Он сейчас умрет! Я же просил тебя не трогать этот кекс. Слон бы скопытился, если бы сожрал столько афганского гашиша!

— Откуда я могла знать, что это заряженный кекс?

— Но я же тебе говорил!

— Нет. Ты не говорил.

— Как думаешь, для чего здесь нарисованы череп и кости?

— И как нам быть? — бледнея, спросила Телма.

— Мы должны вынести отсюда тело, другого выхода нет — говорю ей. — Ты бери его за ноги.

— Куда мы его понесем?

— Вернем туда, где он живет.

Итак, мы перетащили викария в его машину, положили на заднее сиденье, в бардачке нашелся адрес служителя культа, по которому и было доставлено бездыханное тело. Он был в отключке. В глубине души я был уверен, что он покойник, но поскольку я почти весь день пил, то мысли у меня путались. Я знал, если кто-то съест за один раз столько гашиша — будь то священник или кто другой — он может проститься с жизнью. Но я упорно убеждал себя, что парень просто проснется с похмелья и все будет в порядке.

Добравшись до его дома, я вынес викария из машины и усадил на ступеньки перед входной дверью. Был бы поумнее — уничтожил бы свои отпечатки в автомобиле, но меня все это так добило, и мне так хотелось верить в то, что с ним ничего не случится, поэтому подобная мысль даже в голову не пришла.

Целую ночь я пролежал с открытыми глазами в ожидании воя сирен. Если обследуют тело священника, наверняка, ко мне постучатся в первую очередь. Кто ещё в этом приходе мог бы дать ему смертельную дозу кекса с гашишем? Но в ту ночь сирен я не услышал. И днем — тоже.

Проходили дни и, по-прежнему, ничего.

От чувства вины я не находил себе места, черт возьми. И Телма тоже. Несмотря на это, я предпочитал не светиться возле прихода, чтобы не породить подозрений, а когда приходил в паб, то начинал задавать наводящие вопросы. «А кто в последнее время видел священника? — как бы невзначай спрашивал я. — Хороший парень этот викарий, да? Интересно, что скажет на воскресной проповеди». И тут кто-то заметил, что викарий, должно быть, приболел, «потому что он не появился в церкви, и его уже какое-то время никто не видел».

Это все, думал я. Я убил его. И подумывал, а не пойти ли сдаться в полицию. «Это был несчастный случай, Ваша Честь — готовил я свое обращение к судье. — Ужасное, роковое стечение обстоятельств». И так продолжалось, по меньшей мере, неделю.

А потом, как-то раз я вошёл в паб и увидел его. Он сидел в баре, одетый в свою рясу, и потягивал клюквенный сок.

Я чуть было не обнял и не расцеловал этого парня.

— Э… Здрасьте, викарий, — сказал я, испытывая облегчение, от которого у меня даже прояснилось в голове.

— А, мистер Осборн! — пожимает мне руку священник — Знаете, что самое интересное? Абсолютно не помню, как я тогда добрался домой. А на следующее утро у меня был такой ужасный грипп.

— Сочувствую, викарий.

— Да, да, противная вещь, этот грипп.

— Безусловно.

— У меня никогда не было ничего подобного.

— Ну, я рад, что вам уже луч…

— Три дня меня мучили галлюцинации, представляете? Весьма любопытно. Я был убежден, что на лужайку перед моим домом приземлились марсиане и пытались организовать там лотерею.

— Это ужасно, викарий. Надеюсь, что сейчас вам лучше.

— Уже лучше, спасибо. Правда, за эту неделю, наверное, набрал килограмм шесть, так был голоден.

— Послушайте, викарий! — сказал я. — Если я что-нибудь могу сделать для церкви, все что угодно, только дайте мне знать, ладно?

— Как это мило с вашей стороны. А вы, случайно, не играете на органе?

— Э-э-э, нет.

— Но вы же играете в какой-то популярной группе, правда?

— Да.

— Скажите, а как вы называетесь?

— «Black Sabbath»[48].

— О! — Викарий минуту морщит лоб. Потом смотрит на меня и говорит:

— Немного странное название, вы так не считаете?

6. Конец близко

Следующий альбом мы записывали в замке с привидениями, где-то на абсолютном отшибе. Не знаю, бля, кому пришла в голову эта гениальная мысль, но наверняка не мне. Замок назывался Клиэрвэлл, находился в Форест-оф-Дин на границе с Уэльсом, а мы обосрались от страха в первый же день. Там был ров, опускающаяся решетка на воротах, кровати с балдахином в комнатах, повсюду огромные камины, головы животных на стенах и старый, темный, покрытый плесенью подвал, где мы репетировали. Замок был построен в 1728 году на месте бывшего постоялого двора Тюдоров. Местные рассказывали, что ночью по коридорам со стоном и воем блуждает безголовое тело. Мы поржали над этим, но как только чемоданы были распакованы, все начали подсирать от страха. По крайней мере, мы перестали беспокоиться о материале для новой пластинки. Нас больше пугала перспектива спать поодиночке в этих старых понурых комнатах, с развешенными на стенах мечами и доспехами, чем мысль о том, что наш новый альбом не разойдется миллионным тиражом. Как оказалось, никакие мы не Повелители Тьмы, а просто Короли Серунов, если уж на то пошло. Помню, как на Рождество в Филадельфии мы отправились посмотреть фильм «Экзорцист». Были так зашуганы, что сразу же пошли на «Жало» для контраста. Все равно, со страху спали в ту ночь все вместе в одном номере. Забавно, но спустя много лет, Линда Блэр, сыгравшая в этом фильме девочку, одержимую сатаной, встречалась с моим корешем, Гленном Хьюзом из «Deep Purple». Ей определенно нравились музыканты. Она даже гульнула разок с Тедом Ньюджентом. А ко мне как-то не приблизилась.

Блядь, ни разу!

Замок Клиэрвэлл не был пределом наших мечтаний, когда мы приступали к записи пластинки. Первоначальный план предполагал возвращение в Бел Эр для работы над текстом и музыкой, но мы узнали, что ни фига из этого не выйдет, потому что Стиви Вандер поставил огромный синтезатор в нашей любимой студии «Record Plant». А значит, этот замысел отпал сам по себе. И очень хорошо, ведь когда мы записывали наш последний альбом в Лос-Анжелесе, нас почти доконал кокаин. В то же время, в замке Клиэрвэлл нам грозила только смерть от страха.

И конечно, мы старались, очень старались, чтобы именно так и случилось.

Не прошло и дня, а уже начались приколы. Я был в первых

рядах: прознал, что если вставить катушку в восьмидорожечный магнитофон и убрать громкость до нуля, то в конце песни раздастся громкое «ЧА-ЧАНК-ЧИК», которое эхом разлетится от каменных стен. Ну, я и спрятал магнитофон у Тони под кроватью. Перед тем как он пошел спать — а до этого, для пущего страху, состоялся спиритический сеанс в подземелье — я пробрался в его комнату, нажал воспроизведение и убрал громкость. Потом смылся оттуда в соседнюю комнату.

Наконец, услышал, как Тони ложится в постель.

Жду.

Свет в замке гаснет, становится темным-темно. Если не считать треска стропил и ветра, который стучит в оконные рамы, царит полная тишина.

Я терпеливо жду.

И вдруг в темноте: «ЧА-ЧАНК-ЧИК»!

Одновременно из комнаты доносится отчаянное «АААААА!», а потом Тони с грохотом свалился с кровати. Двери открываются, он влетает в одних трусах и орет:

— У меня там что-то есть! Блядь, у меня в комнате что-то есть!

Много дней я смеялся над этим.

Замок позволял нам забыться, но не помогал в написании песен. Проблема заключалась в том, что «Vol.4» уже стал классикой, по крайней мере, по меркам «Black Sabbath». Поэтому мы хотели записать его продолжение, еще один классический альбом. Только это невозможно контролировать. В определенном смысле, нужно оказаться в нужном месте в нужное время. Не думаю, чтобы Майкл Джексон однажды сел и подумал: «Знаете что? Через год запишу альбом, назову его «Thriller»[49], каждая песня произведет фурор, а я буду продавать по миллиону пластинок в неделю». Такое невозможно запланировать.

С другой стороны мы панически боялись влиться в ряды всех этих групп, которые начинали с парочки классных, по мнению публики, альбомов, а потом просто гнали сплошную халтуру. Никто из нас не мог осознать, как сильно изменилась наша жизнь после возвращения в 1969 году из «Star Club». Думаю, мы все ожидали, что однажды пруха закончится и наша песенка будет спета.

Лично меня больше всего беспокоил тот факт, что мы делаем не совсем то, что ожидают от нас поклонники. Я знал, что мы не можем бесконечно клепать «Iron Man», мы должны развиваться. Но с другой стороны, нельзя в каждую вещь воткнуть духовые инструменты и играть какой-нибудь дебильный абстрактный джаз. И пока группа будет носить название «Black Sabbath», мы

должны играть тяжелую музыку в духе «Black Sabbath», чтобы люди относились к нам серьезно.

Возьмем, к примеру, того парня, что играл Бэтмэна. Это хороший актер, но если в следующем фильме ему придется сыграть официанта-гея, зрители все равно до конца фильма будут ждать, когда же он сорвет с себя смокинг и сиганет в окно в облачении супергероя.

А значит, мы должны были действовать крайне осторожно.

Если быть до конца откровенным, поначалу в замке Клиэрвэлл мы не знали с какой стороны подойти к работе. Первый раз в жизни Тони не смог придумать ничего нового. А значит, у нас не было риффов. А без риффов — не было песен. В конце концов, нас спасла эта голландская группа — «Golden Earring». Мы слушали их новый альбом «Moontan», когда в голове у Тони вдруг что-то переключилось. Пару дней спустя, он пришел в подвал и начал играть аккорды к «Sabbath Bloody Sabbath». Я уже говорил: всегда, когда мы думали, что Тони не справится, он справлялся, да еще как! С той минуты никаких запоров в записи уже не было.

Это было большое облегчение.

Но мы никак не могли сконцентрироваться в этом долбаном замке. Так себя накрутили, что ночью никто не мог заснуть. Лежишь на кровати — глаза широко открыты — и ждешь, когда доспехи рыцаря в любое мгновение сами по себе войдут в спальню и воткнут тебе кинжал в задницу.

А сраные сеансы только усложняли дело. Сам не знаю, о чем мы думали, ведь они были с душком, эти сеансы. Ты понятия не имеешь, кто передвигает стакан, а потом убеждаешь себя, что за спиной стоит прабабка Салли с простыней на голове. А в подвале все это выглядит еще страшнее.

Самым большим приколистом был Тони. Как-то раз нашел в шкафу манекен для примерки одежды, натянул на него платьице и паричок, а потом выбросил всю эту красоту из окна четвертого этажа, аккурат на вернувшихся из паба Билла и Гизера. Те чуть не обосрались. Билл проскочил двор с такой скоростью, что, наверняка, побил рекорд Англии в беге по пересеченной местности. Еще был случай — не видел этого собственными глазами, но кто-то мне рассказывал — Тони привязал белую нитку к старой модели парусника, которая стояла в комнате одного из техников, а потом запустил ее через дверь в соседнее помещение. Подождал, пока техник останется сам — и легонько потянул за ниточку. Техник смотрит, а там по пыльной каминной полке, поддерживаемой двумя горгульями, плывет сам по себе кораблик. Бедняга выбежал из этой комнаты и ни в какую не

хотел туда возвращаться.

Но больше всего досталось Биллу. Однажды ночью он упился своим сидром и отъехал прямо на диване. Мы притащили туда огромное зеркало в полный рост и подвесили его таким образом, чтобы оно зависло в нескольких сантиметрах над лицом Билла. Потом толкали его, пока он не проснулся. Когда Билл открыл глаза, то увидел в отражении собственное лицо. Я до сих пор не слышал, чтобы взрослый человек так громко кричал. Наверное, Билл подумал, что проснулся в аду.

После этого случая Билл ложился спать с кинжалом.

В конце концов, шуточки вырвались из-под контроля. Люди стали уезжать на ночь домой, вместо того, чтобы спать в замке. Самое смешное то, что единственный, по-настоящему опасный случай, произошел со мной, когда я напился и уснул с ногой в камине. Помню, просыпаюсь в три часа утра, что-то странно щекочет ногу. Я вдруг вскакиваю с криком и начинаю прыгать по комнате с горящим ботинком, в поисках какой-нибудь жидкости, чтобы потушить пожар. Все вокруг при этом неплохо веселятся.

Гизер просто смотрит на меня и говорит:

— Огоньку не найдется, Оззи?

Но улыбка исчезла с его лица, когда от ботинка отлетел кусок раскаленного угля и поджег ковер. Собственно, я благодарю Бога за бочонок сидра, который Билл держал за своей установкой. Именно благодаря сидру, нам удалось погасить пламя. Скажу вам честно, меня это удивило. Я ведь пробовал сидр Билла и скорее надеялся, что он шарахнет как коктейль Молотова.

Когда мы покидали замок Клиэрвэлл, материал для пластинки был практически готов. Мы перебрались в «Morgan Studios» на Уиллэзден Хай Роуд в северном Лондоне, чтобы завершить работу.

«Morgan Studios» пользовалось огромной популярностью и если вы ехали туда на запись, неизбежно встречались с другими группами. Все заканчивалось совместным походом в тамошнюю кафешку, где можно было немного развеяться: поиграть в дартс и выпить. Я пошел поприветствовать соседей по студии, а тут — парни из группы «Yes», что означало облом. Когда мы работали над своим альбомом в «Студии 4», они записывали в «Студии 3» «Tales From Topographic Oceans». Эти ребята были хиппи и притащили с собой вырезанных из картона коров, чтобы их пространство в студии было ближе к природе. Позже я узнал, что у каждой коровы было электрическое вымя. И никакой это, на хер, не прикол! Разбросали там горы сена, поставили заборчик из белых кольев, а в углу — маленький амбар. Детский сад какой-то! «А мне казалось, что только Гизер какой-то странный» — подумал

я.

За все время, проведенное в «Morgan Studios», единственным участником «Yes», которого я повстречал в кафешке, был клавишник Рик Уэйкман, их мегазвезда. Он был знаменит тем, что с космической скоростью исполнял соло на синтезаторе «Муг», облаченный в мантию волшебника. Как оказалось, он был единственным нормальным парнем в группе «Yes». Действительно, он постоянно зависал в кафешке, где конкретно напивался, и ему было по барабану все это хипповое дерьмо вместе с коровами. Рик предпочитал отвлечься от работы и побросать со мной дротики.

Не раз мы конкретно отрывались, я и Рик, и до сих пор остаемся друзьями.

У парня просто врожденный талант рассказчика. Каждая встреча с ним как передача «Вечер с…» Однажды он мне рассказал, как в законном порядке изменил фамилию на Михаэль Шумахер — на случай, если полицаи поймают его за превышение скорости и потребуют представиться. Чуваки в погонах бухтят, мол, перестань прикалываться, требуют предъявить водительское удостоверение, и он дает, получите и распишитесь, черным по белому. Чего не сделаешь, лишь бы позлить людей с жезлом.

Тогда в его коллекции насчитывалось около тридцати «Роллсов» и «Бентли», хотя я не знаю, когда он на них ездил, потому что Рик всегда был под мухой. В этом смысле он ненамного переплюнул меня. Спустя годы, с ним случилось несколько сердечных приступов подряд и с бухлом пришлось завязать.

Похоже, что Уэйкман страшно скучал на записи «Tales From Topographic Oceans». Одна из самых смешных историй про него связана с гастролями «Yes» в поддержку этого альбома. Рик так проголодался, что посреди одного из восьмичасовых проигрышей заставил своего техника купить и принести на сцену карри. Сидел потом под клавишами и, накрытый пелериной, уплетал курицу в остром соусе и покуривал сигаретку.

После этого надолго в «Yes» он не задержался.

Во всяком случае, однажды в «Morgan Studios», когда Рик скучал больше обычного, я спросил его, а не хочет ли он заглянуть в Студию 4 и послушать несколько наших новых вещей. Там, на своем синтезаторе ARP 2600, наиграл ему мелодию из «Sabbra Cadabra». Корявенько вымучил этот рифф одним пальцем: да-да-дау да-да-да-дау, а Рик смотрит на меня. Когда я закончил, он говорит:

— Хм, а может так прозвучит лучше.

Склоняется над синтезатором и лабает свои диддли-диддли-

диддли-диддли-дад-диддли-дад. Пальцы его летают так быстро, даю слово, их даже не видно.

Начинаю ковать железо, не отходя от кассы, мол, не сыграл бы на нашем альбоме, на что он, с удовольствием согласился, если мы заплатим ему обычную ставку.

— Сколько? — спрашиваю я.

— Два бокала самого лучшего директорского биттера.

Если не брать в расчет Рика, музыканты «Yes» жили как монахи. Не ели мяса. Выглядели так, будто каждый день брали уроки йоги. Никто из них не ходил бухой. Делали только одну рок-н-ролльную вещь: курили травку. А я только получил свежую порцию афганского гашиша, этой феноменальной травки. По-настоящему крепкий товар. В то время, я уже был знатоком этих дел и мне было интересно, как оценят моего «афганца» кореша из «Yes». Однажды утром, я принес в студию кирпичик хаша, посетил соседей и отломил им большой кусок. Так случилось, что в тот день отсутствовал только Рик.

— Вот, парни! — говорю. — Забейте-ка этим косячки.

А они на это, мол, сейчас испробуют.

Вернулся в «Студию 4», сам выкурил пару косячков, записал немного вокала, в обеденный перерыв выскочил в кафешку пропустить пять-шесть бокальчиков, вернулся, пыхнул еще одну самокруточку и решил проверить, что там слышно у соседей.

Вхожу в «Студию 3», а там пусто. Нахожу администраторшу и спрашиваю:

— Видели где-нибудь «Yes»?

— А, всем стало плохо в обед. Они поехали домой.

Наш новый альбом уже имел название: «Sabbath Bloody Sabbath» — так же как и песня, которая прорвала творческую блокаду Тони и стала следующим хитом. А заодно, и нашей последней, по-настоящему великой пластинкой, я так думаю. Даже оформление конверта было попаданием в яблочко: парень лежит на кровати, во сне его атакуют демоны, над головой виден череп и число 666. Офигенная обложка. В плане музыки, нам удалось найти удачное сочетание старого тяжелого звучания и нового, я бы сказал, экспериментального. Попадались такие вещи, как «Spiral Architect» с участием полного оркестра и «Fluff», похожий на записи «The Shadows» (мы назвали «Fluff» в честь Алана Фримена, по прозвищу «Fluff», ди-джея, который всегда крутил наши песни на Radio 1), но, с другой стороны, был так же «A National Acrobat», тяжелый, будто хотел придавить вас бетонной плитой. На пластинке оказался и мой собственный номер «Who Are You?». Я написал его как-то ночью в Bulrush

Cottage, когда был под мухой, ковырялся в своем ARP 2600 и писал все на студийный кассетник «Revox».

Мы все были довольны каким получился «Sabbath Bloody Sabbath». Даже Патрик Миэн и звукозаписывающая компания. Что на самом деле означало только одно: с той поры мы могли двигаться только вниз.

Я должен был предвидеть наступление тяжелых времен для «Black Sabbath», когда в 1974 году мы летели в Америку и сидящий возле меня мужичок сыграл в ящик на полпути над Атлантикой.

Сперва слышу, как он кашляет, и вот я уже сижу рядом со жмуриком. Не знаю, бля, что делать, нажимаю кнопку вызова стюардессы.

— Да, сэр, чем могу вам помочь? — спрашивает чикса, вся из себя такая культурная.

— Тут паренек вроде окочурился, — говорю я и показываю на тело.

— Извините?

— Дуба врезал. — Повторяю я и поднимаю безжизненную левую руку соседа. — Смотри! Мертв как грёбаная кукла.

Стюардесса начинает паниковать.

— Что случилось? — спрашивает шепотом, пытаясь накрыть его пледом. — Ему было плохо?

— Ну, он немного закашлялся. Я подумал, что ему арахис попал не в то горло. Потом он побледнел, закатил глаза и откинул копыта.

— В таком случае, — говорит тихо стюардесса — посадим его поближе к окну и подопрем подушкой. Прошу не говорить об этом другим пассажирам. Мы не хотим вызвать паники. В качестве компенсации за неудобства можем пересадить вас в первый класс.

— А в чем разница между бизнес-классом и первым классом?

— Шампанское.

— Прелестно.

И это было начало Конца.

Из тура в поддержку «Sabbath Bloody Sabbath» больше всего запомнилось то, что у всех начали сдавать нервы. К тому времени, Патрик Миэн перестал быть телефонным волшебником, который мог подогнать «Роллс-Ройс», коня или набор машинок «Scalextric», вместо этого превратился в занудного сраного буржуя, который никогда не дает четкого ответа на вопрос: сколько бабла мы заработали.

Тони жаловался, что целыми днями пропадает в студии, а на самом деле, имел в виду, что у него нет никакой личной жизни.

Вроде бы так, но, с другой стороны, он обожал торчать в студии, даже сам занялся продюсированием альбомов. Лично я терпеть не мог сидеть ровно на заднице, покуривая сигареты, слушать до бесконечности один и тот же трехсекундный отрывок гитарного соло. И до сих пор не переношу. Меня это раздражает. Сделав все, что от меня требуется, я выхожу на свежий воздух. Благодаря тому, что в 70-х техника сделала большой шаг вперед, у Тони всегда было искушение добавить кусочек, потом еще один, и еще один. В этом смысле, он так просто не сдавался. И ему хватало терпения. Никто с ним не спорил, потому что, неофициально, он был лидером группы.

Гизера тоже все достало, его раздражало то, что я морочу ему голову текстами. А что мне оставалось делать, ведь парень был гением. Припоминаю, когда мы были в «Morgan Studios», он взял выходной и поехал к себе в деревню. Звоню к нему и говорю:

— Послушай, Гизер. Мне нужно несколько слов к «Spiral Architect».

Он немного поворчал, попросил перезвонить через час и положил трубку.

Перезваниваю. Гизер говорит:

— У тебя есть чем писать? Хорошо, тогда записывай:

«Sorcerers of madness
Selling me their time
Child of God sitting in the sun.»

А я ему в ответ:

— Гизер, ты что, читаешь из книжки?

Не мог в это поверить. Парень писал шедевры быстрее, чем я читал предложение.

— Так держать! — говорю я. — И к пяти вечера закончим, на хер, весь альбом!

Одной из причин трений между нами стало то, что мы «поймали звездочку», возомнили себя великими звездами рока.

В то время, подобное случалось со многими группами. Например, когда мы принимали участие в Cal Jam Festival на территории Ontario Motor Speedway в 1974 году, за кулисами все сходили с ума по-своему. «Если у них есть пинбол, мы тоже хотим пинбол. Если у них есть квадрофоническая система, нам тоже нужна квадрофоническая система». Люди возомнили себя богами. Да и сам фестиваль был проведен с небывалым размахом: около 250 тысяч фанов, выступления в прямом эфире передают FM-радиостанции и телесеть Эй-Би-Си. Рок-н-ролл никогда не делали с таким размахом. Нужно было видеть выступление Эмерсона,

Лэйка и Палмера. Посреди концерта, Кейт Эмерсон играл соло на рояле, который поднимался над сценой и начинал вращаться.

Мы тоже неплохо там зажгли.

Давненько мы не играли живьем и решили порепетировать в гостиничном номере без усилителей. На следующий день прилетели на площадку вертолетом, потому что все дороги были забиты. А потом пронеслись по сцене как ураган. Я щеголял в ботинках лунного цвета и желтых лосинах.

А вот парням из «Deep Purple» этот фестиваль был не в масть. Ричи Блэкмор ненавидел телевизионные камеры — говорил, что они отгораживают его от публики — ну, и через несколько песен, заехал грифом гитары прямо в объектив одной из них и поджег усилитель. Началась заварушка, группе пришлось быстренько сваливать на вертолете, пожарные уже были на хвосте. Эй-Би-Си тоже разозлилось не на шутку. Эти камеры стоили целое состояние. Помню, возвращался в Англию в одном самолете с Ричи. Какие номера тогда мочили! Я спрятал четыре грамма кокса в носках и должен был от него избавиться до приземления, пришлось раздавать его стюардессам. Через минуту мой товар конкретно их вставил. В определенный момент, моя еда сама поднялась в воздух. Вы можете представить себе подобное сегодня? Как вспомню, так вздрогну.

Другим безумством, которое приключилось со мной примерно в то время, было знакомство с Фрэнком Заппой в Чикаго, мы там давали концерт. Оказалось, что живем с ним в одном отеле. Мы все смотрели на Заппу с уважением, особенно Гизер, нам казалось, что этот паренек не с нашей планеты. Он только что выпустил, записанный в квадро альбом «Apostrophe(')» с композицией «Don't Eat the Yellow Snow». Классика, бля!

Во всяком случае, мы жили в одной гостинице и пересеклись с его музыкантами у барной стойки. А на следующий день пришла весть о том, что Фрэнк приглашает нас на вечеринку в честь Дня Независимости, которая должна состояться в тот же день в ближайшем ресторане.

Мы еле-еле дождались.

Ровно в восемь идем на встречу с Фрэнком. Входим в ресторан, а он сидит там за огромным столом, в окружении товарищей по группе. Знакомимся и начинается пьянка. Но происходит нечто странное, потому что парни из его команды ежеминутно подходят ко мне и говорят:

— У тебя не найдется немного снега? Только не говори Фрэнку, что я просил. Он не принимает. Ненавидит снег. Ну, так что, есть? Дорожки хватит, чтобы подзарядить аккумуляторы.

Я не хочу в это вмешиваться и говорю «не-а», хотя в кармане

лежит внушительных размеров упаковочка.

Позже, в ожидании десерта, сижу рядом с Фрэнком, а тут из кухни два официанта выкатывают огромный торт. Весь ресторан притих. Вы бы видели этот торт! Он был выполнен в форме голой бабы с большими, покрытыми мороженым сиськами, к тому же она лежала, широко расставив ноги. Но самым безбашенным было то, что в середину был вмонтирован маленький насос и шампанское било из её промежности ключом. В помещении можно было услышать звук падающей булавки, пока группа не начала петь «America the Beautiful». Потом, каждый должен был выпить бокал шампанского, начиная с Фрэнка.

Когда пришла моя очередь, я делаю большой глоток и, скривив физиономию, констатирую:

— Фе, на вкус как моча!

Все подумали, что это шутка.

Вдруг Фрэнк наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

— У тебя не найдется немного снегу? Не для меня, для моего охранника.

— Что, серьезно?

— Конечно, только парням — ни слова. Они не употребляют.

Несколько лет спустя я встретил Фрэнка после его выступления в «Birmingham Odeon». Концерт закончился и он спрашивает:

— А в этом городе найдется местечко, где можно подкрепиться. А то меня поселили в «Holiday Inn», а жратва там отвратительная.

Я ему в ответ:

— В такое время нам осталась только индийская кухня на Бристол-Стрит, но я не советую.

Фрэнк пожимает плечами:

— А, сойдет! Пошли!

Ну, мы все вместе идем в эту сомнительную индийскую забегаловку — я, Фрэнк, Телма и какая-то японская телочка, с которой Заппа тогда встречался. Советую ему ни при каких обстоятельствах не заказывать из меню стейк. Он кивает головой, минуту изучает меню и, в конце концов, заказывает стейк. Когда его принесли, я уселся поближе и стал наблюдать, как он с ним справится.

— Как старый ботинок, правда?

— Не скажи! — отвечает Фрэнк и вытирает губы салфеткой. — Скорее — как новый.

* * *

В середине 70-х все изменилось, если речь идет о «Black Sabbath». Раньше мы всегда держались вместе. Когда приезжали на концерт в новый город, ходили по улицам как маленькая банда: шатались по пивным и клубам, кадрили телок, бухали. Но, со временем, начали видеться все реже и реже. Когда мы с Биллом колесили по автострадам, скажем, Тони и Гизер для нас не существовали. Но, в конце концов, и мы начали отдаляться друг от друга. Я был шумным подонком, который постоянно хотел устраивать вечеринки, таскать телок к себе в комнату и предаваться всевозможным формам разврата, тогда как Билл предпочитал остаться в кровати и поспать.

После всех этих гастролей, мы просто не переносили друг друга. А коль скоро не проводили времени вместе, в наших головах начали роиться проблемы и мы перестали общаться.

Как-то вдруг все развалилось. Во-первых, издательские права на большинство наших песен были проданы фирме «Essex Music» «в постоянное пользование», что на людском языке означало — навсегда.

Были также и другие признаки беды. Например, обанкротился банк «London and County». Я не знаю, что там приключилось — я же не финансовый мозг страны — но помню точно, что мне пришлось продать право собственности на землю, которую я купил у фермера-трансвестита, в противном случае, лишился бы Bulrush Cottage. Если бы мы с Телмой не купили ее за свои деньги, то остались бы с голой жопой.

Но самой большой проблемой был наш менеджер. В конце концов, до нас дошло, что нас разводят. Хотя в теории Миэн и должен был высылать нам пособие; неважно, что и когда его просили, но все это мы не контролировали. Каждый из нас должен был иметь собственный банковский счет, но нам его никто не открыл. Нужно было пойти в контору и там попросить, ну, скажем, «штуку». Он отвечал: «хорошо» и чек приходил к нам по почте. Но спустя какое-то время, банк перестал принимать чеки.

Поэтому мы его уволили. А потом началась вся эта судебная хрень, один процесс сменял другой. Когда шла работа над продолжением «Sabbath Bloody Sabbath» — мы назвали его «Sabotage», в честь махинаций Миэна — иски складывали прямо на микшерский пульт. Именно тогда мы пришли к выводу, что адвокаты — это такие же кровососы, как и менеджеры. Заставят вернуть каждую копейку, которую потратили на вас, посчитают даже скрепки. И с огромной радостью будут жить в судах, лишь бы кто-то оплачивал их счета. Им по барабану: выиграют ли дело лет через пятьдесят или нет, такая уж у них натура.

Работал на нас один адвокатишка. Как же я его ненавидел! На дух его не переносил, такой был жмот. Однажды, когда мы записывали «Sabotage» в «Morgan Studios», пришел и говорит:

— Джентельмены, ставлю всем пиво!

Я подумал: «Ни фига себе! Парень достал бумажник».

Но в конце встречи, достает записную книжку и начинает подсчитывать выпитое, чтобы выставить нам счет.

— Хорошо, Оззи, ты выпил два пива. Это в сумме дает шестьдесят пенсов — говорит он. — Тони, ты заказал одно и…

— Ты что, бля, прикалываешься, а? — недоумеваю я.

Конечно же, это не был прикол. Такие уж они, эти адвокаты. Смажут тебе поначалу очко вазелином, а потом воткнут туда кулак целиком.

Поэтому на «Sabotage» чувствуется раздражение. Есть на этой пластинке и немного мощных номеров. «Supertzar» — один из них. Помню день, когда мы его записывали. Вхожу в «Morgan Studios», а там хор в полном составе — человек сорок и восьмидесятишестилетняя арфистка. Шум создают такой, будто сам Господь Бог творил музыкальное сопровождение к концу света. Я даже не пытался пробиться с вокалом.

Предметом особой гордости на этом альбоме является «The Writ». Большую часть текста я написал сам, что напоминало визит к психиатру. Излил в нем всю злость на Миэна. Но знаете что? Хоть он и развёл нас как лохов, далеко в этой жизни не зашел. Вы только посмотрите на него: выглядит как жирная, пьяная развалина. Но я не чувствую к нему ненависти. Ненависть не приводит ни к чему хорошему. Было и прошло, я не желаю ему зла. Я все еще здесь, как видите. Карьера не закончена. Спрашивается: зачем еще кого-то ненавидеть? И без меня полно ненависти на свете. По крайней мере, из этой истории получилась неплохая песня.

Кроме «The Writ», в то время похвастаться мне было особо нечем.

Ну, разве что, будучи в кислотном угаре, я угрожал оружием Биллу в Bulrush Cottage. Пистолет был не заряжен, но Билл об этом не знал, а я ему ничего не говорил. Тогда он перенес это стоически, ведь мы никогда этот случай больше не обсуждали, а значит, это было нечто серьезное.

Тогда меня конкретно плющило после кислоты. Однажды, мы вместе с техниками закатились в Fields Farm — в старый дом, который снимал Билл — и, по какой-то непонятной причине, хотели нажраться. В ту ночь атмосфера была ужасно зловещей, какой-то малец утонул в озере неподалеку, где плавал на каноэ. Легавые переворачивали все вверх дном, прочесывали озеро в

поисках тела, искали наркотики. Другими словами, не самый подходящий момент для кислотного трипа. Но нас это не остановило. Помню, как вышел в поле и встретил двух лошадей. Вдруг, одна говорит другой:

— Офигеть, этот парень умеет говорить.

Я струхнул не на шутку.

К тому же, я ударил Телму, что было, наверное, самым отвратительным поступком в моей жизни. Я распустил руки и бедная женщина была напугана до смерти. Дело усугублялось еще и тем, что у нас недавно родился второй ребенок, маленький Луис. Знаете ли, Телма натерпелась со мной и я об этом очень жалею. Больше всего на свете я хотел бы вернуть все назад. Но, конечно, невозможно избежать жестокости, неважно какой, и мне нести этот крест до конца дней. Мои родители часто дрались и я, наверно, подумал, что это нормально. Но это ни коим образом меня не оправдывает. Однажды вечером, когда был нафарширован водярой и таблетками, я так сильно ударил Телму, что поставил ей фингал под глазом. На следующий день мы должны были встретиться с ее отцом, в моих мозгах промелькнуло: «Твою мать, теперь он меня отмудохает по полной программе». А он сказал только:

— Ну и кто выиграл? Ты или она?

Самое печальное то, что я только на трезвую голову осознавал, как отвратительно себя веду. Поверьте, теперь я все понимаю.

И вот в обстановке такого блядства, мы решили записать новый альбом. В этот раз забрали аппарат и техников в Америку, где зарезервировали время в «Criteria Studios» в Майами. Пластинку назвали «Technical Ecstasy», хотя не скажу, что я был восхищен названием на все сто. Запись пластинок к тому времени для нас становилась банально дорогим удовольствием. «Black Sabbath» был записан за один день. «Sabotage» отнял у нас около четырех тысяч лет. С «Technical Ecstasy» мы так не возились, хотя расходы во Флориде были астрономическими.

Когда продажи наших альбомов падали, фирма грамзаписи не интересовалась нами, так как раньше; из американской налоговой пришло требование на миллион долларов, не хватало денег на оплату адвокатов и у нас не было менеджера. Какое-то время Билл отвечал на звонки. Хуже всего было то, что мы утратили из виду наши ориентиры. И дело тут вовсе не в музыкальных экспериментах. Это было нечто большее: мы утратили свой былой дух. Только недавно на обложке «Sabbath Bloody Sabbath» был парень, которого атакуют демоны, а тут, ни с того ни с сего, видим двух роботов, трахающихся на эскалаторе.

Так выглядела обложка «Technical Ecstasy».

Не могу сказать, что альбом получился плохим, нет. Например, Билл написал классный текст к «It's Alright», который мне очень нравится. И он даже спел его. У Билла отличный голос и я охотно передал ему микрофон. Но меня это перестало интересовать и я начал задумываться над сольной карьерой. Даже заготовил футболку с надписью BLIZZARD OF OZZ. А тем временем в студии, Тони без устали повторял, что мы должны звучать как «Foreigner», или, мы должны звучать как «Queen». Но мне казалось странным то, что группы, для которых мы были источником вдохновения, теперь должны стать ориентиром для нас. К тому же, я погряз в наркоте и алкоголе, нес околесицу, порождал проблемы и вел себя как конченый дебил.

Во время записи во Флориде я допился до такой степени, что вернувшись домой, попал в дурдом Св. Джорджа в Стаффорде. Когда-то это место называлось «Окружным приютом для умалишенных», но название сменили, чтобы психам стало немного легче. В этом огромном здании викторианской эпохи было темно и понуро, будто там собирались снимать научно-фантастический фильм. Только я переступил порог этого заведения, как доктор огорошил меня вопросом:

— Вы мастурбируете, мистер Осборн?

А я ему в ответ:

— Я здесь, чтобы подлечить голову, а не член.

Надолго я там не задержался. Поверьте мне, у врачей на дурке гораздо больше тараканов в башке, чем у их пациентов.

А потом Телма купила мне цыплят.

Наверно подумала, что благодаря этому сможет вернуть меня к нормальной жизни. Это помогло на каких-то пять минут. Но они мне быстро надоели, особенно, когда я понял, что, по мнению Телмы, должен буду кормить эту срань и убирать за ними дерьмо. Я начал искать повод, чтобы от них избавиться.

— Телма! — говорю однажды утром, когда они меня достали. — Где ты купила этих куриц? Они какие-то неправильные.

— Что значит — неправильные?

— Они не несутся.

— Может и будут нестись, Джон, если ты начнешь их кормить. К тому же, они так напуганы, бедняжки.

— С чего ты взяла?

— Да ладно, не притворяйся, Джон. Ты поставил возле курятника знак «Oflag 14»[50]. Знаю, что они не умеют читать, но сам понимаешь.

— Но это же шутка.

— Упреждающие выстрелы над их головами по утрам им тоже, вроде, не идут на пользу.

— Надо же их как-то держать в тонусе.

— С тобой они наедятся только страху. Если будешь продолжать в том же духе, доведешь какую-то курицу до разрыва сердца.

«Да уж если бы!» — подумалось мне.

Проходили недели и месяцы, я постоянно забывал накормить кур, так же как и они забывали о несении яиц. А Телма опять за свое:

— Джон, накорми кур.

Или:

— Помни, Джон, ты должен накормить кур.

Или:

— Ты накормил кур?

Охренеть можно!

Я хотел наконец-то покоя — запись «Technical Ecstasy» была изнуряющей, в основном, из-за бухалова — но мне постоянно кто-то компостировал мозги. Если не Телма, то адвокаты. Если не адвокаты, то бухгалтеры. Если не они, то фирма грамзаписи. А если не фирма грамзаписи, тогда Тони, Билл или Гизер, которых беспокоил наш «новый стиль» или они ныли по поводу налогов.

Я должен был кирять круглосуточно, чтобы окончательно не съехать с рельсов.

Но однажды не выдержал.

Целую ночь не спал. Посиделки в «Hand» до закрытия паба, потом продолжение дома, потом несколько дорожек кокаина, потом немного травки, потом снова кокс, где в районе завтрака фильм обрывается, потом опять кокс, чтобы стать на ноги. И вот пришло время обеда. Выпил бутылочку сиропа против кашля, три бокала вина, потянул еще немного кокса, выкурил косячок и полпачки сигарет, съел яйцо по-шотландски. Но вне зависимости от того, чем нагружал себя, я не мог избавиться от этого долбаного чувства апатии. Она часто меня посещала после возвращения из Америки. Часами стоял тогда в кухне и ничего не делал, только открывал-закрывал дверь холодильника. Или просиживал в зале перед телеком, переключая каналы, хотя ничего не смотрел.

Но в этот раз что-то изменилось.

Я сходил с ума.

Мне ничего не оставалось, как вернуться в пивную и там решить свои проблемы.

Вот я уже собрался, как сверху спускается Телма. Появляется в кухне и говорит:

— Я еду к маме забрать детей.

Вижу, как сгребает со столика стопку журналов «Good Housekeeping»[51] и начинает их засовывать в сумку. Вдруг останавливается, поворачивается ко мне, а я так и стою возле холодильника, в трусах и халате, с сигаретой в зубах и чешу свои яйца.

— Ты накормил кур? — спрашивает она.

— Я же говорил, что они неправильные.

— Просто дай им поесть, Джон, ради Бога! Хотя, знаешь что? Пусть сдыхают. Мне теперь все равно.

— Я иду в паб.

— В махровом халате, который тебе подарили на Рождество?

— Ну, да.

— Классно, Джон. Просто класс.

— Где мои тапочки?

— Поищи их около собачьей подстилки. Буду в восемь.

Я вылез из дому, помню, в резиновых сапогах — тапочки не нашлись — и направился в сторону паба. По дороге пробовал затянуть ремешок от халата. Не хотел светить задницей перед местными фермерами, особенно, перед бородатым придурком-трансвеститом.

Когда дошел до ворот во дворе, меня вдруг осенило. «Знаешь что — сказал я себе. — Сейчас накормлю этих птичек. Мать их так! Если она так хочет, пожалуйста!» Повернулся и заковылял в сторону дома. Но мне хотелось выпить и я подошел к «Рейндж Роверу», открыл дверь и вытащил из бардачка припрятанную там на черный день бутылочку шотландского виски.

Глоток! Ааа! Сразу легче.

Отрыгнул и пошел в сад. И вдруг меня снова осенило. «Да пошли они к едреней фене, эти курицы! Не снесли ни одного яйца, засранки! На хер их! Всех — на хер!»

Глоток! Ааа!

Отрыгнул, затянулся сигаретой. И вспоминаю, что не докурил ту, которая была у меня во рту. Выбросил окурок в овощную грядку Телмы. Снова свернул, на этот раз в сторону сарая.

Распахнул двери и посмотрел на свою полуавтоматическую винтовку «Benelli», стоявшую в пирамиде. Взял ее в руки, проверил патронник, были ли патроны, были, а потом рассовал по карманам обоймы. С верхней полки взял канистру с бензином для газонокосилки, ее хранил там садовник. Для той самой газонокосилки, на которой я для смеху ездил в пивную. Ее мне подогнали из конторы Патрика Миэна, хотя я просил комбайн.

Ну, значит, с канистрой в одной руке, с ружьем в другой, и бутылкой вискаря под мышкой, покуривая сигарету, ковыляю к

курятнику в саду. Заходит солнце и небо окрасилось в багровые тона.

В голове постоянно крутятся слова Телмы: «Джон, накорми цыплят. Ты накормил цыплят, Джон?»

И тут вмешивается бухгалтер:

«Парни, это серьезно. Счет из налоговой на миллион долларов».

А Гизер говорит:

«Назовем этот альбом «Technical Ecstasy». Нам нужно найти новый стиль. Мы не можем постоянно ковыряться в этой долбанной черной магии».

И так без конца. Все повторяется снова и снова.

«Джон, накорми цыплят!»

«Парни, это серьезно».

«Назовем этот альбом «Technical Ecstasy».

«Ты накормил цыплят, Джон?»

«Счет на миллион долларов».

«Джон, накорми цыплят!»

«Нам нужно найти новый стиль».

«Это серьезно».

«Мы не можем постоянно ковыряться в этой долбаной черной магии».

АААААААААААААААААААААААААААААААААА!

Подхожу к курятнику, откладываю в сторону канистру и ружье, сажусь на корточки у знака «Oflag 14» и заглядываю внутрь. Куры кудахчут и кивают маленькими клювами.

— Кто-нибудь снес яйцо? — обращаюсь к ним, хотя уже ясен ответ на этот гребаный вопрос. — Так я и знал. Очень плохо! — говорю я и встаю.

Беру винтовку.

Снимаю с предохранителя.

Прицеливаюсь.

— Ко-ко-ко…

Бах! Бах!

Прицеливаюсь.

— Куд-куда.

Бах! Бах!

Прицеливаюсь.

— Куд-куд-куд-кудааа!

БАХ!

Звуки выстрелов закладывали уши нафиг, эхо разлеталось по полям на много километров вокруг. Каждый выстрел озарял белой вспышкой курятник и сад, все это сопровождалось сильным запахом пороха. Я чувствовал себя намного лучше.

Несравненно лучше.

Глоток. Ааа! Бээ…

Курицы — те, которые еще не отправились к прапетухам — порядком охренели.

Жду минутку, пока рассеется дым.

Прицеливаюсь.

— Ко-ко-ко…

Бах! Бах!

Прицеливаюсь.

— Куд-куда.

Бах! Бах!

Прицеливаюсь.

— Куд-куд-куд-кудааа!

БАХ!

Когда закончил, в долбаном курятнике было полно перьев, крови и осколков клювов. Это выглядело так, будто кто-то вылил на меня ведро куриных потрохов и разорвал над головой подушку. Халат можно было выбросить. Но я чувствовал себя замечательно, как будто с плеч сняли трехтонную наковальню. Откладываю ружье, беру канистру и поливаю то, что осталось от цыплят. Подкуриваю очередную сигарету, глубоко затягиваюсь, отхожу назад и бросаю окурок в курятник.

Бу-у-ух!

Повсюду пламя.

Выгребаю из карманов обоймы и начинаю бросать их в огонь.

Трах!

Трах!

Трах! Трах! Трах!

— Хе! Хе! Хе!

Вдруг что-то шевелится позади меня.

От испуга я чуть не упал на ружье и не отстрелил себе яйца. Оборачиваюсь и вижу курицу, удирающую от меня. Вот сучка! Слышу свой странный, психоделический голос:

— Еееаааааа!

Не раздумывая ни секунды, бросаюсь в погоню. Не знаю, бля, что со мной происходит и почему я это делаю. Знаю одно, во мне вскипает бешеная, неконтролируемая ярость на весь куриный род. «Убей курицу! Убей курицу! Убей курицу!»

Но, скажу я вам, вовсе непросто поймать курицу, когда на дворе стемнело, а человек сутки не спал, перебрал с бухлом и коксом, на плечах у него халат, а на ногах — резиновые сапоги.

Ковыляю обратно в сарай, откуда выхожу через минуту как самурай, с мечом, поднятым над головой.

— Сгинь, куриная морда, сгинь! — верещу я, а у курицы

остается последний шанс — бежать к ограждению на другом конце сада. Куриная башка ходит ходуном, готовая оторваться в любую секунду. Я ее почти настиг, когда распахнулись входные двери у соседей. Из дома выбегает старушка — если не ошибаюсь, миссис Армстронг — с тяпкой в руках. Она уже успела привыкнуть к разного рода безумствам в Bulrush Cottage, но в этот раз не могла поверить своим глазам. Курятник в огне, каждые две минуты взрываются обоймы, сцена как из фильма про вторую мировую войну.

Трах!

Трах!

Трах! Трах! Трах!

Сперва, я ее даже не заметил, так был увлечен погоней за курицей, которой, в конце концов, удалось пролезть под ограждением. Курица пробежала по двору миссис Армстронг, выбралась оттуда через ворота и понеслась по Батт Лэйн в сторону паба. Я поднимаю глаза и наши взгляды встречаются. Ну и видок же был у меня: стою в халате с перекошенной физиономией, весь в крови, с мечом в руках, а за моей спиной пылает сад.

— Э… вечер добрый, мистер Осборн! — говорит она. — Вы, я вижу, вернулись из Америки.

Длинная пауза. Обоймы продолжают взрываться. Не знаю, что сказать, только киваю головой.

— В конце концов, нужно как-то снять стресс, не так ли? — спрашивает она.

Стресс, связанный с кризисом в группе, действовал на нервы не только мне. Помню, однажды, звонит Гизер и говорит:

— Послушай, Оззи, я не хочу ехать на гастроли только для того, чтобы оплатить адвокатов. Прежде чем мы туда поедем, я хочу знать, что мы будем с этого иметь.

— Знаешь что, Гизер, ты прав — отвечаю ему. — Нам нужно встретиться.

И вот мы встретились, я первым беру слово.

— Послушайте, парни! — говорю. — Это идиотизм, если мы даем концерты только для того, чтобы было чем платить адвокатам. Что ты об этом думаешь, Гизер?

А Гизер только пожимает плечами и говорит:

— Откуда мне знать.

И конец базара.

С меня хватит. Не было смысла тянуть эту лямку. Все сидели на измене. У нас больше времени занимали встречи с юристами, чем создание музыки. Мы были измучены постоянными

гастролями, на протяжении шести лет нас практически не было дома, а бухалово и наркота довели нас до ручки. Последней каплей стала встреча с нашим бухгалтером, Колином Ньюманом. Он рассказал, что если мы не заплатим налоги, то отправимся за решетку. В те времена ставка налога для таких как мы в Великобритании составляла восемьдесят процентов, а в Штатах — семьдесят процентов, значит, можете себе представить, сколько бабла нужно было отвалить. И после этого оставались еще текущие расходы. В общем, мы были банкротами. Вычищенными под ноль. Гизеру, по правде говоря, не хватило смелости высказать это в лицо остальным, но, в общем, он был прав: не было смысла играть рок-н-ролл только для того, чтобы постоянно трястись над баблом и судебными исками.

Так однажды я вышел с репетиции и не вернулся.

А потом ко мне позвонил Норман, муж моей сестры Джин.

Классный парень, этот Норман, порой был мне за старшего брата, которого у меня никогда не было. Но если он звонил, я знал, что в семье что-то случилось.

Так было и в этот раз.

— Речь идет о твоем отце, Джон — говорит Норман. — Ты должен с ним увидеться.

— А что случилось?

— Он неважно себя чувствует. Неизвестно, доживет ли до утра.

Мне сразу стало плохо. Я всегда боялся потерять родителей, даже когда был ребенком, то поднимался в спальню к отцу, чтобы растолкать его и, тем самым, убедиться, что он дышит. И сейчас мои детские страхи становились реальностью. Я знал о болезни отца, но не догадывался, что он уже стоит одной ногой в могиле.

В конце концов, я взял себя в руки, сел в машину и поехал к нему.

Возле кровати собралась вся семья, включая маму, она выглядела совершенно опустошенной.

Оказалось, что у отца все поражено раком. Лечиться было слишком поздно, потому что он никогда не ходил к врачу, а в больницу его забрала скорая. Батя перестал работать всего несколько месяцев назад. Ему исполнилось шестьдесят четыре года и его отправили на пенсию раньше положенного срока.

— Наконец-то у меня будет время довести до ума сад — сказал он мне тогда.

Довести — довел, но на большее сил не осталось. Все! Конец фильма.

Сказать вам честно, я страшно боялся того, что увижу, хотя знал, чего можно ожидать. За год до этого, от рака печени умер

младший брат моего отца. Я навестил его в больнице и был в таком шоке, что разрыдался. Он ничем не напоминал того парня, которого я знал. Удручающее зрелище.

Когда я приехал в больницу, папу только что перевели из операционной и он был на ходу. Выглядел ничего и даже выдавил из себя улыбку. Я так думаю, ему вкололи обезболивающее. Хотя одна из моих теток говорила, что человек всегда получает от Бога хороший день перед смертью. Мы поболтали, но недолго. Странно, когда я был ребенком, папа никогда не говорил мне что-то типа: «Тебя доконают эти сигареты». Или: «Не сиди целыми днями в пабе». Но сейчас сказал:

— Попридержи коней с бухаловом, Джон. Чересчур перегибаешь палку. И завязывай со снотворным.

— Я ушел из «Black Sabbath» — говорю.

А он мне в ответ:

— Ну, тогда им крышка. — И заснул.

На следующий день он умер. Самым страшным было для меня видеть, как опечалена моя мама. Тогда в больницах существовало неписаное правило, чем сильнее ты болел, тем больше тебя изолировали от других пациентов. Под вечер папу затолкали в подсобку с метлами, швабрами, ведрами и банками с отбеливателем. Забинтовали ему руки как боксеру и привязали к каркасу кровати, потому что он постоянно вырывал трубки капельницы. Меня раздражало то, как поступали с человеком, которого я обожал, и который наставлял меня, что даже без должного образования, я могу быть хорошо воспитан. К счастью, его накачали таблетками и он не чувствовал сильной боли. Завидев меня, отец улыбнулся, показал большие пальцы из-под бинтов и сказал:

— «Спи-и-ид»! — Это был единственный наркотик, название которого он знал. И тут же добавил:

— Вытащи из меня эти долбанные трубки, Джон. Мне больно.

Он умер 20 января 1978 года в 23 часа 20 минут, в той самой больнице, в то же самое время, в тот самый день, в который шестью годами ранее родилась Джессика. До сих пор это совпадение меня изумляет. Официально причиной смерти было «новообразование в пищеводе», хотя отец в нагрузку имел еще и рак кишечника. Тринадцать недель он ничего не ел и даже не ходил в туалет без посторонней помощи. В минуту смерти с ним была Джин. Врачи хотели знать, почему не удался хирургический эксперимент, который они осуществили днем раньше в операционной, но моя сестра не позволила им сделать вскрытие.

Я в это время ехал в машине к Биллу и слушал «Baker Street» в исполнении Джерри Рафферти. Останавливаюсь у него во дворе,

а там Билл уже поджидает меня с печальной миной.

— Там тебе звонят, Оззи — говорит он.

Звонил Норман, чтобы сообщить новость. До сих пор, если по радио передают «Baker Street», слышу голос Нормана и чувствую огромную печаль.

Похороны состоялись через неделю, тело было кремировано. На дух не переношу этих традиционных английских погребальных церемоний. Только человек оправился от первого шока, как должен все переживать заново. Евреи лучше подходят к решению этого вопроса: если кто-то у них умирает, его хоронят как можно быстрее. Благодаря этому можно быстро вернуться к нормальной жизни.

Что бы как-то выдержать похороны отца, я решил напиться. Встал утром, налил себе чистого виски и целый день не сбавлял оборотов. Когда гроб привезли в родительский дом, я был уже на полпути к другой планете. Гроб был закрытым, но что-то стукнуло в мою пьяную дурную башку, и я решил в последний раз посмотреть на отца. Попросил одного из гробовщиков открыть крышку. Оказалось, что это была плохая затея. В конце концов, вышло так, что мы все по очереди смотрим на него. А он помер уже неделю назад, я как только глянул туда, сразу об этом пожалел. В погребальной конторе на лицо нанесли специальный макияж, из-за этого он выглядел как долбаный клоун. Не таким я хотел его запомнить, но теперь, когда об этом пишу, именно эта картина стоит перед глазами. Я бы хотел его запомнить привязанного к больничной койке, улыбающегося, показывающего большие пальцы со словами: — «Спи-и-ид»!

Потом мы вышли за гробом в траурной процессии. Мама и сестры ревели как дикие звери, от чего у меня бегали мурашки по спине. Ничего подобного со мной раньше не было. Нас учат как жить в Англии, но не учат ничему, что связано со смертью. Нет учебников, где бы объяснили, что делать в случае смерти отца или матери.

Нечто вроде: «А теперь ты должен все делать сам, дорогой.»

Если что-то может передать характер моего отца наиболее полно, так это ванная комната в нашем доме на Лодж Роуд, которую он сделал, чтобы мы не мылись в маленьком тазу возле камина. Бо**л**ьшую часть работы сделал нанятый специалист, но уже через несколько недель на стенах начала собираться влага. Ну, папа пошел в магазин стройматериалов, купил, что нужно и сам заштукатурил стену заново. Но влага выступила вновь. Батя штукатурил во второй раз. Но грибок появлялся снова и снова. К тому времени, это стало его идеей фикс. А моего отца, когда он брался за что-то, ничего не могло остановить. Он выдумывал

разнообразные смеси, которые наносил на стену, чтобы та перестала сыреть. Его крестовый поход против плесени длился вечность. И только через несколько лет он принес с завода «Дженерал Электрик» какую-то сильную промышленную мастику, нанес ее на стену, поверх нее поштукатурил, а потом купил бело-желтую плитку и приклеил ее сверху.

Помню, как сказал:

— Вот теперь, бля, то, что надо!

Я вспомнил об этом только много лет спустя, когда пришел в родительский дом во время съемок документального фильма для Би-Би-Си. К тому времени, там жила пакистанская семья, и они перекрасили все стены в белый цвет. Непривычно было это видеть. Но потом, когда заглянул в ванную, обнаружил на стене папину плитку в идеальном состоянии и в первозданном виде, я подумал: «А ведь он сделал это, мой старичок».

Весь день улыбка не сходила с моего лица.

Даже сейчас я очень по нему скучаю. Жалею, что мы не можем вот так сесть и потолковать по-мужски обо всех тех делах, про которые с ним не говорил в детстве, а так же позднее, лет после двадцати, когда я постоянно бухал и был занят своей звездной карьерой.

Но у меня есть мнение, что подобное может случиться с каждым.

В тот день, когда я ушел из «Black Sabbath», мы были в «Rockfield Studios» в Южном Уэльсе, где пробовали записать новый альбом. После очередного мучительного разговора про деньги и адвокатов, я был на грани срыва. Поэтому вышел из студии, и на «Мерседесе» Телмы свалил домой в Bulrush Cottage. Конечно же, я был поддатый. Потом, как последний придурок, начал поноси**т**ь группу в прессе, а это было нечестно. Знаете ли, когда команда распадается, это как развод в семье — вначале каждый пытается насолить друг другу. Парень, которого взяли на мое место, был родом из Бирмингема, его звали Дэйв Вокер, я им давно восхищался, он пел в «Savoy Brown» и, какое-то время, во «Fleetwood Mac».

Но, по какой-то причине, у парней не клеилось с Дэйвом и, когда я вернулся через несколько недель, все было по-старому, по крайней мере, на первый взгляд. Никто не хотел говорить о том, что случилось. Просто, однажды я появился в студии — кажется, Билл выступил в роли телефонного посредника — и на том все закончилось. Но чувствовалось, что всё было не так как раньше, особенно в отношениях между мной и Тони. Кажется, мы больше не вкладывали душу в то, что делали. Во всяком случае, после моего возвращения, мы начали там, где закончили, а альбом

решили назвать «Never Say Die».

Нам удалось немного поправить наше финансовое положение благодаря Колину Ньюману, который посоветовал записать новую пластинку за границей. Мы стали налоговыми иммигрантами, чтобы не отдавать восемьдесят процентов нашего заработка находящимся у власти лейбористам. Выбор пал на Канаду, хотя был январь, и там стояли такие морозы, что невозможно выйти из дому, не отморозив глаз. Мы зарезервировали время в «Sounds Interchange Studios» и вылетели в Торонто.

Но даже в трех тысячах миль от Англии старые проблемы быстро всплыли на поверхность.

Я, к примеру, бухал без меры в «Gas Works», заведении, расположенном напротив апартаментов, где мы разместились. Однажды вечером, вернувшись оттуда, я вырубился и проснулся через час от изжоги. Помню, как открыл глаза и подумал: «Что за хрень?». Вокруг — темень, но, несмотря на это, я видел перед собой красный свет. Понятия не имел, что это такое. А тем временем, изжога припекала все больше. И вдруг до меня доходит: я заснул с сигаретой в руке. Я горел! Вскочил с кровати, сорвал с себя одежду, свернул ее в кучу вместе с тлеющими простынями, побежал в туалет, бросил все это в ванну, включил холодную воду и подождал, пока дым развеется. Под конец, комната напоминала поле боя после бомбардировки, кровать была раскурочена, а я стоял абсолютно голый и замерзший как собака.

«Ёлы-палы! — думаю. — Что делать?» И уже знаю. Срываю занавески с окон и делаю из них постель. И все было бы хорошо, если бы утром не явилась служанка, красивая как кирзовый сапог и закатила истерику.

— Что ты сделал с моей комнатой! — заорала она на меня. — Вон! Пошел вон, тварь!

В студии тоже обстановочка была не сахар. Когда я мимоходом намекнул о том, что хотел бы создать собственный проект на стороне, Тони рявкнул:

— Если тебе в голову придет что-то интересное, Оззи, ты должен сперва показать это нам!

Но всякий раз, когда у меня были идеи, никто не относился к ним серьезно.

— Что вы об этом думаете?

— А, фигня.

Потом, как-то раз, Телма позвонила в студию и сказала, что у нее только что случился выкидыш, мы собрали манатки и вернулись в Англию. Однако, возвращение в родные пенаты ничего не изменило, потому что вскоре я перестал разговаривать

с Тони. Мы даже не ругались, наоборот, это было уже полное отсутствие коммуникации. Во время последней студийной сессии в Англии, что-то во мне надломилось. Когда Тони, Билл и Гизер решили записать песню «Breakout» с джазовым оркестром (типа те-де-ды-ды-дыы!), я сказал:

— На хер! Я ухожу.

Именно поэтому Билл спел «Swinging the Chain». Короче говоря, с «Breakout» они уже перегнули палку. «Еще парочка таких песен на альбоме — подумал я — и можно менять название с «Black Sabbath» на «Slack Haddock»[52]. Джазовый оркестр поразил меня только пьянством. Это было невероятно. Мы должны были успеть записаться с ними до полудня, позже — полная задница, они еле держались на ногах.

Альбом «Never Say Die» с треском провалился в Америке (чего не случалось с нашими альбомам ранее), а в Британии держался очень даже ничего, поднялся на двенадцатое место в хит-параде альбомов, что позволило нам выступить в «Top of the Pops». Там было клево, мы познакомились с Бобом Марли. Никогда не забуду той минуты, когда он вышел из соседней гримерки. Его лица буквально не было видно в клубах дыма марихуаны. Он тянул самый большой, самый толстый косяк, который я видел в жизни; уж поверьте мне, я повидал всякого. Подумал тогда: «Он будет петь под фанеру. Он будет петь под фанеру. Никто под таким кайфом не будет петь живьем». А он — спел. И не облажался.

В то время случались с группой и другие приятные вещи. Например, наведя порядок в финансах, мы решили нанять Дона Ардена в качестве нашего менеджера. В основном, потому, что были под впечатлением его работы с «Electric Light Orchestra». Если речь обо мне, то мне нравилось это сотрудничество, так как я мог чаще видеться с его дочкой Шарон. Почти сразу заочно влюбился в нее. Меня обезоруживал ее шаловливый смех. А так же то, что она **была** такой красивой и гламурной: носила меха и **была** увешана бриллиантами. Ничего подобного я ранее не встречал. Она была такой же шумной и подорванной, как и я. Шарон помогала Дону вести дела, значит, приходила нас проведать, и эти визиты неизменно заканчивались весельем. Она оказалась клевой подружкой, эта Шарон, самой лучшей, но между нами долго ничего серьезного не было.

Я знал, что это конец моих приключений с «Black Sabbath». Было видно, что и парни сыты по горло моими безумными номерами. Одно из последних воспоминаний о группе связано с тем, что я вообще не вышел на сцену в «Municipal Auditorium» в Нэшвиле, во время нашего последнего тура по США. Вместе с

Биллом мы так загрузились коксом в его кемпинге на колесах GMC, что я не спал три ночи подряд. Напоминал живой труп. Глаза щипали, будто туда вкололи кофеин, кожа покраснела, все зудело и я еле стоял на ногах. В пять утра в день концерта, когда мы въехали в город, я наконец-то вырубился в отеле «Hyatt Regency». Никогда в жизни так сладко не спал. Меня охватило такое спокойствие, будто я уже нюхал цветочки по том свете. После побудки чувствовал себя практически нормально.

Но я не знал, что прихватил с собой ключ от номера в «Хайатте» из другого города, откуда мы приехали. Тур-менеджер отправил мой багаж в зарезервированный номер, а я пошел в другой. Теоретически, все должно было проясниться просто: я не смог бы открыть дверь с помощью ключа, который лежал у меня в кармане, мне пришлось бы вернуться к администратору и все бы решилось. Но когда я пришел в номер, его еще убирали, горничная поправляла подушки и проверяла содержимое мини-бара. А поскольку дверь была открыта, я вошел, показал ей ключ с логотипом сети и номером комнаты, на что она улыбнулась и пожелала мне хорошо провести время. Потом закрыла за собой дверь, а я грохнулся не в ту кровать, не в том номере и заснул.

Проспал двадцать четыре часа.

В это время должен был состояться концерт. Конечно, обслуга гостиницы проверила мой настоящий номер, но там был только багаж. Они понятия не имели о том, что я соплю в две дырочки на другом этаже в другом крыле отеля. Мои кореша запаниковали, по всем местным телеканалам показывали мою отвратительную физиономию, фараоны создали спецотряд для поиска пропавших без вести, поклонники планировали прощание со свечами, страховики обрывали телефон, концертные площадки Америки готовились к отмене наших выступлений, фирма грамзаписи исходила на говно, а Телма решила, что стала вдовой.

А потом я проснулся.

Сразу же справляюсь по телефону у администратора, который час.

— Шесть — отвечает девушка.

«Вот и зашибись!» — подумал я. Концерт должен начаться в восемь. Встаю с кровати и начинаю искать чемоданы. Вдруг замечаю, что царит какое-то необычное спокойствие.

Поэтому я снова звоню к администратору:

— А сейчас утро или вечер?

— Простите, не поняла вас?

— Вы сказали, что сейчас шесть. Но утра или вечера?

— А, утра.

— Ага.

Звоню в номер тур-менеджеру.

— Да — хрипит он в трубку.

— Это я, Оззи — говорю. — Думаю, что может возникнуть некая проблема.

Сперва была тишина. А потом слезы, гнев. Никто никогда не вставлял мне таких пиздюлей.

Билл сообщил мне, что я уволен. Это случилось 27 апреля 1979 года, в пятницу пополудни. Мы репетировали в Лос-Анжелесе, я был поддатый, а тогда я всегда ходил поддатый. Наверняка, остальные подослали с этим заданием Билла, потому что он, вообще-то, не совсем подходил на эту роль.

Точно не помню, что он мне тогда сказал. С тех пор мы это не обсуждали. Суть была в том, что Тони считал меня спившимся, обколотым неудачником, от которого не будет никакого толку. Скажу вам честно, это выглядело как месть за мой предыдущий уход. И это не стало для меня большой неожиданностью. Уже давно у меня сложилось впечатление, что в студии Тони постоянно пробует меня разозлить. Заставлял меня записывать первый дубль, второй, третий, хотя и первый получился удачным.

Я не хотел, чтобы от этого пострадала моя дружба с Биллом. Мне было жаль его, у него недавно умерла мать. А сразу после того, как меня выперли из «Black Sabbath», умер его отец. Узнав эту новость, я подумал: «К черту войну! Мы по-прежнему друзья, мы те же люди, которые во время гастролей по Америке месяцами жили в одном прицепе». И сразу поехал в Бирмингем, чтобы повидаться с ним.

Парень плохо это переносил и я очень ему сочувствовал. Вдобавок, похороны отца превратились в фарс. Уже выносили гроб из костела, когда выяснилось, что кто-то из присутствующих угнал машину пастора. Святой отец прервал обряд и ждал, пока найдется его машина, но тот, кто украл у него эту херовину, не смог снять блокаду руля и разбился в чьем-то огороде. Представьте себе эти сраные гонки во время похорон отца. Невероятно!

Было бы неправдой с моей стороны утверждать, что я не чувствовал предательства со стороны «Black Sabbath». Мы же не были полуфабрикатной мальчуковой группой, где каждого можно заменить. Мы были корешами, которые выросли в одном городе на соседних улицах. Мы были одной семьей, как братья. И выставить меня за то, что я ходил пьяный — это какое-то долбаное лицемерие. Все мы ходили под мухой. Если ты поддатый и я поддатый, а ты говоришь мне, что я должен уйти, потому что я поддатый, здесь, блядь, что-то не так! Потому что я

чуть больше поддатый, чем ты?!

Но сегодня мне на это насрать, в конце концов, всем от этого стало только лучше. Я получил пинок под зад, который мне был так нужен, а им, вероятно, было намного веселее записывать альбомы с новым вокалистом. Не могу сказать ничего плохого о парне, которого взяли на мое место: это Ронни Джеймс Дио, бывший вокалист «Rainbow». У него классный голос. С другой стороны, он не стал мной, а я — им. Поэтому я хотел, чтобы они назывались просто «Black Sabbath II».

И все.

Часть вторая
Опять с нуля

7. Де Мойн

Ни с того, ни с сего, я стал безработным.

И без шансов на трудоустройство.

Помню, что я тогда думал: «Хорошо, у меня в кармане осталось пару долларов, еще немного оторвусь в Лос Анжелесе и возвращаюсь в Англию». Я действительно думал продать Bulrush Cottage и пойти работать на стройку, или что-то в этом роде. Смирился с фактом, что всё кончено. Вся эта затея с самого начала не казалась мне реальной. Первым делом поселился в отеле «Le Parc» в Западном Голливуде. Мое проживание оплачивала фирма Дона Ардена, «Jet Records». Скажу вам правду, я очень удивился, что Дон башляет за меня. «Как только он узнает о том, что я не вернусь в «Black Sabbath» — накручивал я себя — выкинет меня отсюда». Поэтому надо было пользоваться моментом, пока это было возможно. В «Le Parc» ты получаешь не просто комнату — ты живешь в апартаментах с собственной кухней, в которой можно приготовить поесть. Я никуда оттуда не выходил. Сидел на кровати и смотрел старые военные фильмы в комнате при закрытых шторах. Месяцами не видел солнечного света. Мой дилер регулярно поставлял мне кокс и травку, бухло привозили из магазина Джила Тернера на Сансет Стрит, и время от времени приходили девочки позабавиться. Удивительно, что кто-то ещё хотел со мной трахаться, особенно в то время. Я пожирал столько пиццы и глушил столько пива, что у меня были сиськи больше, чем у старшего и толстого брата Джаббы Хатта. [53].

Не помню, когда последний раз видел Телму и детей. Звонил им по телефону из номера, но явно чувствовал, что мы отдаляемся друг от друга, и это только усиливало мою депрессию. В жизни я провел больше времени с «Black Sabbath», чем со своей семьей. После многомесячных гастролей, мы возвращались недели на три домой, потом смывались куда-нибудь на ферму или в замок, и гудели там до тех пор, пока не появлялись новые песни. Так продолжалось десять лет, в результате — проблемы в личной жизни у каждого из нас. Брак Билла распался, брак Тони распался, брак Гизера распался. А я этого допустить не хотел, это означало бы для меня утрату дома и детей. Я уже потерял отца и группу.

Хотелось от всего отгородиться, отогнать всё от себя. Поэтому я зашился в «Le Parc» и пил, пил, пил.

Пока однажды ко мне постучался некий Марк Носиф. Он был барабанщиком в группе, которую опекал Дон Арден, и успел

поиграть почти со всеми, начиная с «Velvet Underground» и заканчивая «Thin Lizzy». Марк сказал мне, что к нему должна зачем-то прийти Шарон из «Jet Records» (он жил в том же отеле, что и я), но ему нужно было выехать из города на концерт. И вручил мне конверт.

— Будь любезен, передай это ей, хорошо? — говорит. — Я сказал ей, чтобы она перезвонила тебе от администратора.

— Без проблем — ответил я.

Только закрылись за ним двери, я взял в руки нож и вскрыл конверт. Там лежали пятьсот баксов наличкой. Хер его знает, для чего были эти деньги, я вообще этим не заморачивался. Сразу же позвонил дилеру и заказал коксу на пять сотен. Несколько часов спустя приходит Шарон и спрашивает, мол, для неё ничего не передавали.

— По-моему, нет — говорю я, как ни в чем не бывало.

— Ты уверен, Оззи?

— Сто пудов.

Но не надо быть семи пядей во лбу, чтобы просечь, что случилось. На столе лежит большой пакет с коксом, рядом вскрытый конверт, а на конверте надпись фломастером: «Шарон».

Увидев это, она засадила конкретный кипеш, летели крики и проклятия, Шарон повторяла, что я проклятое ничтожество.

«Забудь, парниша, ты её не скоро трахнешь» — подумал я тогда.

Но на следующий день она возвращается. А я лежу в луже мочи и дымлю косячком.

— Послушай-ка! — говорит она. — Если ты хочешь выбраться из этого говна, мы позаботимся о твоей карьере.

— А чего это вдруг кто-то озаботился моей карьерой? — спрашиваю я.

Не мог в это поверить, правда, но очень хорошо, что кто-то протянул мне руку, потому что я был абсолютно на мели. О гонорарах за работу в «Black Sabbath» можно было забыть, у меня не было ни счета в банке, ни другого источника доходов. Сперва Дон хотел, чтобы я играл в группе под названием «Son of Sabbath», что мне показалось ужасной идеей. Потом ему взбрело в голову, чтобы я пел с Гэри Муром. Но это меня так же не вдохновляло, хотя мы и поехали вместе в Сан-Франциско: я, Шарон, Гэри и его девушка, где великолепно провели время. Во время этого путешествия, скажу вам честно, я действительно подумал, что Шарон на меня запала, но, увы, ничего не произошло. Когда мы расставались в этот вечер, она вернулась к себе в отель, а мне осталось только пускать слюни в пиво.

Самой худшей идеей Дона Ардена была мысль о моих

совместных выступлениях с «Black Sabbath» в одном концерте, один за другим, эдакий мини-марафон.

— Он что, прикалывается? — спросил я Шарон.

Но Шарон тогда начала брать дело в свои руки, и было принято решение записать нормальный сольный альбом.

Я хотел назвать его «Blizzard of Ozz».

И вот, шаг за шагом, все пошло так, как мы хотели.

Не знаю никого, кто лучше Шарон сможет со всем справиться. Если она что-то пообещала, то свое слово держала. В худшем случае, говорила: «Послушай, я сделала всё, что могла, но это было невозможно». Когда у тебя есть такой менеджер, я всегда знал, что у нас творится. Тогда как её отец постоянно метался и орал как главарь банды, и я старался держаться от него подальше. Конечно, перед записью альбома и выездом на гастроли я должен был собрать группу. До этого я никогда не занимался организацией прослушиваний, понятия не имел с какой стороны к ним подступиться. Мне помогла Шарон: возила меня туда-сюда, чтобы я мог посмотреть молодых, подающих надежды гитаристов из Лос-Анжелеса. Но меня это занятие не возбуждало. Если в углу стоял диван, я садился и вырубался. Пока Дана Страм, мой приятель, который пробовался на место басиста, не сказал мне:

— Послушай, Оззи, есть тут один паренек, с которым ты должен обязательно познакомиться. Он играет в группе «Quiet Riot». Ты офигеешь!

Так, однажды вечером ко мне в «Le Parc» приходит отрекомендоваться молодой щуплый американец. Как только я его увидел, сразу же задал себе вопрос: «Это девчонка или гей?» Он носил длинные «мокрые» волосы и говорил странным низким голосом. И был такой худой, что мог спрятаться за шваброй. Немного напоминал мне Мика Ронсона, гитариста Дэвида Боуи.

— Сколько тебе лет? — спрашиваю я, как только он вошел в комнату.

— Двадцать два.

— Как тебя зовут?

— Рэнди Роудс.

— Хочешь пива?

— Колу, если можно.

— Я принесу пива. Так, между прочим, ты мужик?

Рэнди только рассмеялся.

— Я серьезно спрашиваю — налегаю я.

— Э… Ну, да. Так получается.

Рэнди, наверное, подумал, что я чокнутый.

Потом мы направились в какую-то студию, чтобы я мог послушать, как он играет. Помню, Рэнди подключает «гибсон»

типа «Лес Пол» к маленькому репетиционному усилителю и спрашивает:

— Не против, если я немного разогреюсь?

— Давай, жги!

И начинает проделывать пальцами свои экзерсисы.

— Достаточно — говорю я. — Этого хватит, Рэнди.

— Что-то не так? — спрашивает он с тревогой на лице.

— Считай, ты принят.

Как же этот парень играл. Это надо было слышать. Был так хорош, что я чуть не расплакался.

Вскоре мы улетели в Англию на репетиции. Я быстро сориентировался, что хоть Рэнди и выглядит как крутой чувак, это необычайно милый, рассудительный парень. К тому же, он был настоящим джентльменом — уж этого точно не ожидаешь от типичных американских мастеров гитары.

Я не мог понять, почему он вообще хочет иметь дело с таким конченым ханурём как я.

Сперва мы жили в Bulrush Cottage с Телмой и детьми. Там написали нашу первую песню — «Goodbye to Romance». Работать с Рэнди и работать с «Black Sabbath» — это небо и земля. Однажды, я слонялся по дому и напевал мотивчик, который много месяцев вертелся в моей голове.

Рэнди спрашивает:

— Эта твоя песня или «Битлз»?

Я ему в ответ:

— А, ничего особенного, просто давно засела в моей голове.

Но он усадил меня рядом, и мы работали до тех пор, пока из этого не получилось нечто новое. Рэнди был невероятно терпелив. Я совсем не удивился, когда оказалось, что его мать — учитель музыки. Впервые я почувствовал себя полноправным соавтором песни.

Как сейчас помню нашу совместную работу над «Suicide Solution». Мы были на вечеринке с группой «Wild Horses» в лондонской репетиционной студии Джона Хенри. Все уже поддатые, каждый по-своему, а Рэнди в это время сидит в уголке и шлифует новые риффы на своей гитаре «Flying V»[54]. И вдруг слышу: таа-даа-тада, таа-да-да. Я кричу:

— Ух ты, Рэнди! Что это было?

Он только пожимает плечами. Прошу его сыграть еще раз эти же аккорды и начинаю напевать текст, который уже какое-то время вертится у меня в голове: «Wine is fine, but whiskey's quicker/ Suicide is slow with liquor». И всё. Большая часть текста была написана на месте. Закончился этот вечер совместной импровизацией на сцене.

Был там Фил Лайнотт из «Thin Lizzy». Выходит, я видел его в последний раз перед смертью. Тяжелый случай, этот Фил. Он абсолютно потерялся, хотя был офигенным на сцене, клёвый голос, отличный стиль. Жалко, погубил его герыч.

Слава Богу, что я забил на это дерьмо.

Рэнди нравилась Британия.

Каждые выходные он садился в микроавтобус и куда-то ехал, чтобы посмотреть страну. Побывал в Уэльсе, Шотландии, «стране озёр» — практически везде. Рэнди коллекционировал игрушечные поезда, которые привозил из каждого путешествия. Был спокойным, работящим парнем, не любил понтоваться, но, порой, мог и повеселить. Сидим мы как-то в баре, в углу пианист играет классическую музыку. Рэнди подходит к нему и спрашивает:

— Позвольте присоединиться?

Типок смотрит на него, на собравшихся в баре, замечает меня и говорит:

— Да, пожалуйста!

Тогда Рэнди достает свой «гибсон», подключается к маленькому усилителю и начинает аккомпанировать к пьесе Бетховена, что-то типа того. В процессе добавляет все больше рок-н-ролльных вставок, а в конце падает на колени и, высунув язык, заряжает дикий солешник. Можно было обоссаться от смеху. Все в баре ржали как кони.

Самое смешное то, что, по-моему, Рэнди не очень любил «Black Sabbath». Он был серьезным музыкантом. Многие рок-гитаристы играют неплохо, но у них отработана одна фишка, один трюк, и даже если кто-то не знает песни, может сразу определить: а, это такой-то и такой-то. Но Рэнди мог сыграть всё. Его вдохновлял Лесли Уэст, но также и великие джазмены, такие как Чарли Кристиан или Джон Уильямс, виртуоз классической гитары. Он никак не мог понять, почему люди прутся от «Iron Man», ведь это было так просто, что каждый ребенок мог бы её сыграть.

Не раз мы об этом спорили. Я говорил тогда:

— Послушай, если песня нравится людям, что с того, если она проста? Смотри сам, трудно придумать рифф проще, чем в «You Really Got Me»[55], а ведь он звучит классно. Когда я купил этот сингл, то слушал его до тех пор, пока не лопнула игла в отцовской радиоле.

Рэнди пожимал плечами и говорил:

— Ну, может и так.

Пока мы репетировали в Англии, брат Шарон подыскал нам басиста Боба Дэйзли, австралийца, группа которого

«Widowmaker» была на контракте в «Jet Records». Так с ним познакомился Дэвид. Я сразу закорешил с Бобом. Он был стопроцентным рокером: джинсовые куртки-безрукавки, огромная копна волос. Мы ходили вместе в пивную и порою нюхали кокаин. Другое дело, что Боб был не просто басистом, но и вносил свой вклад в создание музыки.

Мы здорово веселились, во всяком случае, сперва.

А вот барабанщика найти было уже не так просто.

Казалось, на прослушивание съехалось пол-Англии, пока наконец-то нам попался Ли Керслэйк, который раньше играл в «Uriah Heep» Парень он был что надо, этот Ли, один из тех увальней, которые лучше всего чувствуют себя в пабе. Серьезный барабанщик, нечего сказать, хоть я и жалел, что объект моих мечтаний — Томми Олдридж из «Pat Travers Band» — был недоступен.

На раннем этапе к нам присоединился клавишник Линдсей Бриджуотер. Он был образованным парнем из Ипсвича и никогда прежде не водился с такими людьми как мы. Я ему сказал:

— Линдсей, бля, ты выглядишь как школьный учитель. Я хочу, чтобы ты зачесал волосы назад, надел белую пелерину и немного поработал черной помадой и карандашом для глаз. А когда будешь на сцене — рычи на зрителей.

Бедняга, долго с нами не поиграл.

Если бы я сказал, что не соперничал с «Black Sabbath» во время записи «Blizzard of Ozz» это было бы откровенной ерундой. Я не желал им зла, но порою очковал, что они добьются б**о**льшего успеха без меня. В общем-то, их первый альбом с Дио получился неплохим. Правда, я не бросился в магазин за пластинкой, но слышал пару песен по радио. Диск попал на девятое место в Англии и двадцать восьмое в Штатах. Но когда весь «Blizzard of Ozz» лежал в коробочке в «Ridge Farm Studios» в графстве Суррей, я знал, что из этого получится офигенный альбом. Собственно, два альбома, потому что осталось много неиспользованного материала.

Было классно самому управлять процессом, наконец-то удалось сделать что-то конкретное. Но даже если кто-то думает, что сделал нечто выдающееся, ещё неизвестно, как это купит публика. К счастью, сомнения рассеялись, когда по радио начали передавать «Crazy Train». Это была бомба.

Сразу после премьеры в Англии в сентябре 1980 пластинка поднялась на седьмое место в хит-параде альбомов. Появившись через полгода в Америке, она разошлась тиражом в четыре миллиона экземпляров и достигла там двадцать первого места, что позволило «Blizzard of Ozz» оказаться среди ста самых

продаваемых альбомов 80-х по версии «Billboard».

А рецензии? Не читал.

За несколько дней до начала тура, я впервые затащил Шарон в постель. Ждал этого, на хер, целую вечность! Мы репетировали тогда в «Shepperton Studio» в Суррей, готовились к первому концерту, который должен был состояться в Блэкпуле под вымышленным названием «The Law». Все жили в одном отеле через дорогу. Я провел Шарон до дверей номера и вроде бы даже использовал свой коронный текст для обольщения: «А можно у тебя посмотреть телек?» Самым распространенным ответом был: «Пошел на хер, у меня нет телевизора!»

Но в этот раз сработало.

Я был бухой в дым, это точно. Шарон тоже — иначе и быть не могло. Помню только, она решила принять ванну, а я разделся и вскочил к ней. А дальше все по инструкции, что делать, если ты оказался с девчонкой в ванне.

Чувак, я влюбился в неё по уши.

Дело в том, что до знакомства с Шарон, я не встречал девушек, которые были на меня похожи. Я имею в виду, когда мы показывались вместе на людях, все думали, что мы брат и сестра, так были похожи. И не важно, куда мы шли, никто не пил больше нас, никто не создавал шума, больше чем мы.

Тогда мы могли отмочить любой, даже самый безумный номер.

Однажды вечером в Германии идём на деловой ужин с боссом CBS Europe, который издал там «Blizzard of Ozz». Это был бородатый детина, беспрерывно жующий сигару, такой весь правильный, аж противно. Я, похоже, уже изрядно поддал. Сидим за огромным столом, и где-то посреди ужина, меня посещает мысль влезть на стол и станцевать стриптиз. Сперва все хохочут, но я раздеваюсь догола, справляю малую нужду в стоящий перед боссом графин с вином, сажусь на корточки и целую его в губы.

Никто не разделял моей радости.

После этого случая, много лет в Германии не крутили моих песен. Помню, летим из Берлина, Шарон рвет контракты и говорит:

— Ну вот, еще одну страну можно вычеркнуть.

— Но ради такого стриптиза можно, а?

— Оззи, ты считаешь, что это был стриптиз? — она мне в ответ. — Ты маршировал как на долбаном нацистском параде. Туда-сюда. Бедный немец не знал, куда глаза девать. А потом ты макнул свои яйца в его бокал с вином.

— Я думал, что я нассал в вино.

— Это было потом.

А потом мы полетели в Париж. Я все еще не мог отойти после Берлина, пил в три горла, потому что везде было халявное бухло. К тому времени, все уже знали про случай в Берлине, и люди из фирмы грамзаписи, которые пригласили нас в ночной клуб, были начеку. Все говорят о делах, и чтобы не сдохнуть от скуки, я оборачиваюсь к соседу и говорю:

— Эй, не окажешь мне услугу?

— Конечно! — отвечает он.

— Дай мне в морду.

— Что?

— Дай мне в морду!

— Не могу.

— Ты согласился, когда я просил тебя об услуге. Ты обещал. Так дай же мне в морду, ёб твою мать!

— Нет!

— Ударь меня!

— Мне жаль, мистер Осборн, но я не могу.

— Давай, блядь, ты обе…

БАХ!

Последнее, что я увидел — был кулак Шарон, приближающийся ко мне с другой стороны стола. Через мгновение я лежал на полу, из носа текла кровь, казалось, что у меня выпадет половина зубов.

Открываю глаза, вижу над собой лицо Шарон:

— Ну что, доволен?

Я плюю кровью и соплями:

— Очень! Спасибо!

В ту ночь я лежал в гостиничной кровати, и меня нехило плющило после кокаина, можете себе представить. Меня трясет, я потею, меня донимают видения. Поворачиваюсь на бок и пробую обнять Шарон, но она только ворчит и отталкивает меня.

— Шарон! — умоляю я. — Я сейчас умру.

Ничего, тишина.

Пробую еще раз:

— Шарон! Я помираю!

Снова тишина.

И еще раз:

— Шарон, сейчас.

— Ты не мог бы умирать потише? Я должна выспаться. У меня утром встреча.

Я и Шарон, постоянно друг друга подкалывали.

Однажды вечером спустились в гостиничный бар. Сели в уголке, а я пошел заказать пива. Но моё внимание привлек парень на инвалидной коляске, рокер — мотоциклист из группировки

«Hells Angels»[56]. Мы немного поржали, из-за чего я совсем забыл, что меня ждет Шарон с пивом. И вдруг слышу голос с другого конца зала:

— Оззи! Оззи!

«Черт! — думаю я. — Сейчас отгребу по полной программе». И по дороге придумываю смешную историю.

— Прости, любимая! — говорю я. — Ни за что не догадаешься, что случилось с этим парнем. Собственно, об этом он мне рассказывал, и я не мог оторваться.

— Попробую угадать: он упал с мотоцикла?

— О, намного хуже! У него рикошет.

— Что у него?

— Рикошет.

— А что это, бля, за рикошет?

— Не знаешь?

Это словечко пришло мне в голову минуту назад, и я лихорадочно придумывал, что оно могло означать.

— Нет, Оззи, не знаю, что такое рикошет.

— Говорю тебе, с ума сойти.

— Что это за хрень? Говори же!

— Это может случиться, когда девушка делает тебе приятно рукой, и когда ты уже готов выстрелить, зажимает пальцем дырочку. Ну, а если не повезет, как тому бедняге, сперма летит обратно по артериям, ну, ты понимаешь.

— В сотый раз говорю, Оззи, нет, не понимаю!

— Ну… и тогда… э… разрушается позвоночник.

— О Боже! — Шарон, кажется, серьезно шокирована. — Это ужасно. Иди, угости его пивом.

Я не мог поверить, что она купилась на это.

Позже и позабыл об этом. Пока однажды, несколько недель спустя, я ждал за дверью, пока не кончится совещание в «Jet Records». Всё, что смог услышать, это как Шарон повторяет слово «рикошет», а парни говорят ей в ответ: «Какой рикошет? Что ты несешь?»

Вдруг Шарон вылетает в коридор и, раскрасневшаяся, орёт на меня:

— Оззи, ты долбаный дебил!

И хлоп!

Шарон вела мои дела практически в одиночку, когда мы готовили тур в поддержку «Blizzard of Ozz». Впервые в моей карьере всё было тщательно запланировано. В самом начале она сказала:

— Есть два пути, Оззи. Мы можем играть у кого-нибудь на разогреве, как «Van Halen», или выступать самим, но в менее

вместительных залах. Я предлагаю начать именно с малых залов, благодаря этому у тебя всегда будут аншлаги, а когда люди увидят, что все билеты проданы, еще больше захотят пойти на твой концерт. И потом, ты с первого дня будешь главной звездой вечера.

Оказалось, что это была гениальная стратегия.

Куда бы мы ни приезжали, залы были набиты битком, а на улице стояли очереди.

Честно говоря, мы тоже пахали в поте лица. Это был мой шанс и я знал, что второго не предвидится. Знала об этом так же и Шарон, и мы не пропустили ни одной радиостанции, ни одного телеканала, ни одного интервью. Не брезговали ничем. Мы считали каждый проданный билет и диск.

Я заметил, что если Шарон поставит себе какую-то цель, если хочет чего-то достичь, то прёт напролом как паровоз, вырывая зубами и когтями нужный результат. Если что-то задумает, её не остановить. Если бы Шарон постоянно не толкала меня вперед, весьма сомневаюсь, что я достиг бы такого успеха. Собственно, не сомневаюсь, а знаю наверняка.

Шарон не позволяла себе ни на минуту расслабиться. Так её воспитали и это у неё в крови. Она рассказывала, что её семья или пила из рога изобилия или сидела на бобах. В один день, был «Роллс-Ройс» и цветные телевизоры в каждой комнате, а на следующий день они должны были прятать машину, а телевизоры отбирал банк. Сегодня на коне, завтра — уже под ним.

В денежных делах я никому так не доверял, как Шарон. Главное, что она рядом, я ведь ничего не смыслю в контрактах. И хочу, чтобы так и осталось, потому что не переношу подлянок и подковёрной борьбы.

Но Шарон разбиралась не только в деньгах. Так же могла изменить мой образ. При ней я мигом избавился от моего отстойного тряпья времен «Black Sabbath». Однажды она мне сказала:

— Когда из Лос-Анжелеса приехала мама Рэнди, то приняла тебя за техника.

Потом Шарон отвела меня к парикмахеру, который осветлил мои волосы.

В 80-х нужно было выглядеть соответственно. Люди над этим смеются, но если сегодня пойти на концерт, порой не различишь, кто выступает, а кто зритель, все, бля, на одно лицо. По крайней мере, выходя на сцену, человек выделялся большой блестящей прической.

Думаю, мои сценические костюмы стали такими шокирующими, что люди начали меня считать трансвеститом. Я

носил брюки из спандекса и длинные плащи, усыпанные блёстками. Мне не стыдно за шмотки, а только за то, каким я был толстопузом — жирным, пьяным, пожирающим пиццы, придурком. Вы бы видели мою рожу, она не помещалась на фотографиях. Ничего удивительного, если принять во внимание, сколько «Гиннесса» я глушил каждый день. Поверьте мне на слово, один бокал заменит три обеда.

Во время этого тура я познакомился ещё с одним человеком, которому полностью доверяю: с Тони Деннисом. Этот парень из Ньюкасла появлялся практически на каждом моем концерте. Была середина зимы, а он носил поверх футболки обычный джинсовый пиджачок. Наверняка, отморозил задницу, пока стоял в очереди. Он посмотрел уже столько концертов, что я начал его пускать бесплатно, хотя ни хера не мог понять, что он бормочет. Поскольку говорил Тони невнятно, с таким же успехом он мог называть меня пиздой.

Во всяком случае, мы в Кентерберри, на дворе минус пять, и я его спрашиваю:

— Ты как добираешься на концерты, Тони?

— Афтофтопом, фтарик.

— А где ты спишь?

— На вокзалах. В телефонных будках. Де придёфа.

— Вот, что я тебе скажу! — говорю я. — Если будешь заниматься нашим багажом, у тебя будет комната.

И с тех пор он всегда со мной, этот Тони. Практически член семьи. Исключительный парень, прекрасный человек. Он смекалистый и я могу на него положиться. Его не пугают никакие трудности. Я ему безгранично доверяю. Могу оставить при нём на столе кучу денег, прийти через два года и они будут лежать на том же месте. Он присматривал за моими детьми в лихую годину. Они до сих пор называют его дядя Тони. А все потому, что однажды вечером в Кентеберри, я спросил его, чем он добирается на концерты.

После нашей первой ночи в отеле напротив «Shepperton Studios», я и Шарон самозабвенно трахались. И нам было мало. Мы ни от кого не прятались. Все вокруг знали, что творится. Бывали такие ночи, когда Шарон выходила в одни двери, а Телма входила в другие. Я разрывался между двумя женщинами и был измотан. Не знаю, как французы с этим справляются. Порою, когда со мной была Шарон, я называл ее Тарон, что неоднократно заканчивалось синяками под глазом.

Конечно, сейчас, спустя столько лет, понимаю, что мне нужно было уйти от Телмы.

Но я не хотел этого делать из-за детей. Знал, что если дойдет

до развода, то пострадают в первую очередь они, потому что дети тяжело переносят развод родителей. Мысль о расставании с детьми была для меня невыносимой. Боль была страшной.

С другой стороны, до встречи с Шарон, я понятия не имел, что значит влюбиться, несмотря на то, что это было не совсем романтичное приключение. У меня была семья, Шарон должна была смириться с ролью третьей лишней и в самом начале пила наравне со мной. Когда мы не трахались, то дрались, а если не дрались — значит бухали. Во всяком случае, мы были неразлучны, просто не могли друг без друга. На гастролях мы всегда жили в одном номере, а если она куда-то уезжала по делам, я часами висел на телефоне, рассказывая, как сильно её люблю и жду не дождусь, когда мы свидимся вновь. Нечто подобное со мной случилось впервые. Положа руку на сердце, могу сказать, что понятия не имел о том, что такое любовь, пока не повстречал Шарон. Раньше, путал любовь с безрассудной страстью. Но потом понял, что любовь — это не только гимнастика в постели, но и ощущение пустоты, когда любимый человек далеко. А когда далеко была Шарон, я не находил себе места.

Но чем больше я в неё влюбился, тем больше понимал, что дальше так продолжаться не может. В какой-то момент подумал, что получится усидеть на двух стульях: и семью сохранить, и любимую женщину. Но давление было велико и мне пришлось чем-то пожертвовать. На Рождество, по окончании английской части тура, я рассказал обо всём Телме. На пьяную голову решил, что так будет лучше. Идея оказалась хреновой.

Телма взорвалась как граната, выгнала меня из дому, и сказала, что ей нужно всё обдумать.

А потом в мои дела вставил свой пятак Дон Арден. Позвонил Телме, вытащил её на встречу в Лондон, где проинформировал, что отныне мои дела будет вести его сын Дэвид, благодаря чему, я перестану видеться с Шарон. Правда была такова, что он наложил в штаны от страха, ведь Шарон могла уйти из «Jet Records», открыть собственный бизнес, а он потеряет на этом состояние, особенно, если она заберет с собой и меня. Позже, именно так и поступила. Но Дон мог бы предвидеть: если Шарон поставила себе задачу, то добьется этого во что бы то ни стало. А если кто-то попытается ей помешать, она ещё больше закрутит гайки.

Дэвид не продержался и пяти минут.

Перед отъездом в американский тур в поддержку «Blizzard of Ozz» в апреле 1981 года, мы вернулись в «Ridge Farm» и записали

«Diary of a Madman». До сих пор удивляюсь, как нам удалось так быстро управиться. Мне кажется, что мы провели в студии не больше трех недель.

Во время записи все жили вместе в маленькой зачуханной квартирке. Никогда не забуду, как однажды утром проснулся и услышал обалденный акустический рифф, который доносился из комнаты Рэнди. Я влетаю к нему в одних трусах, а он сидит там с каким-то чопорным учителем классической музыки, у них, типа, урок.

— Что это было? — спрашиваю, а учитель пялится на меня как на лохнесское чудовище.

— Оззи, я занят.

— Знаю, но что ты сейчас сыграл?

— Это был Моцарт.

— Отлично. Мы должны это стырить у Моцарта.

— Мы не можем стырить у Моцарта.

— Я уверен, он будет не против.

Позже из этого получилось вступление к заглавной песне «Diary of a Madman», хотя после всех штучек Рэнди от Моцарта мало что осталось.

Остаток альбома сгинул в тумане. Время поджимало и сведение делали уже на колесах, во время турне. Мой продюсер Макс Норман присылал мне плёнки в отель, а я звонил ему из телефона-автомата и говорил: там добавить басов, а тут серединки.

Примерно тогда скурвились Боб и Ли, начали свое нытьё, что меня доводило до белого каления. Я заметил, как они уединялись в уголке и шептались там как школьницы. Боб с самого начала хотел, что бы мы выступали не под именем Оззи Осборна, а группа имела конкретное название. Я этого не понимал. Почему, покинув одну группу, я должен играть в другой, где каждый указывает: «Ну что, будем здесь выступать? Или там? Знаете что, надо хорошенько над этим подумать»? Если бы Боб и Ли пришли в «Jet Records» и сразу сказали, что хотят играть с Оззи Осборном на равных правах, на что я бы ответил: «Э, нет! Спасибочки, мы это уже проходили. Не хочу, чтобы кто-либо мною командовал. Главный здесь — я. До свидания». Но Боб — парень назойливый, и если бы не Шарон, наверняка навязал бы мне свое мнение. Видите ли, вот такая у меня натура, сдаться и плыть по течению. Порой мне кажется, что так происходит потому, что я не умею играть ни на одном инструменте, и поэтому чувствую себя ненужным балластом.

Во всяком случае, помню, как однажды приходит к нам Шарон, такая возбужденная, и говорит:

— Хорошие новости, парни. Началась продажа билетов в нью-йоркском «Palladium» и все раскупили за один час!

Нас распирает от радости, стоит галдёж: дай пять — на-а! Вдруг Шарон уходит куда-то перезвонить. Когда возвращается, на её лице улыбка еще шире:

— Вы не поверите. Они хотят, чтобы мы дали два концерта в «Palladium» в этот день.

Я не мог в это поверить. Значит, дело набирало обороты. Но тогда Боб и Ли поутихли и на минуту исчезли пошептаться, как обычно. Возвращаются и говорят:

— Если мы должны сыграть два концерта, мы требуем заплатить нам двойную ставку за выступление и удвоить командировочные.

Это был перебор. Тогда у нас не было серьезных денег, за все башлял Арден: за студию, за проживание, за еду, за аппарат, за обслуживающий персонал, бля, просто за всё. А они думали, что деньги падают с неба? Реальность была такова, что всё, до последнего пенса мы отдавали Дону. Но Бобу и Ли это было по барабану, ведь они, по сути, были сессионными музыкантами.

После этого случая я хотел от них избавиться. Сказал Шарон, что если так и дальше пойдет, мы будем спорить каждые пять минут и меня это порядком задолбало.

Так мы расстались с Бобом и Ли, хотя Боб ещё поиграл со мной в будущем, пока не начал почти каждый день таскать меня по судам.

Печально наблюдать, до чего же деньги портят людей. Одно бабло на уме! Но я на сто процентов уверен, останься Боб и Ли тогда с нами, я был бы где-нибудь в другом месте. Плохая обстановка тормозила бы весь процесс. К счастью, Шарон давно присматривалась к новым людям, потому что эта парочка уже давно действовала ей на нервы. Она окончательно склонила к сотрудничеству Томми Олдриджа, барабанщика, которого я хотел с самого начала, и Руди Сарзо, басиста, который ранее выступал с Рэнди в «Quiet Riot». На том и порешили.

Когда второй альбом был наконец-то готов, мы упаковали манатки, сели в самолет и полетели в Лос-Анжелес, где нас ожидала неделя репетиций и встреч с представителями фирмы грамзаписи. А потом в Мэриленд началось турне.

Не спрашивайте, кто купил этих голубей.

Помню только, что через несколько дней по прибытию в Лос-Анжелес мы едем в лимузине в штаб-квартиру CBS Records в Сенчури Сити. Шарон показывает мне птичек и говорит:

— Симпатичные, правда? Послушай, как воркуют. Ах!

От встречи с CBS многое зависело. Несмотря на то, что «Blizzard of Ozz» был хитом в Англии, нам позарез был нужен успех в Америке, потому что мы сидели без гроша. Это был для нас вопрос жизни и смерти. С тех пор, как мы поехали в тур, нам приходилось жить впроголодь, ночевать во вшивых отельчиках и кто-то должен был постоянно присматривать за чемоданчиком со всеми нашими деньгами. А было их офигенно мало. Мы даже не получили аванс за «Diary of a Madman», потому что Шарон не удалось выцарапать его из потных лап своего отца. В то же время, Телма завела речь о разводе, это означало, что я снова могу стать голым и босым.

— Зачем тебе эти голуби? — спрашиваю Шарон и отхлебываю из горла «Куантро», которое взял с собой.

Шарон выразительно смотрит на меня, как она это умеет.

— Оззи, а ты не помнишь, о чём мы договорились вчера вечером? Когда придём на встречу, выпустишь их, что бы они летали по комнате.

— Зачем?

— Потому, что так задумано. Потом скажешь «рок-н-ролл» и покажешь знак мира.

Всё это вылетело из моей головы. Было только одиннадцать утра, а я уже нажрался как свинья. Бухать начал еще вчера вечером. А может позавчера.

Я даже забыл, зачем мы едем в CBS. Но Шарон мне напомнила:

— Надо им дать под зад, потому что они купили «Blizzard of Ozz» у моего отца за копейки и, наверняка надеются, что альбом окажется провальным, так же, как и две последних пластинки «Black Sabbath» в Америке. В этой стране, Оззи, ты как сольный артист — никто. Забудь об аншлагах на концертах в Англии. Здесь ты начинаешь с нуля. На этой встрече ты должен произвести на них впечатление. Показать им, кто ты такой на самом деле.

— С помощью голубей? — спрашиваю я.

— Вот именно.

Я отложил бутылку в сторону и взял птичек у Шарон.

— А что если откусить им головы? — я держу голубей перед лицом. — Тогда впечатлений будет море.

Шарон смеется, качает головой и смотрит в окно на голубое небо и пальмы.

— Я не шучу — говорю.

— Оззи, ты не будешь откусывать им головы.

— А я говорю, буду.

— Не говори глупостей.

— А я говорю — буду. Я как раз голоден с утра.

Шарон вновь рассмеялась. Ее смех я любил больше всего на свете.

Встреча была каким-то недоразумением. Неискренние улыбки, анемичные рукопожатия. Вдруг, кто-то сказал, что все в восторге, потому что в Штаты прилетает Адам Ант[57]. Адам Ант? Я чуть не начистил рыло тому пиздюку, который это сказал. Было понятно, что им насрать на меня. Даже чикса из PR отдела[58] посматривала на часы. В то же время, встреча затягивалась, большие шишки с золотыми часами несли бессмысленную маркетинговую чушь. Пока я не разозлился на Шарон, ведь она не подала мне условный сигнал выпускать этих голубей. В конце концов, я встал, подошел к креслу тёлки из PR, уселся на подлокотник и достал из кармана голубя.

— О, какой милый! — сказала она и одарила меня еще одной неискренней улыбкой. А потом снова посмотрела на часы.

«Так дальше продолжаться не может» — думаю я. И широко открываю рот.

В другом конце комнаты вижу, как Шарон нервно вздрогнула.

Щёлк, мои челюсти сомкнулись, сплёвываю.

Голова голубя оказывается на коленях телки, забрызганных кровью. Если честно, я был так угашен, что чувствовал только вкус «Куантро». Ну, ладно, «Куантро» и перьев. И немного клюва. Бросаю остатки на стол и смотрю на конвульсии. Птица обосралась, когда я ей отгрызал ей башку и всё испачкала. Платье тёлки было измазано отвратительной бело-коричневой слизью, мой пиджачок — желтое чудовище в клеточку, родом из 80-х в стиле мишки Руперта[59] — также попал под раздачу. До сих пор не знаю, какая моча ударила мне в башку. Жалко голубя, знаете ли. Одно скажу: я произвел впечатление, еще какое!

Какое-то мгновение слышно только, как все одновременно глубоко вдыхают, а фотограф в углу: щёлк-щёлк-щёлк.

А потом начался дурдом.

Тёлка из PR-отдела начала верещать:

— Фу! Фу! Фу!

Кореш в дорогом костюме подбегает к мусорной корзине и начинает блевать. Потом раздался вой сирены, потому что кто-то вызвал по интеркому охрану.

— Уберите отсюда это животное! Быстро!

В этот момент я достаю из кармана другого голубя.

— Привет, птичка! — обращаюсь я к нему и целую его в голову. — Меня зовут Оззи Осборн. Я приехал сюда, чтобы продвигать свой новый альбом «Blizzard of Ozz».

Открываю рот, а все присутствующие орут:

— Нееееет!

Люди закрывают глаза руками и кричат, чтобы я прекратил и убирался. А я вместо того, чтобы откусить птичке голову, подбрасываю голубя в воздух и он радостно летает по комнате.

— Мир вам! — говорю я, когда быки из охраны вбегают в комнату, хватают меня под руки и тащат в коридор.

Кипеш поднялся еще тот!

А в это время, Шарон чуть не описалась от смеху, слёзы текли ручьями по щекам. Я думаю, это была её реакция на шок. К тому же, она была зла на CBS, которое не проявило к нашему альбому должного энтузиазма и, таким образом, наверняка была довольна, что я нагнал на них страху. Хотя сама в жизни не видела ничего ужасней.

— Тебе запрещено находиться в здании CBS, урод! — сказал начальник охраны, когда выставил меня за входные двери на сорокаградусную жару. — Ещё раз тебя здесь увижу — сядешь, понял?

Шарон вышла следом за мной, потом ухватила меня за воротник и поцеловала.

— Птичку жалко, блин! — говорит она. — Хорошо, если CBS не зарубит пластинку после такого представления. Они могут даже подать на нас в суд. Хулиган, ты самый настоящий хулиган!

— Так чего ты не устроишь мне головомойку? — спрашиваю я удивленно.

— Потому что пресса будет в восторге!

В тот вечер мы вернулись в дом Дона Ардена, где остановились вместе с Руди и Томми, нашей новой ритм-секцией. Это была огромная резиденция в испанском стиле на вершине каньона Бенедикт над Беверли Хиллз: красная черепица на крыше и огромные железные ворота, которыми Дон отгородился от простолюдинов. Поговаривают, что Говард Хьюз[60] построил его для одной из своих подружек. Дон купил этот дом после того, как заработал кучу бабла на «ELO» и сейчас жил в нём как король. Его соседом был Кэри Грант[61]. Когда мы были в городе, Дон пускал нас в бунгало на территории поместья. В другом — разместился филиал «Jet Records» в Лос-Анжелесе.

Когда лимузин въехал во двор, я уже так напился, что не знал на какой я планете. Потом отправился с Руди в комнату, где у Дона стоял телевизор, мини-бар и уголок для приготовления коктейлей. Я только что переключился с «куантро» на пиво, это проявлялось в том, что каждые пять минут бегал отлить. Но меня задолбала эта беготня и я поссал в умывальник. И не было бы в том никакой проблемы, если бы Дон именно в этот момент не

проходил в халате по коридору, направляясь в спальню.

Вдруг слышу за спиной такое громкое рычание, что его вполне можно было классифицировать по шкале Рихтера.

— Оззи, блядь, ты что, нассал в мой умывальник?

Вот, черт…

Я сжимаю свой хрен, чтоб прекратить слив.

«Сейчас меня прибьёт! — подумал я. — Прибьёт и капец!»

Но у меня родилась идея: если повернусь достаточно быстро и успею застегнуть молнию, ничего плохого не случится. Что я и попробовал сделать. Но я был такой бухой, рука соскользнула с члена и фонтан мочи бьет… прямо в Дона.

Он отскакивает назад и брызги пролетают в считанных сантиметрах от него.

До сих пор не видел живого существа, которое может так взбеситься. Клянусь, я подумал, что он оторвет мне башку и насрет в глотку. Парень безумствовал: лицо красное, руки трясутся, изо рта брызжет слюной. Полный комплект. Это было ужасно. Обозвав меня всеми мыслимыми (и немыслимыми тоже) ругательствами, Дон заорал:

— Убирайся! Вон из моего дома, мерзкое животное! Вон! Сейчас же!

Потом он направился к Шарон. Через несколько минут, из другого конца дома донеслись крики:

— Ты еще хуже, чем он, потому что с ним трахаешься!

Как бы там ни было, я хорошо вспоминаю тот первый тур по Америке. И не только потому, что «Blizzard of Ozz» разошелся миллионным тиражом к моменту окончания гастролей. Просто меня окружали такие прекрасные люди. Не знаю, за какие заслуги Бог свел меня с Рэнди Роудсом. Он был единственным настоящим музыкантом, который играл у меня в группе. Умел писать музыку, знал нотную грамоту. Он был настолько одержим, что в каждом городе находил преподавателя по классической гитаре и брал уроки. Даже сам их давал. Всякий раз, когда мы приезжали на Западное побережье, он ехал в школу, где преподаёт его мама и учил детей. Рэнди боготворил маму. Когда мы записывали «Blizzard of Ozz» в «Ridge Farm», он спросил меня, можно ли написать песню под названием «Dee» в ее честь. Я согласился, мол, берись за работу.

А по вечерам мы с Шарон веселились пуще прежнего. Мы делали то, чего я раньше не делал, например, ходили в ночные клубы Нью-Йорка. Мне приходилось бывать в Нью-Йорке с «Black Sabbath», но тогда это была совсем другая песня: я никуда не выходил из номера, потому что наложил в штаны от страха. Я

приехал из Англии, как следствие, думал, что в городе полно гангстеров и головорезов. Но Шарон тащила меня гулять. Мы ходили в бар PJ's, нюхали кокс, знакомились с разным людьми, с нами приключались самые безумные истории. Несколько раз тусовались в компании Энди Уорхола, который приятельствовал с Сюзан Блонд, чиксой из CBS. Он не проронил ни слова. Просто сидел и с отсутствующей физиономией рисовал портреты. Странный был тип, очень странный, этот Энди Уорхол.

Во время этих гастролей я много тусовался с Лемми из «Motorhead». Сейчас он близкий друг моей семьи. Обожаю этого парня. Наверное, он побывал во всех пивных мира, но, знаете ли, я никогда не видел его пьяным. Даже после двадцати или тридцати бокалов. Не знаю, как у него это получается. И не удивлюсь, если он переживет не только меня, но и Кейта Ричардса.

«Motorhead» открывал тогда несколько наших концертов. У них был старый хипповый автобус — самая дешевая развалюха, которую только можно было найти — а Лемми возил с собой только книги. Это было всё его имущество, если не считать одежды на нем. Лемми обожает читать. Порою просиживает над книгами по несколько дней подряд. Однажды он жил с нами в доме Говарда Хьюза, так из библиотеки его было не вытащить.

Дон Арден застал там Лемми и взбесился. Влетает как ураган в зал и орет:

— Шарон! Что это, блядь, за неандерталец в моей библиотеке? Пусть убирается оттуда! Пусть проваливает из моего дома!

— Успокойся, папа, это же Лемми.

— Меня это не касается. Он должен убраться!

— Он играет в группе, папа. Они выступают на разогреве у Оззи.

— Ради Бога, в таком случае, дайте ему шезлонг и пусть сидит у бассейна. Он выглядит, как восставший из ада.

В этот момент приходит Лемми. Дон был прав, он выглядел ужасно. Ночью мы конкретно погудели и глаза у него были красные, как две лужи крови.

И тут Лемми, заметив **меня,** останавливается как вкопанный.

— Офигеть, Оззи! — говорит он. — Если у **меня** такой же видок, тогда я отправляюсь спать, и немедленно.

Когда под конец 1981 года я вернулся в Bulrush Cottage, то сделал действительно много для того, чтобы наладить отношения с Телмой. Мы даже купили семейную путевку на Барбадос.

Проблема в том, что если человек является хроническим

алкоголиком, Барбадос ему категорически противопоказан. Когда мы прибыли на курорт, я заметил, что на пляже можно калдырить двадцать четыре часа в сутки. И принял это как вызов. В пять мы прибыли на место, а в шесть я уже с трудом держался на ногах. Телма привыкла к моему пьянству, но Барбадос — это был совершенно другой уровень.

Помню только, как мы купили однодневную экскурсию по заливу на старом пиратском судне. Играла музыка, были танцы и конкурс — прогулка по доске[62]. Детский сад, одним словом! В то же время, самым большим развлечением для взрослых был бочонок ромового пунша в баре. Я чуть в него не вскочил.

Каждые две минуты раздавалось: буль-буль-буль.

Через несколько часов я разделся до трусов, станцевал на палубе и нырнул за борт в воду, кишащую акулами. К несчастью, я так поддал, что не мог плавать и один огромный барбадосец должен был прыгнуть вслед за мной и спасти мне жизнь. Припоминаю, как меня вытащили на борт, где я заснул посреди танцпола, истекая водой. Когда корабль вернулся в порт, я продолжал там лежать и храпеть, всё ещё мокрый. Очевидно, капитан спросил детей, чей это папа. Они ответили, что их и разревелись.

Звание «заслуженный отец года» мне не светило.

Когда мы уже летели в самолете домой, Телма обернулась ко мне и сказала:

— Это конец, Джон! Я хочу развода.

Я подумал: «А, злится из-за той истории на корабле. Наверняка передумает». Но она не передумала.

Когда самолет приземлился в Хитроу, кто-то из «Jet Records» организовал вертолет, на котором я должен был улететь на встречу, посвященную концертному туру в поддержку «Diary of a Madman». Я попрощался с детьми, каждого поцеловал в лобик, а потом Телма долго на меня смотрела.

— Все кончено Джон — сказала она. — В этот раз, это действительно конец.

Я по-прежнему ей не верил. На протяжении всех этих лет вел себя так отвратительно, думал, что её уже ничем не проймешь. Сел в вертолет и полетел в деревенский отель, где меня поджидала Шарон со сворой декораторов и осветителей.

Меня провели в конференц-зал, посреди которого стояла уменьшенная модель сцены, разработанной для предстоящего тура. Выглядела она обалденно.

Один из техников говорит:

— Самым большим плюсом этой сцены является то, что её просто перевозить и просто монтировать.

— Классно! — я ему в ответ. — Правда, классно! А теперь — всё, что нам нужно — это карлик.

Эта идея пришла мне в голову на Барбадосе. Во время концертов, посреди песни «Goodbye to Romance», мы будем казнить на сцене карлика. Я закричу: «Повесить ублюдка!» — или что-то в этом роде — и тогда гном взлетит вверх с фальшивой петлёй на шее.

Будет круто!

Перед выездом на гастроли нужно было прослушать кандидатов в карлики. Мало кто отдает себе отчет в том, что маленькие люди, которые заняты в шоу-бизнесе, соперничают между собой в борьбе за одну и ту же работу, постоянно поливают друг друга грязью. Во время кастинга к вам подходит один из таких и говорит: «Держитесь подальше от этого парня. Пару лет назад, я выступал с ним в «Белоснежке и семи гномах». Он будет гвоздём в вашей заднице». Я всегда ржал до слез, когда карлики рассказывали о «Белоснежке и семи гномах». Они произносили эти тексты с такими серьезными физиономиями, будто, по их мнению, это была какая-то забойная андеграундная вещь.

После нескольких дней поисков, наконец-то нам попался стоящий тип. Его звали Джон Аллен. Самое смешное — он был алкоголиком. После концертов бухал и гонял девок. В дополнение, он был параноиком. Носил с собой перочинный ножик в чехле. Однажды, я спросил его об этом, а он отвечает:

— На всякий случай, вдруг петля затянется.

— В тебе роста метр с кепкой и ты будешь болтаться на высоте шести метров над землей. Что ты тогда сделаешь, перережешь веревку? И разобьешься, на хер, в лепешку!

Смешной был парень, этот Джон Аллен. Его голова была нормальных размеров и, когда он сидел за столом напротив, можно было забыть, что он не достает ногами до пола. Но под мухой он терял равновесие, после чего был слышен шум и карлик уже лежал на земле. Мы постоянно над ним прикалывались. Например, едем в автобусе, поджидаем, пока его сморит, перекладываем на самую верхнюю полку. Вдруг слышен крик и громкое «бабах!», это значило — наш карлик проснулся.

Когда он был пьян, с ним были те же проблемы, что и со мной. Однажды, в аэропорту Лос-Анжелеса он напился, как свинья и не успел на самолет, мы вынуждены были послать за ним техника. Тот попросту сгрёб карлика за портки и забросил в багажное отделение нашего автобуса.

Вдруг подбегает какая-то женщина и поднимает хай:

— Эй, я видела, что вы сделали с этим бедным коротышкой! Нельзя к нему так относиться!

Техник смотрит на нее и говорит:

— Иди на хер! Это наш карлик!

Между чемоданами высовывается коротышкина голова и слышно:

— Вот именно, иди на хер! Я его карлик!

Когда в конце 1981 года тур начинался, я был человеком-развалиной. Любил Шарон и, одновременно, не мог смириться с утратой семьи. Ссоры между мной и Шарон принимали всё более безумные формы. Я был бухой, пробовал её ударить, а она бросала в меня всё, что под руку попадалось. Бутылки с вином, золотые диски, телевизоры — всё летало по комнате. К своему стыду, я вынужден признать, что некоторые мои удары достигли цели. Однажды, набил ей бланш под глазом и подумал, что её отец порвёт меня на куски. Но он только сказал:

— В следующий раз будь поаккуратней.

Стыд и позор, что я творил по-пьяни. Тот факт, что я осмелился поднять руку на женщину, вызывает во мне отвращение. Моё поведение было мерзким и непростительным, этому нет никакого оправдания. И, как я уже говорил ранее, этот крест мне нести до гробовой доски. Скажу вам честно, не знаю, почему Шарон не бросила меня.

Бывали такие моменты, что она просыпалась утром, а меня рядом нет — автостопом рванул в Bulrush Cottage. Но всякий раз, когда я там появлялся, Телма давала мне от ворот поворот. И так продолжалось много дней. Я только разозлился сам и настроил детей и Телму против себя.

Можно только представить, что в это время творилось с Шарон.

Должно было пройти очень много времени, чтобы я пришёл в себя после расставания с Телмой. Меня это просто разбило. Однажды, я объяснял детям:

— Не хочу, чтобы вы думали, что я бросил вас, щёлкнул каблуками и сказал: «Счастливо оставаться!». Не было такого. Меня все это доконало.

Со временем мои экскурсии в Bulrush Cottage прекратились. Когда я последний раз туда выбрался, дождь лил, как из ведра и почти стемнело. Только прошёл ворота, откуда не возьмись, передо мной вырос какой-то «бычок».

— Эй, и куда мы на ночь глядя, а?

— Это мой дом — отвечаю я.

«Бычок» отрицательно покачал головой.

— Уже нет. Это дом твоей бывшей жены. А тебе запрещено к нему приближаться ближе, чем на 45 метров. По решению суда. Сделаешь еще один шаг и заночуешь в кутузке.

Это был судебный исполнитель или кто-то в этом роде.

В саду слышен смех Телмы, который доносится из дома. «Наверняка, сидит со своим адвокатом, развод обсуждает» — подумал я и испросил:

— Но можно хотя бы забрать какую-нибудь одежду?

— Подожди здесь.

Через пять минут за дверь вылетают и падают на траву мои старые концертные шмотки. Пока я их собрал и упаковал в чемодан, они уже промокли. Потом двери открылись еще раз, и во двор полетело чучело медведя-гризли, голова которого пострадала после расстрела из «Бенелли». В общем, этот мишка был единственной вещью, которую я оставил себе после развода. Ну, ещё старый раздолбанный «мерс», который так любили царапать коты. Телма получила дом, вычистила под ноль мой банковский счет и каждую неделю получала алименты. Я захотел также оплачивать обучение детей в частной школе. Это всё, что я мог сделать.

В эту ночь мне было, как никогда, жаль себя.

Транспортировка в Лондон двухметрового медведя тоже было занятием не из лёгких. В одном такси мы вместе не поместились, пришлось вызывать второе, специально для мишки. Перед домом Шарон на Уимблдон Коммон, я оставил игрушку на автобусной остановке и взялся заносить в прихожую чемоданы. Надо было сразу мишку забрать, но мы решили, что будет прикольно одеть на него кухонный передник с тесёмками и позвать знакомых, чтобы они посмотрели. Пока мы готовились к этому номеру, игрушку кто-то стырил. Моё сердце было разбито. Мишка был моим любимцем.

Что до детей, то травма, полученная при разводе, никогда не заживет, несмотря на то, что позже мы снова стали близки. В то время на детей разведённых показывали пальцем.

А сегодня если в Лос-Анжелесе у вас распался брак, я расписываюсь с вашей женой, вы женитесь на моей бывшей, и мы, бля, веселою толпой отправляемся на совместный ужин, а может, и на отдых в Мексику. Все эти романцы не для меня. Я не понимаю, как люди могут делать подобные вещи. Я не виделся с Телмой целую вечность, и, скажу вам правду, так оно лучше.

Когда началась американская часть тура «Diary of a Madman», мы уже стали специалистами в области повешения карликов. Что вовсе не означает отсутствия проблем на сцене. Возьмём, к примеру, средневековую кольчугу, которую я надевал для нескольких номеров. Достаточно было вспотеть, и мне уже казалось, будто я обклеен бритвенными лезвиями. После концерта я был изрезан как кусок ростбифа. Огромные проблемы

нам доставлял реквизит. Был у нас, например, занавес из театра кабуки, который опускался сверху в двух частях вместо того, чтобы раздвигаться по сторонам как нормальный театральный занавес. В середине концерта занавес закрывал часть сцены. А когда его поднимали из-под помоста для барабанов, вырастало механическое плечо с гигантской рукой, в ладони которой восседал я. Подъёмник возносился над публикой, на максимальной высоте из пальцев летел огонь, а я нажимал ногой специальную педаль, которая приводила в действие находящуюся у меня за спиной катапульту. Та, в свою очередь, забрасывала в зрительный зал более двадцати килограммов сырого мяса.

Потом я вставал и кричал:

— Рок-н-ролл!

Офигенное чувство.

Конечно, если что-то должно навернуться, то оно обязательно навернётся. У нас навернулось практически всё, уже на второй день американских гастролей. В последний день года мы играли на стадионе «Memorial Coliseum and Sports Arena» в Лос-Анжелесе перед несколькими десятками тысяч фанов. Сперва подвела дымовая пушка. Выдула до хера сухого льда и мы даже не видели друг друга. Потом, по какой-то причине, заело часть занавеса-кабуки, и мы не могли подготовить к выступлению гигантскую руку. Помню, я стоял там в кольчуге и смотрел как Шарон дословно повисла на занавесе, для того чтобы он опустился.

— Опускайся, падла, опускайся! — кричала она.

И только когда ей на помощь пришли несколько техников, занавес поддался.

Потом механическое плечо зацепилось за ковровое покрытие сцены и начало вытаскивать его из-под огромных колонок, которые шатались, будто сошли с ума. «ШУХЕР!» — заорал кто-то из обслуги.

В течение самых долгих тридцати секунд в нашей жизни, Шарон, мой помощник Тони и техники устроили перетягивание ковра, чтобы освободить подъёмник, иначе все декорации могли свалиться на нас.

В конце концов, покрытие вытащили, кто-то подтолкнул меня в спину, занавес поднялся, и не успел я оглянуться, как сидел в ладони, которая взлетела вверх и поплыла над океаном ревущих подростков. Я уже догадывался, что-то закозлит ещё. Когда рука распрямилась, я закрыл глаза и приготовился к тому, что фейерверк поджарит мне яйца. Но огонь бахнул из пальцев без проблем. Я почувствовал такое облегчение, что чуть не прослезился. Пришло время последнего трюка и я нажал на педаль, чтобы запустить катапульту. Не знал, что какая-то манда

из обслуги зарядила катапульту ещё вчера, вместо того, чтобы сделать это непосредственно перед выступлением. Резина провисла. Когда я нажал на педаль, машина издала неприличный звук и весь груз поросячьих яиц и коровьей требухи вместо того, чтобы полететь в зал, ёбнул со скоростью 32 км/ч мне в затылок. Помню только, как заорал от боли, а по шее стекало кровавое месиво.

Зрители думали, что так было задумано и выли, бля, от восторга.

Забрасывать зрителей отходами с мясокомбината стало нашим товарным знаком. Порой, они летели из катапульты, а временами, на сцену выходил карлик с ведром и, пока его не повесили, бросал потроха в зрителей. Это напоминало бои с использованием кремовых пирожных, я любил смотреть их по телеку, когда был маленьким. Но потом фаны переняли от нас этот ритуал и стали приносить с собой на концерты мясо, чтобы бросать его на сцену. После концерта она выглядела как долбаная Дорога Слёз[63]. Сегодня такое фуфло не пройдет, соблюдаются правила гигиены и безопасности.

Удивительно, как быстро всё вырвалось из-под контроля.

Однажды, после концерта, ко мне подходит фараон и говорит:

— Вы представляете, как все это влияет на американскую молодежь? — И показывает мне фото с «полароида»: в очереди за билетом стоит молокосос с бычьей головой на плечах.

— Ё-моё! — говорю я. — Откуда он это взял?

— Убил животное по дороге на концерт.

— Ну, надеюсь, что он это сделал с голодухи.

Просто в голове не укладывается, что приносили подростки с собой. Началось всё с кусочков мяса, а потом пришла очередь животных целиком. В нас летели дохлые коты, птицы, ящерицы. Один раз, кто-то бросил огромную жабу, которая шлепнулась на спину. Мне показалось, что это чей-то ребенок, такой огромной была эта долбаная жаба. Я сильно испугался и начал орать:

— Что это?! Что это?! Что это?!

А потом жаба сорвалась и ускакала прочь.

На концертах атмосфера становилась все более безумной. Люди начали бросать предметы с торчащими гвоздями и лезвиями, в основном, купленные в магазинах приколов, например, резиновые змеи и пластиковые пауки. Некоторые техники начали подсирать, после того как на сцене приземлилась настоящая змея. Она очень рассердилась, потому что была вынуждена делить сцену с Оззи Осборном. Кто-то из обслуживающего персонала поймал гадину в сачок с длинной

ручкой как для чистки бассейнов.

Всех этих маленьких ползучих тварей больше всех боялся Тони, у которого в этом шоу была своя маленькая роль. В общем, он только облачался в доспехи и приносил мне напиться во время перерывов на смену декораций. Бедняга полчаса убивал на одевание/снятие кольчуги и, к тому же, постоянно трясся от страха, не бросили ли чем-то в него. Однажды вечером, ради прикола, я метнул в него резиновую змею, а когда Тони отскочил, один из техников положил ему на спину веревку. Тони забился в истерике. Сбросил с себя кольчугу в три секунды и стоял так, из одежды — серые трусы. От страха пищал, клянусь, на три октавы выше.

Все лопались от смеха.

Говорю вам, каждый вечер творились какие-то безумства.

20 января 1982 года мы играли в «Veterans Auditorium» в Де Мойн в штате Айова. Никогда не забуду, как этот город назывался, это точно. Или, как это нужно было произнести: «Дээмойн».

Концерт прошел классно. Гигантская рука отработала без сбоев. Мы уже повесили карлика.

И вдруг, из зала бросают летучую мышь. Я подумал: «Игрушка». Подношу её на свет и показываю публике свои зубы. Рэнди играет солешник. Толпа ревёт. А я делаю все как обычно, когда на сцену попадает резиновая игрушка.

Щёлк!

Сразу почувствовал, что дело плохо. Очень плохо.

Во-первых, во рту полно густой, теплой жидкости, которая дает необычайно гадкое послевкусие. Чувствую, как она сочится сквозь зубы и стекает по бороде.

И вдруг голова у меня во рту пошевелилась.

«Твою так! — подумалось мне. — Но я же не сожрал долбаную летучую мышь?»

Я выплевываю голову, рассматриваю крылья, и вижу Шарон, которая размахивает руками, с выпученными глазами орет:

— Нееееет! Она настоящая, Оззи, она настоящая!

Далее помню только, что сижу в инвалидной коляске, которую кто-то быстро закатывает в приёмный покой. Слышу, как доктор говорит Шарон:

— Да, мисс Арден, летучая мышь была живой. Может, оглушённой рок-концертом, но однозначно живой. Не исключено, что мистер Осборн уже заражен бешенством. Симптомы? Ну, знаете ли, апатия, головная боль, горячка, сильные судороги, гипервозбудимость, депрессия, патологическая боязнь жидкости.

— А вот на это не рассчитывайте — пробормотала Шарон.

— Обычно, одним из последних симптомов является маниакальное расстройство. Потом пациент становится сонным, западает в кому и перестает дышать.

— О, Боже.

— Поэтому, с медицинской точки зрения, поедание летучих мышей является не совсем удачной идеей.

— У вас есть вакцина?

— Обычно, лучше привиться заранее, но мы можем сделать ему укол. Собственно, курс уколов.

Доктор берет шприц, величиной с фаустпатрон.

— Ну, хорошо, мистер Осборн! — говорит врач. — Прошу снять штаны и наклониться.

Делаю, что велят.

— Укол может быть болезненным.

Я больше ничего не слышал.

До конца гастролей, каждый вечер я должен был посещать врача для уколов от бешенства: в ягодицы, бедра и руки. Капец как пекло! Во мне было больше дырок, чем в куске долбаного швейцарского сыра. Но уж лучше это, чем бешенство. Впрочем, не уверен, что хоть кто-нибудь почувствует разницу, если я заболею бешенством. А в это время пресса безумствовала. На следующее утро обо мне рассказывали практически во всех выпусках новостей на планете. Все думали, что я загрыз летучую мышь специально, а ведь это произошло абсолютно случайно. Какое-то время я боялся, что нас будут бойкотировать, во всяком случае, несколько устроителей концертов отменили наши выступления. Фаны тоже подложили нам свинью. Когда разошелся слух о летучей мыши, они стали приносить на концерты еще более безумные вещи. Наше выступление на сцене напоминало съезд мясников.

Понятное дело, защитники прав животных сходили с ума по-своему. Американское Общество Противодействия Применению Насилия против животных[64] посылало своих людей мониторить наши концерты. Обслуживающий персонал постоянно над ними измывался. Например, техники говорили:

— О, сегодня Оззи бросит в толпу восемнадцать щенков. Не споет ни слова, пока их всех не зарежут.

Активисты из ASPCA верили каждому слову.

Даже задержали наш автобус в Бостоне. Помню, как все эти сеятели добра забежали в салон, увидели йоркширского терьера Шарон (мистера Пука) и впали в истерику. Один из них заорал:

— Дальше этот автобус не поедет. Я требую, чтобы эту собаку взяли под охрану. Немедленно!

Что они себе вообразили? Что посреди песни «You Lookin' at

Me. Lookin' at You» мы будем косить терьеров из пулемета?

Несколько дней спустя, мы играли в «Madison Square Garden» в Нью-Йорке. Отовсюду несло дерьмом. Оказалось, неделю назад там выступал цирк, а животные по-прежнему находились в клетках под открытой трибуной. Один из директоров зала пришел, чтобы пригласить нас посмотреть животных. Но, завидев меня, сказал:

— А вас не приглашаю.

— Это почему же?

— Вы всякое вытворяете с животными.

Я не верил своим ушам:

— А чего вы, бля, боитесь? Что я откушу голову слону?

Если бы тогда спросили кого угодно из моей команды: кто не доживет до конца тура «Diary of a Madman» — я, Рэнди, Руди или Томми — все деньги поставили бы на меня. Постоянное пьянство равноценно самоубийству, как я сам пел. И когда оно произойдёт — лишь вопрос времени.

Шарон была уверена, что случится нечто плохое. Всегда, когда мы бухали в отеле, воровала у меня одежду, чтобы я никуда не вышел и не попал в переделку. Ну, разве что, я был готов спуститься в бар голышом.

В большинстве случаев этот метод приносил нужный эффект.

Пока однажды мы не приехали в Сан Антонио в Техасе. Как обычно, я нарезался в гостинице. А Шарон, как обычно, стибрила мои шмотки. Но при этом она совершила ошибку: оставила в номере одно из своих вечерних платьев, такая темно-зеленая штучка с рюшечками. Там что-то разорвалось, тут что-то лопнуло, пока я в неё влез. Еще нашлись кроссовки, тут меня и след простыл.

Ну, значит, я, одетый в вечернее платье Шарон, сорвался с цепи и на улицах Сан Антонио глушил «Курвуазье». Искал приключений на свою задницу. Мне кажется в тот день у нас была фотосессия, хотя и не помню точно. Помню одно — я был бухой. Вдруг мне приспичило отлить, так часто бывает после хорошей пьянки. Сказать приспичило — ничего не сказать: вместо мочевого пузыря было раскаленное пушечное ядро. Мне нужно отлить прямо здесь и сейчас. Но я нахожусь в странном техасском городе и понятия не имею, куда подевались общественные туалеты. Посмотрев по сторонам, заприметил укромный уголок, где и направил струю на старую ветхую стену.

Уууу… Сразу полегчало.

Вдруг слышу голос из-за спины:

— Это отвратительно!

— Чего? — оборачиваюсь я и вижу старика в ковбойской шляпе, который смотрит на меня, как будто я только что надругался над его бабкой.

— Это надругательство, ты знаешь об этом?

— Моя девушка спёрла мою одежду — объясняю я. — Что я должен был одеть?

— Я не про одежду, ты сраное английское педрило! Ты справил нужду на Аламо!

— Ала-что?

Не успел он ответить, как из-за угла выходят парочка жирных, напыщенных техасских копов. Что-то потрескивает в рации.

— Это он! — говорит старичок. — Парень в платье!

Трах!

И я лежу лицом к земле, а кто-то одевает на меня наручники.

Через минуту до меня дошло. Понятно, что я слышал про Аламо[65], видел фильм с Джоном Вейном и не раз. Я уже знал, что это особое место, где в бою с мексиканцами полегло много американцев. Но мне и в голову не пришло, что эта стенка, которую я пометил, и есть руины священного народного памятника.

— Ты англичанин, что ли? — спрашивает меня один из фараонов.

— Ну и что?

— А что ты почувствуешь, если я отолью на Букингемский дворец?

Я на минуту задумался и отвечаю:

— А хрен его знает. Я же там не живу!

Круто я завернул, в натуре.

А десять минут спустя уже делил камеру со стодвадцатикилограммовым мексиканцем, который совершил что-то мерзкое, вроде, убил свою жену кирпичом. Наверное, он думал, что у него галлюцинации, когда увидел меня в зеленом платье. «Боже! — подумал я. — Он примет меня за дух своей благоверной и напоследок попробует засадить ей в задницу». Но он только таращился и что-то бормотал.

За решеткой я пробыл часа три. Фараоны и их знакомые приходили поглазеть на меня. Может некоторые купили «Blizzard of Ozz», не знаю. Но со мной обошлись любезно. Обвинили меня в пребывании в общественном месте в нетрезвом состоянии вместо более серьезного обвинения — осквернение памятников, за что могли на год упрятать в тюрягу.

И отпустили меня довольно быстро, я успел на концерт. Хотя сам начальник участка не поленился посетить меня и

предупредил, что сразу по окончании концерта мне лучше уехать из города и чтоб в нем никогда больше не видели мое паскудное рыло.

Это пипи стоило мне целого состояния, если принять во внимание нулевые шансы на выступления в Сан Антонио в будущем. Но я не в претензии: отлить в Аламо — не самый мудрый поступок в моей жизни. Нельзя сравнивать это с орошением Букингемского дворца, но с осквернением одного из памятников на пляже в Нормандии — вполне. Это непростительно. Много лет спустя, я лично принес свои извинения мэру, обещал, что подобное больше не повторится и пожертвовал десять «кусков» на «Дочерей Республики Техас»[66]. Тогда мэр разрешил мне выступать в Сан Антонио, хотя от этого решения меня отделяло более десятка лет.

Когда, наконец-то, я вернулся туда, подходит ко мне после концерта тощий мексиканский мальчишка.

— Оззи, а это правда, что тебя закрыли за то, что ты обоссал Аламо?

— Да — отвечаю. — Это правда.

— Блин, чувак! — отвечает он. — Мы обссыкаем её каждый вечер, по дороге домой.

8. Пока я спал

В автобусе по дороге из Теннесси во Флориду Рэнди сообщил новость:

— Кажись, мне пора завязывать с рок-н-роллом.

Я ждал, пока он улыбнется, но этого не произошло.

Мы сидели за маленьким столиком для пикника в кухонной части автобуса, который был сродни пятизвездочному отелю на колесах. С потолка свисали телевизоры, на полу лежали лохматые ковры, работал кондиционер, окна были как в лимузине, и, понятное дело — заполненный доверху бар. Сам автобус был окрашен в бело-золотистые цвета.

Целую ночь я глушил джин. После этой непонятки в Аламо пришлось немного завязать с «Курвуазье».

Рэнди курил сигареты и пил колу из жестянки. Редко заглядывал в бутылку. Ему нравилась только эта ужасная анисовая хрень. Как её там? Анисовка. Что-то наподобие густого молочного ликера. Рэнди не принимал наркотиков. Наверно, компенсировал все сигаретами. Он мог получить золотую медаль в беге за раком легких, этот Рэнди Роудс.

— Прикалываешься? — спрашиваю я и пробую не поперхнуться джином.

— Нет, Оззи, я серьезно.

Не верю своим ушам.

Было далеко за полночь — наверное, три или четыре утра — и только мы двое бодрствовали. Шарон спала в задней части автобуса. Руди и Томми кемарили на двухъярусных кроватях вместе с некоторыми членами нашей команды, которые путешествовали с нами. Среди них была Рэйчел Янгблад, пожилая негритянка, которая занималась нашим гардеробом, прическами и макияжем.

Я удивился, что они вообще уснули, потому что автобус тарахтел и скрипел так, будто хотел рассыпаться на мелкие запчасти. Мы должны были проехать 1125 километров от Ноксвилла до Орландо и водила гнал как бешеный. Помню, как я смотрел в окно на огни фар легковушек и грузовиков, летящих в противоположном направлении, и думал: «В любую минуту у нас отвалятся колеса». Понятия не имел, что у водителя полный нос кокса. И узнал об этом только после вскрытия.

Знаете ли, тогда я вообще плохо соображал. Я был заряжен алкоголем, коксом и всей той хернёй, которую вливал в себя двадцать четыре часа в сутки.

Но точно помню: я не хотел, чтобы Рэнди уходил от нас.

— Как ты можешь сейчас уйти? — спрашиваю его. — Все только начинается, чувак! Шарон говорит, что «Diary of a Madman» разойдется еще лучше чем «Blizzard». По всему миру продается до фига наших пластинок. Завтра вечером играем вместе с «Foreigner»!

Рэнди пожимает плечами и говорит:

— Я хочу поступить в университет и получить диплом.

— Ты что, с ума сошел? — говорю. — Бля, через несколько лет у тебя будет свой собственный универ!

Ну, хотя бы сейчас улыбнулся.

— Послушай! — продолжаю я. — Ты просто сильно устал. Может, немного отдохнешь, сделай маленький перерыв.

— Тоже самое я мог бы сказать и тебе, Оззи.

— Что ты имеешь в виду?

— Это уже четвертая бутылка джина за последние сутки.

— Поднимаю себе настроение.

— Оззи, зачем ты столько пьешь? В чем прикол?

Правильный ответ на этот вопрос звучал бы так: «Потому что я алкоголик. Я легко становлюсь зависимым. Что бы я ни делал, я отдаюсь этому всецело». Но тогда я еще всего не знал.

Я знал только то, что я хочу пить. Поэтому посмотрел на него пустым взглядом.

— Знаешь, это тебя когда-нибудь погубит — говорит Рэнди. — И очень скоро.

— Спокойной ночи, Рэнди — отвечаю я, осушая стакан. — Иду баиньки.

Несколько часов спустя открываю глаза. Уже светает. Возле меня в халате лежит Шарон. Чувство такое, будто моя башка залита до краев каким-то токсичным дерьмом.

Не могу понять, почему я проснулся так рано. После джина должен проспать, по крайней мере, часов до двух.

И вдруг слышу этот звук. Напоминает рев двигателя на больших оборотах. Я подумал, что мы обгоняем фуру.

БББББББББРРРРР-РМММММММММББББББРРРММММММ. Этот непонятный грохот, казалось, удалялся от автобуса, но потом неожиданно возвращался вновь и становился еще сильнее.

БББББББББРРРРР-РМММММММММББББББРРРММММММ.

— Шарон! — ору я. — Блядь, что это за зв…

И ударяюсь лбом об изголовье кровати. Вылетают все стекла из окон. Чувствуется запах бензина.

На минуту у меня потемнело в глазах. А потом я смотрю в круглое окошко слева. Вижу копоть и кричащих людей, которые закрывают лица руками. Я вскакиваю с кровати — голый, только

в старых испачканных трусах — и с трудом открываю двери спальни. Всё усыпано осколками стекла, в потолке что-то вырвало огромную дыру. Теперь вижу, что автобус согнут пополам.

Первое, что приходит мне в голову — водитель не справился с управлением и мы попали в аварию. В нос ударил едкий запах дыма и топлива, я закашлялся.

В мозгах промелькнуло лишь: «Огонь и бензин! Твою мать!»

— Все на хер из автобуса! — ору я. — Сейчас взорвется! Сейчас взорвется!

Паника. Ватные ноги. Шарон кричит.

Я еще не отошел после джина, у меня трещит башка и болят глаза. Ищу аварийный выход, но его нет. Бегу к открытым дверям в передней части автобуса и тащу за собой Шарон. Ищу взглядом остальных, но их кровати пусты. Куда они, на хер, подевались?! И где, бля, Рэнди? Выпрыгиваю из автобуса и приземляюсь на траву. Трава?

В тот момент я подумал, что это сон.

Где дорога? Где машины? Думал, увижу искорёженное железо, кровь, катящиеся колпаки. А мы стоим посреди поля в окружении роскошных резиденций как у кокаиновых баронов. Вижу знак, на нем написано: «Flying Baron Estates». Возле одного из домов — шар огня, будто снимают фильм про Джеймса Бонда. Это оттуда валит дым. Повсюду разбросаны какие-то останки и что-то что выглядит как…

О, Боже! Я чуть не блеванул, когда увидел это дерьмо. Мне следовало бы отвернуться.

Если не принимать во внимание дым, денек выдался погожим, но было раннее утро, и туман еще полностью не рассеялся.

— Где мы? Что случилось? — постоянно спрашиваю я. Никогда в жизни не чувствовал себя таким разъёбанно-потерянным. Это хуже, чем самые противные «галлюны» после кислоты. Вдруг вижу посадочную полосу и ангар. Неподалеку от ангара женщина, одетая в жокейские причиндалы, выгуливает лошадь, как будто ничего не случилось, как будто такая херня происходит каждый день!

Думаю: «Это какой-то кошмар, я сплю, этого не может быть».

Стою как в трансе, когда Дон Эйри, наш клавишник, подбегает к автобусу, вытаскивает откуда-то маленький огнетушитель, выскакивает обратно и направляет в сторону огня.

Огнетушитель только булькнул и оттуда что-то еле-еле потекло.

В это время Шарон пробует сосчитать наших, но все разбежались по полю. Указывают на горящее пламя, вопят и

плачут.

Замечаю в эпицентре огня остатки гаража. Кажется, что в середине стоят две машины. Что-то, очевидно, врезалось в гараж.

И что бы это ни было, оно еще и вспороло крышу нашего автобуса и поломало половину растущих позади деревьев.

Шарон подходит к Дону (мы называли его «El-Doom-O»[67], потому что он всегда ожидал худшего) и верещит:

— Что случилось!? Говори, блин, что случилось!? — Но Дон сидит, скрючившись и ничего не говорит, тогда Шарон оборачивается к шотландцу Джейку Данкану — тур-менеджеру. И поскольку он тоже не в состоянии что-либо сказать, она снимает туфельку и начинает бить его по голове.

— Где Рэнди и Рэйчел? Где Рэнди и Рэйчел?

Но Джейк только показывает на пламя.

— Я не понимаю — говорит Шарон. — Я ничего не понимаю!

Я тоже ничего не понял. Потому что никто не сказал мне: «Кстати, Оззи, по дороге в Орландо, мы остановимся на стоянке для автобусов в Лизбурге, чтобы починить кондиционер». Никто не сказал: «И кстати, Оззи, стоянка находится на территории фешенебельного посёлка со взлетной полосой». Никто мне не сказал: «Ах да, и ещё, твой водила, который так травануся коксом, что целую ночь не сомкнул глаз, оказывается ещё и пилот, правда, с просроченной медсправкой, без ведома хозяина собирается одолжить у того самолет. Пока ты сладко спишь, он возьмет на борт гитариста и стилистку, чтобы совершить обзорную экскурсию. А потом, на бреющем полете врежется в автобус».

Никто ничего подобного мне не сказал.

Вдруг вспыхивает дом, стоящий возле гаража, я без раздумий бегу, все еще хмельной и в одних трусах, чтобы проверить, а вдруг там кто-нибудь есть. Стучусь в дверь, жду не больше двух секунд и влетаю вовнутрь.

А в кухне пожилой человек делает себе кофе. Он почти свалился с кресла, завидев меня.

— Ты кто такой, бля? — спрашивает. — Пошел вон из моего дома!

— Пожар! — кричу я. — Вали отсюда! Быстро!

Дядька, видать, был полным придурком. Берет метлу, которая стояла в углу, и пытается меня выгнать.

— Прочь из моего дома, засранец! Пшёл вон!

— Твой блядский дом сгорит щас нахер!

— Пшёл прочь отсюда, щёрт фазьми!

— Этот дом…

Вдруг до меня доходит, что этот старикан глухой как пень. И

если бы вся планета взорвалась, он всё равно бы этого не услышал. Наверняка, не услышал ни одного слова, которые верещал ему какой-то длинноволосый, долбанутый англичанин в трусах. Я уже не знал, что делать; ринулся через кухню в сторону гаражных дверей. Когда открыл их, сила огня была так велика, что двери чуть не сорвало с петель.

После увиденного старый пердун уже не кричал, чтобы я убирался из его дома.

Все подробности того, что случилось этим утром, мы узнали значительно позже. Водителя автобуса звали Эндрю Си Эйкок. Шесть лет назад он попал в авиакатастрофу в Объединенных Арабских Эмиратах, в которой разбился вертолет. Потом работал на «Calhoun Twins» — музыкантов кантри, чья транспортная фирма оказывала услуги по перевозке нашей команды. Когда мы остановились для ремонта кондиционера на стоянке для автобусов, Эйкок решил еще раз попытать счастья и полетать на самолете. Взял без разрешения летательный аппарат своего приятеля.

Первыми с ним поднялись в воздух Дон и Джейк. Все было в порядке: никаких проблем при взлете и посадке. Потом подошла очередь Рейчел и Рэнди. На одной фотографии видно, как они стоят вместе возле самолета, прямо перед взлетом. Улыбаются. Я видел это фото только раз и больше не мог на него смотреть. Говорят, Рэйчел согласилась лететь только когда Эйкок пообещал, что не выкинет в воздухе никаких номеров. Если он обещал ей подобные вещи, то был долбаным вруном и нафаршированным коксом безумцем: все на земле видели, как он два или три раза пролетал прямо над автобусом, прежде чем крыло вырвало кусок крыши в нескольких сантиметрах от того места, где спали я и Шарон. Но самым безумным в этом было то, что даже спустя тридцать лет заставляет меня задуматься. В то время Эйкок переживал болезненный развод с женой. Когда самолет разбился, она стояла возле автобуса. Видимо, он повстречал жену на одном из наших концертов и предложил подбросить ее домой.

Он должен был подвезти домой женщину, с которой разводился?

Тогда ходило много кривотолков о том, что он, быть может, хотел убить ее, но кто об этом теперь может знать наверняка? Во всяком случае, он летел так низко, что даже если бы ему удалось избежать столкновения с автобусом, то наверняка врезался бы в деревья, растущие позади.

Дон все это видел, как на ладони.

Я сочувствовал ему, потому что он стал очевидцем ужасного

зрелища. Когда крыло зацепилось за крышу, Рэнди и Рэйчел вылетели через лобовое стекло, так мне сказали. Потом самолет, уже без крыла, ударился в дерево, упал на гараж и взорвался. Пожар был такой сильный, что полицейские идентифицировали останки на основании стоматологических карточек.

Даже сегодня мне больно думать и говорить об этом.

Если бы я не спал, то, как пить дать, сидел бы в этом долбаном самолете. Зная себя, сидел бы бухой на крыле, пробовал делать стойки на руках или сальто назад. Но я до сих пор не могу поверить в то, что Рэнди поддался на уговоры.

Он ненавидел самолеты.

За несколько недель до этого мы сидели в баре в Чикаго: сделали десятидневный перерыв в турне и Рэнди интересовался, сколько займет переезд на машине из Нью-Йорка в Джорджию, где у нас будет следующий концерт. Я спросил его, какого чёрта тащиться туда на машине, если уже давно изобрели самолеты. Оказалось, что несколько дней назад самолет «Air Florida» разбился на мосту в Вашингтоне и он был этим напуган. Тогда погибло семьдесят восемь человек. А значит, Рэнди был не из тех, кто хотел бы участвовать в клоунаде на борту сраной четырехместной херовины, коль скоро боялся сесть даже в большой самолет известной авиакомпании.

В то утро творились, бля, какие-то необъяснимые, странные вещи, потому что Рэйчел тоже не любила самолеты. У нее были проблемы с сердцем, и я сомневаюсь, что ей была нужна эта грёбаная воздушная акробатика. Люди часто говорят: «Ах да! Это типичные долбаные рок-звезды. У них сносит крышу». Еще раз повторяю: Рэйчел было далеко за пятьдесят и у нее было слабое сердце, а Рэнди был уравновешенным человеком и боялся летать. Все это выглядело довольно подозрительно.

Когда приехали пожарные машины, огонь уже догорел. Рэнди погиб. Погибла Рэйчел. В конце концов, я накинул что-то на себя и взял пиво из раскуроченного холодильника в автобусе. Никак не мог прийти в себя. Шарон носилась в поисках телефона. Хотела позвонить отцу. Приехали копы. Старые добрые парни. Но по отношению ко мне они были настроены не слишком дружественно.

— Оззи Оз-Бёрн, не так ли? — спрашивают. — Тот самый придурок, который поедает летучих мышей?

Мы остановились в Лизбурге в какой-то дыре под названием «Hilco Inn», где укрылись от журналистов на то время, пока полиция делала свое дело. Нам надо было позвонить матери Рэнди и Грэйс — лучшей подруге Рэйчел. Просто ужас!

Мы уже хотели сваливать из Лизбурга, но были вынуждены

дождаться окончания бумажной волокиты. Все находились в полной прострации. Буквально минуту назад было все чудесно, и вдруг — такой роковой поворот судьбы.

— Слушай! — сказал я тогда Шарон. — Это, наверное, знак, чтобы я забросил рок-н-ролл и занялся чем-нибудь другим.

Я переживал абсолютное психологическое и физическое потрясение. Мне даже вызвали врача, чтобы вколоть успокоительное. Шарон чувствовала себя не лучше. Бедняжка была в ужасном состоянии. Единственное, что нас утешило — это послание от «AC/DC»: «Если можем вам чем-то помочь, дайте знать». Они придали нам силы, и я буду им за это благодарен до конца дней. Друзья познаются в беде. На самом деле, парни из «AC/DC» хорошо осознавали, какие испытания свалились на нашу голову, потому что только два года назад умер от алкогольного отравления их вокалист Бон Скотт. Трагедия в том, что он тоже был слишком молод.

На следующий день утром я позвонил своей сестре Джин. От нее узнал, что когда моя мама ехала в автобусе, увидела на полке с газетами заголовок: «Оззи Осборн. Смерть в авиакатастрофе». Бедная мама чуть не сошла с ума. Позднее в тот же день, я приехал в этот поселок вместе с шурином Рэнди. Наш автобус, изогнутый в виде бумеранга, все еще стоял возле разрушенного гаража. Среди пепла и обломков лежал **целым** обрывок футболки «Gibson», в которую был одет Рэнди в момент гибели. Уцелел только логотип, больше ничего. Я не мог в это поверить, все было так сюрреалистично.

А в это время перед отелем сновали какие-то подростки. Я заметил, что некоторые из них носили рекламные джемперы с надписью «Diary of a Madman», и я спросил Шарон:

— Мы же не продавали эти вещи, не так ли?

Когда она сказала «нет», я подошел к пареньку и спрашиваю:

— Откуда у тебя эта вещь?

— Эта? Нашел там, в автобусе.

Мне просто разнесло от злости. Я чуть не оторвал ему башку.

Наконец-то бумажные дела были улажены (в организме Рэнди не обнаружено никаких наркотиков, только никотин) и копы разрешили нам уехать. Мне показалось, что они сделали это с облегчением.

На протяжении одной недели мы должны были побывать на двух похоронах, что повергло в депрессию всех, но особенно Шарон, которая сильно переживала. Только много лет спустя она смогла спокойно слушать пластинку «Diary of a Madman».

Церемония прощания с Рэнди состоялась в Первой Лютеранской Церкви в Бербанке. Я был среди тех, кто нес гроб.

Повсюду вокруг алтаря стояли большие фотографии Рэнди. Помню, как подумал тогда, ведь еще несколько дней назад, я сидел рядом с ним в автобусе и говорил, что он сошел с ума, если хочет поступать в университет. Мне было очень плохо. Рэнди был одним из лучших людей, которых я знал в своей жизни. И меня, пожалуй, мучили угрызения совести, ведь он был бы жив, если бы не играл в моей группе. Не знаю, как смогла пережить похороны мать Рэнди, наверное, она была исключительной женщиной. Ведь умер ее любимый сын. Делорес развелась с мужем и дети были для нее всем. А Рэнди на самом деле её очень любил, всем сердцем — просто обожал. Годы спустя, всякий раз, когда я и Шарон встречались с Делорес, мы чувствовали себя ужасно. Ну, что мы могли ей сказать? Потерять ребенка при таких обстоятельствах — это, наверняка, самый страшный кошмар для родителей. После панихиды колонна автомобилей отправилась из Бербанка в Сан Бернардино — примерно час езды. Рэнди был похоронен на кладбище Mountain View, где покоились его дедушка и бабушка. Я поклялся, что каждый год в день смерти буду присылать цветы. И свое обещание сдержал — в отличие от большинства прочих обещаний. Позже я никогда уже не был на его могиле. Хотя и собираюсь однажды выбраться туда, прежде чем мы встретимся с ним на том свете.

На похоронах Рэйчел было примерно то же самое. Церемония прощания проходила в евангелистской церкви где-то в южной части Лос-Анжелеса. Рэйчел была известной личностью в этом приходе. Во время панихиды все пели госпел, падали на колени и кричали:

— Господь любит тебя, Рэйчел!

А я себе думал: «Что это за херня?!» Оказывается, что афроамериканские похороны — это радостное событие, никто там не печалится.

На следующей неделе я был приглашен на телешоу Дэвида Леттермана. Все это было как одно сплошное недоразумение! Как только я уселся, и музыка перестала играть, Дэйв говорит:

— Сразу перейдем к делу, Оззи. Я слышал, ты откусил голову.

Я не верю, что до этого дойдет.

— Не будем об этом — говорю я, но уже слишком поздно.

Дэйв всю передачу был со мной мил, относился ко мне с пониманием, но я был не в настроении пересказывать истории про летучих мышей. Я по-прежнему пребывал в шоке и все еще переживал эти похороны.

В конце интервью Дэйв сказал:

— Я знаю, что ты недавно пережил трагедию в личной жизни

и на работе. Откровенно говоря, я удивлен, что ты согласился прийти в нашу студию, ценю это и знаю, что ты захочешь коротко прокомментировать ситуацию.

— Я могу только сказать, что потерял двух самых прекрасных людей в моей жизни — и стараюсь скрыть дрожь в голосе. — Но меня это не остановит, потому что я играю рок-н-ролл для людей, а я их люблю и не собираюсь делать ничего иного. Буду продолжать выступления, потому что этого хотел бы Рэнди, как, впрочем, и Рэйчел, а, значит, я не остановлюсь, потому что рок-н-ролл не убьешь!

Это звучит немного пафосно, наверное, потому что я был бухой в драбадан. Только благодаря этому мог еще как-то функционировать. На самом деле, я не был так уверен, что рок-н-ролл не убьешь.

— Это все не для меня — повторял я Шарон. — Давай с этим завязывать.

Но она слышать об этом не хотела.

— Мы ни с чем не завязываем. Это твое будущее, Оззи. Ничто нас не остановит.

Если бы Шарон не подбадривала меня такими речами, я никогда бы больше не вышел на сцену.

Понятия не имею, кто начал обзванивать людей в поисках нового гитариста. Шарон пребывала в депрессии, была абсолютно разбита, может это фирма ее отца устроила все, вернее, филиал в Лос-Анжелесе. Поиск стал для нас приятным занятием, помогал нам отвлечься от пережитого. Помню, однажды, позвонил Майклу Шенкеру, немцу, который играл с «UFO». Он ответил согласием, типа: окажу тебе эту услугу, но я хотел бы летать на частном самолете. Вдобавок, дай мне то, дай мне это. А я ему:

— Зачем ставить мне условия прямо сейчас? Сыграй со мной концерт, тогда и поговорим.

А он опять за свое: мне нужно то, ага, и еще это. Поэтому я, в конце концов, говорю:

— Знаешь что? Пошел ты в жопу!

У него что-то не так с головой, у этого Шенкера, и я не держу зла на него.

Первым к нам присоединился Берни Тормэ, высокий, светловолосый ирландец, который раньше играл в группе Иэна Гиллана. Берни был в заведомо проигрышной ситуации, пытаясь заменить Рэнди, но делал все, что мог. Его забросили на слишком глубокую воду, но, несмотря на это, на нескольких концертах он показал высокий класс, прежде чем ушел от нас, чтобы записать альбом со своей собственной группой. Потом мы взяли Брэда Джиллиса из «Night Ranger». Тот уже дотянул с нами до конца

гастролей. Правда, я поражаюсь, как мы смогли отыграть все эти концерты после смерти Рэнди. Ведь мы же все пребывали в состоянии шока. Но думаю, что лучше выступать, чем сидеть дома и думать о двух прекрасных людях, которых мы потеряли и которых нам никогда не вернуть.

Через несколько недель после смерти Рэнди, я попросил Шарон выйти за меня замуж:

— Если мы должны вынести из этих гастролей хоть что-то хорошее, пусть это будет наша свадьба.

Она согласилась, я одел ей колечко на палец, и мы назначили день свадьбы.

Потом водяра выветрилась из моей башки, и я передумал.

После всего, что было с Телмой, я боялся пережить это снова. Но потом мне удалось победить страх. Я любил Шарон и знал, что мне больше никто не нужен. Ну и через несколько недель, снова сделал ей предложение.

— Ты выйдешь за меня? — спрашиваю я.

— Пошел на хер!

— Ну, пожалуйста.

— Нет.

— Ну, пожалуйста.

— Ну, ладно, так и быть.

Это растянулось на долгие месяцы. У нас было больше помолвок, чем гостей на свадьбе у нормальных людей. За исключением первого раза, чаще всего передумывала Шарон. Однажды, когда мы ехали на встречу в Лос-Анжелесе, она выбросила кольцо в окно, потому что вчера я не ночевал дома. Я пошёл купить второе, но напился и потерял его, о чем узнал только когда уже стоял на одном колене. В сложившейся ситуации, у меня не было никаких шансов.

Пару дней спустя купил еще одно колечко, и мы снова обручились. Но когда я возвращался домой после очередного суточного загула и мой путь пролегал через кладбище, я заприметил свежую могилку, а на ней лежит букет цветов. Красивые цветы, клянусь. Стырил их и, по возвращении домой, подарил Шарон. Она чуть не расплакалась, так ее растрогал мой презент.

Вдруг всхлипывает и говорит:

— Ах, Оззи! Ты даже написал мне открыточку. Как это мило с твоей стороны.

Я призадумался: какая открытка? Не помню, не писал я никакой открытки.

Но было уже поздно. Шарон открывает конверт и вынимает открытку. А там написано: «Вечная память нашему дорогому

Гарри».

И вот еще одно кольцо вылетает на хер за окно. Не обошлось и без фингала у меня под глазом.

В общем и целом, я делал ей предложения семнадцать раз. Путь домой можно было найти легко, он был вымощен из выброшенных ею колец. И я не скупал их по дешевке. Хотя под конец выбирал те, что подешевле, это правда.

Когда я наконец-то подписал документ — хер его знает, как он называется — который официально подтвердил мой развод с Телмой, Шарон назначила дату свадьбы — 4 июля, чтобы я никогда не пропустил годовщины.

— Хорошо, что хоть не первое мая — говорю.

— Почему?

— Этот день выбрала Телма, чтобы я никогда не забыл об этом событии.

С тех пор, как у нас с Шарон стало все серьезно, она конкретно взялась искоренять мою склонность к кокаину. Алкоголь ей не мешал, а вот кокс — забудь. Дело осложнял и тот факт, что придурок — водила, из-за которого погибли Рэнди и Рэйчел, был под коксом.

Всегда, когда я вдыхал снежок, она устраивала мне головомойку, пока, в конце концов, я не начал его прятать. Что породило еще большие проблемы.

Однажды, когда мы жили в одном из бунгало в доме Говарда Хьюза, я купил у дилера «восьмерочку», то есть одну восьмую унции кокаина (около 3,5 гр).

— Этот товар даст тебе по шарам, — нахваливал он.

Как только я вернулся в дом, сразу же направился в библиотеку и спрятал полиэтиленовый пакетик в книжке с твердой обложкой. «Третья полка снизу, шестая книга слева» — повторял я, чтобы не забыть. Я планировал заначить там кокс на особый случай, но в ту ночь меня давила страшная депрессуха и я решил маленько нюхнуть. Дождался, пока Шарон уснет, вышел на цыпочках из комнаты, стал у шкафа, отсчитал три полки и шесть книжек и открыл обложку. Кокаина нет. Блядь! А может это была шестая полка снизу и третья книга слева? Опять ничего.

Ну, я выскальзываю из домика и стучу в окно комнаты, где живет Томми.

— Пст! — шепчу. — Эй, Томми! Ты спишь, старичок? Не могу найти этот сраный кокс!

И в ту же секунду у меня за спиной раздается какой-то скрип. Это Шарон открыла окно в нашей комнате.

— А ты случайно не это ищешь, долбаный наркоман?! — кричит она и высыпает кокс на листок бумаги.

— Шарон! — говорю я. — Не волнуйся, не делай глу… А она. Фух! — и весь кокаин сдула в сад.

Я не успел очухаться, а тут, откуда не возьмись, из конуры вприпрыжку выбегает любимец Шарон — датский дог и начинает слизывать снежок с травы, будто ничего вкуснее в жизни не пробовал. Я подумал: «Ну, всё — капец». И вдруг: бах! — хвост встает колом, и псина делает огромную кучу. В жизни не видел большей. Он обгадил весь фонтан во дворе. А потом его понесло. Датский дог — та еще псина, пока бежал, кое-что испортил: перевернул горшки с цветами, наделал вмятин в машинах, затоптал цветники. Носился три дня и три ночи, высунув язык, с хвостом, торчащим как антенна.

Прежде, чем кокс перестал действовать, отвечаю, пес похудел почти на два килограмма.

После этого случая его постоянно тянуло на старый добрый порошок. Он искал любую возможность, только бы его нюхнуть.

Мы сыграли свадьбу на Гавайях, по дороге на концерт в Японии. Скромная церемония состоялась на острове Мауи. Дон Арден появился, но только потому, что Шарон должна была подписать какие-то бумаги. Приехали моя мама и сестра Джин. Шафером был Томми. Самое смешное то, что в Америке нужно сделать анализ крови, чтобы получить разрешение на свадьбу. Я бы вовсе не удивился, если бы парень из лаборатории позвал меня и сказал: «Мистер Осборн, в вашем алкоголе мы обнаружили следы крови».

На свадьбе спиртное лилось рекой, я уже молчу о семи бутылках «Хеннесси» в свадебном торте. Если бы вас заставили дунуть в трубочку после одного такого кусочка, вы бы отправились за решетку. А я, вдобавок, курил какую-то забойную травку. Дилер называл ее «Мауи-Вауи».

Мальчишник был фарсом. Я так нахерачился в отеле, что ничего не помню. На одной фотке лежу в ауте, когда все собираются выходить. Классика жанра, бля. А первая брачная ночь — это была та еще драма. Я не смог дойти до комнаты, чтобы исполнить супружеский долг. В пять утра управляющий отеля позвонил Шарон в номер и сказал:

— Вы не могли бы забрать своего мужа? Он уснул в коридоре и мешает горничным.

Вскоре после того, как я чуть не обоссал своего будущего тестя, он перестал называть меня Оззи. Вместо этого звал меня «Овощем». Например: «Пошел на хер, Овощ!», или «Чтоб ты сдох, Овощ!», или «Убирайся на хер из моего дома, Овощ!» Я понимаю,

что парень был расстроен — никому не понравится, когда его поливают мочой — но я считал, что он слегка перегибает палку.

Откровенно говоря, это все — цветочки по сравнению с тем, как он разговаривал с Шарон. Даже не представляю себе, чтобы родной отец так мог костерить, а Шарон как-то все это терпела. Она была невероятно терпеливой. Или просто закалённой в боях. В большинстве случаев, расстраивался я. Сидел и задавал себе вопрос: как нормальный человек может выдумать такие глупости, мало того, обложить ими свою родную дочь. А это были самые гнусные слова, которые только можно выловить с самого дна помойного ведра.

А потом, вдруг, ни с того, ни с сего, они снова становились друзьями.

В таких условиях Шарон воспитывалась и потому была такой непробиваемой. Я нуждался в таком человеке, который будет мне противостоять. Но одно дело противостоять мне и совсем другое — своему отцу.

В конце концов, то, что произошло между ними, было ужасно. В то время, я постоянно пребывал в алкогольно-наркотическом ауте и, соответственно, не знал точно, что к чему, впрочем, не мое это дело распространяться на эту тему. Наверняка, Шарон узнала о том, что у Дона есть любовница младше ее. Когда мы расставались с «Jet Records», Дон страшно рассердился, и мы должны были заплатить ему полтора миллиона долларов, чтобы выкупить у него мой контракт и чтобы он не довел нас до банкротства судебными исками. Между ними постоянно вспыхивали ссоры, которые стали невыносимыми. В итоге они перестали разговаривать друг с другом, и это молчание продлилось практически двадцать лет.

Для нас во всем этом был один плюс. Мы влезли по уши в долги и выкупили все мои контракты, благодаря чему, никто более не навязывал нам свои условия. Помню, как Шарон пошла на встречу с людьми из «Essex Music» и сказала:

— Хорошо, сколько я вам должна заплатить, чтобы вы от нас отстали? И так нашему плодотворному сотрудничеству — конец, потому что мы не будем плясать под вашу дудку. Назовите сумму и мы заплатим.

Через неделю я стал правообладателем своих песен.

А в это время Дон, даже если и считал меня овощем, с самого начала пытался заполучить назад мой контракт, который Шарон вырвала из его лап. Чаще всего он пытался развалить наш брак. Если мой тесть хотел кому-нибудь подложить свинью, он мог быть хитрой бестией. Например, когда мы остановились с Шарон в «Beverly Hills Hotel» и для форсу взяли напрокат белый «Роллс-

Ройс Корниш», чтобы покататься на нем по городу. Потом я нажрался, из-за чего мы вдрызг разругались с Шарон, она тотчас свалила, сказав, что возвращается в Англию. Буквально через две минуты после того, как за ней закрылись двери, звонит телефон.

— Я хотел бы поговорить с тобой, Ово… э… Оззи — говорит Дон. — Это срочно.

Когда сейчас думаю об этом, мне кажется, что Дон перед отелем поставил своего человека, который поджидал, когда Шарон уедет на «Роллсе» без меня. А как же еще он узнал бы о том, что я остался один? Мне не хотелось говорить с ним, но я не мог ему отказать. Типок был отвратительный. Поговаривают, что он держал в столе заряженный пистолет.

Дон приехал ко мне и начал рассказывать о моей жене самые гнусные вещи, какие только можно себе представить. Я никогда не слышал ничего более омерзительного. То, что он говорил, не мог сказать человек. А ведь он говорил о родной дочери.

Наконец-то он прервался, чтобы перевести дух и спрашивает меня:

— Ты знал об этом, Оззи? Ты знал, кто твоя жена на самом деле?

Очевидно, рассчитывал, что я психану, брошу Шарон, вернусь в «Jet Records» и начну все с начала.

Но я не собирался оказывать ему такую услугу. Он не имел права приходить ко мне в номер и рассказывать всю эту херню о моей жене. Я не поверил ни одному его слову. Впрочем, неважно, что делала когда-то Шарон, я чудил покруче. В этом смысле, мы и в подметки Дону не годились. Я подумал, что он разозлится еще больше, если я прикинусь, мол, для меня это пустяки.

— Конечно, Дон! — отвечаю. — Я знаю о Шарон все.

— Правда?

— Да.

— И что?

— А, ничего. Я люблю ее.

— Если хочешь расторгнуть брак, нет проблем, это можно устроить.

— Спасибо, Дон. Не нужно.

Просто в голове не помещалось, что он вытворял со своей семьей. Например, спустя годы, мы узнали, что, в бытность моим менеджером (раньше — тоже), использовал Шарон как живой щит. Все его фирмы, кредитные карточки, банковские счета и кредиты повесил на нее. Дон практически не существовал на бумаге и если не платил по счетам, ему невозможно было предъявить обвинение. А на уплату налогов он абсолютно забил, как в Англии, так и в Америке. Шарон не знала даже, сколько там

их набежало. Пока однажды, как снег на голову, не пришло письмо из налоговой, а там написано, что она должна им кучу бабла. После сложения всех неуплаченных налогов, штрафов и процентов, получилась цифра с шестью нулями. Дон довел ее, на хрен, до края бедности.

— Не знаю, из какого теста сделан твой отец — сказал я ей однажды — но я бы так с родными детьми не поступил.

Еще немного и Шарон забилась бы в истерике, увидев сумму задолженности.

В конце концов, я сказал:

— Послушай, если мы должны погасить долг, заплати его, потому что я ни минуты не хочу жить с этим паскудным чувством. Если нельзя избежать налогов, давай их заплатим, а потом урежем расходы и как-нибудь выкрутимся.

В шоу-бизнесе подобные истории не редкость. Когда Сэмми Дэвис-мл.[68] умер, он оставил жене задолженность по налогам в семь миллионов долларов, которую она платила, бля, целую вечность.

И ничего не поделаешь. Нужно, стиснув зубы, пахать и найти эти деньги.

Стоило пройти через все эти испытания под названием Дон, чтобы, в конце концов, получить свободу. Вдруг оказалось, что я могу делать все что угодно и меня не интересовало его мнение по этому поводу. Например, однажды в Нью-Йорке, я встретился со своим адвокатом Фредом Ассисом — классным парнем, бывшим военным. Он рассказал мне, что у него назначена встреча с группой «Was(Not Was)», они тоже были его клиентами. Группа возмущалась из-за того, что их солист не пришел на запись в студию.

— Я его заменю, если ты хочешь — сказал я почти в шутку.

Но Фред воспринял мои слова серьезно.

— Хорошо, я поговорю с ними — отвечает он.

Не успел я оглянуться, как сидел в нью-йоркской студии и записывал рэп для песни «Shake Your Head». Я хорошо позабавился — особенно когда слушал окончательную версию, где на подпевках было собрано множество начинающих молодых телочек. Мне и сегодня нравится эта песня. Забавно, ведь я всегда обожал «Битлов» за то, что они начинали с поп-музыки для детей, а потом, с каждым новым альбомом, их звучание становилось все тяжелее и тяжелее, тогда как я двигался в обратную сторону.

Но концовку этой истории я узнал только спустя годы. Я поселился в «Sunset Marquis Hotel» в Западном Голливуде, где оказался Дон Уоз. К тому времени он уже стал одним из крутых музыкальных продюсеров, а «Was(Not Was)» была на слуху.

Помню, как он прискакал ко мне, задыхаясь от восторга.

— Оззи, я должен тебе кое-что рассказать о той песне «Shake Your Head». Это полный отпад, вот увидишь!

— Ну, и?

— Хорошо, ты помнишь этих девчонок на подпевках?

— Ну.

— Одна из них делает сольную карьеру и выпустила несколько альбомов. Ты, наверняка, о ней слышал.

— Как ее зовут?

— Мадонна.

Невероятно: я записывался с Мадонной! Предложил Дону выпустить этот сингл еще раз, но появились какие-то проблемы. Поэтому мы переписали песню заново, а место Мадонны заняла Ким Бэсинджер.

В 80-х я записал несколько дуэтов. «Close My Eyes Forever» с Литой Форд оказался в первой десятке синглов в Штатах. Я даже работал над новой версией «Born To Be Wild» с Мисс Пигги, но она меня разочаровала, потому что не пришла в студию, когда я был там. Может, узнала о моей работе на бойне в Дигбет? Я хотел немного повеселиться, знаете ли. И дело не в деньгах. Хотя, после того как мы откупились от Дона Ардена и прочих издателей, оплаты налогов, в конце концов, начало капать бабло. Помню, однажды утром, открываю письмо от Колина Ньюмана и трясусь, может там опять какой-нибудь иск, а тут гонорар в виде чека на семьсот пятьдесят тысяч долларов.

Никогда в жизни у меня не было таких деньжищ.

После того, как все формальности развода были улажены, иногда хотелось сказать Телме: «Иди в задницу! Полюбуйся, как мне прёт!» С этой целью я купил дом под названием Outlands Cottage в Стаффордшире — недалеко от места, где она жила. Крыша была соломенной и я почти сразу её сжег. Не спрашивайте, как у меня это получилось. Помню только пожарного, который, высунувшись из машины, присвистнул сквозь зубы и сказал:

— Ого, вы что, новоселье отмечали?

После того как огонь был погашен, мы напились с ним в хлам. Как по мне, так он мог бы и подождать, пока моя хатка догорит, потому что обуглившаяся солома невыносимо смердела и воняет, наверное, до сих пор.

Шарон возненавидела Outlands Cottage с самого начала. Свалила в Лондон и не хотела туда приезжать. А я вроде бы ждал, а может и хотел, чтобы мне позвонила Телма и в слезах начала умолять меня к ней вернуться. Но она этого не сделала. Хотя раз,

на самом деле, ко мне позвонила:

— Я вижу, ты опять женился, долбаный засранец! — И бросила трубку.

В конце концов, до меня дошло, что мне нравится быть ближе к Джесс и Луису, но жить в двух шагах от бывшей жены не совсем безопасно. В какой-то момент я даже хотел выкупить Burush Cottage. А потом совершил ошибку, когда собирался навестить детей, взял с собой Шарон. И не было бы в этом ничего плохого, если бы мы, после того как отвезли их домой, не решили пойти выпить чего-нибудь в отеле. Когда я напился, на меня нахлынули воспоминания. Я сказал Шарон, что не хочу возвращаться в Америку, что скучаю по детям, мне не хватает паба «Hand» и что хотел бы закончить карьеру. А когда я не хотел садиться в машину — Колин Ньюман одолжил нам на один день свой BMW — Шарон была вне себя от злости. Сама села за руль, включила скорость и педаль газа — в пол. Я конкретно очканул. Помню, как отскочил и оказался на газоне перед отелем. Но Шарон переехала цветник и полетела на меня! Из-под колес во все стороны летела вырванная с корнем трава и куски дерна.

И я был не единственным, кого она чуть не убила.

Работал с нами тогда Пит Мертенс. Мы учились с ним в одной школе. Он был очень худым, очень веселым парнем и всегда носил эти ужасные клетчатые пиджаки. Во всяком случае, когда Шарон въехала на цветник, Пит нашел спасение в кустах роз. Помню, встает, отряхивает пиджак и говорит:

— Да ну его на хер! Так мордоваться за две сотни в неделю. Я ухожу!

Потом передумал и вернулся. Работать с нами, может, и было опасно, но зато интересно.

Наконец из отеля вышел управляющий, и кто-то вызвал полицию. К тому времени я схоронился в живой изгороди. Шарон вышла из машины, подошла к этой изгороди и выбросила туда все свои кольца-брильянты. Потом развернулась, ушла с высоко поднятой головой и вызвала такси.

Вернувшись туда на следующий день, с бодуна и конкретным амбрэ, я начал прочесывать территорию в поисках брюлика от «Тиффани» за пятьдесят «штук».

В Outlands Cottage случилось много всякого, пока до меня, наконец, дошло, что Шарон права, и мы должны съехать оттуда. Однажды, я познакомился в пабе с этаким правильным парнем, наверное, он был бухгалтером, но не отказался прийти ко мне выкурить косячок, и отъехал тут же на диване. Пока он спал, я стащил с него одежду и бросил в огонь. Бедняга проснулся в шесть утра с голой жопой. Я выпроводил его домой в одной из

моих кольчуг. До сих пор мне хочется смеяться, когда вспоминаю, как он шел к машине в раздумьях, что же, бля, сказать жене.

Одним из моих любимых приколов в Outlands Cottage было сбривание бровей спящим гостям. Поверьте, нет ничего смешнее, чем парень без бровей. Люди не отдают себе отчет в том, что брови являются основным элементом мимики, без них трудно проявить сочувствие, удивление и множество других основных эмоций человека. Но люди не сразу догадываются, что случилось. Смотрят в зеркало и говорят: «Боже, как я ужасно сегодня выгляжу!». Один парень после моего прикола оказался у врача, потому что знал, что-то не так, но не знал, что именно.

Был такой период, когда я удалял брови всем подряд: агентам, менеджерам, техникам, ассистентам, друзьям, друзьям друзей. Если кто-то приходил на совещание у руководства со странным лицом, было ясно, что он провел выходные в моем доме.

Пит Мертенс неоднократно, волей неволей, помогал мне, когда я по-пьяни прикалывался над людьми. Например, однажды на Рождество, мне стало интересно, как ведет себя пьяный пес. Ну, мы взяли с Питом кусок мяса и положили на дно миски, наполненной хересом. Потом поманили йоркширского терьера Шарон (он отзывался на кличку Баблс) и смотрели, что из этого получится. Конечно, Баблс выхлебал содержимое миски, чтобы добраться до мяса. Примерно через пять минут пес окосел, начал нарезать круги по дому и подвывать под музыку, которую мы слушали. Получилось! Баблс нажрался как свинья. Мы классно повеселились, пока он не отъехал прямо посреди зала. Я испугался, что убил его и, сняв с елки иллюминацию, опутал его проводами, и теперь мог смело сказать Шарон, что пса ударило током. Но, слава Богу, ничего не случилось, хотя на утро, он с бодуна укоризненно смотрел на меня, будто хотел сказать: «Я знаю, что ты со мной сделал, подонок».

Кроме Баббдса, в Outlands Cottage жили так же другие животные. Например, ослиха Салли, с которой я смотрел в зале «Match of the day»[69], датский дог и немецкая овчарка. Если речь идет о собаках, то я припоминаю, как однажды вернулся из мясной лавки со свиными ножками. Положил их в банку на кухонном столе, подумав, что если их поджарить, будет вкусно. Вдруг в кухню входит Шарон и, закашлявшись, говорит:

— Оззи, блин, чем здесь так воняет? И что это за дрянь на столе? Когда я объяснил, ее дословно чуть не вырвало.

— Ради Бога, Оззи! Я это есть не буду, отдай собакам!

Пришлось отдать свиные ножки псам на съеденье, а тем сразу же стало плохо. Один блеванул, а другой измазал дерьмом все

стены.

В конце концов, бедняге Питу Мертенсу всё это осточертело. Жил он тогда с нами, а безумие никогда не прекращалось. Последней каплей для него стал случай, когда после ночных возлияний, я проглотил слишком много снотворного и меня забрали в больницу на промывание желудка. Врач спросил, как меня зовут, а я в ответ, мол, Пит Мертенс и забыл об этом. А когда, через несколько месяцев, Пит пошел проходить медосмотр, доктор закрыл за ним дверь и сказал:

— Мистер Мертенс, знаете, вам нужно поберечь себя.

Пит не знал, о чем, бля, речь, а доктор думал, что Пит притворяется, мол, ничего такого не было. Весьма вероятно, что врач выписал ему направление на обследование. Но однажды Пит нашел свою карточку, а в ней черным по белому записано: «Передозировка снотворного». Как же он на меня тогда взъелся.

Клёвый парень, этот Пит Мертенс. В натуре, клёвый.

После Outlands Cottage мы переезжали столько раз, что я даже не припомню всех домов. Оказалось, что моя жена больше всего любит покупать дома и обустраивать их. А поскольку это процесс длительный, мы всегда снимали другой дом, пока в первом шел ремонт. Примерно через три секунды после новоселья, Шарон уже скучает, мы продаем этот дом и покупаем следующий. Снова снимаем дом на время ремонта. И так было на протяжении десятилетий. Порою, мне кажется, что все заработанные нами деньги уходят на ремонт всех домов в Западном полушарии. Я как-то сказал Шарон, чтобы она пересчитала все эти дома, и у нее получилось, что за двадцать семь лет нашей совместной жизни мы жили в двадцати восьми местах.

Как я уже вспоминал, Шарон сперва не обращала внимания на мое пьянство. Когда я был под мухой, казался ей смешным, может потому, что она сама любила это дело. Но вскоре она передумала и взялась искоренять пьянство с таким же запалом, как и кокаин. Сказала, что раньше, после пьянки у меня было хорошее настроение, а теперь я стал злым. Но одной из множества проблем алкоголика остается то, что когда люди говорят ему, что это плохо, он обычно пьян. И продолжает пить.

Самое забавное то, что мне не нравится вкус водяры. Ну, разве что она смешана с фруктовым соком или какой-нибудь сладкой дрянью. Просто любил быть под мухой. Конечно, время от времени я наслаждался хорошим пивом, но никогда не ходил в паб, чтобы просто выпить, но обязательно нажраться до поросячьего визга.

Долгое время я пытался пить как нормальные люди. Ещё

будучи с Телмой, поехал на дегустацию вин в выставочный центр Бирмингема. На Рождество там проходила продуктовая ярмарка или что-то в этом роде. Подумал: «Ё-моё! Дегустация вина — это похоже на то, что взрослый цивилизованный человек может делать без смущения». На следующее утро Телма спрашивает меня:

— Ну, и что ты купил?

— А, ничего такого — отвечаю я.

— Неужели? Совсем ничего?

— Ну, так. Может пару ящичков.

Оказалось, что я купил сто сорок четыре ящика вина.

Я был бухой, и мне казалось, что я покупаю сто сорок четыре бутылки. Во двор Bulrush Cottage въехала фура размером с танкер «Exxon Valdez» и началась разгрузка такого количества ящиков с вином, что я мог бы заполнить ими все комнаты до потолка. Я и техники вступили в неравный бой с бутылками, и он затянулся на долгие месяцы. А когда, наконец, осушили последнюю бутылку, мы отправились отметить это дело в паб.

По секрету скажу, с этим вином — то ещё жульничество. Ведь это обычный винный уксус плюс шипучка, независимо от того, что нам втирают дегустаторы. Я знаю в этом толк, какое-то время был владельцем винного погребка. Мы назвали его Osbourne's. Какая это была херня! Помню, однажды, спрашиваю оптовика:

— Объясните мне, что такое хорошее вино?

— Ну что же, мистер Осборн — отвечает она. — Если вам нравится «Blue Nun» за два фунта, это значит, что это хорошее вино. А если вы любите «Chateau du Wankeur» за девяносто девять фунтов, значит, это хорошее вино.

Я её не послушал. В то время заказом вина занималось мое второе я. Самое дорогое вино из карты только для того, чтобы нажраться. На следующее утро просыпался с бодуном за двести фунтов. Пока, наконец-то, не прояснил для себя кое-что в вопросе похмелья за две сотни: он ничем, бля, не отличается от бодуна за два фунта.

И только, когда Шарон узнала о том, что беременна, она всерьез взялась изменять мой стиль жизни.

Мы были тогда на гастролях в Германии.

— Что-то со мной не так — сказала она. — В последнее время мне как-то нездоровится.

Нетвердой походкой мне пришлось отправиться за одной из этих палочек-тестов на беременность. Если появлялся цвет, это означало, что у вашей девушки будет ребенок. Я не мог в это поверить, ведь несколько месяцев назад, у Шарон был выкидыш, после того, как на нее напала одна из собак ее матери. Ну и

получил я тогда на орехи, так как находился у нее за спиной. Слышал рычание добермана и стоял как истукан, будто ноги вросли в землю, вместо того, чтобы броситься на пса и отгрызть ему башку или что-нибудь другое, что я должен был, на хер, сделать. В таких ситуациях веду себя как последний ссыкун. Я и понятия не имел о том, что она беременна. Только во время посещения больницы врачи сказали нам об этом.

Поэтому когда немецкий тест на беременность оказался положительным, я воспринял это серьезно.

— Давай сделаем еще один, так, для уверенности — предложил я. Цвет был таким же, как и раньше.

— Послушай — сказал я, рассматривая на свет полоску бумаги. — Давай сделаем еще один, чтобы уже не было никаких сомнений.

Закончилось всё на пяти тестах. Когда мы были уверены на сто процентов, что это правда, Шарон сказала:

— Хорошо, Оззи, я не буду повторять, лучше послушай внимательно. Если принесешь в дом кокаин, вызову полицию и тебя посадят в тюрьму. Понял или нет?

Абсолютно точно она не шутила.

— Понял — ответил я.

— А что ты сделаешь с ружьями, Оззи?

— Избавлюсь от них.

На следующий день они были проданы. Я знал, что никогда бы себе этого не простил, если бы что-то случилось с Эйми. Ну что ж: простился со своим арсеналом во главе с полуавтоматической винтовкой Benelli, из которой палил в курочек в Bulrush Cottage.

Я продолжал бухать. Даже больше, с тех пор, как в доме не стало кокаина. Это было сильнее меня. Но Шарон перестала относиться ко мне снисходительно. Только я на порог, как она уже начинала меня пилить.

Вы не поверите, на какие ухищрения приходилось идти, сколько времени и усилий нужно было приложить, чтобы пропустить бокальчик, и она об этом не разнюхала. Я выскакивал в ближайший супермаркет, проходил через бакалейный отдел на склад, вылазил оттуда через окно, перемахивал через забор, прорывался сквозь дыру в живой изгороди и шел в паб на другой стороне улицы. Там осушал шесть бокалов подряд и проделывал этот путь в обратном направлении.

Самым невероятным в моем поведении была уверенность, что это, бля, абсолютно нормально.

Потом начал тайком приносить бухло домой. Один раз притащил бутылку водяры емкостью 18 литров — такие

выставляют на витрину в баре — долго носился с ней по дому, но никак не мог найти подходящую нычку. И вдруг меня озарило: духовка! Я подумал, раз Шарон никогда в жизни не готовила, наверняка, туда не заглянет. И оказался прав: проходили недели, а она ничего не заметила. Я говорил Шарон:

— У меня появилась идея для новой песни. Я сгоняю вниз, в студию, запишу её на пленку.

В кухне наливал себе кружку водки, впопыхах выпивал ее и вел себя так, как будто ничего не случилось.

Но, однажды, она меня раскусила.

— Шарон! — говорю. — У меня есть идея для новой песни. Я сгоняю в.

— Сегодня утром, в духовке, я нашла твою идею для песни. А потом я твою идею для песни вылила в умывальник.

Примерно через неделю после этого случая, 2 сентября 1983 года, в Wellington Hospital в лондонском районе St John's Wood появилась на свет Эйми. Она буквально стала для нас путеводной звездой. С момента смерти Рэнди и Рэйчел прошло больше года, а мы еще не совсем пришли в себя. Эйми позволила нам снова радоваться жизни. Когда мы на нее смотрели, она была таким невинным созданием, что на наших лицах сразу же появлялась улыбка.

Но вскоре после ее рождения, мы должны были отправиться с концертами в поддержку альбома «Bark at the Moon», который я недавно записал с новым гитаристом Джэйком И. Ли. Шарон могла остаться дома, но это было бы не в ее стиле, в задней части автобуса установили кроватку для Эйми, и в путь.

Благодаря этому, малышка до своего первого дня рождения повидала мир больше, чем обычный человек за всю свою жизнь. Жалко, что я так редко был трезвым. Вроде бы находился рядом с ней, но мои мысли были где-то в другом месте. Поэтому я пропустил мгновения, которые никогда больше не повторятся: дочь начала ползать, сделала первый шаг, произнесла первое слово.

Стоит мне задуматься над этим подольше, как сердце сжимается.

Во многом я не был отцом для Эйми. Скорее — еще одним ребенком, за которым Шарон должна была присматривать.

9. Бетти, где у вас тут бар?

— Прежде чем всё это закончится, кто-то помрёт — сказал я Доку Макги на второй день после начала тура «Bark at the Moon». Док был американским менеджером «Motley Crue»(группы, выступавшей у нас на разогреве) и моим хорошим приятелем.

— Кто-то? — отвечает он. — Не думаю, Оззи, что умрёт лишь кто-то. Пожалуй, мы все умрём.

Наша проблема была связана в основном с «Motley Crue» Тогда группа выступала ещё в оригинальном составе: Никки Сикс (бас), Томми Ли (барабаны), Мик Марс (гитара) и Винс Нил (вокал). Ребята были чокнутыми на всю голову. Что, естественно, я воспринял как вызов. Так же, как в случае с Джоном Бонэмом, я хотел переплюнуть их в этом. В противном случае, я буду не я. Но они тоже были амбициозными чертями. Итак, это было сродни боям без правил каждый день, каждую минуту. Концерты — это цветочки. Главным вопросом было выжить в перерывах между ними.

Самым прикольным было то, что парни из «Motley Crue» одевались как девчонки, но жили, как животные. Даже меня могли кое-чему научить. Куда бы они ни шли, всегда тащили за собой огромный туристический чемодан, набитый самым разным бухлом на любой вкус. Сразу же после концерта чемодан открывался, и адские бестии отрывались вовсю.

Каждую ночь летали бутылки, шли в ход ножи, разбивались носы и стулья, громилось все вокруг. Это был бедлам и ад кромешный два в одном, усугублённый полным хаосом.

Люди рассказывают небылицы об этом туре, а я даже не знаю, сколько в этом правды. Спрашивают: «Оззи, а это правда, что однажды ты втянул носом целую дорожку муравьев с палочки для мороженого?» А я ничего, на хрен, не помню. Хотя не исключено. Каждую ночь я фаршировал нос разной фигней. Постоянно был в отключке. Даже Тони Деннис не устоял. Мы дали ему кличку Капитан Крелл (Крелл — так мы называли кокаин). Однажды, он пробовал втянуть дорожку, хотя сомневаюсь, что его удалось уговорить сделать это еще раз. Наша костюмерша даже сшила ему костюм, на котором красовались инициалы «СК», нанесенные таким же шрифтом как «S» на груди у Супермена.

Мы посмеялись от души.

Настоящее безумие было в Мемфисе.

Как обычно, все началось сразу после концерта. Помню, иду себе за кулисами по коридору в сторону нашей раздевалки и вдруг слышу Томми Ли:

— Эй, Оззи! Старичок! Ну-ка, глянь-ка!

Я останавливаюсь, оглядываюсь вокруг, чтобы понять, откуда доносится голос.

— Сюда, паря! — зовет Томми. — Сюда!

Открываю дверь и вижу его в дальнем углу комнаты. Он сидел на стуле спиной ко мне. Рядом стоят Ники, Мик, Винс, группа техников, все курят, смеются, обсуждают концерт, потягивая пивко. А перед Томми на коленях голая телка делает ему капитальный отсос.

Томми дает знак, чтобы я подошел поближе.

— Эй, Оззи! Зацени-ка!

Ну, я зыркаю через плечо, а там его член. Словно детская ручонка в боксерской перчатке. «Коряга» была такой огромной, что во рту помещалась только одна треть, да и то удивительно, как у телки не выскочила шишка на шее. В жизни не видел ничего подобного.

— Эй, Томми! — говорю. — Кто крайний?

— Садись, чувак! — он мне в ответ. — И снимай штаны. Когда она управится со мной, то отсосет и у тебя.

Я аж отскочил.

— Не хочу вынимать своего малыша рядом с этим чудовищем, которое заполнило собой целую комнату! — сопротивляюсь я. — С подобным успехом я мог бы швартовать буксир рядом с «Титаником». У тебя вообще есть разрешение на ношение такого инструмента, Томми? Опасная штука.

— Старик, ты не представляешь, что ты теряе… Аааа… оооо… ууу…

Я был вынужден отвернуться.

Потом Томми вскакивает с кресла, застегивает ширинку и говорит:

— Пойдем похаваем, чувак, а то я подыхаю с голоду.

Мы зависли в «Бенихане» — японской харчевне, где бифштексы и прочую жратву готовили на глазах у клиента на большой горячей плите. В ожидании пищи мы потягивали пиво и слабые коктейли. Потом на столе появилась гигантская бутылка сакэ. Последнее, что я помню — это была огромная миска супа с вонтонами. После того как расправился с супом, я наполнил до краёв эту миску сакэ и залпом выпил.

— Ааа, — говорю. — Вот это я понимаю!

Все уставились на меня.

И тут встает Томми и говорит:

— Валим отсюда, на хрен! Сейчас Оззи лопнет.

А потом — черный экран. Абсолютно черный. Как будто вырвали шнур из розетки.

Мне рассказывали потом, что я встал из-за стола и, огласив, что иду в тубзик, больше оттуда не вернулся. Затмение продлилось часов пять, и я до сих пор не знаю, что со мной было.

Но я никогда не забуду пробуждения.

Сперва слышу шум: — Зззззыыыммм, ззззыыыыммммм, зззззыыыыммммм…

Открываю глаза. По-прежнему темно, очень темно, хотя вижу тысячи маленьких светлых точек. «Что за фигня! — думаю. — Я помер, что ли?»

И снова этот шум:

— Зззззыыыммм, ззззыыыыммммм, зззззыыыыммммм…

А потом запах резины и бензина.

Где-то над моим ухом раздаётся звук сигнала:

— Пи-и-и-и-ип!!!

С криком переворачиваюсь на другой бок.

Ко мне приближаются ослепляющие огни, штук двадцать или тридцать, высотой с офисное здание. Я хочу встать и убежать, как вдруг слышу пронзительный писк, а порывом ветра мне в лицо сыплет песок и гравий.

Я проснулся на разделительной полосе двенадцатирядной автострады. Понятия не имел, как и почему я там очутился. Знал только одно, если хочу жить, то я должен валить с автострады и… отлить, иначе мой мочевой пузырь лопнет. Ожидаю, пока появится просвет между огнями и перебегаю зигзагом через все эти полосы, потому что я еще под мухой. Кое-как мне удается добежать до обочины, хотя меня чуть не задавил мотоцикл на крайней правой полосе. Я перепрыгиваю через ограждение, перебегаю еще через одну дорогу и начинаю искать место, где можно было бы отлить. Вдруг замечаю белую машину, запаркованную в кармане.

«Отлично! — думаю я. — Какое-никакое прикрытие».

Достаю член и начинаю беззаботно поливать покрышку, как вдруг включаются цветные огоньки под задним стеклом, и я слышу этот знакомый отвратительный звук: «И-у, и-у, и-у!»

Просто невероятно, бля! Я мог отлить в тысяче других мест в Мемфисе, но выбрал колесо автомобиля дорожной полиции, припаркованного в отстойнике на шоссе. Полицаи ловили здесь лихачей.

В это время женщина в полицейской форме опускает стекло, высовывается и говорит:

— Отряхивай свой кран и залазь, прокатимся в участок!

Через десять минут я был за решеткой.

К счастью, вышел оттуда уже через пару часов. Я позвонил Доку Макги, и мы договорились, что за мной заедет наш автобус.

Первое, что я услышал, войдя в автобус:

— Эй, Оззи! Старичок! Зацени-ка!

И мы снова упились до потери сознания.

Во время этого тура каждый вечер кто-то из нашей компании попадал в участок. А поскольку Ник и Микки выглядели одинаково — у обоих были длинные черные девичьи волосы — порой случалось, что один сидел за другого.

Однажды ночью, они спали вместе в номере. Никки встает и идет голышом за колой. Автомат стоит в коридоре возле лифта. В то мгновение, когда он нажимает на кнопку, чтобы вытащить колу, открываются двери лифта и оттуда доносится вздох. Никки оборачивается и видит трех женщин среднего возраста, их взгляды полны ужаса.

— Привет! — говорит он, поворачивается и удаляется к себе в номер, как будто ни в чем не бывало.

Через несколько минут стук в дверь. Никки говорит Мику:

— Наверное, группи, пойди открой!

Мик открывает дверь, а там управляющий отеля, коп и одна из женщин, которая была в лифте. Дамочка орёт:

— Это он!

Мика забирают в участок, а бедняга даже не знает за что. Дело в том, что тогда мы были постоянно угашены и редко соображали, что натворили.

Хуже пробуждения посреди автострады было только в Нью-Йорке. После концерта в «Madison Square Garden», мы пошли расслабиться в клуб, который находился в здании, где раньше была церковь. Сидим себе в отдельном помещении, попиваем водочку, заряжаемся коксом, как вдруг ко мне подходит какой-то хрен и спрашивает:

— Эй, Оззи! Не хочешь сфотографироваться с Брайаном Уилсоном?

— А это кто такой — этот Брайан Уилсон?

— Ну, знаешь, Брайан Уилсон. Этот из «Beach Boys».

— Ах, этот! Хорошо! Почему нет.

Только и разговоров было о Брайане Уилсоне, потому что неделю назад утонул его брат Деннис — тот самый, который в 60-е корешил с Чарлзом Мэнсоном. Деннису исполнилось лишь тридцать девять, что было довольно грустно. В-общем, мне сказали пойти и встретиться с Брайаном на лестнице, ну, я и вышел бухой в дым, жду. Проходит десять минут. Потом двадцать. Тридцать. Жду еще пять минут, и тут появляется Брайан. Я уже конкретно злой, думаю, что за хрен. Но с другой стороны, памятуя о Деннисе, решил проявить снисхождение.

— Мне жаль, что так вышло с твоим братом Брайаном —

обращаюсь я.

А он молчит. Смотрит на меня удивленно и уходит. Тут у меня лопнуло терпение.

— Сперва ты опаздываешь — говорю я, повышая голос. — А теперь уходишь, бля, не сказав не слова? Знаешь что, Брайан? Забудь об этой фотографии и засунь свою голову в жопу, потому что там ей и место!

На следующее утро лежу в гостиничном номере, голова раскалывается. Звонит телефон, трубку поднимает Шарон.

— Да. Нет. Да. Хорошо. Он? На самом деле? Хм. Хорошо, не переживай, я поговорю с ним. — Она заканчивает разговор, подает мне телефон и говорит: — Звони Брайану Уилсону!

— А кто это такой, Брайан Уилсон?

Шарон заряжает мне трубкой по башке. Бах!

— Ай! Больно, бля!

— Брайан — это живая легенда музыки и ты вчера его оскорбил — объясняет Шарон. — Ты сейчас же позвонишь ему и извинишься!

Память начала возвращаться ко мне.

— Секундочку! — говорю я. — Это Брайан Уилсон меня оскорбил!

— Тебя?

— Да, меня.

— Оззи, когда Брайан Уилсон подошел, чтобы пожать тебе руку, первое, что он услышал: «Привет, Брайан, долбаный ты мудак, я рад, что у тебя умер брат!»

Я моментально выпрямился.

— Я этого не говорил.

— Знаю, за тебя это сказал кокаин, которым ты напичкал свой нос.

— Я бы помнил.

— А вот у других нет проблем с памятью. Они помнят и то, как ты сказал ему засунуть голову в жопу, потому что там ей и место. Вот номер Брайана. Извинись перед ним.

Ну, я позвонил и извинился. Два раза.

С тех пор, я пересекался с ним пару раз. Мы помирились — я и Брайан. Но так и не сфотографировались.

Если кто-то из нас и оказался на краю смерти во время тура «Bark at the Moon», то это был я. Удивительно, но это не было связано ни с алкоголем, ни с наркотиками, по-крайней мере, непосредственно. Это случилось во время двухдневного перерыва после концерта в Новом Орлеане, когда мы снимали в Лондоне видеоклип на песню «So Tired». За короткое время нужно было

преодолеть невообразимое расстояние, но уже тогда MTV было важной частью шоу-бизнеса и если они соглашались поставить твой клип в горячую ротацию, альбом практически гарантированно получал статус «платинового». Поэтому мы не жалели ни средств, ни усилий, чтобы их удовлетворить.

Расклад был такой: перелёт из Нового Орлеана в Нью-Йорк, оттуда на «Конкорде» в Лондон, съёмки клипа, на «Конкорде» обратно в Нью-Йорк и на следующий концерт. У нас был изматывающий график и, вдобавок, я был постоянно пьян. Только кокаин, который я регулярно втягивал, держал меня на ногах.

Когда мы наконец-то добрались до студии в Лондоне, режиссер с порога заявляет:

— Так, Оззи, сядь перед зеркалом. По моему сигналу оно взорвется изнутри.

— Хорошо — отвечаю я и начинаю думать, какие продвинутые спецэффекты они будут использовать.

Но спецэффектов не было, обычное зеркало, а за ним — парень с молотком. Не знаю, бля, кто у них отвечал за реквизит, но, видимо, ему никто не сказал о существовании специальных театральных зеркал, которые можно разбить и никто при этом не расстанется с жизнью. Так, посреди песни, парень размахивается молотком, зеркало лопается, а у меня все лицо в осколках. Хорошо, что я был поддатый, по крайней мере, ничего не почувствовал. Просто сплюнул кровь, кусочки стекла и говорю:

— М-да! Будьте здоровы!

Потом встаю и осушаю банку «Гиннесса».

Я вспомнил об этом, когда «Конкорд» был где-то посреди Атлантического океана. Помню, нажимаю кнопку вызова стюардессы, хочу, чтобы она принесла мне очередной коктейль, а та, с перепугу чуть не выронила поднос.

— О, Боже! — пищит. — С вами всё в порядке?

Оказалось, что давление на высоте 18 тысяч метров привело к тому, что все осколки стекла, вонзившиеся мне под кожу, выдавило на поверхность, а моё лицо будто взорвалось. Просто лопнуло как раздавленный помидор.

Когда Шарон обернулась, чтобы посмотреть на меня, чуть не упала в обморок.

Когда мы приземлились в аэропорту Джона Кеннеди, меня уже ожидала машина «скорой помощи». Мне не впервой покидать салон «Конкорда» таким образом. Я неоднократно упивался вдрызг, и Шарон была вынуждена перевозить моё тело через зону таможенного контроля на багажной тележке с паспортом, приклеенным скотчем на лбу. На вопрос, что вы будете декларировать, она указывала пальцем на меня и говорила:

— Его.

В нью-йоркской больнице я оказался на операционном столе, где с помощью пинцета из меня извлекли столько осколков стекла, сколько смогли. Потом наложили лекарства для уменьшения опухоли. Помню, просыпаюсь в белой комнате, стены белые, люди вокруг накрыты белыми простынями и я думаю: «Твою мать, я в морге!» Вдруг слышу какой-то шепот возле кровати.

— Пст! Пст!

Вижу мальчика, который протягивает мне фломастер и пластинку «Bark at the Moon».

— Подпишите для меня, пожалуйста! — просит он.

— Иди на хер! Не видишь, я мертвый.

Гастроли подошли к концу, все были живы, но моё предчувствие, что кто-то умрет, все-таки, оправдалось. Это произошло, когда Винс Нил вернулся к себе домой в Редондо Бич и нажрался вместе с барабанщиком из «Hanoi Rocks». В какой-то момент у них закончилось бухло и они решили поехать в магазин на машине Винса, нископосаженной, до безобразия быстрой, ярко-красной «De Tomaso Panteras». Винс по-пьяни вылетел на встречную полосу, где произошло лобовое столкновение с другой машиной. Парень из «Hanoi Rocks» умер по дороге в больницу.

После этого тура я практически не встречал ребят из «Motley Crue», хотя время от времени виделся с Томми. Помню, много лет спустя, пришел к нему домой с Джеком, моему сыну тогда было около тринадцати лет.

Звоню в дверь.

— О, чувак, заходи! — говорит Томми. — Глазам своим не верю, Оззи Осборн собственной персоной!

Были там еще какие-то люди и в конце обзорной экскурсии Томми заявляет:

— Эй, пипл, ну-ка, зацените!

Он нажал несколько кнопок на настенном кодовом замке, скрытые двери открылись и мы видим комнату секса, стены которой обиты поролоном. С потолка свисает какая-то крутая упряжь. Речь шла о том, чтобы запрячь туда телку и поиметь ее самым изощренным способом.

— А что, кровати тебе уже мало? — спрашиваю я. Вдруг оборачиваюсь и замечаю Джека, который вошел туда вместе со всеми. Стоит, вытаращив глаза. Мне было так неловко, что я не знал, куда, на хер, смотреть. После этого случая, я не брал его с собой к Томми.

Когда заканчивался тур в поддержку альбома «Bark at the Moon», ссоры между мной и Шарон вышли на качественно новый уровень напряжения. Отчасти потому, что над нами довлело бремя славы. Не поймите меня неправильно, я вовсе не жалуюсь: только в Америке три моих сольных альбома разошлись тиражом более десяти миллионов штук, что превзошло самые смелые ожидания. А когда продается столько пластинок, вы уже не можете ничего сделать нормально, публика постоянно у вас на хвосте. Помню, однажды я с Шарон остановился в «Holiday Inn», три или четыре часа утра, мы ещё лежим в постели, вдруг стук в дверь. Встаю, открываю дверь, какие-то люди в комбинезонах проходят мимо меня в комнату. Шарон, завидев их, спрашивает:

— А вы кто такие? Какого хера вы делаете у нас в номере?

А они в ответ:

— А мы просто хотели посмотреть, как вы живете.

Шарон чем-то бросает в них и тогда они снова проходят мимо меня, только на этот раз, в обратном направлении. Хотели только войти и посмотреть, ничего больше. С тех пор мы перестали останавливаться в дешевых гостиницах. Знаете, я люблю встречаться с поклонниками, но не в четыре часа утра, когда еще лежу в кровати с женой.

Или во время обеда. Меня выводит из себя, когда я сижу с Шарон в ресторане, и ко мне подходят какие-то люди. Хуже не придумаешь — как по мне. А еще хуже, если говорят:

— Вы вроде бы какая-то знаменитость? Дайте автограф!

В таких случаях всегда хочется ответить: «Знаешь что, иди вспомни, кто я такой, а потом проси автограф».

Но популярность не была самой большой проблемой для нас с Шарон. Нас больше беспокоило мое пьянство, ведь я бухал так, что мне невозможно было ничего доверить. Например, однажды, когда мы были на гастролях в Германии, я поехал на экскурсию в концлагерь Дахау и был оттуда выдворен, потому что был пьян и нарушал порядок. Наверняка, это единственный случай в истории, когда кого-то оттуда выперли.

На пьяную голову делал себе новые татуировки, а Шарон устраивала кипеж. В конце концов, заявила:

— Оззи, сделаешь себе еще одну татуировку, повешу тебя за яйца.

В тот же вечер я попросил наколоть слово «thanks» на правой ладони. Тогда мне показалось, что это классная мысль. Знаете, сколько раз за свою жизнь вы говорите «спасибо»? Наверное, десятки тысяч. А мне было достаточно поднять правую руку. Но Шарон не оценила мое изобретение по достоинству. Когда на следующий день она увидела мою ладонь — я держал руку под

столом, пока женушка не попросила подать соль — и тотчас потащила меня к пластическому хирургу, чтобы он удалил татуировку. Однако врач сказал, что нужно отрезать пол руки, чтобы избавиться от нее и татуировка осталась.

Когда мы прощались, Шарон поблагодарила его за то, что нашел для нас время. Я же просто поднял ладонь.

В другой раз мы были в Альбукерке, середина зимы, сильный мороз, вокруг снег и лед. Я был пьян, накачан коксом и решил подняться на воздушном трамвайчике в горах Сандия на расположенный тремя тысячами метров выше ресторан и смотровую площадку. Но вагончик поломался и завис неподвижно на полпути.

— Что нужно сделать, если мы застряли? — спрашиваю парня за приборами, потому что болтаемся уже целую вечность.

— На крыше есть аварийный выход — говорит он и показывает на люк.

— Но как туда влезть? — не унимаюсь я.

— За вашей спиной висит лестница. Достаточно ее разложить. Это просто.

— Люк закрыт?

— Нет.

Зря он мне это сказал. Как только я узнал о существовании лестницы и незапертого люка, меня потянуло на приключения. И вот я раскладываю лестницу, начинаю подниматься к потолку. Парень начинает кипешить.

— Эй! Что вы себе позволяете? Это запрещено! Немедленно спускайтесь!

Но это меня только раззадорило еще больше. Открываю люк, чувствую, как в лицо ударяет ледяной ветер, и вылезаю на крышу. В это время парень и все присутствующие в вагончике верещат и умоляют меня спуститься. И только я поднялся на ноги, как вагончик трогается. Я чуть не поскользнулся и не разбился на скалах. Стараюсь держать равновесие, руки распростёрты, будто стою на доске для серфинга. Начинаю петь «Good Vibrations». И так доезжаю до самой вершины.

Самое смешное то, что я боюсь высоты. У меня начинается головокружение, когда поднимаюсь по ступенькам. Когда на следующий день увидел вагончик с земли — был трезв как стёклышко — я чуть не блеванул. Даже сегодня, от одной только мысли об этом, у меня мурашки по спине.

Мои безумные выходки всегда заканчивались очередным скандалом с Шарон. Однажды меня так занесло, что я схватил бутылку водки и запустил в неё. Но, как только снаряд вылетел из моей руки, до меня доходит, что бутылка попадёт ей прямо в

голову. «Твою мать! — думаю я. — Только что убил свою жену!» Слава Богу, бутылка просвистела в миллиметрах от её головы. Вонзилась горлышком в стену и торчала оттуда как произведение современного искусства.

Имейте в виду, Шарон всегда находила способ как отомстить. Например, молотком разбивала мои золотые диски. Я в отместку заявил, что в тот вечер не выйду на сцену. Однажды, даже побрился наголо, только чтобы сорвать концерт. Я был с бодуна, опустошён и зол, подумал: «Да пошли они! Да пошли они все в жопу!» Но Шарон оказалась хитрее. Посмотрела на меня и говорит:

— Ничего, мы подберём тебе парик.

Затащила меня и двух техников в лавку с приколами, в которой на витрине висел парик Леди Годивы[70]. Он пролежал там, наверное, лет пятьсот, в нем лежали дохлые мухи, пыль, перхоть и Бог знает, что ещё. Когда я напялил его, все обссыкались от смеха. Но, в конце концов, оказалось, что это было круто. Я прикрепил к парику капсулы, наполненные кровью. Посреди концерта притворялся, что рву на себе волосы и кровь заливала мое лицо. Эффект был ошеломительным. Но после инцидента с летучей мышью все думали, что это происходит на самом деле. Во время одного концерта телка из первого ряда чуть не грохнулась в обморок.

Она верещала, тыкала в меня пальцем, плакала и орала:

— Люди правду говорят! Он — псих!

* * *

— Послушай, дорогой! — обращается ко мне Шарон через несколько месяцев после тура «Bark at the Moon», когда узнала о том, что беременна Келли. — Я слышала о таком славном местечке в Палм Спрингс, ты мог бы там отдохнуть перед следующими гастролями. Это отель, где каждый день проводят занятия и научат тебя пить как джентльмена.

— Правда? — спрашиваю, а в моей голове уже вертится мысль: «Ну конечно! Я неправильно бухал. Наверно, поэтому у меня такие жуткие бодуны. Я должен научиться пить как Джеймс Бонд!». — Как называется это место?

— Центр Бетти Форд. Может, слышал?

— Не-а.

— Его недавно открыли. Центром руководит жена бывшего президента. Я думаю, там тебе понравится.

— Звучит заманчиво — говорю. — Запиши меня.

— В общем, я тебя уже записала — отвечает Шарон. — Поедешь туда через неделю после родов.

В конечном итоге, Келли родилась 28 октября 1984 года. Появилась на свет не без приключений, мягко говоря. Как-то необдуманно Шарон отказалась от эпидуральной анестезии, но как только начались схватки, заорала:

— Я передумала! Давайте анестезиолога!

И если она орала, значит, боль была нестерпимой, потому что моя жена умеет переносить боль, определенно намного лучше, чем я. Но медсестра не желала это слушать:

— Миссис Осборн! — говорит она. — Вы осознаёте, что в странах третьего мира некоторые женщины всегда рожают без «эпидуралки»?

Она допустила большую ошибку, сказав это. Шарон села на кровати и рявкнула:

— Слушай, ты, тупоголовая! Это тебе, блядь, не страна третьего мира, а значит, сейчас же зови мне анестезиолога, твою мать!

Через час с криками родилась Келли, и эти крики не смолкают до сих пор, благослави её Бог. Келли — наша кровинушка. Наверное, поэтому я так забочусь о ней. Мне было совсем непросто оставить мою очаровательную малышку с Шарон и медсестрами всего через несколько часов после её рождения, но я знал, что должен научиться пить разумно. «В любом случае — думал я — вернусь домой из Палм Спрингс другим человеком». На следующий день утром сел в самолет, выдул три бутылки шампанского в первом классе, через двенадцать часов приземлился в аэропорту Лос-Анжелеса, проблевался, махнул несколько дорожек кокса, а потом вырубился в лимузине, который довез меня в Центр Бетти Форд. Я надеялся там отдохнуть и расслабиться, потому что чертовски устал.

Я ничего не слышал про центры реабилитации и конечно не знал, что Бетти Форд, супруга президента Джеральда Форда, сама когда-то была алкоголичкой. На гастролях редко удавалось посмотреть телевизор или полистать газеты, поэтому я понятия не имел о том, что еду в известную клинику, которую в прессе окрестили «Лагерь Бетти». В голове уже рисовал картинку, как увижу отель — эдакий оазис посреди калифорнийской пустыни, сверкающий бассейн с водой, поле для гольфа и табуны аппетитных девушек в бикини. Парни, одетые а-ля Хью Хэфнер в бархатных смокингах с бабочками, стоят, опершись на барную стойку под открытым небом, а женщина средних лет голосом дрессировщицы Barbara Woodhouse[71] скажет: «Хорошо, джентльмены, повторяйте за мной. Взять оливку, помешать ею

мартини, поднять стакан, держа пальцы вот так. Правильно, хорошо, хорошо. А теперь, один глоток, сосчитайте до трех, второй глоток. Медленнее, не торопитесь.»

И про себя думал: вот он, лучший отпуск в моей жизни! На поверку оказалось, что это — скорее больница, а не отель. По правде говоря, прилегающая территория производила впечатление: свежие газоны, повсюду высокие пальмы и рукотворные озера, а на горизонте — силуэты огромных коричневых гор, как будто с другой планеты.

Вхожу, а за дверью меня встречает лично Бетти Форд — женщина невысокого роста в свитере поло, огромной прической и, на первый взгляд, напрочь лишённая чувства юмора.

— Добро пожаловать, мистер Осборн! — начинает она. — Я миссис Форд. Несколько дней назад я говорила с вашей женой Шарон.

— Послушай, Бетти, ты не против, если мы оставим формальности на потом? Трубы горят! У меня был тяжелый перелет. Где у вас тут бар?

— Извините, что?

— Бар. Наверняка, где-то поблизости.

— Мистер Осборн, вы знаете, где вы находитесь?

— Ну… Да…

— Значит, вам надлежало бы знать, что здесь нет… бара.

— В таком случае, как же вы учите людей пить культурно?

— Я так думаю, мистер Осборн, что ваша супруга слегка ввела вас в заблуждение. Мы здесь не учим никого, как нужно пить.

— Ага. Ну, тогда я должен остановиться где-нибудь в другом месте.

— Боюсь, мистер Осборн, что это невозможно. Ваша жена… Как бы это сказать? Была довольно настойчива в этом смысле.

Трудно описать мое разочарование. Ну и скукотища! Уже через час мне показалось, что я сижу здесь тысячу лет. За всё время пребывания в центре я больше всего не любил говорить о своем пьянстве перед незнакомыми людьми во время групповой терапии. Хотя, довелось услышать несколько отпадных историй. Один тип был стоматологом в Лос-Анжелесе. Как только жена узнала о том, что её муж пьет, начала следить за ним двадцать четыре часа в сутки. Тогда он слил жидкость из бачка омывателя в своем BMW, наполнил его джин-тоником, отсоединил пластиковые трубки от контактов и завел их через отверстия для вентиляции в салон. Когда хотел выпить, садился в машину, вкладывал трубку в рот, включал дворники и промывал джин-тоником себе горлышко. Всё работало отлично до тех пор, пока

однажды по дороге на работу он надолго застрял в пробке и нажрался как свинья, а потом случайно высверлил пациенту дыру в башке.

Говорю вам, изобретательность алкоголиков не знает границ. Жаль только, не служит благим целям. Попробуйте сказать алкоголику: «Послушай, получишь рюмашку при условии, что ты излечишься от рака» — и через пять минут болезнь исчезнет бесследно.

Кроме групповых занятий, были индивидуальные беседы с терапевтом. Как оказалось, трудно обсуждать на трезвую голову всё то, что было во мне не так. Взять хотя бы дислексию или синдром дефицита внимания (понятие «гиперактивность» вошло в обиход только несколько лет спустя). Я предполагаю: это объясняло многое. Психичка сказала, что комплекс незащищенности связан с дислексией. Я не мог смириться с отказами, неудачами, давлением и самостоятельно лечил это с помощью алкоголя. Она еще сказала, что из-за недостатка образования, и осознания данного факта, мне всегда кажется, что люди пытаются обвести меня вокруг пальца, и я никому не верю. Она была права, люди меня на самом деле кидали, пока в моей жизни не появилась Шарон. Скажу по секрету, порой после кокса, у меня бывала такая паранойя, что я не верил даже собственной жене.

Психичка также поведала, что у меня есть склонность к привыканию, а значит: что бы я ни делал, всё входит в привычку. И, в довершение всего, у меня наблюдались обсессивно-компульсивные расстройства[72], благодаря чему любая ситуация в моих глазах представлялась в десять раз хуже, чем на самом деле. Я был ходячей энциклопедией психиатрических расстройств. Я был потрясен. Должно было пройти много времени, прежде чем я смог принять все это к сведению.

За всю свою взрослую жизнь я не был так надолго отрезан от алкоголя и наркоты, как тогда в «Лагере Бетти» и абстиненция меня добивала. Все проходили через такую ломку, но от этого мне не становилось легче. Сначала меня поселили в одну комнату с типом, который раньше был хозяином кегельбана, но он храпел как конь-астматик, и я попал в комнату к депрессивному гробовщику. Однажды говорю ему:

— Послушай, если у тебя депрессуха, какого хера ты сидишь в морге?

— Не знаю — отвечает. — Надо же что-то делать!

Похоронных дел мастер храпел еще громче, чем хозяин кегельбана, прямо как лось после трахеотомии[73]. Вся комната ходила ходуном. Поэтому ночи я проводил на диване в холле, где

дрожал и потел.

Наконец-то Шарон приехала меня забрать. Пробыл я там шесть недель. Выглядел лучше — немного похудел — но так и не понял, в чём заключалась эта реабилитация. Я думал, что меня там вылечат, но в центре узнал только **что** со мной не так и **что** можно сделать, чтобы изменить ситуацию. Какое-то время спустя до меня дошло, что никто не даст мне эффективного лекарства, и я начал ездить в клинику выпустить пар в особо критических ситуациях. Реабилитация принесёт эффект, нужно только захотеть. Если вы действительно хотите завязать, вы не можете сказать: «Хорошо, завязываю! Хотя, может так случиться, что через неделю на свадьбе друга я выпью рюмашку». Вы должны принять решение, а потом, ежедневно следовать этому принципу. Говорить себе каждое утро: «Сегодня будет очередной день без водки». Или: без сигареты, без таблетки, без косяка — без всего, что вас убивает.

Не на что больше рассчитывать, если вы зависимый.

Первый концерт после выхода из центра Бетти Форд состоялся в Рио де Жанейро. Не успел я сесть в самолет, а уже шатался. Пока летели в Рио, я выглушил бутылку «Курвуазье» и вырубился в проходе. Шарон пыталась меня сдвинуть с места, но я нажрался вусмерть. В конце концов, она так разозлилась, что начала колоть моё бездыханное тело взятой с подноса вилкой из нержавеющей стали. Это, бля, привело меня в чувство. Но, по крайней мере, я знал, что являюсь законченным хроническим алкоголиком. Не мог дальше прикидываться, что, мол, пью для настроения или, что все у кого водится бабло, конкретно поддают. Я был болен, и эта болезнь убивала меня. Я начал задумываться: «Даже животное не прикоснется к тому, от чего ему плохо, так почему же я снова и снова попадаю в это болото?»

Мое выступление было частью десятидневного фестиваля «Rock In Rio», в котором принимали участие так же «Queen», Rod Stewart, «AC/DC» и «Yes». Билеты купили полтора миллиона человек. Город меня разочаровал. До этого мне казалось, что на каждом углу смогу увидеть «Девушку из Ипанемы»[74], но не встретил ни одной. Повсюду как крысы носились только истощенные бедные дети. Попадались или сказочно богатые люди, или бездомные. И ничего, кроме пропасти между ними, кажется, не было.

Никогда не забуду, как вовремя этой поездки познакомился с Ронни Биггсом, участником «величайшего ограбления поезда». В то время он жил в изгнании в Бразилии и вроде получал от этого кайф: Ронни утверждал, что трахнул в этой стране две с

половиной тысячи девок. Но всё равно чувствовал себя, как в тюрьме, потому что тосковал по дому. Он пришел в отель в футболке с надписью: «Рио — отличное место для тех, кому нужно схорониться», но, то и дело расспрашивал меня, как выглядит Англия, есть ли еще тот или иной магазин, продается ли то или иное пиво.

Мне было жаль этого парня. Никто в здравом уме не брал его на работу, и он затягивал к себе домой английских туристов, брал с них по пятьдесят фунтов с носа, просил купить себе пива и пакетик травки, а потом рассказывал им историю величайшего ограбления поезда. Это называлось «Приключение Ронни Биггса». Думаю, так все же лучше, чем гнить в тюряге.

Он был в порядке, этот Ронни, знаете ли. Не был злодеем, и все знали, что его и близко не было в поезде, когда напали на машиниста, но, несмотря на это, ему влепили тридцать лет. Сегодня можно изнасиловать ребенка или убить старушку и получить за это меньше тридцатки. Люди полагали, что, в конце концов, парню удалось свалить. Не думаю! Дядька был глубоко несчастлив. Я не удивился, когда, в конце концов, он вернулся в Англию, хоть и догадывался, что его повяжут прямо в Хитроу и отправят в тюрягу.

Но дом есть дом, хоть и за решеткой. В итоге его освободили, правда, только потому, что он был одной ногой в могиле. Ронни любил повторять, что его последней волей будет «войти в паб Маргейт, как подобает англичанину, и купить себе бокал пива». Но, из того что я слышал, ему придется отложить это удовольствие до следующей жизни.

Летом, после выступления на фестивале «Rock In Rio», я согласился сыграть на «Live Aid» вместе с «Black Sabbath». Шарон снова была беременна, мы не хотели лететь самолетом в Филадельфию и решили поплыть в Нью-Йорк на корабле «Queen Elizabeth 2», а дальше поехать на машине.

О чем пожалели уже через час пребывания на море. Мы тогда летали в Нью-Йорк на «Конкорде» и привыкли к тому, что перелёт длился три часа. Корабль херачил по морю пять дней, хотя казалось, что проходят миллиарды лет. Ну и чем можно было заняться на борту? Разве что, блевать от морской болезни. К концу первого дня я надеялся, что мы столкнемся с айсбергом, может хоть тогда что-то начнет происходить. А потом тоска стала еще зеленее. Я пошел умолять судового врача, чтобы он прописал мне сильнодействующее снотворное, так не хотелось просыпаться до конца путешествия. Проснулся я только через сорок восемь часов, как раз в то время корабль входил в порт. Шарон сильно

злилась на меня — она была предоставлена сама себе все это время, пока я мертвецки спал — и только каким-то чудом не выбросила меня за борт.

— Помнишь меня, засранец? — это были её первые слова, когда я открыл глаза.

Скажу вам правду, меня сильно напрягал весь этот «Live Aid». Сто лет не общался с Тони и ситуация была неловкая. К тому же, организаторы поставили нас между Билли Оушеном и сраным «Four Tops» на десять утра. Не знаю, чем они думали. Наверное, на фестиваль требовалось больше чёрных групп и они могли подумать, что мы — чёрные. Как тогда, в Филадельфии, во время наших первых гастролей.

Начало не сулило ничего хорошего.

Перед концертом регистрируюсь у администратора гостиницы, и тут ко мне подходит какой-то типок и говорит:

— Эй, Оззи, с тобой можно сфотографироваться?

Я ему в ответ:

— Да. Конечно!

А этот парень:

— Мне очень жаль, но я должен это сделать — и вручает мне судебный иск. От моего тестя. Блин, он решил затащить меня в суд перед началом благотворительного концерта!

Когда за кулисами все узнали об иске — не спрашивайте меня, в чем там дело, всем занялась Шарон — один из техников подходит ко мне и говорит:

— Странный какой-то человек, твой тесть.

— В смысле? — спрашиваю я.

— Сказал, что обложка пластинки «Born Again» напоминает ему внуков.

Для непосвященных объясню: «Born Again» — это третий альбом «Black Sabbath» после моего ухода, а на обложке изображен демонический выкидыш с когтями и клыками. Как можно нести такую чушь?!

С одной стороны, участие в «Live Aid» было фантастическим: благая цель это раз, а два — никто не сыграет старые «саббатовские» песни лучше, чем я, Тони, Гизер и Билл. С другой стороны, было и немного позора. Во-первых, у меня по-прежнему был избыточный вес, я едва помещался в кадре. За шесть лет после ухода из группы, я стал знаменитостью в Америке, в то время как «Black Sabbath» катились в противоположном направлении. Поэтому ко мне относились с особым пиететом, хотя я об этом не просил. Речь идет о мелочах, например, я получил куртку с логотипом фестиваля, а они — нет. Во всяком случае, мы все ощущали себя неловко. А я не пытался деликатно

разрулить ситуацию, потому что мое накокаиненное эго рок-звезды вырвалось из-под контроля. В глубине души вертелись слова, готовые вырваться наружу: «Вы выгнали меня, а теперь вы мне не нужны и идите в жопу!» Теперь, когда я оцениваю это спустя годы, задаю себе только один вопрос: а стоило ли быть тогда таким козлом?

Сам концерт прошел гладко. Мы разместились в отеле, встретились на пробе звука, пробежались по списку песен, вышли на сцену, отбарабанили своё и разбежались по домам.

Что касается иска Дона Ардена, то он, в общем-то, не должен был стать для нас какой-то неожиданностью. Фирма «Jet Records» болезненно перенесла наш уход. Сюда стоит добавить и прочие проблемы. Примерно тогда, Дэвид, брат Шарон, должен был предстать перед английским судом по обвинению в похищении, шантаже и избиении бухгалтера, некого Харшада Патела. Весьма неприятная история. Дэвида приговорили к двум годам тюряги в Вэндсворт, но он отсидел там только несколько месяцев, после чего был переведен на общий режим в тюрьму Форд.

Взяли за задницу и Дона, который по-прежнему жил в доме Говарда Хьюза на вершине каньона Бенедикта. В конце концов, Дон понял, что ему грозит экстрадиция, вернулся добровольно в Англию, чтобы предстать перед судом. Нанял самых лучших адвокатов Лондона. Ему удалось избежать наказания, и он был оправдан по всем статьям.

Через несколько месяцев после «Live Aid», 8 ноября 1985 года, родился Джек. Я был пьян и мало что помню — часами просиживал в пабе напротив больницы — но помню, как Шарон захотела сделать малышу обрезание. Я не собирался ей перечить. Кстати, самое смешное то, что моя мама, будучи католичкой, в свое время сделала обрезание и мне. Никто из моих братьев не прошел через это, только я. Помню, спрашивал маму, что ей тогда пришло в голову, она ответила:

— Так было модно.

Я не верил собственным ушам. Накричал тогда на нее:

— Мне отрезали крайнюю плоть, потому что это было модно?!

Но я должен признать, мой член от этого стал чище. А так как Джек был наполовину евреем — принимая во внимание Дона Ардена, настоящее имя которого было Харри Леви — это казалось естественным.

Удивительно и то, что это был наш третий ребенок за три года. Мы этого не планировали, так получилось и всё тут. Всегда после окончания тура мы с Шарон залегали на матрацы — дело

молодое — всё идет своим чередом, а через девять месяцев Шарон рожала очередного маленького Осборна.

Офигеть можно, я колесил по миру в роли Князя Тьмы с тремя детьми на плечах, что не совсем соответствовало моему имиджу. Несколько лет подряд почти все время в перерывах между концертами уходило на лихорадочные поиски «конверта для новорожденного» с нашитым жёлтым медвежонком по имени Ляля. Джек неистово капризничал, если не мог обнять или пососать свою Лялю. Но мы так часто переезжали, что Ляля постоянно где-то терялась. У меня самого начался бзик из-за этого долбаного медведя. Спускаюсь со сцены после исполнения «Diary of a Madman» и первым делом беспокоюсь:

— Где Ляля? Вы не видели Лялю? Не забудьте забрать Лялю!

Неоднократно мы посылали наш частный самолет через пол-Америки, чтобы забрать Лялю из отеля, где мы вчера ночевали. Тратили двадцать штук на топливо, чтобы спасти Лялю. Вы только не подумайте, что мы не пробовали купить Джеку взамен что-то другое. Малыша не проведешь — никаких замен и точка. Можно было найти одеяло с медвежонком, ну вылитый Ляля, однако Джек моментально его выбрасывал и заливался слезами, пока не получал назад настоящую Лялю. Время шло и Ляля подверглась хирургическому вмешательству, когда собака Шарон несколько раз пробовала сожрать одеяло, так что нашего мишку уже ни с чем нельзя было спутать.

Несмотря на то, что я частенько был пьян и меня подолгу не было дома, мне нравилось быть отцом. Это так классно, когда можно созерцать как малыши, которые появились на свет благодаря тебе, развиваются и подрастают. Шарон тоже нравилось быть мамой. Но хорошего понемногу.

После рождения Джека она заявила мне:

— Оззи, в следующий раз после гастролей, держись от меня подальше. Мне кажется, я всю жизнь беременна и мне это надоело.

Поэтому, я пошел на вазэктомию[75]. Та ещё процедура, скажу я вам.

— Мистер Осборн, вы знаете, что это необратимо? — спросил доктор.

— Да.

— Вы точно этого хотите?

— Да.

— Вы абсолютно в этом уверены?

— Вне всякого сомнения, доктор.

— Ну что ж, прошу подписать заявление.

После операции мои яйца опухли до размера двух арбузов. И

к тому же страшно болели.

— Доктор! — говорю. — Вы можете что-нибудь сделать, чтобы размер остался, а боль прошла.

В общем, не рекомендую, исходя из предписаний элективной хирургии. После этой перетяжки, когда ты кончаешь, вылетает какая-то роса. Это больше похоже на сухой кашель. Весьма странное дело, чувак.

И вдруг, девять месяцев спустя, Шарон вновь захотелось ребенка. Ну, я снова иду к врачу и прошу, чтобы он вернул всё взад.

— Твою дивизию! — отвечает мне доктор. — Я же объяснял, что это необратимо! Хотя попробовать можно всегда.

Не получилось. Как сказал врач, очень трудно было провести обратную процедуру. Может, если бы я тогда вернулся, чтобы пробить протоки, из этого могло что-то выйти? Кто его знает? Во всяком случае, мы перестали пробовать завести еще одного ребенка. Как бы то ни было, а у меня пятеро детей и это неслабо, и я всех их люблю.

Ничего лучшего, чем они, в моей жизни не было, однозначно.

После вазэктомии появилась другая проблема. Мне взбрело в голову, что я могу делать все что угодно — по крайней мере, так мне казалось, когда я был бухой. Но моя жена воспитывалась в рок-н-ролльной среде, и враньё чуяла за версту. Да и врун из меня — никудышный. А значит, она сразу просекала, что у меня на уме. Понятно дело, злилась на меня, но смотрела на это сквозь пальцы. На первых порах.

Нельзя сказать, что у меня были романы. Я просто хотел хоть на час стать Робертом Редфордом. Но я был слаб в этом амплуа. В большинстве случаев, когда я кадрил чиксу, той приходилось вызывать мне скорую или везти моё тело на такси в гостиницу, в то время как я вовсю блевал. Я начинал рандеву как Джеймс Бонд, а заканчивал на земле, как куча дерьма. Чувство вины, которое приходило потом, меня, на хер, добивало. Я ненавидел сам себя. Чувствовал себя полным гандоном. Вдобавок, я — ипохондрик, а значит, меня всегда одолевал страх подхватить какой-нибудь редкий смертельный вирус. Могу заразиться через телевизор, такой уж я есть. Могу принимать снотворное, увидеть по телеку рекламу этих таблеток, где голос за кадром говорит о возможных побочных эффектах «в виде рвоты, кровотечения и — в редких случаях — смертельный исход», и всё — считайте, я одной ногой уже в морге. Дошло до того, что два раза в неделю, ко мне приходили врачи, так, на всякий случай, осмотреть мою «корягу».

И вот появился СПИД.

Сначала, я ни о чем не переживал. Как и большинство людей, думал, что это касается геев. И неважно, сколько я выпил или вынюхал, мне никогда не тянуло кувыркаться в постели с чьей-то волосатой жопой.

Но быстро оказалось, что вовсе не надо быть геем, чтобы заболеть СПИДом. Однажды ночью, я трахнул телку в «Sunset Marquis Hotel» в Западном Голливуде. Сразу же понял, здесь что-то не так. Ну, я в два часа ночи звоню администратору и спрашиваю, а нет ли в гостинице дежурного врача. Был. Дорогие отели всегда держат собственных коновалов. Он поднялся ко мне в номер, осмотрел мой инструмент и говорит, мол, надо сделать тест.

— Какой ещё тест? — спрашиваю его.

— Тест на ВИЧ инфекцию — отвечает доктор.

«Ну, всё! — думаю. — Сливай воду».

Несколько дней лез на стену от страха. Со мной невозможно было рядом находиться. В конце концов, проговорился обо всём Шарон. Можете себе представить, что тогда началось. Вспомните бомбу мощностью в сто мегатонн, которую русские взорвали где-то в Арктике. Именно так взорвалась Шарон, когда я ей сказал, что должен сделать тест на ВИЧ, потому что трахнул какую-то левую тёлку из бара в гостинице. Это было нечто большее, чем ярость. Шарон пилила меня так, что я подумал, уж лучше умереть, чем пережить такую головомойку еще раз.

Во всяком случае, сделал этот тест, а через неделю, пошел за результатами вместе с Шарон.

Никогда не забуду, как врач вошел в тесный кабинет, уселся, вытащил папку и сказал:

— Ну что же, мистер Осборн, хорошая новость такова, у вас нет герпеса, гонореи и сифилиса.

Слышу эти слова и сразу догадываюсь, что есть поводы для страха.

— А плохая новость? — спрашиваю его.

— Что ж, это прозвучит брутально — говорит он, а меня парализует страх — но вы ВИЧ-инфицированный.

Я дословно падаю на колени, хватаюсь за голову и кричу:

— Что это, блядь, значит ВИЧ-инфицированный?! Это же, блядь, смертный приговор, ты, дебил!

Помните, тогда с ВИЧ никто не боролся. Если обнаруживали ВИЧ, это значит, ты болел СПИДом, а потом умирал. КОНЕЦ. А поскольку я был ВИЧ-инфицированным, вполне возможно, что и Шарон была ВИЧ-инфицированной. То есть, я убил мать своих детей. Я боялся посмотреть ей в глаза, чувствовал себя более чем хреново. В тот момент она должна была меня ненавидеть, но

ничего не сказала. Думаю, что Шарон была столь же шокирована, как и я.

Вдруг на столе у врача звонит телефон. Я продолжаю стоять на коленях и орать, но быстро заткнулся, сообразив, что звонят из лаборатории по поводу результатов моих анализов. Доктор мычит и вздыхает, а я слушаю. Наконец-то он кладет трубку и говорит:

— Маленькое уточнение, мистер Осборн! Ваш результат оказался не позитивным, а только в пределах допустимого отклонения. А это значит, нам нужно повторить тест. Извините за недоразумение.

Недоразумение?! Если бы я не был так подавлен, то съездил бы по морде этому подонку. Но в этот момент я не был в состоянии что-либо сделать.

— Сколько это займет времени? — спрашиваю охрипшим голосом и стараюсь, чтобы меня не стошнило.

— Еще неделю.

— Я не выдержу неделю. Я серьезно, доктор! Что-нибудь с собой сделаю. Нельзя ли как-то ускорить?

— Это будет стоить дороже.

— Плевать на деньги.

— О'кей! Результаты буду готовы завтра. Кроме того, предлагаю вам, миссис Осборн, также сделать тест.

Побледневшая Шарон только кивнула головой.

На следующий день мы пришли за результатами. Я думал, что откину копыта ночью, но Шарон не была настроена оказать мне сочувствие. Она была настроена на развод. Я, в натуре, подумал, что нашему браку — конец.

— Итак, мистер Осборн! — говорит врач. — По результатам второго теста с удовольствием информирую о том, что вы, скорее всего, не являетесь ВИЧ-инфицированным. Впрочем, мы должны сделать тест еще раз, чтобы окончательно убедиться.

Хватаюсь за голову, выпускаю воздух из легких и благодарю Бога так, как никогда раньше не благодарил. Слышу, как Шарон всхлипнула с облегчением и шмыгнула носом. А врач продолжает:

— Всё это недоразумение связано с тем состоянием, в котором находится ваша иммунная система, а она, собственно говоря, не функционирует. Вообще. Сперва работники лаборатории не могли этого понять. Поэтому подвергли кровь более тщательному анализу и обнаружили определенные, хм… факторы вашего образа жизни, которые объясняют данную аномалию.

— Факторы образа жизни?

— Да. В вашей крови содержится практически смертельная доза алкоголя и кокаина, мистер Осборн, не говоря уже о прочих наркотических веществах. Лаборатория никогда не сталкивалась с подобными анализами.

— А значит, у меня действительно нет ВИЧ?

— Нет. Но ваше тело думает, что он есть.

— Какое облегчение.

— На самом деле у вас нет ВИЧ, но вы подвергаете свою жизнь серьезной опасности, если не измените своих привычек.

Я кивнул головой, но его уже не слушал. Думал, как обмыть эту новость. По секрету скажу: кое-что в своей жизни я таки поменял — никогда больше не изменял Шарон.

После этой нехорошей истории со СПИДом я прилетел обратно в Англию, готовиться к следующим гастролям. Через неделю, может две, мне в отчаянии звонит Шарон, которая по-прежнему жила в Калифорнии.

— Оззи, прилетай сюда первым же самолетом — выдавила она.

— Что? Зачем? — спрашиваю.

— Просто езжай в аэропорт, купи билет, перезвони в «Beverly Hills Hotel» и сообщи, каким рейсом прилетишь.

— С тобой все в порядке, Шарон?

— Нет. И еще одно, Оззи.

— Что?

— Ты… не должен быть… пьяным!

И положила трубку.

Пятнадцать часов спустя я прохожу паспортный контроль в аэропорту Лос-Анжелеса и вдруг вижу отблески, как мне показалось, десяти тысяч вспышек. «Наверное, приехала какая-то монаршая особа» — подумал я. Как вдруг какой-то журналюга подсовывает мне под нос свою телекамеру и спрашивает:

— Что скажешь, Оззи?

— Э… Ну… курица была немного сыровата — говорю — а так, нормальный перелёт.

— Я имею в виду подростка. Того, который погиб. Как-то прокомментируешь это?

— Что???

— Его самоубийство. Что ты об этом думаешь?

— Понятия не имею о чем…

Я не успел сказать ничего больше, потому что в этот момент около десяти телохранителей отталкивают оператора, берут меня в кольцо, сопровождают до выхода и сажают в черный лимузин. На заднем сиденье уже поджидает мой адвокат Говард Вайцман.

— Парня зовут, скорее, звали Джон Маккаллом — поясняет

он и показывает мне «Лос-Анжелес Таймс». — Девятнадцать лет, поклонник твоей музыки. Родители утверждают, что он употреблял алкоголь, слушал «Speak of the Devil» (Монолог Дьявола) и застрелился из принадлежащего его отцу пистолета калибра 5.56 мм. Его нашли с наушниками на голове. И они считают, что ты во всем виноват.

— Я?

— Отец утверждает, что его сын сделал то, к чему его призывал текст песни «Suicide Solution» (Самоубийственное решение).

— Но ведь «Speak of the Devil» — это концертный альбом с песнями «Black Sabbath». Там даже нет «Suicide Solution».

— Правильно.

— А он, вообще, читал текст песни?

— Мы знаем, что в песне говорится о риске, связанном со злоупотреблением алкоголя, но он придерживается другого мнения.

— Он думает, что я хочу, чтобы мои поклонники покончили с собой? А кто же, мать его так, будет тогда покупать мои пластинки?

— Это не всё, Оззи. Поговаривают, что в свои песни ты вставляешь скрытые послания для подсознания, которые призывают молодых да впечатлительных «взять оружие», «покончить с этим сейчас же», «стрелять, стрелять, стрелять», что-то в этом роде. Всё это найдешь в тексте иска. Я распоряжусь, чтобы тебе в отель прислали копию.

— Сколько они от меня хотят?

— Всё. Плюс компенсацию.

— Шутишь?

— К сожалению, нет. Мы, собственно, направляемся на пресс-конференцию. С твоего разрешения, говорить буду я.

Пресс-конференция была организована в теннисном клубе. Я был утомлен сменой часовых поясов, находился под мухой (не совладал с собой) и пребывал в шоке. А когда меня провели на маленький подиум перед камерами, мне стало еще хуже. Я успел привыкнуть к интервью с журналистами музыкальных изданий, но не к этой своре маститых медийных репортёров со всей страны. Как будто вернулся в класс к мистеру Джонсу. Репортёры так быстро засыпали меня острыми вопросами, что я охотно бы спрятался за какой-нибудь занавеской. Один из них спрашивает:

— Мистер Осборн, это правда, что в песне «Paranoid» вы поёте: «Говорю вам, кончайте с жизнью»?

Минуту прокручиваю в голове текст Гизера, потом отвечаю:

— Нет. Я пою: «Наслаждайтесь жизнью»[76].

Но остальные репортеры уже выкрикивают следующие вопросы и никто меня не слышит.

— «НАСЛАЖДАЙТЕСЬ жизнью» — повторяю я. — «НАСЛАЖДАЙТЕСЬ жизнью».

Никто не слушает.

— Оззи! — спрашивает следующий журналист — Адвокат мистера Маккаллома утверждает, что он был на вашем концерте, и ему показалось, что это Нюрнберг, когда толпа начала скандировать ваше имя. Как вы это прокомментируете?

Мне следовало бы ответить: «Нюрнберг? Сомневаюсь, что Гитлер показывал в Нюрнберге знак мира и кричал: «Рок-н-ролл!»». Но я ничего не сказал. Не смог выдавить из себя ни слова. Это — как паралич.

Сыплются вопросы о «Suicide Solution». Говард Вайцман, помню, пытается перекричать толпу:

— Эта песня носит автобиографический характер. В ней говорится о всем известной борьбе мистера Осборна с алкоголизмом, который он считает формой самоубийства, доказательством чего может послужить трагическая смерть его близкого друга Бона Скотта, вокалиста австралийской группы «AC/DC».

— Оззи — кричат репортеры — а это правда, что…?

Наконец, пресс-конференция закончена, потрясённый, я возвращаюсь в отель. Падаю на кровать, включаю телевизор, а там Дон Арден как раз делится впечатлениями обо мне:

— Откровенно говоря, я очень сомневаюсь, чтобы мистер Осборн понимал смысл этого текста (если он вообще был), потому что его знания в области английского языка минимальны.

Наверное, он решил поддержать меня таким образом.

Пресс-конференция была ужасной и дала почувствовать, что меня ожидало в будущем. В Америке я стал врагом государства номер один. Однажды утром в Нью-Йорке, открываю газету, а там, на фотографии увидел себя, с нацеленным в голову пистолетом. Это был чистой воды фотомонтаж, потому что я не припоминаю, чтобы позировал для подобного снимка. Во всяком случае, меня они конкретно разозлили. И потом, где бы я ни был, мне начали угрожать расправой. Фараоны пользовались этим и пытались отменить мои концерты. Однажды в Техасе, местный шериф позвонил нашему концертному администратору и сказал:

— Кто-то украл из карьера динамит, и мы получили анонимное письмо с предупреждением, что взрывчатка будет использован для покушения на Оззи.

Больше всего я переживал за детей. Приказал нянькам, чтобы они ни в коем случае ни с кем не общались на улице. Шел 1986

год, всего лишь пять лет назад Джон Леннон подписал экземпляр «Double Fantasy» поклоннику, который его потом застрелил. А я хорошо знал, что самыми большими психами являются как раз фаны. Один из них повсюду таскался за мной с бивнем мамонта, возраст которого — пять миллионов лет. Другой прислал мне видеокассету, а там его дом; моё имя красовалось повсюду на каждой вещи, внутри и снаружи. Потом он прислал ещё одну кассету, где на видео девочка танцует в резиновых сапогах под песню «Fairies Wear Boots».

Этот тип был ненормальным. Он построил склеп, в котором мы должны были вместе с ним провести вечность. По правде сказать, у меня есть идеи, бля, поинтереснее насчет вечности. Дошло до того, что полиции приходилось закрывать его в обезьяннике всякий раз, когда я выступал с концертом вблизи его места жительства. А если я подписывал пластинки в ближайшем музыкальном магазине, мне советовали носить бронежилет, так, на всякий случай.

Через некоторое время всё это безумие меня стало порядком бесить. Помню, как-то лечу со своим ассистентом Тони из Токио в Лос-Анжелес. Рейс задержали на шесть часов и перед посадкой пассажирам раздавали талоны на халявную выпивку. Понятное дело, все наклюкались, но одна американская чувиха не давала мне проходу. Сидела за мной, каждые две секунды стукала меня по затылку и говорила:

— А я вас знаю.

Тони без устали повторял:

— Успокойтесь, мадам, прошу нам не мешать.

Но она и слышать не хотела. В конце концов, встаёт, подходит ко мне и хочет сделать фотку. Я разрешаю ей. А она:

— Вспомнила! Вы — Оззи Борн!

Тут я не выдерживаю. Ору на нее:

— Иди на хер!

Приходит стюардесса и предупреждает, чтобы я не оскорблял других пассажиров.

— В таком случае, скажите ей, пусть она ко мне не приближается! — отвечаю.

Но эта баба никак не уймётся, лезет ко мне все время.

Думаю: «Ну, всё, так больше продолжаться не может».

Я тогда носил с собой вещицу под названием «роковые пилюли». Это, в общем, хлоралгидрат, расфасованный в маленькие желеобразные капсулы. Достаточно проколоть её оболочку и выдавить содержимое в чей-нибудь дринк. Если услышите, что кому-то «подсунули Микки»[77], это значит, что он получил «роковую пилюльку». Итак, я дождался, пока она встанет

со своего места и пойдет отлить. Тогда оборачиваюсь и выдавливаю «роковую пилюлю» в её бокал с вином.

Когда телка вернулась, я говорю Тони:

— Смотри назад и говори, что происходит.

Он комментирует:

— Фекундочку, фичас пока нифего, но она немного наклоняется вперед. Как-то ее развезло. Вот сейчас, вот-вот.

Слышу толчок в спинку сиденья.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Лежит лицом в подносе. Крепко спит.

— Класс.

— Да. Жаль, не убрала фуп с поднофа. Бедняжка. Вся ифпачкается.

Но больше всего меня добивали эти уродцы Иисусовы. Когда в судах слушалось дело «Suicide Solution», они таскались за мною повсюду. Пикетировали мои концерты, носили транспаранты с лозунгами типа: «Антихрист среди нас». И постоянно скандировали: «Отвернись от сатаны! Повернись к Богу!».

Один раз я изготовил свой собственный транспарант с лозунгом: «Доброго вам дня» и нарисовал смайлик. Присоединился к ним. Они даже не заметили меня. Когда выступление вот-вот должно было начаться, я опустил транспарант, сказал: «Пока, ребятушки!» и вернулся к себе в раздевалку.

Особенно мне запомнился эпизод с этими придурками в Тайлере, штат Техас. Угрозы расправиться со мной стали уже практически привычным делом и меня везде сопровождал телохранитель Чак, ветеран вьетнамской войны. После неё у Чака был такой бзик насчет узкоглазых, он не мог даже войти в китайский ресторан.

— Если увижу желтого, порежу его на ремни — предупреждал он.

Чак не смог сопровождать меня на концертах в Японии, для него это было бы слишком большим стрессом. Когда мы останавливались в отеле, ночами он ползал в кустах по-пластунски или качал пресс в коридоре. По-настоящему крутой парень.

Во всяком случае, мы отыграли концерт в Тайлере, пошли прогуляться и около семи утра вернулись в гостиницу. Ранее, я договорился о встрече с врачом в полдень в холле — побаливало горло — и пошел спать, вздремнул пару часов. А потом Чак постучал в дверь, и мы отправились на встречу с коновалом. Поскольку врача нигде не было видно, я сказал

администраторше:

— Если вдруг объявится парень в белом халате, передайте ему, что я в кофе-баре.

Понятия не имел, что перед концертом местный проповедник-евангелист подготовил телерепортаж обо мне, в котором рассказывал, что я — дьявол, что сбиваю молодых американцев с пути истинного и что всех заберу с собой в пекло. Это значит, на меня охотилось полгорода, а я об этом ни сном, ни духом. Сижу себе в кофе-баре, Чак возле меня нервничает и что-то мычит про себя. Проходит полчаса. Доктора всё нет. Еще полчаса. По-прежнему не появился. В конце концов, ко мне подходит какой-то парень и говорит:

— Это ты, Оззи Осборн?

— Ну, я.

— Отвернись от сатаны! Повернись к Богу! Отвернись от сатаны! Повернись к Богу! Отвернись от сатаны! Повернись к Богу!

Передо мной стоит проповедник из телевизора. Оказалось, что в баре было полно его апостолов и, как только тот затянул свои безумные речевки, все к нему присоединились. Меня окружает человек сорок-пятьдесят этих извращенцев, у всех морды красные и каждый выплевывает из себя одни и те же слова.

И тут Чак разозлился не на шутку. Эта ситуация, должно быть, напомнила ему Вьетнам, потому что он просто озверел. Пятая степень бешенства. Тип за десять секунд отоварил человек пятнадцать этих ненормальных. Повсюду летают зубы, библии, очки.

Я не остался посмотреть, что будет дальше. Заехал проповеднику локтем по яйцам и свалил оттуда.

Забавно то, что я интересовался Библией и даже пару раз пробовал её читать. Но дошел только до фрагмента, когда Моисею исполнилось 720 лет. Подумал: что же эти люди тогда курили? Дело в том, что я не верю в парня по имени Бог, который восседает в белом костюме на пушистом облаке, так же как не верю в типа по имени Сатана, у которого есть рога и вилы. Но верю в то, что есть день и ночь, есть добро и зло, что-то черное, а что-то белое. Если Бог есть, то это — природа. Если есть дьявол, то это — природа. Точно также я думаю, когда люди меня спрашивают, а не являются ли песни, такие как «Hand of Doom» и «War Pigs», антивоенными. Я считаю, что война заложена в природе человека. А я всегда был увлечён людской сущностью, особенно, ее темной стороной. Так было всегда. Несмотря на это, я не поклоняюсь дьяволу, так же мой интерес к Гитлеру не делает из меня нациста. Будь я нацистом, разве взял бы я в жены

женщину, которая была наполовину еврейкой?

Достаточно было, чтобы все эти извращенцы послушали мои песни, и не было бы вопросов. Но они хотели за мой счет стать популярными. Я не сильно переживал по этому поводу, потому что, всякий раз, когда они атаковали меня, по телеку показывали мою отвратительную физиономию, а с прилавков улетали очередные сто тысяч моих пластинок. Собственно, это я должен на Рождество посылать им открытки с наилучшими пожеланиями.

В конце концов, даже американская фемида выступила на моей стороне.

Иск по делу «Suicide Solution» подали в суд в январе 1986 года и он был отклонен уже в августе того же года. Во время слушаний, Говард Вайцман сказал судье, что если будет наложен запрет на распространение «Suicide Solution», а меня признают виновным в том, что какой-то несчастный ребенок застрелился, они будут вынуждены наложить запрет на распространение Шекспира, потому что в драме «Ромео и Джульетта» речь идет так же о самоубийстве. И прибавил, что в Америке тексты песен находятся под защитой права на свободу слова. Судья с этим согласился, но в итоговой речи не выражался обо мне излишне благожелательно. Сказал, что, хоть я и являюсь человеком «крайне неприятным и отталкивающим, но на отбросы тоже распространяется действие Первой Поправки».

Я прочитал приговор раз пять, пока до меня дошло, что парень вынес решение в нашу пользу.

Маккалломы только в одном были правы: в «Suicide Solution» есть скрытые послания. Но не такое: «Get a gun, get a gun, shot, shoot, shoot». На самом деле говорю: «Get the flaps out, get the flaps out, bodge, bodge, bodge»[78]. Такая глупая, немного вульгарная шуточка. Когда телка снимала трусы, мы говорили, что та проветривает цветок, то есть письку. А «жарить» — это другими словами «трахать». Выходит, я говорил: «Раздень телку и засади ей» и уж никак, бля, не «разнеси себе башку».

Но средства массовой информации долго еще носились с этой историей. И делали нам бесплатную рекламу. Дошло до чего, если на обложке пластинки была наклейка «родительский контроль», продажи возрастали вдвое. А потом ты обязан был иметь эту наклейку, иначе альбом не попадал в хит-парады.

Некоторое время спустя, я старался воткнуть в свои песни как можно больше скрытых посланий. К примеру, пластинка «No Rest for the Wicked», если вы пустите с конца «Bloodbath in Paradise», вы четко услышите, как я говорю: «Твоя мать продает трубачей в Халле»[79].

В то время, больше, чем Иисусовы уродцы, нам докучали мои бывшие приятели по группе, Боб Дэйзли и Ли Керслэйк, которые решили, пользуясь случаем, урвать кое-что для себя. Я чувствовал себя так, будто мне на лбу повесили мишень, только лишь потому, что мне удалось накосить немного бабла.

Они утверждали, что мы торчим им бабки за «Blizzard of Ozz» и «Diary of a Madman» и подали на нас в суд. Мы боролись, потому что ничего им не должны. Боб и Ли были музыкантами, которым платили за то, что они сыграли. У них была недельная ставка за участие в записи, другая — за концерты и еще одна за то, что они сидели дома. Я даже давал им на бензин, чтобы они могли приехать в студию. Да, помогли при написании нескольких песен на первых двух альбомах, но они получили за это авторские отчисления и получают их до сих пор. Что еще им было нужно? Понятное дело, я не великий знаток законов, но если я не ошибаюсь, они утверждали, что я не был сольным артистом, все были участниками группы. Но если я был только вокалистом, а они были на равных со мной, как объяснить тот факт, что они должны были пройти у меня прослушивания? А как объяснить то, что я говорил о «Blizzard of Ozz» за несколько лет до того, как их встретил? И где же, бля, хиты, которые они записали до и после сотрудничества со мной?

Люди спрашивают меня, почему мы не пошли на мировую. Так поступил Майкл Джексон, ну, и смотрите сами, к чему это привело. Если вы держите свои кровные в банке и предложите тому, кто подал на вас в суд: «Хорошо, назови сумму, чтобы можно было это дело замять» — любой дурак попробует отщипнуть от вас кусочек. Нужно стоять на своём до последнего, потому что этот бизнес — грязное дело, особенно, когда люди думают, что вы спите на куче золота.

В конечном итоге, иск Боба и Ли был отклонен всеми судами в Америке. Больше всего меня раздражало то, что Боб и Ли никогда не сказали: «Оззи, мы должны сесть и поговорить». Но нет, они только плевались ядом, бля, во все стороны. Впервые я узнал об этом, когда мне вручили иск. Они шептались у меня за спиной, обзванивали людей, с которыми я когда-то играл, чтобы втянуть их в дело. Я ни хера плохого не сделал, но из-за них чувствовал себя преступником века, и достали они меня как чиряк на заднице.

Шарон скрыла от меня многие подробности, потому что знала, как близко к сердцу я все принимаю. В конце концов, она просто вырезала и перезаписала партии Боба и Ли на этих двух альбомах. Вышло переиздание с наклейкой, где содержалась полная информация по этому поводу. Я не мог повлиять на это

решение и не могу сказать, что оно меня порадовало. Сказал Шарон, что мне все это не по душе, но, знаете, я смирился. Понимаю, почему она должна была поступить так, а не иначе. Обычно, когда мы преодолевали препятствие, появлялось следующее. И так без конца. Это дело тянулось двадцать пять лет с момента записи «Blizzard of Ozz». Я просто хотел играть рок-н-ролл, а превратился в долбаного Перри Мэйсона[80]: показания тут, показания там, повсюду какие-то показания.

Меня добивало то, что с Бобом я работал много лет и очень полюбил всю его семью. Он, в самом деле, талантливый парень. Мы были хорошими друзьями. Я же не таскал его по судам, когда меня взяли за жопу из-за «Suicide Solution», а ведь он написал часть текста. Но порою, в жизни нужно просто сделать шаг вперед. Со временем, я перестал с ним разговаривать, избегал встреч. Боялся ляпнуть что-то не то — вдруг снова начнутся суды. Вдобавок, терпеть не могу эти сраные очные ставки. Это один из моих самых больших минусов.

Не хочу вступить в это дерьмище еще раз. Сейчас, прежде чем взять себе нового человека, отправляю его за адвокатом, который подпишет соглашение с моим адвокатом, потом попрошу прочитать контракт, обдумать его, убедиться, все ли в порядке два, а лучше, три раза, чтобы потом никто не говорил, что кто-то его обобрал.

Потому что я никого не обдираю, а Боб Дэйзли и Ли Керслэйк могут говорить все, что угодно.

Мои последние милые воспоминания о 80-х, прежде чем все погрузилось во тьму, связаны с Вормвуд Скрабс. Я оказался в тюрьме не за очередное правонарушение (о чудо!), меня попросили дать там концерт.

Ну и ощущения, доложу я вам! За все это время меня пару раз закрывали в обезьяннике, но, с тех пор, как в 1966 году я откинулся из Винсон Грин, ноги моей в настоящей тюряге не было. Железные решетки, балконы, даже вертухаи — всё выглядело точно так, как и двадцать лет назад, и только вонища дала понять, где я нахожусь. Воняло в десять раз хуже, чем в общественном туалете — до рези в глазах. Всю жизнь, я не перестаю удивляться, как люди могут работать в таком месте. Наверняка, все прошли армию, а, значит — привыкшие.

Возможно, и я закончил так же, если бы армия не послала меня куда подальше.

Я получил приглашение выступить в тюрьме, потому что там собралась группа под названием «Scrubs», состоящая из вертухаев и зеков. Они сочинили песню и перечислили весь доход на

благотворительность. Потом написали мне письмо с просьбой сделать совместный концерт. Мы решили, что сперва они исполнят несколько своих вещей, потом я — пару своих, а в конце, вместе поимпровизируем на тему «Jailhouse Rock».

И вот мы в тюрьме, я прохожу через все эти ограждения, ворота, двери, а потом меня заводят в отдельное помещение, где огромный толстяк заваривает чай. Классный, веселый парень, предлагает выпить чайку.

— Сколько тебе осталось сидеть? — спрашиваю.

— А, я отсюда никогда не выйду.

Болтаем себе, попиваем чаек и все-таки любопытство берет верх, я спрашиваю:

— За что же тебя так приземлили?

— Убил восемь человек.

«Перебор!» — думаю я, но разговор продолжается.

— Как ты это сделал? — спрашиваю, отхлебывая чай. — Как ты их убил?

— А, отравил их — отвечает он.

Я чуть не запустил кружкой об стену. Все, что было у меня во рту, вышло через нос. Забавно, что в нашем представлении убийца — это некий высокий, угрюмый монстр со страшным выражением лица. Но с таким же успехом, им может быть и обычный симпатичный полноватый парень с камнем за пазухой.

Собственно, сам концерт был улётный. Запах травки в зале, где мы играли, едва не свалил меня с ног. Как будто я выступал на ямайской свадьбе. Меня поражало и то, что через дорогу был бар, куда ходили надзиратели. Что касается «Scrubs», басистом у них был вьетнамец, который несколько лет назад сжег живьем тридцать семь человек (поджег бензин, который предварительно влил в почтовый ящик некоего подпольного клуба в Сохо, что, по тем временам, было самым массовым убийством в истории Англии.) На гитаре играл малолетка, который замочил ломом наркодилера, так же в составе были два вертухая, один пел, другой лабал на барабанах.

Никогда не забуду той минуты, когда пришла наша очередь выходить на сцену. Джейк И. Ли недавно покинул нас и вместо него на гитаре играл Закк Вайлд. Как только этот молодой, накачанный, длинноволосый блондин вышел из-за кулис, весь зал взвыл по-волчьи и начал кричать:

— Наклонись, малыш! Наклонись, малыш!

Обдолбившись как дятлы, все начинают прыгать, а вертухаи готовились к беспорядкам. Просто дурдом. Сразу перед концертом я сказал Шарон:

— Если мы облажаемся, то из зала не выйдем.

А теперь думал: «Э, нет, меня просто прибьют».

В какой-то момент смотрю на зеков, а там в первом ряду — Джереми Бамбер, который однажды взял ружье, перестрелял всю свою семью на ферме в Эссексе, а потом пытался перевести стрелки на свою душевнобольную сестру. Его физиономия несколько месяцев украшала первые страницы всех таблоидов в Англии. Он широко улыбался мне, этот старый Бамбинатор. В финале, когда мы играли «Jailhouse Rock», публика ломанулась на сцену. Вторжение возглавил один из молодчиков, которые пытались отрубить голову полицейскому Кейту Блэйклоку во время беспорядков в Бродвотер Фарм. Я знал, что это он, мне сказал один из вертухаев на сцене. Последнее, что я увидел, этот мальчишка снимает ботинок и начинает лупить себя по голове.

«О, нет! — подумалось мне — Я из этой песочницы сваливаю! Приятно оставаться! Пока!»

И даже не оглядывался.

* * *

Однажды утром, через несколько дней после этого концерта, Шарон спрашивает:

— Классно вчера было, Оззи?

— Не понял!?

— На дне рождения Келли. Хорошо повеселился?

— Ну, да.

Помню только то, что играл с детьми в саду, щекотал животик Джека, шутил и объедался праздничным тортом. По такому случаю, мы даже наняли клоуна, парня звали Элли Дулэлли, который разыграл кукольное представление. Остальное скрылось в тумане, потому что я успел пропустить пару стаканчиков.

— Жаль, что ты себя не видел — продолжает Шарон.

— О чём ты?

— О том, что ты себя не видел со стороны.

— Не понимаю о чём ты, Шарон? Ну, да, я был немного поддатый, правда, но на дне рождения все поддавали.

— Я серьезно, Оззи: жаль, что ты себя не видел. Хочешь посмотреть? Я записала на видео.

«Облом» — думаю я.

Шарон записала всю вечеринку на видеокамеру. Когда вставила видеокассету в магнитофон, глазам своим не верил. Мне казалось, что я классный папа, с которым все хотели бы поиграть. И вдруг — ушат ледяной воды. Джек заплаканый и испуганный.

Келли и Эйми прячутся под навесом, тоже все в слезах. Родители уходят с вечеринки, что-то бормочут себе под носом. У клоуна разбит нос. А посередине я: толстый, пьяный, непонятно по какой причине мокрый, морда в креме, бред и пьяные выкрики.

Я был животным. Абсолютно ужасным животным.

После выхода из Центра Бетти Форд я думал так: «Может я и алкоголик, но в моем ремесле алкоголь полезен, а может оно и к лучшему, что я алкоголик».

В определенном смысле, я был прав. В каком еще ремесле можно достигнуть большего, если человек постоянно ходит бухой? Если я выходил на сцену нетрезвым, публика знала, вечер будет на славу. Проблема в том, что после бухалова, я чувствовал себя отвратительно. Чтобы как-то функционировать, должен был поддерживать форму коксом и таблетками. Потом пришли проблемы со сном — то паническая атака, то параноидальный бред — и я переключился на снотворное, которое получал от врачей во время гастролей. Когда случались передозировки, то есть практически постоянно, я сваливал вину на свою дислексию. «Извините, доктор, я думал по шесть таблеток каждый час, а не одну каждые шесть часов».

В каждом городе у меня были свои врачи — я называл их «концертными докторами» — и разводил их для достижения цели. Наркоману процесс добывания иногда доставляет больше впечатлений, нежели сама доза. Например, когда я открыл для себя викодин. Носил с собой старую бутылочку, с парой таблеток внутри и говорил: «Док, я принимаю такое лекарство, но оно уже заканчивается». Врач смотрит на дату, видит последние две таблетки на дне и выписывает мне еще пятьдесят. Благодаря этому, у меня перед каждым концертом было пятьдесят таблеток. Бывали моменты, когда я принимал по двадцать пять в день.

Скажу по секрету, в Америке знаменитость не должна лезть из кожи вон, чтобы доктор выписал всё, о чем его попросят. Один «концертный врач» приезжал ко мне на пикапе. В машине он держал ящик для инструмента, полочки которого были наполнены разными лекарствами, в том числе, сильнодействующими. Чего душа пожелает. В конце концов, Шарон раскусила этот фокус и вмешалась. Схватила его за шкирку и сказала:

— Не давай моему мужу никаких лекарств, ни при каких условиях, а не то загремишь за решетку!

Потихоньку я стал понимать, что алкоголь и наркотики начинают разрушать меня, я перестаю быть веселым и потешным, являю собой жалкое зрелище. Готов был пробежать километры, лишь бы выпить. Сделал бы всё ради этого. На кухне стоял

набитый пивом холодильник; утро начинал, открывая первым делом бутылку «Короны». К двенадцати я уже был в грёбаном ауте. А когда сидел на викодине, то втягивал это дерьмо через нос. Как низко я пал можно увидеть в документальном фильме Пенелопы Сфирис «Закат западной цивилизации, ч.2». Зрители оборжались, когда я в семь утра пробовал поджарить себе яичницу, а накануне всю ночь глушил вино.

Когда человек глушит без удержу, жить становится тяжелее. Например, я начал постоянно срать в штаны. Вначале, всё обращал в шутку, но потом меня это перестало смешить. Однажды, иду по коридору какого-то английского отеля в свой номер и вдруг чувствую: дерьмо просится на выход. Я должен опростаться, причем, сделать это немедленно. Варианта два: нагадить на ковер или будут полные штаны. И поскольку мне надоело гадить в штаны, я сел на корточки, снял брюки и навалял кучу прямо под стеной.

Как раз в этот момент из лифта выходит консьерж, смотрит на меня и кричит:

— Твою мать, ты чё делаешь?!

Я не смог даже придумать, что сказать в оправдание. Показываю ему ключ от номера и говорю:

— Всё в порядке, я здесь живу.

— Уже, блядь, не живешь! — сказал он.

Многие алкоголики гадят в штаны. Вы только подумайте: в четырех литрах «Гиннесса» содержится столько гудрона, что хватит заасфальтировать 16 километров трассы М6. Когда вы просыпаетесь на следующий день, организм хочет выдавить из себя всю ту отраву, которой вы потчевали его всю ночь. Я пробовал с этим бороться и переключился с «Гиннесса» на «Хеннесси», но постоянно смешивал коньяк с апельсиновым соком и кока-колой и результат был прежним. Выпивал четыре бутылки в день плюс кокаин, таблетки, пиво. В начале, у меня было только легкое похмелье, но, с течением времени, бодун становился тяжелее, пока, в конце концов, я уже не мог с ним справиться.

Поэтому я вернулся в центр реабилитации. Мне просто было херово оттого, что я устал от постоянно херового состояния. Если после выпивки вы чувствуете себя лучше, это еще терпимо, но, если вам будет хуже, чем было, то зачем пить? А я чувствовал себя так, будто сейчас помру.

Я не осмелился вновь посмотреть в глаза Бетти Форд и поехал в клинику Хейзэлдэн в Сентер Сити, Миннесота. Была зима и страшный мороз. Меня бил озноб, я блевал и жалел себя.

В первый день терапевт сел перед нашей группой и сказал:

— Когда вечером разойдётесь по комнатам, пусть каждый

напишет, сколько примерно потратил на алкоголь и наркотики с самого начала. Сделайте подсчеты и приходите ко мне завтра.

Ну, я вытаскиваю вечером калькулятор и начинаю подсчеты. Хотел дойти до какого-то большого числа и сильно преувеличивал в вопросе, сколько бокалов пива я выпивал ежедневно (предположим, двадцать пять) и сколько стоил один бокал. У меня получилась чересчур неприличная цифра. Что-то около миллиона фунтов. Потом я попробовал уснуть, но не получилось.

На следующий день показываю этому типу мои подсчеты.

— Ух-ты, интересно! — говорит он.

Я был удивлен, думал, что он скажет: «Успокойся, Оззи, спустись на землю, назови мне реальные цифры!». Через минуту терапевт прибавляет:

— Это только на выпивку?

— И на наркотики тоже — отвечаю я.

— Хм… И ты уверен, что это всё?

— Тут же миллион фунтов! Куда уж больше?

— Тебя когда-нибудь штрафовали за пьянство?

— Случалось.

— А случалось из-за твоего пьянства приходилось отменять концерт или тебя куда-нибудь из-за этого не хотели приглашать?

— Было дело.

— А ты платил адвокатам, чтобы тебя вытащили из переделок, в которые ты попал по-пьяни?

— Ну, было пару раз.

— А врачам?

— О, ещё как.

— А ты не считаешь, что пластинки продавались хуже из-за твоего пьянства?

— Возможно.

— Возможно?

— Ну, хорошо, точно.

— И последний вопрос: у тебя когда-нибудь отбирали недвижимость или прочее имущество в результате развода по причине твоего алкоголизма?

— Да, у меня забрали всё.

— Итак, Оззи, я тоже вечером подсчитал то, да сё и кое с кем проконсультировался. Хочешь знать, во сколько, по-моему, обошлись тебе твои дурные привычки?

— А почему нет. Валяй!

Он сказал. Меня чуть не вырвало.

10. Затмение

Я проснулся со стоном.

«Мать моя женщина! — думаю я, когда зрение возвращается ко мне — видать нехило вчера оттопырился. Лежу на голом бетонном полу в квадратном помещении. На окне — решетка, в углу — ведро, стены испачканы дерьмом. На секунду подумал, что я в общественном туалете. Но нет: решетка на окне говорит сама за себя.

Всё! Надо реально завязывать, чтобы никогда больше не просыпаться в тюремной камере.

Притрагиваюсь к лицу. Ай! Блин, как больно!

Почему-то на мне одета только старая вонючая футболка — я часто в таких спал — и черные блестящие брюки от смокинга. «Уж лучше так — думаю — чем просыпаться в платье Шарон».

Прикидываю, сколько сейчас времени. Семь утра? Девять? Десять? Мои часы исчезли, равно как и мой кошелек. Фараоны, должно быть, запаковали мои вещи в пакет, прежде чем меня закрыть. В кармане остался только помятый счет из «Династии» — моего любимого китайского ресторана. Я представил себя в этом заведении — красный свет как в преисподней — а в нём вижу себя, сидящего за столиком в одной из обитой кожей кабинок, спорю с Шарон, измельчаю таблетки в порошок в этой, ну как её, в ступе. Чем же я так догнался прошлой ночью? Коксом? Снотворным? Амфетамином? Зная себя, наверно всем сразу и чем-то еще.

Чувствую себя отвратительно. Всё болит, особенно, лицо, зубы и нос.

Мне нужен пакет со льдом.

Хочу принять душ.

И к доктору.

— Эй! — кричу сквозь решетку. — Есть там кто?

Тишина.

Пытаюсь сообразить, что же на этот раз натворил мой злой, бухой и обдолбившийся брат-близнец, раз меня вновь посадили. Но в мозгах — дыра. Пустота. Туманные образы посиделки в «Династии», а потом — стоп-кадр. Наверняка, меня снова повязали, когда я мочился на улице. Но если это так, то почему на мне эта пижамная футболка. Меня арестовали дома? Голова раскалывается после того дерьма, которое натолкал в себя. Надеюсь, что еще не использовал один телефонный звонок, ведь я должен сказать Шарон, чтобы она приехала и вытащила меня из тюрьмы. А может она улетела в Штаты. Всегда валила в Штаты,

чтобы не попадаться мне на глаза, особенно, после больших скандалов. В таком случае, позвоню Тони Деннису.

Старый добрый Тони. Он вытащит меня отсюда.

Было 3 сентября 1989 года. Мы тогда уже перебрались насовсем в Англию. Купили дом в Литтл Чалфонт в Бекингемшире, назывался Beel House. Он был построен в XVII веке, по-крайней мере, мне так сказала Шарон. В нем когда-то жил Дирк Богард[81]. Это был настоящий дом, а не сраная киношная декорация, каких полно в Калифорнии. Но больше всего я любил своего соседа Джорджа, который жил в чём-то, что раньше называлось сторожкой. Джордж был химиком и сам делал дома вино. Я каждый день стучался к нему в дверь и говорил:

— Джордж, дай-ка бутылку твоего супернапитка.

Его вино было сродни ракетному топливу. Люди прилетали из Америки, отпивали глоток, таращили глаза и спрашивали:

— Охренеть можно, что это такое?

Парочка стаканчиков «Шато де Жорж» и человек лежал без сознания. Но самое смешное — Джордж сам никогда не пил. Был трезвенником. Говорил, например:

— О, мистер Осборн, я видел ночью, как вы подожгли кухню. Значит, вино получилось. Напомните-ка мне, каким я вас намедни потчевал: из бузины или чайного листа?

Но теперь Шарон пасла меня на каждом шагу и при ней я уже не мог отведать шмурдяк от Джорджа. И не мог уже спрятать бутылки в духовке. Поэтому стал закапывать их в саду. Заковыка в том, что я всегда делал это под мухой и на следующий вечер уже не помнил, где, на хер, искать. До двух ночи носился по саду с лопатой и выкапывал повсюду ямки. Потом Шарон спускалась на завтрак, смотрела в окно, а там везде окопы.

— Твою мать! Шарон, смотри! — говорил я тогда. — Кротам опять не спалось ночью.

Потом я поставил прожекторы, чтобы быстрей найти заветную бутылку. Это удовольствие влетело мне в копеечку.

А потом Шарон раскусила меня и моему земледелию пришел конец.

— А я-то глупая чуть не поверила, что в тебе вдруг проснулась такая тяга к садоводству — сказала она.

Ну и хорошо, что я попался на горячем, а то мой организм не выдержал бы такой нагрузки. Мне стукнуло сорок и моя печень начала сдавать. Я знал, что происходит что-то нехорошее. Один раз пошел в паб, а проснулся через пять дней. Какие-то люди подходили ко мне и говорили:

— Привет, Оззи.

Я их спрашивал:

— Мы разве знакомы?

А они мне в ответ:

— Я всё лето прожил в вашем доме, ты что, не помнишь?

Меня предупреждали, что начнутся такие отключки еще перед поездкой в Центр Бетти Форд сразу после рождения Келли. Доктор мне сказал, что ресурс моего организма будет выработан до нуля и тогда тело отключится вместе с мозгом. Я думал, что он хочет меня только попугать этой фигней.

— Ты знаешь, в чём заключается моя настоящая проблема с алкоголем? — сказал я ему. — Не могу найти здесь грёбаный бар.

Ну, а потом, начались затмения, точно как он и предвидел. Но это не отвернуло меня от пьянства. Я забеспокоился и стал пить ещё больше. После того, что случилось с Винсом Нилом, имею в виду аварию, я больше всего боялся проснуться однажды в зале суда, где на меня будут указывать пальцем и кричать: «Это он! Он сбил моего мужа!». Или: «Это он! Он убил моего ребенка!».

«Но на меня нашло затмение, Ваша Честь!». Это будут мои последние слова, прежде чем меня закроют в камере и потеряют ключ.

— Эй! — кричу я опять. — Есть там кто?

Начинаю нервничать, это значит, алкоголь и кокаин перестают действовать. «Как только выберусь из этого дерьма — думаю я — пойду напьюсь и все пройдет».

Тишина.

А я все жду. Продолжаю ждать. Жду.

Куда все, на хер, подевались?

Меня бьет озноб и я потею. И самое главное — мне надо посрать.

Вдруг появляется фараон, огромный парень моего возраста, может старше, во всяком случае, очень злой, судя по лицу.

— Извините, — говорю ему — может кто-нибудь мне объяснит, что я здесь делаю?

Он стоит и смотрит на меня как на таракана в супе.

— Ты на самом деле хочешь знать? — спрашивает полицейский.

— Ну, да.

Он подходит к решетке и присматривается ко мне повнимательней и говорит:

— Обычно я не верю людям, который нарушили закон, а потом прикрываются потерей памяти. Но в твоем случае, после того, как вчера я увидел, в каком ты был состоянии, придётся сделать исключение.

— Чё?

— Посмотрел бы ты на себя со стороны.

— Ну, ладно, вы мне, наконец, скажете, почему я здесь или нет?

— Послушай! — говорит легавый. — Я, пожалуй, схожу за папкой и зачитаю тебе список обвинений, а?

Список обвинений? Я чуть не наложил в штаны, когда он мне сказал об этом.

Что я выкинул на этот раз? Кого-то убил? Вспоминаю документальный фильм, который пару недель назад показывали по американскому телевидению, про убийцу из Нью-Йорка. Его судили, он знал, что просидит целую вечность, поэтому взял арахисовое масло и смазал себе очко. Когда присяжные вот-вот должны были удалиться на совещание, он снял штаны, выколупал оттуда масло и начал его есть с руки. Его признали умалишенным и выпустили на свободу.

Проблема заключалась в том, что у меня не было арахисового масла. И если бы я хотел прикинуться, что ем собственное дерьмо, то должен был его съесть на самом деле.

Знаете, даже когда Шарон показала мне видеозапись дня рождения Келли — на котором из-за меня все дети плакали — я не считал себя страшным пьяницей. До меня не доходило, что я делаю что-то плохое. Думал, что просто иду в пивную, пропускаю пару бокалов пива, возвращаюсь домой, потом сру в штаны, мочусь в кровати и всё. С кем не бывает? Просто немного посмеялись над этим, обычные дела, ничего сверхъестественного. Но в центре реабилитации мне сказали иначе:

— Послушай, а как ты поступишь, если вас с женой поменять местами? Представь себе, что ты почувствуешь: приходишь домой, а там Шарон лежит в отключке, обоссаная и в куче собственного дерьма, кухня горит, а дети без присмотра. Как долго бы ты с ней прожил? Что бы ты подумал о таком браке?

Такого рода аргументы имели воздействие на меня. Но только сейчас отдаю себе отчет в том, как всё это было мерзко и отвратительно. Я был жирной сраной свиньей. Осушал бутылку коньяка, вырубался, просыпался, принимался за следующую. Я не понтуюсь, когда говорю, что выпивал четыре бутылки «Хеннесси» в день.

До сих пор не могу понять, почему Шарон меня не бросила. И собственно, почему за меня вышла. Можно сказать, она постоянно жила в страхе.

Правда была такова, что я сам себя боялся. Боялся того, что могу сделать с собой, но еще больше — сделать кому-то другому.

Много раз Шарон просто уезжала из страны, когда я был в запое:

— Пока! Я улетаю в Америку!

Примерно тогда же она взялась вести дела других исполнителей, потому что я стал, на хер, непредсказуемым и она не хотела быть абсолютно зависимой от меня. Я начал беспокоиться, что Шарон заведет шашни с каким-нибудь молодым да деловым. В этом смысле, у меня нет к ней претензий, потому что в моем обществе люди чувствовали себя не очень комфортно. Со мной человек мог только сорваться в пропасть.

Однажды вечером, когда Шарон не было дома, я купил у Джорджа-химика за полтинник бутылку его супер-пупер-крепкого вина и выжрал её вместе со своим бывшим клавишником Джоном Синклером. Так сложилось, что в тот день я посетил врача, который снабдил меня ведром таблеток: снотворное, болеутоляющее, темазепам — всё что угодно. Врачи прописывали мне пилюли тоннами. А я бухал и параллельно закусывал этими лекарствами, глотал таблетки одну за другой, пока не наступал конец фильма.

Просыпаюсь утром в постели с Джонни, наши тела переплетены. Проверяю рукой свою «корягу», ничего ли не случилось и вдруг до меня доходит, что я ничего не чувствую. У меня всё затекло, абсолютно всё онемело. Лежу и начинаю орать:

— Твою мать! Я не чувствую ног! Слышу рядом ворчание.

— Потому что это мои ноги — говорит Джонни.

Я должен был принять душ три раза. От одного воспоминания об этом меня бросает в дрожь. Я почувствовал себя так херово, что сказал себе: «Хорошо. Хватит с меня. Завязываю бухать, завязываю с наркотой, со всем завязываю. Это какая-то паранойя. Если так и дальше пойдет, Шарон наверняка меня бросит».

Я ушел в глухую завязку. Это было самой большой глупостью, любой наркоман подтвердит. Джек выбежал ей навстречу и крикнул:

— Мама! Мама! Папа бросил пить! Он уже не пьёт!

Потом, я кое-как влез на кровать, абсолютно разбитый, ломка не давала мне уснуть. И сожрал целую пригоршню таблеток экседрина ПМ, потому что не думал, что это наркотик.

И вот тогда-то все отнялось на самом деле. Как будто тела не было. Наконец, открываю глаза и вижу Шарон, которая, склонившись надо мной, спрашивает:

— Как меня зовут? Как меня зовут?

Я не могу ответить, такое чувство, будто я под водой. Она снова спрашивает:

— Сколько пальцев я показываю? Сколько пальцев ты видишь, Оззи?

Не смог их сосчитать. Я хотел лишь уснуть. Впервые за много лет, исчезли все мои болезни. Я понял, в чём заключается известное ощущение «вне тела». Это самое сильное, самое тёплое, самое приятное чувство, которое я испытывал.

Я не хотел, чтобы оно закончилось. Было красиво, очень красиво! Потом Шарон и Тони затащили меня в машину на заднее сиденье и начались долгие поиски доктора. Некоторое время спустя, я уже лежу на кровати, подключенный ко всем этим капельницам и слышу приглушенный голос врача, который говорит Шарон:

— У вашего мужа алкогольная эпилепсия. Это очень серьезно. Мы даём ему противоэпилептические препараты, но он должен находиться под постоянным наблюдением. Он может не выйти из этого состояния.

Потом, понемногу, чувства вернулись. Сперва пальцы ног. Потом ноги. Потом грудная клетка. Чувствовал себя так, будто меня кто-то вытаскивал со дна моря. Вдруг прорезался слух, и я услышал за собой пикание аппарата ЭКГ.

Пип. Пип. Пип. Пип.

— Сколько ты видишь пальцев? — спрашивает Шарон. — Сколько ты видишь пальцев, Оззи?

Пип. Пип. Пип. Пип.

— Как меня зовут, Оззи? Как меня зовут? Пип. Пип. Пип. Пип.

— Тебя зовут Шарон. Прости меня за все, Шарон. Мне офигенно жаль. Я люблю тебя.

Топ-топ-топ..

Легавый подходит к решетке моей камеры, с листком бумаги в руках. Я смотрю на него, весь вспотел, у меня учащённое дыхание и сжатые кулаки. Уж лучше бы, на хер, сдохнуть.

Он тоже смотрит на меня. Потом откашливается и начинает читать: «Джон Майкл Осборн обвиняется в покушении на убийство путем удушения своей жены Шарон Осборн во время семейной ссоры, имевшей место утром в воскресение 3 сентября 1989 года в «Beel House», Литл Чалфонт, графство Бекингемшир». Мне будто заехали обухом по башке.

Я попятился, упёрся в испачканную дерьмом стену, съехал на землю, руками обхватил голову. Мне хочется блевать, отрубиться и заорать — всё одним махом. Покушение на убийство? Шарон? «Это мой самый худший кошмар — думаю. — Я сейчас проснусь. Этого не может быть». Хочется сказать фараону: «Я люблю мою жену! Она мой самый лучший друг на земле. Она спасла мне

жизнь! Зачем мне нужно убивать свою жену?» Но я ничего не говорю. Я не могу говорить. Не могу ничего сделать.

— Ну что, доволен? — иронизирует фараон.

— Как она себя чувствует? — спрашиваю я, когда голос наконец-то вернулся ко мне.

— Собственный муж пытался её убить. Как она должна себя чувствовать?

— Но я не понимаю, зачем мне её убивать.

— Здесь написано, что, вернувшись домой из китайского ресторана, где вы праздновали день рождения дочери Эйми, которой исполнилось 6 лет, ты серьезно перебрал с русской водкой — направился голый в спальню и сказал, цитирую: «Мы тут поговорили и стало ясно, что ты должна умереть».

— Что я сказал?!

— Всё указывает на то, что целую ночь ты жаловался на усталость. Ты только что вернулся с московского Фестиваля Мира — правильно, да? — и потом должен был лететь в Калифорнию. По-моему, это больше похоже на отпуск, чем на работу.

— Это неправда! — говорю. — Я никогда бы не посмел её убить.

Но на самом деле, это могло быть правдой. Шарон много лет повторяла, что не знает, кто войдет в дом: Хороший Оззи или Плохой Оззи. Обычно приходил Плохой Оззи. Особенно, когда меня колбасило после гастролей. Разница в том, что на этот раз я решил убить нечто большее, чем курицу.

— И ещё одно — говорит легавый. — Твоя жена сказала, что если бы в момент нападения у неё под рукой оказался пистолет, она наверняка бы выстрелила. Хотя я вижу, что она неплохо прошлась когтями по твоей физиономии. У твоей супруги храброе сердце, не так ли?

Не знаю, что сказать в ответ и подхожу к этому с иронией:

— По крайней мере, прессе будет о чем писать.

Фараону это не понравилось.

— Принимая во внимание всю тяжесть обвинений, — говорит он — в этом нет ни хера смешного. Тебе так не кажется? Сядешь за покушение на убийство, пьяная твоя морда. Твоя жена могла уже быть на том свете, если бы в доме не услышали её крики. Впереди у тебя долгий срок, попомни мои слова.

— Шарон знает, что я люблю её — говорю я и стараюсь не думать про Винсон Грин и педофила Брэдли.

— А это мы ещё посмотрим.

Можно со всей прямотой сказать, что легавые из тюрьмы в Амершэм со мной особо не церемонились. Никакого снисхождения не принесли ни мои выкрутасы, ни мое дурное эго.

Там я уже не был героем рок-н-ролла, который отгрыз башку летучей мыши, помочился в Аламо или завывал в «Crazy Train». Все эти понты абсолютно не имели никакого воздействия на полицейских из Тэмз Вэлли.

Особенно, если вас посадили за покушение на убийство.

В конечном итоге, продержали меня в кутузке около тридцати шести часов. Единственным моим соседом по камере было только дерьмо на стенах. Похоже, ко мне пробовал дозвониться Дон Арден. А также Тони Айомми. Но не получилось, да и я вряд ли бы захотел с ними разговаривать. Звонили также какие-то журналисты. Фараоны сказали, что газетчики хотели знать, правда ли, что у Шарон был роман, что я возвращаюсь в «Jet Records» и в состав «Black Sabbath». Хер его знает, где они наслушались этой белиберды.

Всё, что я хотел — сохранить семью.

Потом меня привезли на выездное заседание суда в Биконсфилде. Сперва меня выпустили из камеры, чтобы я немного умылся, но тот, кто загадил стены в «трюме», то же самое сделал в душе и я отказался туда войти. Потом приехал Тони Деннис и привез пиджак от смокинга, черную рубаху, пару сережек. Я напялил всё это и попытался придать себе респектабельный вид, но быстро впал в глубокую депрессию. Выглядел я ужасно, чувствовал себя не лучше, а воняло от меня ещё хуже. Когда пришло время ехать, фараоны провели меня к выходу на заднем дворе, где, вдали от журналистов, усадили на заднее сиденье полицейской машины. Тони ехал за нами на «Рейндж Ровере».

Зал суда напоминал зоопарк. Прямо как пресс-конференция по «Suicide Solution», только тема в этот раз была серьёзной. Я жидко обосрался, как говаривал мой батяня. Дон Арден прислал своего представителя, который сидел позади и всё внимательно слушал. Приехал мой бухгалтер Колин Ньюман. Смешно, но я не помню, была ли там Шарон. А раз не помню, значит, её не было. К счастью, юридическая болтовня и удары молотком продлились недолго.

— Джон Майкл Осборн! — обращается ко мне судья под конец заседания. — Я согласен выпустить вас под залог, но у меня есть три условия. Во-первых, вы немедленно запишетесь в любой сертифицированный центр реабилитации, на ваш выбор. Во-вторых, вы обязуетесь не контактировать с вашей женой. В-третьих, вам запрещается находиться в Beel House. Вы поняли?

— Да, Ваша Честь! Благодарю, Ваша Честь!

— Оззи! — кричат репортеры. — Это правда, что Шарон требует развода? Правда, что у нее роман? Оззи! Оззи!

Тони уже успел записать меня в центр реабилитации Хантерком Мэнор, в двадцати минутах от суда. По дороге, я вижу полку с газетами, пестрящими заголовками: ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО. ОЗЗИ ОТПРАВЛЕН НА ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛЕЧЕНИЕ ОТ АЛКОГОЛИЗМА. Вы знаете, как-то странно, очень странно, видеть, когда интимные подробности вашей жизни попадают на первые страницы газет.

В Хантерком Манор было терпимо. Понятное дело, это не Палм Спрингс, но и не сарай тоже. Да и цена производила впечатление: пять сотен в день по нынешним деньгам.

После регистрации, я сидел сам в комнате, курил сигареты, глушил колу и жалел себя. Очень хотелось выпить бутылочку, так меня плющило, чувак!

Должно быть, я пробыл там около двух месяцев. Местная публика состояла в основном из наркоманов и хронических алкоголиков. Например, гей, замешаный в «деле Профьюмо»; аристократ лорд Генри и молодая азиатка, имени которой не помню. Английские центры реабилитации тогда не были так хорошо организованы как сейчас. Человек должен был считаться с тем, сколько позора его там ожидает.

В конце концов, Шарон приехала меня навестить. Я стал говорить ей о том, как я сожалею о случившемся, как сильно её люблю, как сильно люблю наших детей и что очень хочу сохранить семью. Хотя знаю, что всё впустую.

— Оззи! — говорит она тихим спокойным голосом. — У меня для тебя важная новость, которая тебя наверняка заинтересует.

«Ну, всё — конец! — думаю я. — Нашла себе кого-то другого. Хочет развода».

— Шарон! — говорю ей — Хорошо тебя понима…

— Я хочу забрать заявление.

Не верю собственным ушам.

— Что? Почему?

— Оззи, я считаю, что ты не способен преднамеренно кого-то убить. Это противоречит твоей натуре. Ты милый, добрый человек. Но когда ты напьёшься, Оззи Осборн исчезает и кто-то другой управляет тобой. А я хочу, чтобы он никогда не вернулся. Я не хочу его видеть. Никогда.

— Я завяжу — говорю. — Я обещаю, я завяжу.

А в это время пресса сходит с ума. Фоторепортеры прятались в кустах, сидели на верхушках деревьев. История не заканчивается, пока она им интересна. Несмотря на то, что Шарон забрала заявление, прокуратура настаивала, чтобы меня арестовали по обвинению в нападении. Мне по-прежнему не разрешалось ездить в Beel House. Пока, наконец, на Хеллоуин мое

дело закрыли.

В конце концов!

Но грёбаной прессе было по барабану, они продолжали гнуть свою линию. Одна из газет отправила корреспондента домой к моей маме в Волсолл, а потом опубликовала какие-то фантастические бредни о том, какой ужасной матерью она была и как дерьмово меня воспитывала. Ужас! А потом мама затеяла с ними перепалку, чем ещё больше накалила обстановку. Дошло до того, что мои дети перестали ходить в школу, за ними охотились у входа. Тогда я позвонил маме и сказал:

— Послушай, я знаю, что они пишут неправду, но бульварную прессу не победить. А если ты будешь продолжать ворошить осиное гнездо, моим детям устроят ад. Лучше уж я поеду на этой неделе и расскажу всё как есть на Би-Би-Си. А потом мы всё забудем, хорошо?

Мама согласилась, я появился в передаче Томми Вэнса на «Radio 1» и всё рассказал: что родители были классные, а пресса пишет неправду, в общем, ничего не забыл.

Всё. Конец. Точка. Довольно.

Не успел я оглянуться, как мама потребовала опровержения от одной из газет, и снова поднялся шум. Это продолжалось ещё три месяца и всё это время дети не ходили в школу.

Наконец, она звонит мне и говорит:

— Послушай, это тебе понравится. Они напечатают опровержение.

— Ну и что, ты довольна? — спрашиваю, а сам ещё злюсь на неё.

— Да, очень. Остался только вопрос компенсации.

— Компенсации?

— Я требовала пятьдесят тысяч, а они дают сорок пять.

— Так что, это всё ради денег? Мама, я бы сам тебе заплатил эти сраные деньги! Я старался защитить моих детей!

Сейчас, вспоминая эту историю, я не могу ни в чём винить мою маму. Она выросла в бедности и пятьдесят «штук» — это огромные деньги для неё. Но мне всё же было ужасно противно! Неужели всё крутится вокруг денег? В чём тогда смысл жизни? Знаете, мои знакомые сказали тогда: «Ты смотришь на это так, потому что у тебя есть бабло» и в чём-то они были правы. Меня бы добило, если бы ко мне пришел мой ребенок и сказал: «Прекрати, папа, ты причиняешь боль моей семье» — я бы немедленно его послушал. И не то, чтобы мама бедствовала — я давал ей денег каждую неделю. До неё как-то не доходило: чем больше она жалуется и задирается с прессой, тем больше пресса висит у меня на шее. От этого, в конце концов, испортились мои

отношения с мамой. Мы всегда спорили о том или о сём, но потом наступало согласие, а после той истории с компенсацией я стал редко с ней видеться. Казалось, что все наши разговоры сводились к деньгам, а мне эта тема никогда не нравилась.

После выхода из центра реабилитации началась большая операция по моему очищению. Я серьезно похудел. Поехал в клинику пластической хирургии, чтобы убрать сорок четыре из сорока пяти подбородков. Врач только сделал отверстие, подсоединил пылесос и откачал лишний жир. Как в сказке. По секрету скажу: решился на это, отчасти для того, чтобы получить укол демерола, который я считал лучшим наркотиком.

Пользуясь случаем, избавился от лишнего жира и на животе. Я не являюсь противником пластической хирургии. Если вас что-то раздражает и вы можете от этого избавиться, так избавьтесь, вот что я думаю. Шарон сделала себе до фига этих операций; если вы попросите, она нарисует вам целую карту. И сейчас она выглядит чудесно. Это как в жизни: заплатил — получил.

Я почувствовал себя намного лучше, после того как сбросил лишних 18 килограммов. И довольно долго держался подальше от алкоголя, несмотря на то, что редко посещал встречи «Анонимных Алкоголиков». Там я чувствовал себя не в своей тарелке. Меня раздражает эта обстановка. Лучше выйду на сцену и пропою, всё что на сердце у меня перед двухсоттысячной толпой на рок-фестивале, но когда мне нужно рассказывать о своих чувствах перед людьми, которых я никогда в жизни не видел, что-то во мне блокируется. А так — мне нечего скрывать.

Заметьте, подобные встречи в Лос-Анжелесе были своего рода слётами рок-звёзд. Однажды, сижу себе на такой встрече в клинике в Лос-Анжелесе, вокруг свора жалких алкоголиков, глядь, а там — Эрик Клэптон. Это выглядело отвратительно, поскольку я тогда был уверен, что Клэптон ненавидит меня. Примерно лет десять до этого мы пересеклись с ним на какой-то церемонии награждения и кто-то хотел сфотографировать его, меня и Грейс Джонс[82]. Мы позировали для этого снимка, но я был нафарширован алкоголем и коксом и беспрерывно корчил глупые рожи. Мне показалось, что Клэптон боится меня или недолюбливает. Я начал было думать, что он лично перезвонил фотографу и попросил уничтожить фотографию. И как только заметил Клэптона в клинике, я быстро свалил через черный ход. Через несколько дней встретил его снова. Старался избежать встречи с ним, но в этот раз он пошел за мной.

— Оззи! — кричит, когда я перехожу улицу и направляюсь к машине.

— О! Привет, Эрик! — говорю.

— Ты чё, теперь здесь живешь? — спрашивает Клэптон.

— Да.

— Ну и как тебе, нравится?

Дальше пошло-поехало. Мы мило поболтали, честное слово. Две недели спустя просматривал журнал и наткнулся на эту фотографию, где я с ним и Грейс Джонс. Я кривлялся, Эрик улыбался. А значит, всё это было плодом моей фантазии.

И всё-таки, я на дух не переносил встречи «Анонимных Алкоголиков». В конце концов, совсем перестал на них ездить. Если случался запой, я всегда вызывал на дом специалиста по детоксу, чтобы тот вернул меня к жизни. И действительно, я некоторое время сидел лишь на этой байде. Всякие там микстуры, массажи, натуральные ванны из трав и фруктов — любая хрень, какую только можно представить. Как-то раз пришел этот парень с бутылочкой жидкости для очистки кишечника.

— Достаточно каждое утро делать промывание — сказал он — и ты будешь чувствовать себя отлично, обещаю.

Я долго сопротивлялся — на самом деле, меня бросало в дрожь от одной только мысли об этом — но однажды утром сказал себе: «На фиг! За эту хрень деньги плачены, значит, надо попробовать». Раствор был приготовлен из плевел семян, а в инструкции по применению написали только то, что нужно налить стакан и выпить его залпом, чтобы шелуха не застряла в горле. Я так и сделал. Вкус был отвратительным: как опилки, даже хуже. Потом отправился с Шарон смотреть новые дома, в чем редко принимал участие, потому что, по-моему, нет хуже занятия, чем поиски нового жилья. Но в этот раз у Шарон был повод взять меня с собой, потому что мы собирались посмотреть дом звезды «easy listening» Роджера Виттекера[83]. В подвале находилась студия и, поскольку других дел у меня не было, отказаться было бы некрасиво.

Когда мы добрались на место, риэлторша уже поджидала нас возле дома. Элегантная телка под сороковник, зеленый пиджачок от «Барбура», жемчуга, полный шик. Вытаскивает связку ключей на длинной цепочке и открывает входные двери. Только я ступил за порог, как ощущаю апокалиптическое давление в заднице. «Ой-ёй-ёй! — думаю — началось. Очищающая жидкость подействовала». Спрашиваю телку, где тут ближайший тубзик и быстро бегу туда, не особо скрывая свои намерения, громко захлопываю за собой дверь, усаживаюсь и освобождаюсь от огромного количества жидкого дерьма. Это продолжается так долго, что мне кажется, что я стал истоком реки Миссисипи. Когда все наконец-то закончено, я озираюсь в поисках туалетной бумаги, а её нигде нет. Встаю и думаю: «Что-ж, подотрусь дома».

И вдруг замечаю, что дерьмо текло по ногам и у меня нет выбора — я должен чем-то подтереться. Но не видно даже половой тряпки.

И так стою, как парализованный, со спущенными штанами и прикидываю, что делать.

В конце концов, Шарон стучит в дверь.

Тук! Тук! Тук!

— С тобой все в порядке, Оззи?

— Э… ну… да, дорогая.

— Ты долго копаешься.

— Уже выхожу, любимая.

— Поторопись!

И вдруг меня осенило: занавески! Я вытру задницу занавесками! Срываю их и делаю то, что мне нужно. Но потом появляется еще одна проблема: что же, бля, делать с обосранными занавесками Роджера Виттекера? Ну не брать же их с собой, что мне потом спросить у риэлторши: «А где у вас тут ближайший полигон по утилизации токсичных отходов?» Через минуту мне пришла в голову мысль написать ему записку. Но что написать? Может так: «Дорогой Роджер! Прости за обосранные занавески. Ты классно свистишь. С уважением, Оззи»[84].

Потом свернул её и спрятал в ванной за занавеской душа.

Если ты читаешь это, Роджер, я очень, очень прошу меня извинить. В свою очередь, ты мог бы хоть иногда покупать туалетную бумагу.

Многие думают, что хороший материал появляется только когда ты под мухой, а я считаю альбом «No More Tears», записанный после выхода из Хантерком Манор, самым лучшим за последнее время. Может, отчасти, потому, что перед началом записи я сказал парням из группы:

— Послушайте, давайте подходить к каждой песне, как к будущему хиту, но ничего не делаем из-под палки и без фанатизма.

Можно сказать, что у нас получилось.

Мы были довольны всем, что связано с этим альбомом. Закк Вайлд, мой новый гитарист, был гением. У меня были классные продюсеры. А Шарон угадала с графикой. У неё талант художника, у моей женушки, о чём многие не догадываются. На обложке был изображен мой портрет в сепии, с ангельским крылышком на плече. Нам хотелось придать альбому зрелости. Не может из моих уст постоянно литься кровь, это бы превратилось в клоунаду. Хорошо помню фотосессию в Нью-Йорке. Обычно, нужно перевести пятьсот кассет, чтобы получить

идеальный снимок, но в случае с «No More Tears» это выглядело так:

Щёлк! Щёлк! Щёлк!

— Отлично, снято! Пока!

Мне не понравилось только видео на песню «Mama I'm Coming Home». Навороченный, с миллионным бюджетом клип; я же, в свою очередь, хотел что-нибудь простенькое, типа «Smells Like Teen Spirit» «Нирваны». Поэтому снял второй клип за пятьдесят тысяч баксов с помощью оператора, который работал с «Нирваной». Получилось идеально. «Smells Like Teen Spirit» произвело на меня огромное впечатление и я очень гордился, когда узнал, что Курт Кобейн — мой поклонник. Он был клёвым. И весь его альбом «Nevermind» был клёвым. Жаль, что всё закончилось так трагично.

По секрету скажу, я чудом избежал участи Курта Кобейна. Я почти не прикладывался к бутылке после записи «No More Tears» (за малым исключением), но там, где я недопил, компенсировал таблетками. Я стал спецом в разведении докторов и ежедневно шел к новому врачу за очередным рецептом. Сперва хватало просто симулировать симптомы, но с тех пор, как Шарон раскусила мой трюк и стала названивать врачам с предупреждением, я вынужден был тщательнее работать над симптомами. Однажды, ударил себя доской по лбу и говорю доктору:

— Я упал с велосипеда, пожалуйста, пропишите мне викодин.

А он мне:

— Вы точно упали с велосипеда, мистер Осборн?

— Да.

— Я почему спрашиваю, мистер Осборн, у вас из головы торчит гвоздь с занозой.

— А, ну значит, я упал на доску.

— Ну, хорошо. Принимайте эти пять таблеток.

— Спасибочки.

Я не ограничивался визитами к врачам. У меня были свои дилеры. Помню, однажды, дело было вроде в Германии, я навестил типчика, чтобы купить снотворное. Эти таблетки вставляли меня больше всего на свете. Но они закончились, и он спросил меня, не хочу ли я попробовать рогипнол[85]. Так получилось, что я много слышал об этом лекарстве. Пресса вешала тогда на него всех собак, называла «таблеткой насилия», но, скажу вам честно, я думал, что это — фигня. Наркотик, который абсолютно парализует человека, при этом он остается в сознании? Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Несмотря на это, купил несколько доз и решил испытать его в рамках научного

эксперимента.

Вернувшись в отель, сразу же проглотил таблетки и отполировал коньяком. И ждал, когда начнет действовать.

— Всякую херню городят — сказал я себе.

Две минуты спустя, когда я лежал с краю на постели и пытался с помощью пульта заказать фильм по телеку, меня внезапно вырубило. Обалдеть, что за товар! Я не мог пошевелиться. Полный паралич. И ни на минуту не потерял сознания. Странное чувство. Мне не повезло, когда мышцы схватила судорога, я лежал на краю, поэтому съехал на пол, по дороге ударился головой о кофейный столик. Пиздец как больно! И так застрял между кроватью и стеной. Пять часов не мог ни пошевелиться, ни слова сказать. Поэтому не советую!

Я заметил, как сильно пошатнулось мое здоровье. Вдруг начали трястись руки. Говорил неразборчиво. Быстро уставал. Чтобы избежать этого, постоянно ходил под наркотой, но мой организм успел привыкнуть к наркотикам, которые я принимал, а значит, чтобы быть навеселе, нужно было увеличивать дозировку. Дошло то того, что меня каждую неделю забирали на промывание желудка. Несколько раз мог я мог склеить ласты. Однажды в Нью-Йорке я выклянчил у доктора бутылочку с кодеином и выпил всё одним махом. Ещё чуть-чуть и наступила бы остановка дыхания. Помню только, как я лежу на кровати в гостинице, потею и чувствую удушье, а доктор объясняет мне по телефону, что при передозировке кодеина мозг перестает давать легким команду работать. Мне повезло, что я выжил. Хотя, чувствовал себя так, что был не прочь никогда больше не просыпаться.

Чем хуже мне становилось, тем больше я переживал, что Шарон бросит меня. И чем больше я переживал, тем хуже мне было. На самом деле, я не понимал, почему она еще не ушла от меня. Слышал эти разговоры: «Она с тобой только из-за денег». Но ведь только благодаря ей я жив и могу их зарабатывать. Вдобавок, люди забывают о том, что когда мы познакомились, это она была при деньгах, а не я. Мне грозило банкротство.

Скажу так: Шарон спасла мне жизнь, Шарон и есть моя жизнь, я люблю её. Я страшно боялся её потерять. И, несмотря на мое желание вернуться к нормальной жизни, я был ужасно болен, физически и психически. Даже избегал выступлений на сцене.

Несколько раз я пытался покончить с собой, чтобы не давать концертов. Конечно, я не хотел покончить с собой по-настоящему. Если кто-то решился на самоубийство, то выстрелит себе в голову или прыгнет с крыши высокого здания. То есть, сделает нечто необратимое. Если ты пытаешься «покончить с собой» и

принимаешь кучу таблеток, как я, то наверняка догадываешься, что кто-то тебя найдет. Ты просто даешь сигнал. Но это офигенно опасные игры. Помните, что случилось со Стивом Кларком, моим старым приятелем из «Def Leppard». Хватило немного бренди, немного водки, чуток анальгетика и антидепрессантов и соревнования окончены. Свет погас. Навсегда.

И вот однажды Шарон сказала мне:

— Вобщем так, Оззи, мы летим в Бостон. Я хочу, чтобы ты пошел к врачу.

— А почему нельзя пойти к врачу в Англии?

— Это выдающийся специалист.

— И в чем он специализируется?

— В том, что у тебя болит. Самолет завтра.

Предположив, что речь идет о человеке, который знает все о наркомании, я согласился, и мы полетели в Бостон.

Оказалось, что этот парень — тот ещё сукин сын. Он был лучшим из лучших. Работал в университете при медицинском центре St. Elizabeth's и на стенах его кабинета висело больше дипломов, чем у меня золотых дисков.

— Ну, хорошо, мистер Осборн! — говорит он. — Станьте посередине комнаты и медленно подойдите ко мне.

— Зачем?

— Просто сделай это — прошипела Шарон.

— Ну, ладно.

Подхожу к нему, мне удается это сделать без видимых зигзагов, поскольку, вроде бы, не пил в тот день. Почти.

Потом я должен был следить глазами за его пальцем, который движется вверх-вниз, влево-вправо. Я задумался, какая, на хер, связь с наркоманией? Но это еще не все. Приседаю на одной ноге, поднимаю какие-то тяжести и бегаю по кругу с закрытыми глазами. Прямо как на физкультуре.

— Хм, хорошо — говорит светило. — Абсолютно точно у вас нет рассеянного склероза.

«Что он, бля?»

— Я никогда не думал, что у меня рассеяный склероз — пробормотал я.

— Болезни Паркинсона тоже не наблюдается.

— Про Паркинсона я тоже никогда не думал.

— Тем не менее, — продолжает врач — у вас наблюдаются некоторые симптомы, которые соответствуют этим болезням и определить диагноз весьма трудно. Могу сказать только то, что на данный момент вы абсолютно здоровы.

— Чего???

Я смотрю на Шарон, которая, потупив взгляд, выдавила из

себя:

— Не хотела тебе говорить, Оззи — и мне кажется, что она с трудом сдерживает слезы. — После того, как ты несколько раз прошел обследования, врачи сказали мне, что есть повод для беспокойства. Поэтому мы здесь.

Оказалось, что всё это началось полгода назад. Врачи в Лос-Анжелесе были уверены, что у меня болезнь Паркинсона или рассеянный склероз, и мы должны были полететь аж в Бостон, чтобы проконсультироваться со специалистом. И даже если он ничего не нашел, от самих слов «Паркинсон» и «рассеянный склероз» я запаниковал. Хуже всего, если бы я действительно болел одним или другим, то знал бы уже, откуда взялась эта сраная дрожь в руках. Поэтому мы решили проконсультироваться у другого специалиста. Доктор порекомендовал нам своего знакомого, который руководил исследовательским центром при Оксфордском университете. И мы поехали туда. Врач проделал со мной то же самое, что и его коллега, поставил тот же диагноз: я был здоров.

— Если закрыть глаза на вашу наркотическую и алкогольную зависимость, вы являете собой образец здоровья, мистер Осборн. Как врач, советую вам с сегодняшнего дня начать жить как нормальный человек.

Поэтому, я решил закончить карьеру. В 1992 году отправился на гастроли в поддержку «No More Tears». Мы ее называли «No More Tours»[86]. Это значит: конец, точка, спёкся Оззи. Я колесил с концертами по всему миру уже двадцать пять лет, довольно много. Вертелся как белка в колесе: альбом, гастроли, альбом, гастроли, альбом, гастроли, альбом, гастроли. Покупал дом**а** и никогда в них, на хрен, не жил. Именно так выглядит жизнь пролетария: такое впечатление, что он ни на минуту не может расстаться с работой. Но после визита к врачу в Бостоне я подумал: «Зачем я это делаю? Я могу уже не работать, бабла хватает».

Когда мы вернулись в Англию, Шарон вдруг говорит:

— Не сходи с ума, я купила новый дом.

— Где?

— Называется Welders House. В деревне Джорданс в Бекингемшире.

— До паба далеко?

— Это деревня квакеров, Оззи.

И это был вовсе не прикол. Наверное, ни один дом в Англии не находится так далеко от паба, как Welders House. Я на самом деле разозлился на Шарон, когда мы его купили, и не разговаривал с ней с полгода, потому что сам дом был в

плачевном состоянии. Сказать, что дом был полуразрушен, значит, ничего не сказать. Мы должны были снять дом в Джеррард Кросс и ждать год до окончания ремонта. Даже сегодня я считаю, что Welders House и в подмётки не годится Beel House. Но изнутри оба выглядят замечательно. Говорят, Бенджамин Дизраэли, премьер эпохи королевы Виктории, построил его и подарил своей дочери на свадьбу. Во время второй мировой войны здесь был дом отдыха для офицеров. Когда же на него положила глаз Шарон, дом принадлежал парню, который занимался спецэффектами в «Звездных войнах».

В конце концов, я простил Шарон, потому что когда мы въехали туда, это была сказка. Погода в то лето стояла отличная, у меня было много земли — более ста гектаров — и я мог с утра до ночи гонять на квадроциклах и ни о чем не беспокоиться. Что касается здоровья, то я чувствовал себя намного лучше. Перестал переживать по поводу рассеянного склероза и болезни Паркинсона. Просто думал: «Ну, заболею, и заболею».

Но как только мне стало лучше, я начал скучать, просто подыхал от скуки. Частенько вспоминал отца, который ушел на пенсию раньше срока и сразу же после работы в саду попал в больницу. Я думал так же о счетах за ремонт, вознаграждении для людей из менеджерской фирмы и о том, что бабло, необходимое для того, чтобы эта махина постоянно крутилась, бралась исключительно из моих сбережений. А потом подумал: «Как можно уйти на пенсию в возрасте сорока шести лет?». Я же не работал на дядю, я работал на себя.

Впрочем, то, чем я зарабатываю на жизнь, трудно назвать работой. И даже если это работа, то самая лучшая, бля, на земле, однозначно.

Однажды просыпаюсь, делаю себе чай и говорю Шарон, как бы нехотя:

— Можешь организовать мне концерт в этом году на каком-нибудь фестивале в Америке?

— О чём это ты, Оззи?

— Я хотел бы сыграть концерт. Вернуться на сцену.

— Ты уверен?

— Я скоро свихнусь от скуки, Шарон.

— Хорошо. Если ты говоришь серьезно, я позвоню людям.

Она связалась с организаторами Лоллапалузы. Ей сказали идти в жопу. «Оззи Осборн? Это же, бля, динозавр!» Примерно так сформулировали.

Можете себе представить, как Шарон взялась за дело. Через несколько дней говорит:

— Да пошли они! Мы сделаем свой фестиваль, хрен с ними!

— Подожди-ка, Шарон — я ей в ответ. — Что это значит: «Сделаем свой фестиваль»?

— Наймем какой-то зал и сделаем это сами. А Лоллапалуза сама пусть идет в жопу!

— Дороговато получится.

— Не хочу тебя обманывать, Оззи, даже очень дорого. Но в жизни нужно рисковать.

— В порядке, но прежде чем ты начнешь арендовать стадионы налево-направо, сперва попробуем, хорошо? Начнём скромно, как с «Blizzard of Ozz». Если идея выгорит, тогда и перейдём на б**о**льшие площадки.

— Ты гляди, какой бизнесмен нашелся!

— Как собираешься назвать фестиваль?

— Оззфест.

Как только она сказала это, я думал только об одном: Beerfest. Офигенное, точное название.

И так всё началось. Замысел был таков: взять весь «неформат» — все группы, которым не давали выступать, собрать их в кучу и предоставить публике. Мы и не надеялись, что всё пройдет гладко, но у этих групп не было выбора. В шоу-бизнесе дошло до того, что организаторы заставляли молодых артистов выкупать все билеты за свои деньги, а потом — хоть раздавайте их даром, хоть продавайте. Говённая идея. «Black Sabbath» в начале своего пути с такой херней не сталкивался. В противном случае, мы бы никогда не вырвались из Астона. Откуда бы взялись на это деньги?

Через год, в 1996-ом, мы уже были готовы. И сделали всё именно так, как и предполагалось. Начали скромно, в двух городах Финикс и Лос-Анжелес, в рамках тура в поддержку альбома «Ozzmosis» — тура, который мы неофициально называли «Retirement Sucks Tour»[87]. Лучше и быть не могло. Фестиваль с самого начала был офигенным.

Как только он закончился, Шарон подходит ко мне и говорит:

— Угадай, какая группа была бы самой лучшей рекламой для Оззфеста'97?

— Какая?

— «Black Sabbath».

— Чего?! Ты прикалываешься? По-моему, там же остался только Тони. А их последняя пластинка даже не попала в хит-парады.

— Я имею в виду настоящий «Black Sabbath»: тебя, Тони, Гизера и Билла. Снова вместе спустя восемнадцать лет.

— Ну, хорошо.

— Самое время, Оззи. Топор войны зарыт. Раз и навсегда.

Со времён Live Aid я разговаривал с Тони может раза два. Хотя в 1992 году, под конец тура «No More Tears», можно сказать, мы сыграли совместный концерт в Orange County. Уже не помню, кто первым позвонил, я ему или он мне, во всяком случае, когда речь зашла о нашем воссоединении, у нас состоялось несколько важных телефонных разговоров. Во время одного из них, я наконец-то спросил его, почему меня выгнали. Тони сказал мне то, что я и раньше знал: за то, что я поливал группу дерьмом в прессе, а моё пьянство стало неуправляемым. Но я впервые их понял. Знаете, я не утверждаю, что я согласился с ними, но, определенно, их понял. А впрочем, мне грех жаловаться, где бы я был сейчас, если бы Тони не дал мне тогда пинка под зад.

Тем летом мы поехали вместе на гастроли.

Не сразу удалось собрать оригинальный состав. Был только я, Тони и Гизер, а Билла на барабанах заменял Майк Бордин из «Faith No More». Правда, не знаю, почему Билл не выступал с нами на первых концертах, вроде бы, у него было много проблем со здоровьем, среди прочего, агорафобия[88], а может, мы просто хотели избавить его от стрессов. Однако, под конец года, он сыграл с нами два концерта в выставочном центре Бирмингема. Это был просто отпад! Несмотря на то, что я всегда исполнял вещи «Саббат», лучше всего они получаются, когда мы играем их в старом составе. Даже сейчас мурашки пробегают по коже, когда слушаю записи тех концертов — мы их издали через год под названием «Reunion». Мы ничего не переписывали, ровным счетом ничего. В смысле звука, альбом идеально передает атмосферу тех двух концертов.

Все прошло гладко, и мы решили записать первую совместную пластинку со времени выхода «Never Say Die» в 1978 году. Мы отправились в «Rockfield Studios» в Южном Уэльсе — туда, откуда я ушел из группы двадцать лет тому назад.

Вначале все шло как по маслу. Мы записали две дополнительные вещи для «Reunion»: «Psycho Man» и «Selling My Soul». А потом начались старые штучки. По-крайней мере, мне так казалось.

— Оззи! — говорит Билл, когда мы закончили первую репетицию. — Можешь мне помассировать руку? Что-то побаливает.

«Ага, начинается» — думаю я.

— Я не шучу, Оззи. Ай, моя рука!

Я закатил глаза и вышел из комнаты, а в это время во двор заезжает скорая с включенной мигалкой. Резко останавливается у центрального входа, из неё выскакивают четыре врача и влетают в

студию. Через минуту выносят Билла на носилках. Я по-прежнему считаю, что это прикол. Перед этим мы безжалостно издевались над Биллом и его хворями, нам казалось, что парень хочет отыграться. Я даже был впечатлен, как он всё подстроил. Тони тоже думал, что это шутка. Когда приехала скорая, он собственно собирался пойти погулять. Посмотрел на неё и сказал:

— Это, наверное, за Биллом.

Знаете, Билл всегда был паникёром. Однажды, помню, ещё в те времена, я пришёл к нему домой и услышал:

— О, привет, Оззи! Угадай, что случилось? Я только вышел из комы.

— То есть как: из комы? Это же почти смерть. Ты же знаешь об этом, Билл, правда?

— Я знаю только, что пошел спать в пятницу, а сегодня вторник и я только что проснулся. Выходит, был в коме, так что ли?

— Нет. Ты просто перебрал с таблетками, выдул до фигища сидра и проспал три дня подряд, балбес!

Но в этот раз, как оказалось, Билл не прикалывался. Больная рука была первым признаком острого сердечного приступа. Его родители умерли от болезней сердца, соответственно, у него это было наследственное. Он лежал целую вечность в больнице и даже когда его выпустили, ещё целый год не мог ничего делать. И мы снова были вынуждены выступать без него, что нас чрезвычайно смущало. Когда, наконец, он поправился, мы опять попробовали поработать в студии. Только на этот раз, у нас ничего не клеилось.

Пресса ворчала, что новую пластинку не получилось записать из-за моего эгоизма, но, положа руку на сердце, я сомневаюсь, что именно в этом заключалась проблема. Просто я изменился. Все мы изменились. Я уже не был тем бесшабашным вокалистом, который постоянно пропадал в пабе, но по первому сигналу готов приехать в студию и спеть, главное чтобы Тони придумал новый рифф. Всё было уже не так. Кроме того, моя сольная карьера длилась намного дольше, чем карьера в «Black Sabbath». И если уж совсем начистоту, то трезвость не оказывала положительного воздействия на творческие способности, хоть я и оставался наркоманом. Я мигом поскакал к доктору в Монмоут и попросил прописать мне валиум. К тому же, я ежедневно принимал около двадцати пяти таблеток викодина — благодаря запасам, которые я сделал в Америке. Мне было нужно что-то, не важно что, главное успокоиться. Люди связывали огромные надежды с нашей пластинкой. Но если она окажется хуже предыдущих, какой смысл её записывать? Во всяком случае, я так считал.

Поэтому альбом никогда не появился.

Я снова был Лос Анжелесе, в съёмном доме в Малибу, когда зазвонил телефон. Звонил Норман, муж моей сестры.

«О, чёрт! — подумал я. — Наверняка, плохие новости».

Я был прав.

— Это ты, Джон? — говорит Норман. — Речь идет о твоей матери. Ей нездоровится. Ты должен приехать домой и повидаться с ней.

— Сейчас?

— Да. Мне жаль, Джон, но врачи говорят, что дела плохи.

Прошло одиннадцать лет с тех пор, как мы разругались из-за её войны с газетами, и я редко виделся с мамой, но мы пошли на мировую, хотя и сделали это по телефону. Конечно, теперь я жалею, что не проводил с ней больше времени, ведь она не облегчала мне жизнь постоянными разговорами о деньгах. Наверное, нужно было давать ей больше денег. Но я всегда считал, что сколько бы у меня не было бабла — и оно когда-нибудь кончится.

Сразу же после звонка Нормана я вылетел в Англию со своим ассистентом Тони. Потом мы поехали в Manor Hospital в Волсолле, где она лечилась.

Маме было тогда восемьдесят семь лет, и уже была больна. У нее был сахарный диабет, почечная недостаточность, а сердечко уже еле тянуло. Она знала, что ее время пришло. Не припоминаю, чтобы мама когда-либо ходила в церковь, а тут вдруг стала очень религиозной. Когда я был у нее, она каждую минуту молилась. Мама воспитывалась в католической семье, наверное, решила наверстать упущенное, прежде чем предстанет перед высшим судом. Но вроде бы она не была испугана и не мучалась — а даже, если и так, то по ней не скажешь. Первым делом я спросил:

— Что у тебя болит, мама? Или ты бодришься, чтобы не расстраивать меня?

— Нет, дорогой, со мной всё в порядке. А ты всегда был трусишкой, с малых лет.

Я остался на несколько дней. Мама сидела на кровати и часами говорила со мной, ее рука была подключена к шумному и пикающему аппарату для диализа. Мне она казалась здоровой и я начал задумываться, к чему весь этот переполох. За день до моего отъезда мама просит меня, чтобы я подсел к ней поближе, мол, хочет спросить что-то важное.

Наклоняюсь над ней, сам не знаю, чего ожидать.

— Джон! — спрашивает она. — А это правда?

— Что, мама?

— Правда, что ты миллионер?

— Но, бл… — я осекся. Моя мама умирает, и я просто сказал: — Я не хотел бы об этом разговаривать.

— Да ладно, Джон, скажи. Ну, пожа-а-а-луйста!

— Ну, хорошо, да!

Она улыбается, глаза блестят как у школьницы. Я думаю: «Ну, наконец-то, порадовал её».

А она развивает тему:

— Скажи мне, Джон, а ты мульти-мульти-мульти-мульти-мультимиллионер?

— Но, мама! — говорю я. — Давай не будем об этом!

— Но я хочу знать!

Вздыхаю и говорю:

— Ну, хорошо, да.

На её лице появляется широкая улыбка. С одной стороны, думаю: «Неужели для неё это так важно?». И в то же время, я понимаю, как много лет мы не общались так близко.

Ну, и смеюсь. Она тоже смеётся.

— Ну и как оно? — спрашивает она и хохочет.

— Могло быть и хуже, мама, могло быть и хуже.

Мы попрощались, и вместе с Тони я полетел обратно в Калифорнию. Сразу после посадки должен был выступить в «Universal Amphitheatre» вместе с «Black Sabbath». Помню немногое, потому что я не мог сосредоточиться. Постоянно думал о матери и о том, как она меня спрашивала, не миллионер ли я. После концерта я вернулся домой в Малибу. Открываю дверь, слышу телефонный звонок.

— Джон! — говорит мне Норман. — Мама умерла.

Как же я тогда плакал, чувак! Все плакал и плакал, и не мог остановиться.

Было 8 апреля 2001 года. Всего два дня после нашего разговора в больнице.

Сам не знаю, почему я так тяжело это пережил. Одну вещь я усвоил за все эти годы: я плохо переношу смерть других людей. Дело не в страхе — это нормально, мы все когда-нибудь умрем — но я постоянно задумываюсь, почему существует один или два способа появиться на этот свет и, блин, целая куча вариантов, чтобы его покинуть. Хотя моя мама умерла легко. Норман рассказал, что она уснула вечером и уже не проснулась.

Я не отважился поехать на похороны. Особенно после того, что случилось на похоронах отца. Кроме того, я не хотел быть в центре событий для прессы, а, там — наверняка оказался бы. Люди хотели бы сфотографироваться со мной возле костёла. Я же хотел, чтобы моя мама отошла в мир иной спокойно, без суеты,

связанной с моим появлением. В этой жизни я доставил ей достаточно огорчений и не хотел сделать хуже. Поэтому на похороны не поехал.

И я по-прежнему считаю, что это было правильное решение. Хотя бы потому, что у меня остались такие трогательные последние воспоминания о маме. Четко вижу её, лежащей на больничной кровати, она улыбается мне, спрашивает, каково это быть «мульти-мульти-мульти-мульти-мультимиллионером», а я отвечаю: «Могло быть и хуже, мама, могло быть и хуже».

11. Снова мёртвый

Впервые мы пустили домой телекамеры в 1997 году — в том самом, в котором объединился «Black Sabbath». Мы снимали дом в Беверли Хиллз, в котором раньше жили Дон Джонсон и Мелани Гриффит. Я держался от бухла подальше (ну, почти всегда), но продолжал выуживать таблетки у всех врачей, которые были склонны выписать мне рецепт. К тому же, курил как паровоз. В основном, сигары. Считал вполне нормальным закурить длиннющую «кубиночку», когда ложился спать в девять часов. Я спрашивал у Шарон:

— Ты не против?

Она отрывала глаза от журнала и отвечала:

— Да, не обращай на меня внимания.

Мне кажется, что ребята с телевидения обычно не верили тому, что они видели. Помню, в первый же день ко мне подходит продюсер и спрашивает:

— И что, у вас всегда так происходит?

— Как так?

— Как в сериале.

— В сериале?

— Я имею в виду сыгранность — объясняет он. — Ты входишь в одни двери, собака выходит в другие. Потом дочь удивляется: «Почему эта собака так ходит?». А ты: «Потому, что у неё четыре лапы». Она выбегает, надувшись, следующая сцена. Трудно написать такой сценарий.

— Видишь ли, мы и не особо-то стараемся, чтобы было смешно.

— Знаю, именно поэтому и смешно.

— В моей семье случаются разные вещи — говорю я. — Но ведь в каждой семье что-то происходит, правда?

— Ну, не совсем.

Компания «September Films» выпустила документальный фильм — «Ozzy Osbourne Uncut»[89] — такое дали название; в Британии его показал «Channel Five», а в Америке — «Travel Channel». Зрители сходили по нему с ума. В год премьеры «Пятерка» повторяла его снова и снова. Думаю, что люди не могли понять, как это так, мы изо дня в день боремся с такой же занудной хренотенью, что и другие семьи. Да, я безбашенный рокер, который отгрыз голову летучей мыши и отлил на Аламо, но у меня также есть сын, который любит сбивать настройки в телевизоре. И когда я делаю себе чашку чая, выкладываю ноги на стол и хочу посмотреть какую-нибудь передачу на историческом

канале, ничего не могу с этой фигней поделать. Подобные вещи просто не помещаются у них в голове. Наверное, навыдумывали себе, что если меня не арестовали за распитие в общественном месте, значит, я живу в пещере, свисаю с потолка вверх ногами и пью змеиную кровь. А я напоминал скорее клоуна Коко[90]: прихожу домой после работы, смываю грим, снимаю красный нос и становлюсь отцом.

Документальный фильм получил «Золотую Розу» на фестивале телефильмов в Монтрё в Швейцарии и все вдруг захотели делать из нас звезд экрана. Лично мне никогда не нравилось выступать по телеку. Мне кажется, что я выгляжу неестественно. Вдобавок, не умею читать сценарий, а когда вижу себя на экране, я впадаю в панику. Но Шарон была довольна и мы подписали контракт с MTV на участие в съемках одной серии «Cribs»[91], то есть в сериале, который был улучшенной американской версией «Through the Keyhole»[92]. В то время мы давно уже не жили в доме Дона Джонсона, потому что я наскрёб больше шести «лимонов» на другой дом в том же районе, на Доэни 513. Мы переехали туда насовсем, а в Вэлдерс Хаус наведывались только когда бывали в Англии по делам или навещали родных.

И люди снова сходили с ума. Эта серия «Cribs» быстро стала классикой жанра. Вот так, постепенно, дошло до того, что MTV предложило нам создание своего собственного шоу.

Не спрашивайте меня о цифрах, это епархия Шарон. Если же речь идёт обо мне, то однажды утром я проснулся и обнаружил, что мы снимаем нечто под названием «The Osbournes»[93]. Я был рад за Шарон, поскольку ей нравился хаос в доме. К тому же она любила «светиться» на телевидении. В открытую говорила: «Я — телешлюха». Если б можно было, она бы работала вместо настроечной таблицы на экране.

Скажу вам честно, я надеялся, что материал попадет на полку, а не в эфир.

Прежде, чем мы дали свое согласие, за несколько дней до начала съемок, состоялся семейный совет. Мы хотели знать, не против ли наши дети. Часто слышу, как люди говорят: «Как они могли обречь своих детей на такую популярность?». Но мы не имели понятия, насколько популярным станет на MTV наше маленькое шоу. А, кроме того, наши дети с самого рождения привыкли к шоу-бизнесу. Эйми поехала с нами на гастроли, когда ей не было и года. Келли была из тех девочек, которые стоят перед «джамбо джетом» и поют пассажирам колядку про маленького ослика. А Джек сидел у меня на плечах, когда я выходил петь на бис. Для них это было в порядке вещей.

Поэтому мы не удивились, когда Джек и Келли проголосовали за участие в программе.

Эйми считала иначе. С самого начала она не хотела иметь с этим ничего общего.

Мы отнеслись к её решению с уважением. Эйми предпочла остаться в тени, а мы никогда не заставляли её делать то, что ей было не по душе. Поэтому я объявил всем троим:

— Послушайте, если решитесь в этом участвовать, это как карусель в луна-парке. Вы не сможете её остановить.

Джек и Келли поняли, о чем речь. Или, по-крайней мере, так сказали. Буду с вами откровенен: сомневаюсь, что кто-либо из нас по-настоящему понимал, что из этого получится.

А в это время Эйми приняла решение:

— Веселитесь, ребята, а я отваливаю.

Ну и хитрюга, эта Эйми! Поймите меня правильно: я не утверждаю, что мы, бездумно поставили свои подписи под контрактом, потому что во многом «Семейка Осборнов» оставила удивительные впечатления. Но я ни за какие коврижки бы в это не впутался, если бы знал, что меня ожидает. Хера с два, чувак! Я согласился, в основном, потому что предвидел крах этого предприятия. И даже если бы этого не случилось, я думал, что всё закончится максимум на двух сериях. Американское телевидение — довольно брутальная вещь. Грызня и подставы вне эфира — в порядке вещей и переходят все границы. Рок-н-ролл по сравнению с этим — сраное недоразумение. А так происходит потому, что редкое шоу завоевывает популярность. Я был убежден, что «Семейку Осборнов» тоже ожидает провал.

Нашей первой большой ошибкой было то, что мы пустили их с камерами к себе в дом. Обычно, практически каждый кадр, который мы видим на телеэкране, записан в студии. Потом подбирают готовый фон, например, улица, бар — неважно, главное, чтобы мы думали, что материал снимался на натуре. Однако никто раньше не делал такого шоу, как «Семейка Осборнов» и MTV импровизировало на месте.

Первым делом они разместили свой офис у нас в гараже. Я называл его Форт Апачи[94], он мне напоминал командный пункт. Поставили там мониторы, поделили пространство на маленькие кабинки, повесили огромную доску, где фиксировали всё, что было нами запланировано на ближайшие дни. Насколько я знаю, в Форте Апачи никто не спал. Они так распределили смены, что на КП постоянно находились техники, операторы, продюсеры. Я находился под впечатлением, как спецы из MTV продумали логистику. Были в этом настолько хороши, что могли бы напасть на какую-то страну.

Первые две недели, признаю, в общем, забавно было ходить среди стольких новых людей. Причем настолько классных, что через время мы стали чем-то вроде семьи. Но позже я только и думал, сколько это еще продлится. Знаете, если бы спустя несколько недель съемок в 2001 году мне сказали по секрету, что это всё растянется на три года, я бы отстрелил себе яйца, лишь бы вырваться оттуда. Но кто мог это предвидеть, туды её в качель?

И никто из нас этого не предвидел.

Сперва у съемочной группы была легкая жизнь, потому что мой распорядок дня был весьма специфичен. Каждое утро, хоть камни с неба, я просыпался, делал себе кофе, готовил немного свежевыжатого сока и в течение часа тренировался в спортзале. Было достаточно поставить в нескольких местах неподвижные камеры и снимать всё как есть. Но некоторое время спустя, камеры начали появляться в каждом углу нашего дома, и я почувствовал себя как Штирлиц под колпаком у Мюллера.

— Так! Хватит! — взбунтовался я в конце концов. — Мне нужен схрон, оазис спокойствия, или я сойду с ума.

Поэтому мне выделили одну комнату, где я мог почесать яйца, выдавить прыщ, «взбодрить егорку» и не опасаться за то, что всё это увидят по телеку. Должны же быть какие-то границы подглядывания.

Однажды, сижу я в своем схроне, потягиваю косячок, спокойненько провожу досмотр своего мужского хозяйства и вдруг чувствую себя как-то не в своей тарелке. Сперва подумал: «Это стресс от камер так сводит меня с ума, старая добрая паранойя возвращается». И обшарил всю комнату. А там, в углу, под журналами стоит маленькая шпионская камера. Я разозлился и кричу:

— На хер такой оазис спокойствия, если вы поставили туда грёбаную телекамеру!?

— Не волнуйся, Оззи, она ничего не записывает. Мы просто хотим знать, где ты находишься.

— Херня! — говорю. — Убирайте её отсюда!

— А как мы узнаем, где ты?

— Если двери закрыты, это значит я там!

Шоу впервые пошло в эфир во вторник вечером 5 марта 2002 года. А в среду утром у меня было такое впечатление, будто я оказался на другой планете. Только что был динозавром, которого организаторы Лоллапалузы послали в задницу, а мгновенье спустя уже мчался ракетой через стратосферу с максимальной космической скоростью[95]. Скажу честно, что до «Семейки Осборнов» я не отдавал себе отчета в могуществе

телевидения. Если вы выступаете в Америке в хитовой программе, вас ожидает слава, какую вы не можете даже представить. Такой популярности не удостоится ни один киноактер, ни один политик и, особенно, бывший вокалист «Black Sabbath».

Не могу сказать, что я хоть раз сел и посмотрел шоу от начала и до конца. Но по отрывкам понял, что съёмочная команда справилась с заданием на отлично, а ведь им нужно было просеять тысячи часов записанного материала. Гениальной была уже заставка шоу, где Пат Бун своим шелковым голосом выдавал джазовую версию «Crazy Train». Люблю, когда люди смешивают разные музыкальные стили, для этого нужны мозги. А самое смешное, что я и Пат Бун какое-то время были соседями на Беверли Драйв. Это милейший парень и хоть он принадлежит к конфессии вновь обращенных христиан, но никогда нас не грузил.

Нам сразу стало понятно, что «Семейка Осборнов» — это круто, но только через несколько дней до нас дошло — насколько круто. На следующие выходные, к примеру, мы отправились с Шарон погулять на ярмарке в парке Беверли Хиллз, как мы делали уже не раз. Но буквально спустя секунду, после того как мы вышли из машины, я вижу, как девушка оборачивается, вскрикивает, подбегает с мобильником и говорит:

— Оззи! Оззи! Можно с вами сфотографироваться?

— Конечно.

Тут же оборачиваются другие люди, они тоже кричат, в результате чего оборачиваются следующие и эти тоже кричат. Проходит три секунды, а мне уже кажется, что тысячи людей кричат и каждый хочет сраную фотку.

Ко всему прочему, за нами тащилась еще и съмочная группа MTV.

Ужас какой-то, чувак! Я не то, чтобы жаловался, потому что благодаря «Семейке Осборнов» у меня появилась совершенно новая аудитория, но всё это смахивало битломанию под ЛСД. Я не мог в это поверить, тем более понять. Никогда прежде не был я такой знаменитостью, даже и близко не был. Потому и свалил в Англию немного проветриться. Но там то же самое. Только я вышел из самолета в аэропорту Хитроу, как меня встретила стена фотовспышек и тысячи людей, которые кричали:

— Эй, Оззи! Иди сюда! Давай сфоткаемся!

Очевидно, я уже не был знаменитым как певец. Я стал известным парнем, который матерится перед камерой, из-за чего чувствовал себя довольно странно, не всегда в хорошем смысле этого слова.

Некоторые подняли из-за этого хай. Мол, продался наш Оззи,

потому что его показали по телеку. Фигня, да и только. Дело в том, что ранее никто из рокеров не участвовал в подобных реалити-шоу. А я всегда считал правильным идти в ногу со временем. Нужно пробовать и переходить на следующий уровень, иначе вы застрянете в мертвой точке. Отсутствие перемен кому-то понравится, например тем людям, которые думают, что если вы изменились, значит — продались, но рано или поздно вашей карьере — капец. Так или иначе, многие забывают, что изначально «Семейка Осборнов» была лишь экспериментом MTV. Никто не надеялся, что всё разрастется до таких размеров. Но я ничуть не изменился. Когда я принимал участие в программе, никогда не прикидывался кем-то, кем не был на самом деле. Даже сейчас, когда снимаюсь в рекламе, я остаюсь собой, не изображаю кого-то другого. Ну и как, продался я?

По секрету скажу: благодаря «Семейке Осборнов», случались вещи, от которых я до сих пор не пришел в себя. Например, когда Шарон позвонила Грета ван Сустерен — популярная телеведущая на канале «Fox News»:

— Я хотела бы узнать, не согласитесь ли вы с Оззи побывать на ужине у президента Соединенных Штатов на следующей неделе?

— А что? У него опять проблемы? — спрашивает Шарон.

Грета смеётся.

— Нет. По-крайней мере, насколько мне известно.

— Ну и слава Богу!

— Придете?

— Конечно, это будет честью для нас.

Я не мог поверить, когда Шарон мне рассказала об этом. Я всегда рассчитывал, что в Овальном Кабинете будет висеть моё фото с заголовком РАЗЫСКИВАЕТСЯ, но никак не приглашение на чай.

— О чём со мной хочет говорить президент Буш? — спрашиваю. — О «Black Sabbath»?

— Не волнуйся! — Шарон мне в ответ. — Мы не единственные приглашённые. Это ежегодный «Ужин для прессы в Белом Доме»[96]. У «Fox News» есть свой столик и там будет много людей.

— По-моему, Джордж Буш был губернатором Техаса?

— Да, а что?

— Я когда-то помочился на их Аламо. Надеюсь, он не будет мне этого припоминать?

— Наверняка, он уже и забыл об этом деле, Оззи. Сам порой был не прочь пропустить рюмку-другую.

— Правда?

— Конечно!

И мы отправились в Вашингтон. Прием проходил в «Хилтоне», где когда-то стреляли в Рональда Рейгана. У всех были свежи воспоминания об 11 сентября, и принятые меры безопасности действовали мне на нервы. Когда мы приехали на место, у входа творилась чудовищная суета. Перед отелем стоят пять тысяч телекамер и один единственный маленький детектор металла, который обслуживали два парня. Я должен был схватиться за пиджак Греты, чтобы не застрять в толпе. В это время мой ассистент Тони, маленького роста паренёк, перепрыгнул через верёвку и миновал детектор, чего никто не заметил. Ржу нимагу, чувак! Я мог пронести сраную баллистическую ракету и никто на это не обратил бы внимания.

Начинается приём, а меня охватывает паника. Вот сижу я, недоделанная рок-звезда в обществе всех этих светлых умов и лидеров свободного мира. Что я здесь, на хер, забыл? Чего им всем от меня надо? «Семейка Осборнов» шла по телевизору всего лишь два месяца, и мой мозг не успел еще переварить этот факт.

Вдруг что-то во мне переключается. Сойду с ума, если не напьюсь. Поэтому, я реквизирую у официанта бутылку вина, наполняю бокал, выпиваю его, наполняю, выпиваю, наполняю — и так, пока не осушил бутылку. Беру другую. В это время Шарон свирепо смотрит на меня с другой стороны стола. Игнорирую её. «В другой раз, любимая» — думаю я.

Наконец, в зале появляется первая леди, а за ней — Джордж Буш, который поднимается на возвышение и говорит:

— Это большая честь для нас с Лорой быть здесь сегодня с вами. Благодарим за приглашение. Здесь собралась замечательная публика: серые кардиналы Вашингтона, известные личности, звезды Голливуда, и Осси Озз-бёрн!

К этому моменту я уже был хорошенько поддатый и как только услышал своё имя, вскочил на стол как пьяный придурок и заорал:

— Даааааа!!

Весь зал, на хер, падает от смеха. Но я под мухой и не знаю, когда остановиться. Просто стою на столе и повторяю:

— Даааааа!

Все затихли, тысяча восемьсот человек. Буш смотрит на меня.

— Даааааа! — ору я снова. Тишина.

— Даа…

— О'кей, Оззи — вклинивается Буш. В записи слышно даже как он говорит: — Наверное, это была ошибка.

Наконец, я слез со стола. Нет, наверное, Грета меня стащила оттуда. Тогда Буш начинает шутить обо мне:

— Если говорить об Оззи, то он записал множество суперхитов: «Party with the Animals», «Face in Hell», «Bloodbath in Paradise»…[97]

Я уже хочу обратно влезть на стол и сказать, что эти вещи вовсе не были суперхитами, как Буш переходит к морали:

— Оззи! — говорит он. — Моя мамочка обожает твои песни.

Все покатились со смеху.

Смутно помню, что было дальше. После этого приёма, меня часто спрашивают, что я думаю о Буше. Но у меня нет мнения по этому поводу, потому что я слабо разбираюсь в политике. Ведь кто-то же проголосовал за него, правда? В 2000 и 2004. И весь этот сраный терроризм уже давно набирал обороты, когда его ещё не было при власти. Сомневаюсь, что они сидели в пещере и вдруг сказали: «О, гляди-ка! Буш в Белом Доме. Давай шарахнем самолетами в World Trade Center!».

Дело в том, что я живу в Штатах как гость, а значит, не мне судить. И пробую объяснить это Джеку:

— Не говори здесь о политике, потому что ты не американец. Они просто тебе скажут: «Убирайся из нашей страны, если тебе не нравится». Мы заработали здесь много бабла и должны быть за это благодарны.

А через месяц я повстречался с королевой.

После моего выступления на концерте «Party at the Palace» в честь золотого юбилея Елизаветы II, она подошла ко мне и протянула руку. Прекрасная женщина — всегда так думал. Я очень её уважаю. Вскоре, я снова встретил её, в этот раз — на гала-концерте «Royal Variety Performance»[98]. Я стоял рядом с Клиффом Ричардом. Она смотрит на нас и говорит:

— А, так вот в чем заключается всё это разнообразие. — И заливается смехом.

Я на самом деле думал, что утром Шарон подсыпала мне в хлопья немного кислоты.

Тем не менее, если серьезно, у меня получается общаться с членами королевской семьи. Я даже являюсь послом фонда «Prince's Trust» и несколько раз встречался с принцем Чарльзом. Он отличный парень. Пресса любит вешать на него собак, но если мы лишимся монархии, чем мы её заменим? Президентом Гордоном «Дрыщом» Брауном? Я лично считаю, что королевская семья делает множество добрых дел. Люди думают, что они живут во дворце и всю жизнь только тем и занимаются, что держат скипетр да пялятся в телек. А они, наоборот, в это время вкалывают, всегда на виду. А бабки, которые каждый год они приносят Великобритании — это нехилое состояние.

Я чувствую себя неловко в обществе политиков. Когда встречаюсь с ними, неважно с кем, всегда чувствую себя странно, как-то мне не по себе. Приведу пример: еще во времена «Семейки Осборнов» познакомился с Тони Блэром на вручении наград «Pride of Britain». Он был в порядке, ничего не могу сказать, очень любезен. Но я никак не мог осмыслить того, что наши молодые солдаты гибнут на Ближнем Востоке, а у него есть время трепаться с поп-звездами.

Блэр подходит ко мне и говорит:

— А вы знаете, что я играл когда-то в рок-группе?

— Охотно верю, господин премьер министр.

— Но у меня никак не получалось подобрать аккорды к «Iron Man».

Мне так хотелось ответить: «Офигеть, Тони, это очень важная информация, в натуре. Ты воюешь в Афганистане, кругом гибнут люди. Кого интересует, что ты не смог подобрать сраные аккорды к «Iron Man»?».

Все они одинаковые и нечего заводиться по этому поводу.

Когда начались эфиры «Семейки Осборнов», какое-то время мне казалось, что весь мир хочет познакомиться со мной поближе. Однажды в нашем доме состоялся прием, на который пришла Элизабет Тэйлор. Это был самый сюрреалистический момент всей моей жизни, в детстве папа сказал мне:

— Я хочу, чтобы ты увидел самую красивую женщину на свете.

И позволил мне допоздна сидеть у телека, чтобы посмотреть «Кошку на раскалённой крыше». Такой я и запомнил Элизабет Тэйлор — самой красивой женщиной на свете. Конечно же, я не помню, о чем я с ней говорил, потому что опять был, на фиг, бухой.

Из всех людей, с которыми я познакомился, самое огромное впечатление на меня произвёл, наверное, Пол Маккартни. Я восхищался этим человеком, когда мне еще было четырнадцать лет. Но о чем, бля, с ним говорить? С таким же успехом я мог поболтать бы с Богом. С чего же начать? «А — вот! Ты сотворил Землю за семь дней. Как всё это было?». Мы были на вечеринке по поводу дня рождения Элтона Джона. Рядом со мной, с одной стороны сидит Пол, с другой — Стинг, а напротив — Элтон. Как будто я умер и попал в рай для рок-звезд. Но у меня не клеится разговор с людьми, которыми я восхищаюсь. В основном, действую по принципу: лучше с ними не задаваться. В этом смысле, я очень робкий. В своё время в газетах появились слухи, что я запишу дуэт с Полом, но скажу вам честно, сам он мне об этом никогда не говорил. И очень хорошо, потому что я бы

наложил в штаны от таких известий.

Как-то он пел на «Brit Awards», а я и Шарон были ведущими церемонии. Помню, как во время его выступления, она повернулась ко мне и шепотом спросила:

— Ты себе мог представить, что окажешься однажды на одной сцене с «битлом»?

— Никогда! Даже в самых смелых мечтах — ответил я.

Казалось, ещё вчера я смотрел на его плакат в моей комнате на Лодж Роуд, 14.

С тех пор мы время от времени переписываемся с Полом по электронке. (То есть, я говорю, а Тони забивает мои слова в компьютер, как-то не хватает у меня терпения освоить все эти интернетовские штучки-дрючки.) Всё началось с того, что я услышал в рекламе «Лексуса» песню «Fine Line». Подумал: «Офигеть! Классная мелодия, ничего не случится, если я ее стырю». Обмолвился об этом ненароком парню, который со мной работал. Его звали Джон Роден. Так случилось, что он работал и с Полом.

— А ты знаешь, кто её написал? — спрашивает он.

А я ему в ответ, мол, понятия не имею.

— Мой первый шеф — ответил он.

После этого я больше не покушался на эту песню.

И вдруг, ни с того ни с сего, получаю письмо: «Оззи! Спасибо, что не стырил у меня «Fine Line».

Несколько дней улыбка не сходила с моего лица. Вот так всё и началось. Пишем друг другу на мыло не часто, но если выходит новая пластинка или на него взъелись газеты, я могу черкнуть ему пару строк. Последний раз поздравил его с выходом альбома «Fireman». Вы должны послушать эту пластинку, если этого ещё не сделали, потому что она просто чумовая.

Не все любили «Семейку Осборнов».

Например, Билл Косби. Прямо-таки исходил на говно.

Он не терпел нас, может из-за того, что пресса часто сравнивала его программу с нашей[99]. В одной газете даже написали, что я являюсь «новым любимым папашей Америки». Вот он и написал нам письмо, суть которого можно передать примерно так: «Я видел вас по телеку. Своим вульгарным языком вы показываете дурной пример другим».

Достаточно справедливо, но, знаете ли, ругательства являются неотъемлемой частью нашей жизни, у нас маты летают постоянно. Основной идеей «Семейки Осборнов» был реализм. Хотя я должен заметить, что запипикивание неприличных выражений сделало шоу лучше. В Канаде ничего не запипикивали

и программа, по-моему, уже не была столь смешной. Запретный плод всегда так сладок, правда? Такова людская натура. Если кто-то запрещает вам курить, вы курите ещё больше. Если говорят: «Не принимайте наркотики», вас ещё больше к ним тянет. Поэтому я всегда говорил, что самым лучшим методом борьбы с наркотиками является легализация этой хрени. Люди поймут за пять секунд, что быть наркоманом это полный отстой, ну, а пока в этом всё ещё чувствуется угарная атмосфера бунта.

Во всяком случае, Шарон ответила Биллу Косби:

«Не хочу повторять того, что говорят другие, мистер Косби, но люди в стеклянных домах не должны бросаться камнями. Все мы знаем о вашем романе, о котором писали в газетах. Как насчет навести порядок в собственном доме и только тогда приниматься за наш?».

Она прибавила так же, что если в Америке включить телевизор, там всегда покажут какого-нибудь человека, которого застрелили, зарезали или соскребли с асфальта и никто и бровью не поведет. Но достаточно произнести «бля», как все бьют тревогу. Это какое-то безумие. Ругаться это «фе», а убивать — уже нет.

Билл, следует отдать ему должное, ответил культурно: «Сдаюсь, вы правы, извините!»

На поверку он оказался очень толковым парнем.

Когда «Семейка Осборнов» за такое короткое время достигла такого большого успеха, MTV чуть не обосралось, потому что они не заключили с нами долгосрочный контракт. Начались все эти подходы: а я — вы же меня знаете — терпеть не могу эту фигню.

Это вовсе не означает, что они не пробовали меня втянуть в свои игры.

Вскоре, после того как рейтинги сошли с ума, припоминаю, мы приехали с Шарон в Нью-Йорк на запись шоу «Total Request Live» в студии MTV на Таймс Сквер. Только мы вышли из эфира, к нам подходит босс в пиджачке и говорит:

— Эй, ребята, у меня для вас сюрприз!

— Какой ещё сюрприз? — раздражаюсь я.

— Пойдёмте со мной, убедитесь сами.

Этот типчик провел нас в конференц-зал на одном из верхних этажей здания. В центре стоит стол с телефонами, вокруг расставлены кресла, а за огромными окнами открывается панорама Нью-Йорка.

— Вы готовы? — спрашивает нас эмтивишник.

Мы с Шарон переглянулись. Не знаем, что тут, на фиг, происходит. Вдруг парень ударяет по клавише громкой связи и

оттуда раздается голос как из «Ангелов Чарли»:

— Подарок у тебя?

— У меня — отвечает парень.

— Ну, хорошо. Подари его им.

Типчик вытаскивает из кармана пиджака конверт с золотым тиснением и подаёт его мне.

Открываю, а там — чек на 250 тысяч долларов.

— Что это значит? — спрашиваю я.

— Подарок — говорит парень. — От MTV.

Ну, может и невелик из меня бизнесмен, но даже я знаю, что обналичивание чека на двести пятьдесят тысяч долларов может рассматриваться как подпись на контракте. Если бы эти бабки оказались на моём банковском счете, переговоры по поводу съёмок следующих сезонов превратились бы в пустую формальность. Не знаю, может это действительно был подарок. Может, они и не хотели надуть нас, но мурашки у меня по спине до сих пор ползают. В этот раз даже Шарон не знала, что сказать.

— Спасибо большое — говорю я. — Вы не могли бы отправить это моему адвокату? Он занимается подобными делами.

Что называется, бля, с волками жить — по-волчьи выть.

Летом 2002 года мне казалось, что «Семейка Осборнов» является самым важным событием на земном шаре. Связанный с этим стресс меня добивал. После пьяной выходки на ужине с президентом США я поддавал уже каждый день. Кроме того, поглощал все лекарства, полученные по рецептам, какие только попались под руку, а попадалось много. В определенный момент, я выпивал сорок две различных таблетки в день: успокоительное, снотворное, антидепрессанты, производные амфетамина, антиконвульсанты, нейролептики. Херачил всё без разбору, в невероятных количествах. Половину из них только для того, чтобы подавить побочные эффекты других.

И ничего мне не помогало. У меня были такие сильные конвульсии, трясло как эпилептика. Моя речь была отвратительной. Я уже начал было заикаться, чего раньше со мной не происходило, хотя в семье было несколько заик. Кто-то задавал мне вопрос, а я сразу впадал в панику, и когда слова попадали из мозга на язык, всё смешивалось. Из-за этого переживал ещё больше, потому как думал, что это начало конца. В любой день врач отведёт меня в сторонку и скажет: «Мне жаль, мистер Осборн, но мы только что получили результаты анализов. У вас рассеяный склероз». Или болезнь Паркинсона. Или что-нибудь столь же отвратительное.

Я всё больше этого стыдился. Помню, когда-то смотрел

отрывки из «Семейки Осборнов» и сам не знал, что я несу. Никогда не имел ничего против клоунады, но когда по всей стране люди начали прикалываться над тем, что невозможно ничего понять из моей речи, я закомплексовал.

Чувствовал себя как в школе, когда не мог прочитать вслух ни одной книжки, а все смеялись и называли меня идиотом. Поэтому присел на бухло и таблетки ещё крепче. Но из-за бухла и таблеток у меня усилились конвульсии, это абсолютно противоречило моим ожиданиям, потому что у алкоголиков delirium tremens[100] появляется после того, как они завязали, а не когда они ещё бухают. Кроме того, таблетки, которые мне прописывали врачи, должны были искоренить конвульсии.

Для меня существовало только одно объяснение: я умирал.

И я каждую неделю сдавал новые анализы. Будто нашел себе новое хобби. Но результаты всегда были в порядке. Потом я начал задумываться, а то ли я исследую. В общем, мой отец умер от рака, а не от болезни Паркинсона. Ну, я пошел к онкологу.

— А есть ли, — спрашиваю его, — какой-нибудь суперсовременный аппарат, который проверит, нет ли у меня рака?

— Рака чего?

— Чего-нибудь.

— Хм… есть… в определенном смысле…

— Что значит: в определенном смысле?

— Есть такое приспособление. Но оно будет доступно, по-крайней мере, лет через пять.

— Почему?

— Потому, что его ещё не изобрели.

— В таком случае, что можно сделать?

— Например, колоноскопию. Хотя, знаете ли, не вижу повода.

— Не важно! — говорю я. — Делаем!

Врач дал мне набор, который служит для подготовки задницы к осмотру. Набор, собственно, состоял из четырех бутылочек с жидкостью. Я должен был выпить до обеда содержимое двух, хорошенько просраться, подмыться, выпить две следующие, опять просраться и ничего не есть следующие двадцать четыре часа. После всех этих процедур я так прочистился, что в моей жопе можно было увидеть дневной свет. Потом я вернулся к доктору на обследование.

Сперва он заставил лечь меня на стол и подтянуть колени к груди.

— Вот так — говорит. — Я сейчас вас усыплю с помощью демерола. Потом введу камеру в задний проход. Прошу не бояться, вы ничего не почувствуете. Все записывается на DVD и вы

сможете посмотреть это в свободное время.

— О'кей.

Доктор колет меня иголкой, а я, пока не вырубился, заметил сбоку от себя большой монитор с плоским экраном. И вдруг чувствую, как мне в жопу въезжает нечто, размером с небольшой дом. Я охаю, закрываю глаза, а когда снова открываю, экран показывает в высокой четкости какую-то большую красную пещеру.

— Так выглядит моя жопа изнутри? — спрашиваю.

— Какого черта вы не спите? — вскипел доктор.

— Не знаю.

— Вы не чувствуете слабость?

— Нет, скорее нет.

— Ни капельки?

— Нет.

— В таком случае, дам вам еще демерола.

— Надо, значит, надо.

Во второй раз вкалывает мне этот классный товар. Ах..! Через две минуты спрашивает:

— Ну, как вы себя чувствуете?

— Ничего, спасибо! — отвечаю я и продолжаю смотреть на экране «Путешествие к центру жопы»[101].

— Боже мой! — говорит он. — Так вы ещё не спите? Вколю вам ещё немного.

— Пожалуйста.

Проходят ещё две минуты.

— Ну, а сейчас, мистер Осборн? Прошу поморгать, если вы меня слышите.

— А просто сказать нельзя?

— Это невозможно! Вы — не человек!

— Как я могу спать, когда такое творится? — отвечаю я. — А вдруг сейчас найдутся какие-нибудь потерявшиеся запонки, может старые часы, а может и колготы Шарон?

— Вы не можете находиться сейчас в сознании. Вы получите последний уко…

Темнота.

По окончании процедуры врач сказал мне, что обнаружил несколько случаев аномального разрастания тканей в моей заднице — называются полипы — и что хочет отправить пробу на анализ. Прибавил, что волноваться нечего и был прав, потому что когда пришли результаты, оказалось, что всё в порядке.

А потом я вбил себе в голову, что Шарон тоже должна сделать колоноскопию, потому что никогда не ходила на медосмотры. В конце концов, я так уже её достал, что она

согласилась пойти к врачу перед поездкой с детьми на съемки в Нью-Йорк. Там и находилась, когда пришли её результаты. На этот раз они не были хорошими: в лаборатории обнаружили злокачественную опухоль. Это была ужасная новость, к тому же, полученная при таких обстоятельствах, бля, что в это трудно поверить. Женщина из приемной хирурга просто позвонила на рабочий номер Шарон в Лос-Анжелес и оставила сообщение на автоответчике. Я лично должен был сообщить ей эту новость, но сложилось по-другому. Какая-то тёлка из офиса позвонила Шарон, чтобы уведомить о сообщениях, накопившихся за день:

— Ага, и ещё одно. Вы сидите? У вас обнаружен рак.

Шарон тотчас звонит ко мне.

— Оззи, прошу тебя, только без паники! Я сегодня же возвращаюсь домой, а утром еду в больницу.

Шок. И тишина.

— Оззи, всё будет хорошо. Не паникуй!

— А я не паникую.

Как только она положила трубку, я буквально рухнул на пол и разрыдался. Сколько себя помню, никто и никогда не вылечился от рака. Конечно, врачи всегда говорили людям, что можно выжить, но все знали, что это фигня, лишь бы успокоить пациентов.

Несмотря ни на что, я должен был прийти в норму, прежде чем самолет Шарон приземлится в Лос-Анжелесе. Принял душ, выбрал лосьон после бритья, который нравился Шарон, одел черный выходной костюм, белый шелковый шарф. Я хотел предстать перед женой во всей красе.

И рванул в аэропорт. Когда Шарон наконец-то сошла с детьми и собаками с трапа, мы все обнялись и расплакались прямо у самолета. Позже пробовал хорохориться, но на самом деле я был, на фиг, раздавлен. Угроза рака и так вывела меня из равновесия, но эта новость доконала полностью. Врачи работали со мной сверхурочно, увеличивая дозы того и этого, пятого-десятого. Мне казалось, что моя голова парила в метре от плеч.

— Я выкручусь, — таковы были первые слова Шарон.

Мы возвращаемся домой, а там нас поджидает съемочная команда MTV.

— Послушайте! — говорят они. — У вас есть полное право выставить нас из дома. Только скажите. Вам решать.

Но Шарон и слышать об этом не хотела.

— Это реалити-шоу. Так вот теперь у нас, бля, настоящий реал! Не выключайте камеры!

Нужно иметь не абы какое мужество, чтобы сказать подобное. Но такая у меня жена. Круче только яйца.

Оценивая пережитое, становится ясно, что в июле 2002 года я испытал тотальное нервное расстройство, которое перенес в десять раз хуже из-за того дерьма, которым я пичкал себя в то время круглые сутки. Мало сказать, что я люблю Шарон. Я обязан ей жизнью. Мысль о том, что могу её потерять была для меня невыносимой. Но я не сдавался. В такие страшные минуты вокруг вас включается такое особое силовое поле и вы проходите равнодушно мимо того, что в нормальной обстановке добило бы вас. Это трудно объяснить, просто я заставил мозг мыслить по-другому.

Шарон сделали операцию 3 июля 2002 года. Когда удалили раковую опухоль, врач сказал, что наступит полное выздоровление. Пока они ещё ковырялись с опухолью, взяли на анализ пробы лимфатических узлов. Через несколько дней из лаборатории пришло известие о том, что рак распространился на лимфоузлы. То есть, самое худшее вовсе не миновало, даже наоборот. Тогда я не знал ещё, что шансы выжить у Шарон оценивались в тридцать три процента. Я знал, что впереди у неё месяцы кошмарной химиотерапии.

Это были самые мрачные, болезненные, невыносимые, пересранные дни в моей жизни. Даже представить себе не мог, как всё это переживала Шарон. Практически сразу у неё начали выпадать волосы, она должна была носить парики. И каждый раз, когда её пичкали химией, она возвращалась домой обезвоженная, потому что ее постоянно рвало и сильно трясло. Всё происходило так: первый день после больницы она была одурманена, на второй день — практически без сознания, а на третий — начались приступы. И они становились всё хуже.

Однажды я пошел поужинать с детьми, а когда вернулся, Шарон выглядела так плохо, как никогда прежде. Вместо одного приступа, у неё следовал один за другим. Херово дело. Ждать скорую было бессмысленно, поэтому я лечу в Форт Апачи и кричу типам из MTV:

— Подгоняйте сюда один из ваших грузовиков! Нужно отвезти Шарон в больницу, немедленно! Если будем ждать скорую — будет поздно.

Потом бегу в спальню, вытаскиваю Шарон из постели, выношу её по ступенькам и выбегаю во двор. Грузовик уже стоит возле дома. Два парня из съемочной команды заскакивают вперед, а я с Шарон сажусь сзади. Мы привязали её к носилкам, но она подскакивала на этой херовине так, что офигеть можно. Это было невероятно, как будто сцена из фильма «Изгоняющий дьявола». Казалось, она парила в воздухе, такие сильные были конвульсии. Когда мы приехали в больницу (домчались за три

минуты), повсюду носились с криками медсестры. Это было ужасно, трудно себе представить более кошмарную обстановку.

После этого случая с нами на Доэни Роуд постоянно находилась бригада медсестер, так как я переживал, чтобы с Шарон снова не произошло нечто подобное. А еще поручил своему агенту позвонить Робину Вильямсу, попросить его посетить нас и развеселить Шарон. Я всегда считал, что рассмешить больного — лучшее лекарство для него. А после того, как увидел фильм «Целитель Адамс», пришел к выводу, что Робин думает так же. Он появился в нашем доме, когда я аккурат находился в студии и, видимо, Шарон до вечера заливалась смехом. До сих пор считаю, что это был самый лучший подарок в жизни, который я сделал жене и бесконечно благодарен за это Робину. Сказать «спасибо» — это слишком мало. Этот парень просто удивительный человек. Но, несмотря на комедийное представление Робина, у Шарон в тот вечер случился очередной приступ и её забрали в больницу.

Когда Шарон лежала в больнице, я страшно паниковал. «Заразится там и умрет — думал я. — Достаточно одного шального микроба». Сначала заставил детей носить в её присутствии медицинские маски и перчатки. Однако дети таскали с собой собак, чем доводили меня до бешенства. На самом деле, Минни, собака Шарон, не отходила от неё во время химиотерапии ни на шаг. Ни разу не видел, чтобы за это время Минни кушала или писала. Под конец терапии она была такая же обезвоженная, как и её хозяйка. Однажды прихожу в больницу, а они там обе лежат рядышком, подключенные к одинаковым капельницам. Минни была для Шарон ангелом-хранителем. А вот меня псина не жаловала. Вообще не любила мужчин, терпеть их не могла. Еле держалась на лапах, но, собрав остатки сил, гавкала на меня. В конце концов, Минни окинула меня взглядом, полным презрения, будто хотела сказать: «Фе!»

Мне тоже было херово, когда болела Шарон, но в этом я был виноват сам. Утром выпивал ящик пива, в обед курил до фига травки, пробовал встряхнуться с помощью «спида» и шел на пробежку. Я убегал от суровой реальности и под конец выглядел разхераченным человеком. Пока Шарон однажды не сказала мне:

— Ради Бога, Оззи, дай-ка ты пару концертов. А то и без твоих выходок тошно.

Так я и сделал. Пропустив несколько выступлений на Оззфесте, я вышел на сцену 22 августа в Денвере. Я был весь на нервах, никому не разрешал говорить о раке. У меня сносило башню, как только слышал слово на «р». Однако несколько дней спустя, когда мы были в другом городе — не спрашивайте в

каком — посреди концерта подумал: «Да пошло оно все к ебеней фене! Я не могу притворяться будто ничего не происходит!». Ну и ору в толпу:

— Я хочу сказать вам в каком состоянии находится Шарон. У неё всё в порядке и она победит этот рак. Порвёт ему задницу, на хрен!

Толпа забилась в экстазе. Клянусь Богом, они придали мне сил. Это был волшебный момент. Меня всегда удивляла энергия людей, направленная на что-нибудь позитивное. Через несколько дней я пошел к физиотерапевту, потому что начались какие-то проблемы со спиной.

— Послушайте, что я вам скажу — говорит доктор. — Вы напуганы, но я хочу вам сказать, что у меня десять лет назад было то же, что сейчас с вашей женой. И я выздоровел.

— Вы прошли курс химиотерапии? — спрашиваю я.

— Обошлось без неё.

Это была первая позитивная информация относительно болезни Шарон. По крайней мере, первая оптимистичная, которая до меня дошла. В моём понимании, рак был смертным приговором. И так, наверное, думали тогда многие. Говорили: «Нам жаль слышать такое о Шарон» — и отводили взгляд, как будто было ясно, что она умирает. Но этот парень был другим, благодаря ему я моментально поменял своё отношение раз и навсегда.

Как оказалось, он был прав. После химиотерапии выяснилось, что рак был окончательно уничтожен.

Помню, однажды, прихожу в больницу, а там один из врачей обращается ко мне:

— Доступным для вас языком я должен сказать, что ваша жена будет бороться с последствиями химиотерапии так же долго, как боролась с раком.

— А теперь послушайте, что я вам скажу — отвечаю я. — Как только вы ей сообщите, что анализы в порядке, она свалит отсюда в ту же секунду. И никто её не остановит.

— Не хочу с вами спорить, мистер Осборн — ответил доктор. — Но поверьте мне, у Шарон сил на подвиги не хватит.

Через неделю её выписали. И она рванула оттуда так, что дым столбом.

* * *

Когда мы начинали записывать «Семейку Осборнов», Шарон не разговаривала с отцом уже практически двадцать лет. Что

было довольно печально, потому что я знал, что где-то в глубине души она любит своего старика. Но после того, что он натворил, Шарон перестала с ним разговаривать. Даже сказала детям, что их дедушка погиб во время войны, хотя они довольно быстро узнали правду. В общем, помню тот день: сидим в машине, едем по Беверли Хиллз, вдруг Шарон тормозит, разворачивается в неположенном месте и останавливается возле кулинарии «Nate 'n Al's».

Ни у кого не было времени спросить, что ей взбрело в голову, как она высовывается в окно и орёт:

— Мудак! Сраный мудак!

Вижу, на улице стоит Дон. Тотчас понеслась ругань в ответ. Помню также, как он подходит к машине, наклоняется, его отделяют считанные сантиметры от лица Шарон и он называет её «ёбаной шлюхой». Шарон ударяет по газам, и мы срываемся с места, оставляя его кашлять и давиться в клубах черного дыма из-под колёс.

В это время в машине стоит гробовая тишина. Понятия не имею, как, бля, объяснить детям, что случилось. Вдруг с заднего сиденья доносится тоненький голосок Эйми:

— Мама, а почему Тони Кёртис назвал тебя шлюхой?

— Потому что Тони Кёртис — сраный мудак! — следует ответ.

До сих пор не знаю, почему Эйми думала, что Дон — это Тони Кёртис[102]. Может так ей сказала Шарон, а может, дочь видела Кертиса по телеку — в то время он был близнецом Дона. Но это уже не имело значения потому, что тогда Шарон рассказала детям всю правду.

Это был не единственный случай, когда мы столкнулись с Доном в Лос-Анжелесе. Однажды мы пошли в кино в торговом центре «Century City» и ожидали, когда подгонят нашу машину. Вдруг, я замечаю Дона, стоящего за Шарон.

— Пообещай мне, что ты не будешь свирепствовать — говорю я.

— А что?

— Ты просто пообещай.

— Хорошо, обещаю.

— Прямо за тобой стоит твой отец.

Именно в этот момент появляется парень с нашей машиной. «Слава Богу!» — подумал я.

— Садись в машину! — рявкнула Шарон.

— Надеюсь, ты не наделаешь никаких глупостей?

— Нет.

— Точно?

— Садись, блядь, в машину!

Сажусь рядом с ней и закрываю дверь. Шарон садится за руль. И тогда превращается в дьяволицу. Педаль газа в пол, вскакивает на бордюр и мчится прямо на отца. Он должен был отпрыгнуть за живую изгородь, чтобы его не задавило. Она чуть не убила Дона на глазах пятидесяти свидетелей. Это было страшно.

Потом Дон надолго скрылся из поля зрения. Пока в конце 90-х не умерла мать Шарон. Подробностей я не знаю, но и за ней числились дебильные выходки, это привело к тому, что они перестали друг с другом разговаривать. Взрывоопасная семейка, эти Ардены. У них часто доходило до словесных издевательств, которые, по-моему, еще хуже, чем физическое насилие. Во всяком случае, примерно через год после смерти её матери, до нас дошли слухи от родственников в Англии, что Дон болен и дела его плохи. Шарон подыскала ему жилье, несмотря на то, что они по-прежнему не разговаривали. В конце концов, мне звонит Дэвид, брат Шарон.

— У меня плохие новости — говорит. — У Дона — болезнь Альцгеймера.

Я не мог скрывать это от Шарон.

Сперва она отмахнулась и сказала, что и так поддерживает его материально. Тогда я сказал:

— Послушай, я не знаю, какие чувства ты испытываешь к своему отцу на самом деле, но я настоятельно рекомендую: если хочешь ему что-то сказать, пусть даже снова назвать его мудаком, то сделай это сейчас. Потому что с каждым днем он угасает как свеча.

Дело в том, что я не признаю семейных распрей. Поймите правильно: бывает, я злюсь на людей, порою даже очень. К примеру, на Патрика Миэна или на адвоката, который пробовал нам выставить счет за пиво или на Боба Дэйзли. Но я не испытываю к ним ненависти и не желаю зла. Я считаю, что ненависть, блин, это пустая трата времени и сил. Какая от этого польза? Никакой! Не собираюсь облачаться в перья Архангела Гавриила, я просто считаю, если вы на кого-то разозлились, назовите его козлом, только не держите это в себе. Нам так мало отпущено.

В конечном итоге, Шарон наконец-то решила с ним повидаться и он снова появился в нашей жизни. Даже принял участие в нескольких сериях «Семейки Осборнов». Знаете, я радовался этому, несмотря на то, что он практически всё время, сколько я его знаю, называл меня Овощем. А когда Шарон решила освежить супружескую клятву — она тогда ещё проходила курс

химиотерапии — мы пригласили Дона принять участие в церемонии, которая состоялась накануне Нового Года в «Beverly Hills Hotel». Всё было выдержано в еврейском стиле: балдахин, битьё бокалов и тому подобное.

Многие тогда подходили ко мне и спрашивали: «Как вам удалось прожить столько лет вместе?». Я отвечал им так, как и всем отвечаю сегодня. Никогда не переставал говорить жене, что люблю её. Никогда не переставал приглашать её в ресторан. Никогда не переставал удивлять её маленькими подарками. К сожалению, в то же время, не переставал пить и употреблять наркотики. Церемония закончилась так же, как и первая: я нажрался как свинья и уснул в коридоре.

Нечто по имени Дон Арден, которого я знал с начала 70-х, просто перестал существовать. Как будто в доме горит свет, но в нём — никого. Ужасный итог! Вот что я вам скажу, после того, что случилось с моим тестем, я не пожелаю болезни Альцгеймера даже самому последнему долбаному врагу. Несмотря на то, что он натворил за эти годы и то, что он имел отношение к судебным искам Боба Дэйзли, мне на самом деле было его жаль.

В конце концов, мы отдали его в дом престарелых.

Помню, как у него образовывались серные пробки в ушах, и всегда, когда мы приходили его проведать, я закапывал ему уши. Не знаю, почему это доверили мне, я просто делал, но подозреваю, что это происходило из-за сочувствия. Такой порочный, могущественный, страшный человек вдруг превращается в ребенка.

— Папа! — спрашивает однажды Джек. — Когда люди видят тебя по телеку, они смеются **с тобой** или **над тобой?**

Видимо этот вопрос созрел уже давно.

— Знаешь что? — ответил я. — Мне всё равно — главное, чтобы смеялись.

— Но почему, папа? Тебе нравится быть клоуном?

— Я всегда умел посмеяться над собой, Джек. Чувство юмора помогло мне выжить.

И, знаете ли, это — правда. Я имею в виду: не нужно много, чтобы я разозлился — хотя на старости лет все чаще думаю: «На фиг! Зачем задираться? Рано или поздно, всё как-нибудь само устаканится». Даже трудно сосчитать все те случаи, когда чувство юмора спасало мою задницу. И началось это вовсе не с «Семейки Осборнов». Уже в «Black Sabbath» я был клоуном. Именно я всегда всех смешил.

Но мне было неловко перед Джеком. Должно быть, он тяжело переживал это, особенно первые два года шоу, когда я был

трясущимся, бормочущим, поддатым паяцем. Скажу вам как на духу: даже не представляю себе этого. То же самое с Келли. Когда мы стали мегазвездами, я впервые осознал, почему все эти новоявленные голливудские звёздочки накачиваются наркотой и каждую неделю попадают на реабилитацию. Речь идёт о давлении, которое попросту валит с ног. Постоянно. День за днём. Уже в первый год эфира Келли спела «Papa Don't Preach» на церемонии MTV Movie Awards. Она спускалась по длинной лестнице, а все звезды шоу-бизнеса сидели в зале и пялились на неё. Но Келли взяла быка за рога. И ей нравилась каждая минута выступления, так же как и зрителям.

Но у неё, как и у всех нас, были свои проблемы. У меня чуть не остановилось сердце, когда я заметил, что Джек начал подсаживаться на наркоту. Он тоже сильно переживал болезнь Шарон — до такой степени, что начал принимать оксиконтин, который в Лос-Анжелесе называют «героином для лохов». Помню, как мы разругались из-за этого. Я сказал тогда:

— Какого хера, Джек? Почему постоянно ходишь поддатый? Ты никогда ни в чем не нуждался. Чего тебе не хватало?

Он только посмотрел на меня и сказал:

— Отца.

Такие мгновения невозможно забыть.

Тогда я впервые увидел счёт за то, как я жил всё это время. И его должен был оплатить мой сын, которого я так сильно любил, которым так гордился, но меня с ним не было рядом. Ужасное чувство.

Всё, что я смог сказать:

— Прости, Джек!

После этого случая Джек завязал. А я — нет.

В августе 2003 года я трясся так, что уже не мог ходить, не мог ничего держать в руках, не мог общаться. Дошло до того, что Шарон начала ругаться с моими врачами. Лекарства, которые они мне прописывали, только ухудшали мое состояние, вместо того, чтобы помогать.

Пока, в конце концов, мною не занялся новый врач, Аллан Роппер. Он работал в той же бостонской клинике, в которой я узнал в начале 90-х, что у меня нет рассеянного склероза. Роппер лечил тогда болезнь Паркинсона у Майкла Джей Фокса. Шарон прочитала о нём статью в журнале «People». Уже на первом визите Роппер попросил отказаться от всех лекарств, которые я принимал. Затем положил меня на пять дней в свою клинику и провёл все возможные исследования, какие только были известны современной медицине. В ожидании результатов прошла ещё

неделя.

Наконец, мы отправились с Шарон к нему, чтобы узнать, наконец, что, бля, со мной не так.

— Я так думаю, что мы докопались до сути проблемы — говорит док. — Дело в том, что у вас, мистер Осборн, весьма, весьма редкостный недуг, причиной которого является тот факт, что у вашего отца, равно как и у матери, был поврежден определенный хромосом. И когда говорю: весьма редкостный недуг, имею в виду один случай на миллиард. Хорошая новость такова — у вас нет ни рассеянного склероза, ни болезни Паркинсона. Плохая новость заключается в том, что у этой болезни даже нет названия. Уместно было бы употребить название: паркинсонизм.

— Поэтому я трясусь?

— Именно так.

— И это наследственное? Нет связи с алкоголем и наркотиками?

— Алкоголь и некоторые наркотики обостряют то, как болезнь протекает. Но они не являются её первопричиной.

— Это можно вылечить?

— Да, но прежде я должен вам кое-что сказать, мистер Осборн. Если вы собираетесь продолжать пить и принимать наркотики, то поищите себе другого врача, мне не нужны такие пациенты. У меня много работы и очень длинная очередь, а я не хочу тратить своё драгоценное время впустую.

До сих пор ни один врач не разговаривал со мной таким образом. По его лицу я понял, что это не шутка.

— ОК, доктор! — говорю. — Я приложу максимум усилий.

— Вот и хорошо. С сегодняшнего дня вы будете принимать по две таблетки в день. Вы должны почувствовать ощутимое улучшение самочувствия.

Действительность оказалась в тысячу раз лучше. Дрожь исчезла буквально на следующий день. Я снова мог ходить. И заикался уже не так сильно. Смог даже пойти в студию и записать новую версию «Changes», на этот раз с Келли.

С тех пор, как я назвал одну из песен на пластинке «Ozzmosis» в честь Эйми, я пообещал Келли, что спою для нее какую-то особенную вещь. А она постоянно повторяла: «Почему у Эйми есть своя песня, а у меня — нет?». Факт остается фактом, что даже у Джека была своя песня «My Little Man», также на «Ozzmosis». Поэтому, я был в долгу перед Келли, кроме того, хотел ей помочь, так как она — моя любимая дочурка. Поверьте, я всех детей люблю одинаково, но Келли, так уж получилось, всегда была последней в списке.

Поэтому мы и записали «Changes» — одну из моих самых любимых вещей, слегка лишь изменив текст, чтобы подходило отцу и дочери. Получилось так классно, что я уже видел её на первом месте в рождественском хит-параде. В декабре мы полетели в Англию, чтобы рекламировать песню. Я тогда уже не пил, в соответствии с предписаниями Роппера, но продолжал пожирать самые разные таблетки. Невозможно вот так, на раз-два, перестать быть наркоманом. Можно сказать, что я ежедневно играл в русскую рулетку. В то время, я подсел на хлоралгидрат, это, наверное, — древнейшее снотворное в мире. Но и так это был огромный прогресс по сравнению с той горой наркоты, которую употреблял всего лишь несколько месяцев назад, и я уже без проблем смог выступить вместе с Келли в «Top of the Pops». Потом поехал на выходные в Welders House в компании своего ассистента Тони.

MTV разместило там съемочную команду, потому что большинство наших семейных занятий уже набило оскомину людям и телеканал старательно искал новых идей. Но и там снимать было особо нечего. У меня был квадроцикл «Ямаха Банши» с двигателем 350 $см^3$, этакий снаряд на колесах и я часами гонял на нем по полям. Все выходные был занят исключительно этим. А в понедельник утром 8 декабря, когда «Changes» поступил в продажу, снова вывел стального коня в поле.

Этим я уже слегка поднадоел съемочной команде. Они даже не включали камеры. Помню, как слез с квада, чтобы открыть ворота, как закрыл их, когда все вошли, как вскочил в седло и погнал проторенной дорожкой и как притормозил перед съездом с крутой насыпи. Проблема с квадроциклами такова, что у них нет, в отличие от мотоциклов, ручки газа. На моём был только маленький рычаг, который передвигался взад-вперед, чтобы ехать быстрее или медленнее. Его легко можно было случайно задеть, особенно, если квад бросало из стороны в сторону. Именно это и случилось, когда я съехал с насыпи. Передние колеса попали в выбоину, правая рука соскочила с руля и ударила по ручке, движок офигел, квад вылетел из-под меня, сделал сальто назад, а я упал на траву. За одну миллионную часть секунды подумал: «Ух, не всё так плохо».

А потом четырехколёсный упал на меня.

Хрусь!

Когда я открыл глаза, у меня было полно крови в легких и сломана шея — так мне позже объяснили врачи.

«Ну, теперь уж точно умру!» — подумал я.

Можете верить, можете нет, но в этом виноваты проклятые фашисты. Выбоина, в которую я попал, была остатками воронки от авиабомбы времён Второй мировой войны. Я тогда об этом ещё не знал, но в окрестностях Вэлдерс полно таких мест. Немецкие летчики подссыкали и вместо того, чтобы лететь к большим городам, где их проще было сбить, бомбили Бекингемшир, а потом, доложив о выполнении задания, сваливали домой.

Практически ничего не помню, что было в следующие две недели. Сразу после аварии попеременно то терял сознание, то приходил в себя. Смутно припоминаю как мой телохранитель Сэм посадил меня на сиденье мотоцикла и повез по полю. Потом уже отрывками в памяти всплывает интерьер скорой и множество врачей, которые смотрят на меня сверху.

— Как вы довезли его до скорой? — спрашивает один из них.

— Посадили на заднее сиденье мотоцикла — отвечает чей-то незнакомый голос.

— Это могло кончиться параличом! Боже милостивый, у него же сломана шея. Ему крупно повезет, если он будет ходить.

— Как по-другому мы должны были вывезти его из леса?

— Вертолет уже вылетел.

— Мы не знали.

— Ну, понятно!

Потом мир стал расплываться.

Очевидно, ещё перед тем, как потерять сознание, я успел схватить врача за рукав и шепнуть ему на ухо:

— Делайте, что нужно, только не вздумайте испортить мне татуировку.

Шарон была в Лос-Анжелесе, Тони позвонил ей и передал трубку главврачу. Когда он рассказал ей обо всем, было решено, что меня переведут в хирургию.

Я был очень тяжело ранен. У меня была повреждена не только шея, я сломал восемь ребер и пробил легкие, именно поэтому они наполнялись кровью. Поломанная ключица разорвала главную артерию на руке, туда перестала поступать кровь. Какое-то время врачи хотели отрезать её. После операции меня ввели в состояние искусственной комы, иначе я бы не перенес боли. Если бы тогда откинул копыта, это был бы для меня достойный конец: всю сознательную жизнь я пытался попасть именно в такую кому. Проспал восемь дней. Потом меня начали постепенно приводить в сознание. И только через шесть дней я полностью пришел в себя. В это время у меня был самый офигительный сон в моей жизни, какой можно только себе представить. Необычайно выразительный сон, круче, чем «галлюны». Английский National Health Service обдолбил меня

каким-то клёвым товаром, потому что я помню каждую мелочь, как будто это случилось вчера.

Сон начинается в Монмутшире, куда я ездил на репетиции с «Black Sabbath» и с музыкантами, когда уже выступал как сольный артист. Идёт дождь, собственно, льёт как из ведра. И вот стою я в коридоре «Rockfield Studios», а передо мной как бы замаскированное ограждение, типа колючей проволоки в окопах второй мировой. Слева — окно. Когда смотрю в него, замечаю там Шарон на какой-то вечеринке. Она меня не видит, а я её — вижу. Я слежу за ней, когда она уходит с вечеринки с красивым богатым парнем, у него личный самолет. И я думаю во сне: «Это моя жена. Она уходит от меня». Печально. У парня взлетная полоса прямо во дворе, а в конце полосы лежит огромная волына. Вдруг он смотрит на меня, а я даю ему телескопический прибор ночного видения, хочу ему понравиться. Он посылает меня подальше, и я вновь чувствую себя отвергнутым. В этот момент все гости вечеринки выбегают на лужайку. Толпа разрастается и становится аудиторией на музыкальном фестивале.

И тут появляется Мэрилин Мэнсон.

Бредятина полнейшая!

Потом я сижу в самолете богатого парня и лечу в Новую Зеландию. В кабине пилотов наливают «Гиннесс» из бочки. Я так думаю, в этом есть какая-то связь со свадьбой моего сына Луиса в Ирландии, на которой я не был, потому что лежал в больнице. В Новой Зеландии встречают Новый Год. Там находится Джек: он перекрасил волосы в белый цвет и пускает петарды. Затем его арестовывают.

В тот момент в мой сон врывается Донован и начинает петь «Mellow Yellow».

Самым невероятным было то, что когда я на какое-то время приходил в себя, некоторые элементы моего сна, как оказалось, произошли на самом деле. Например, я думал, что живу в будке, где продают рыбу и картофель-фри, а на самом деле — лежал в палате напротив больничной кухни и чувствовал запах еды. Потом увидел своего гитариста Закка Вайлда, что во сне мне казалось невозможным, поскольку он жил в Штатах, но позже я узнал, что он прилетал в Англию проведать меня.

Во сне увидел его одетым в кружевное платье, танцующим с ведром и шваброй. Но это было неправдой.

Или, по крайней мере, я надеюсь, что это так.

— Оззи! Оззи! Ты слышишь меня?

Это Шарон.

После практически двухнедельной комы меня привели в

чувство.

Открываю глаза.

Шарон улыбается и вытирает лицо мокрой салфеткой.

— У меня есть для тебя новость — говорит она и сжимает мою ладонь.

— Мне приснилось, — я перебиваю её, — что ты бросила меня ради парня с самолетом.

— О чём ты говоришь, Оззи? Не мели чушь. Никто никого не бросает. Все тебя любят. Жаль, что ты не видишь цветов, которые принесли сюда твои фаны. Ты будешь тронут. Они прекрасны. — Она снова сжимает мою ладонь и прибавляет: — Ты хочешь узнать новость?

— Конечно. Что с детьми?

— Вы с Келли на первом месте. Блин, ты сделал это!

— «Changes»?

— Да! И мимоходом ты установил рекорд, Оззи. Ты единственный, кому потребовалось аж тридцать три года с момента появления в хит-параде, чтобы твоя песня наконец оказалась на первом месте. Подобным достижением до тебя могла похвастаться только Лулу[103].

Выдавливаю из себя улыбку.

— Так ты поднимаешь мне настроение? — спрашиваю я и заливаюсь смехом.

Не совсем удачная мысль, принимая во внимание восемь поломанных ребер.

Вообще-то, я ненавижу Рождество. Если вы алкоголик, тогда это — лучшие праздники в году. А если человек не пьёт, тогда всё превращается в настоящий кошмар. Ещё я ненавижу обязательно всем покупать подарки. Вовсе не потому, что я жмот, просто люди дарят подарки не по собственной воле, а потому, что так принято.

Я всегда считал это полнейшей ерундой.

Но Рождество 2003 года было исключением. Я не смог удержаться с Келли на первом месте в рождественском хит-параде, нас оттуда подвинули Майкл Эндрюс и Гари Джулс со своей версией «Mad World», но жизнь продолжается. Что само по себе было невероятным, если призадуматься. Меня лишь расстроило то, что ни один из моих старых корешей по «Black Sabbath» не позвонил, чтобы сказать мне, как ему нравится «Changes» или поздравить меня с успехом. Да хоть бы сказали, что это куча дерьма, всё же лучше, чем молчание. Неудивительно, что в Монмутшире дождь лил как из ведра, когда он мне снился.

Ну и фиг с ними, чувак! Невелика потеря.

Вэксхэм Парк, где я лежал в коме, был приличной больницей,

но я, в конце концов, посрался с тамошними врачами. Хотел уже вернуться домой, так как мне становилось там невмоготу, но мне сказали, чтобы я даже не думал об этом. В то время я не мог ходить, носил на шее «воротничок», рука не слушалась, ко всему прочему меня донимала невыносимая сраная боль. И тот блядский сон не давал мне покоя. Я был уверен, что Шарон летает по свету на личном самолете в ванне с горячей водой, а на борту какой-то миллиардер трахает её во все дыры. Мне казалось, что если я останусь в больнице, у меня не будет больше шансов вернуть её, прежде чем Шарон прибежала с детьми в больницу, чтобы в тысячный раз сказать, что всё нормально, это — просто сон, было уже поздно: я успел выписаться. Что делать, ей пришлось поставить больничную койку в Welders House и нанять сиделку, которая подтирала мне задницу и отряхивала мой член. Долгие недели единственным средством передвижения из комнаты в комнату была инвалидная коляска. А каждый вечер меня заносили по ступенькам наверх в спальню.

Наконец я выздоровел. Понятное дело, до идеального состояния немного не дотягивал. У меня ухудшилась первичная память, хотя, не исключено, что это — из-за возраста или снотворного. А в грудной клетке полно еще гаек, болтов и металлических прутьев. Когда я прохожу в аэропорту через детектор металла, в Пентагоне объявляют тревогу.

Но вы знаете, я не жалуюсь. Помню, как впервые после аварии полетел в Штаты на медосмотр. Врач просвечивает меня рентгеном, развешивает снимки и присвистывает, рассматривая их.

— Отличная работа! — говорит он. — Сильно ударило по карману? Во сколько всё обошлось? Шесть нулей? Семь?

— А, собственно, ни копейки — отвечаю я.

— Как это? — спрашивает врач с недоверием.

— Минздрав платил, — говорю и пожимаю плечами.

— Ититьская сила! — выдавил из себя док. — Ничего удивительного, что вам, англичанам, всё равно, какая погода.

Когда я встал с инвалидной коляски и избавился от «воротничка», пришло время для пересмотра нового контракта с MTV. Но очередного сезона «Семейки Осборнов» я бы уже не пережил.

Хорошего понемножку.

Впрочем, MTV уже успело запороть шоу, пробуя выжать из него столько бабок, сколько можно. Казалось, что его передают двадцать четыре часа в сутки. А когда чего-то много, людям становится скучно. Хотелось, чтобы зрители говорили: «О, девять

часов. Пора смотреть «Семейку Осборнов». Было бы лучше, если бы аудитория сгорала от нетерпения. А если зритель получает одно и то же каждый день, то говорит: «Да ну её, завтра будет повторение». Именно так случилось с программой «Who Wants to be a Millionaire?»[104]. На первых порах это **было** гениальной идеей, а потом трудно **было** от этой программы избавиться.

Другой проблемой стало то, что за три года было снято всё, что только можно было снять. Когда пришло время последнего сезона, мы вынуждены были придумывать что-то новенькое. Мы стали такими популярными, что всякий раз, когда выходили из дому, нас окружали толпы. Всё это казалось немного наигранным, что прямо противоречило самому замыслу «Семейки Осборнов».

Поэтому мы сказали «нет». В 2005 году программу сняли с эфира, Форт Апачи опустел, съемочная команда уехала. Вскоре после этого от нас переехали Джек и Келли. Но я радуюсь нашему успеху на телевидении, особенно, сотрудничеству с MTV. Им до сих пор нравятся реалити-шоу. Сейчас, чтобы увидеть видеоклип, нужно досидеть до трех часов ночи. Когда закончились эфиры нашего шоу, многие пытались приписать себе все заслуги, но я-то никогда не сомневался, кто были настоящие создатели «Семейки Осборнов».

Их звали Осборны.

Благодаря этой программе Шарон удалось засветиться и сделать успешную карьеру на телевидении. По окончании курса химиотерапии, я просто хотел, чтобы она была счастлива. Шарон оказалась в жюри на программе «The X Factor» и ей это очень понравилось. Когда она уходила оттуда после четырех сезонов, я сказал ей:

— Послушай, если ты на сто процентов уверена, что хочешь уйти, я тебя полностью поддерживаю.

Позже оказалось, что она правильно сделала, потому что сейчас ей по кайфу в программе «America's Got Talent».

Должен признать, что после съёмок «Семейки Осборнов», я думал что моя жизнь войдет в привычное русло. Хера с два! Для начала, Welders House сгорел дотла трижды. Однажды ночью, я чуть не убил домушника, которого накрыл в собственной ванне.

Клянусь, только со мной случается такая фигня.

Если бы не мой раздолбанный мочевой пузырь, я бы этого типа и не увидел. Мой краник не закрывается всю ночь. А всё потому, что я много пью, даже если это не алкоголь. Чай завариваю себе в чашках размером с кастрюлю. И могу выглушить таких чашек дюжину за день. Всё в жизни делаю по-максимуму.

Во всяком случае, ограбление произошло рано утром до

первых петухов, в понедельник 22 ноября 2004 года. Просыпаюсь и иду отлить. К счастью, я не был одурманен ничем, кроме тех таблеток, которые принимаю обычно, а значит, не шатался и не врезался в различные предметы на своем пути. Иду голый по дому, вхожу в ванную, на другом конце которой находится маленькая ниша с туалетным столиком. Включаю свет, поднимаю крышку унитаза и бросаю взгляд на туалетный столик Шарон. А там он — парень, примерно моего роста, весь в чёрном, на лице маска. Он присел на корточки, но спрятаться негде.

Трудно описать какой страх испытывает в этот момент человек. Но события разворачиваются мгновенно. Как только парень понял, что я его заметил, он рванул к окну и влез на подоконник. По какой-то причине — Бог его знает, если учесть, какой я ссыкун — бегу за ним и хватаю его за шею, прежде чем он выскользнет наружу. Ну, вот он лежит на спине, этот домушник, вытаращил на меня глазёнки, а я стискиваю рукой его горло. И думаю себе: «Хорошо, и что дальше?» Так выжидаем целую вечность. Все молчат. Я думаю, что мне с этим делать.

«Что будет, если я втащу его внутрь, а он вынет ломик или пушку?» Может внизу его ждет сообщник, который придет на помощь в случае опасности. Я был не очень настроен драться в четыре утра. Забыл надеть прикид Рэмбо, скажем так. Ну и думаю: «А не лучше ли прикончить подонка? В общем-то, он влез в мой дом без приглашения». Но как я буду жить дальше, сознавая то, что лишил кого-то жизни, если мог его отпустить?

В конце концов, вытолкал этого хрена за окно. Было слышно, как тот падает с третьего этажа, цепляясь за ветки деревьев. Потом я наблюдал, как он ковыляет через поле, охая на каждом шагу. Хоть ему и повезло, но что-то он себе все-таки сломал.

Этот ублюдок смылся с драгоценностями на сумму два миллиона фунтов и копы его не поймали. Украденное было застраховано, но в такой ситуации компенсация всегда меньше стоимости украденных предметов. Может, следовало позвать Шарон, чтобы она нажала тревожную кнопку, но это не пришло мне в голову. Я рассказал ей эту историю после того, как всё закончилось.

Но это же просто вещи, не правда ли? А ведь могло быть намного хуже. Он мог меня ударить по голове бейсбольной битой, когда я спал. Мог изнасиловать Шарон. Знаете, как народ в пабе бахвалится: «Бля, вот если бы этот подонок попался мне, я бы ему показал!». Но поверьте, если это случится внезапно, всё выглядит совершенно по-другому.

С тех пор я прикупил в дом пару стволов и если вдруг появится ещё один джентльмен удачи, так просто ему не

отделаться. С другой стороны, не знаю, а был бы я настолько отважен, чтобы застрелить человека. Да и с оружием, бля, шутки плохи. Папаня часто мне повторял, если ты направил на кого-то оружие, неважно какое, будь готов его применить. В противном случае, этот кто-то увидит нерешительность в твоих глазах, отбёрет оружие и использует его против тебя. И вот тогда — беда.

На следующий день после ограбления, газеты сходили с ума, впрочем, как всегда, если речь идёт обо мне. «Голый Оззи ведёт отчаянную схватку с похитителем драгоценностей в своем доме» — гласил заголовок в «The Sun».

Репортёры других изданий поехали в Астон, чтобы написать о том, как я воровал в магазине одежды Сары Кларк. Издевались над тем, что теперь я сам стал жертвой домушника. Считаю, что они слегка перегнули палку, скажу вам честно. Когда я влез в магазин с одеждой, я был глупым мальчишкой, а не грёбаным бандюком. И получил урок.

В 1965 году я спёр одежды на сумму, скажем, двадцать пять фунтов. Мне казалось тогда, что это целое состояние. Не поверил бы, если кто-нибудь мне сказал, что через сорок лет выставлю вору драгоценностей на два лимона фунтов, а когда он их стырит, у меня останется столько, что я не почувствую потери. Это, правда, смешно. Не было предпосылок, что моя жизнь сложится так, как сложилась на самом деле. Но, поверьте, я благодарен судьбе. Не проходит и дня, чтобы я не вспоминал о том, откуда я родом, чего я достиг и что в то время никто в здравом уме не поставил бы на меня и ломаного гроша.

Записки пациента

Хидден Хиллз, Калифорния 2009

— Ну, хорошо, мистер Осборн, я задам вам вопрос — говорит врач. — Вы употребляли когда-нибудь запрещённые препараты?

Это новый парень, я пришёл к нему, когда решил почистить организм. Более сорока лет я бухал по-полной и принимал наркотики, а теперь решил проверить, каковы будут последствия.

— Хм! — говорю, покашливая. — Разок пыхнул косячок.

— И всё?

— Да, всё.

Доктор прощупывает меня дальше и проверяет свои записи. Вдруг спрашивает:

— Точно?

— Хм. — сказал я и снова закашлялся. — Не брезговал и «спидом». Давно было дело, знаете ли.

— Значит, марихуана и немного «спида»?

— Примерно так.

Врач продолжает что-то записывать, но через минуту снова прерывается.

— Вы абсолютно уверены, что это была только марихуана и «спид»?

— Хм, мне кажется, что в своё время, несколько раз понюхал старого доброго марафету. — Я начинаю куражиться.

— Итак, марихуана, «спид» и… несколько дорожек кокаина?

— Где-то так.

— Вы уверены?

— Ага.

— Я просто хочу убе…

— А героин не считается?

— Считается.

— Ага, значит и героин тоже. Разок-другой, не больше.

— Точно разок-другой?

— Уверен. Полное говно, весь этот героин. Вы когда-нибудь пробовали?

— Нет.

— Слишком много блюёшь после него, как мне кажется.

— Да, может сильно тошнить, это правда.

— Только водяру переводишь понапрасну.

— Хорошо! — отрезал врач. — Давайте остановимся! Существуют ли ещё какие-нибудь наркотики, которых вы не принимали, мистер Осборн?

Тишина.

— Слушаю вас, мистер Осборн.

— Ну, может те, которых я не знаю.

Пауза ещё длиннее. Наконец, врач говорит:

— А что с алкоголем? Вы обмолвились о выпивке. Сколько бутылок в день?

— Ну, может четыре. Плюс минус.

— Можно поточнее?

— Четыре бутылки «Хеннесси». Но это в зависимости.

— От чего?

— Как долго спал между одной и другой.

— Только «Хеннесси»?

— Пиво наверняка не считается, правда?

Врач качает головой, громко вздыхает и начинает тереть глаза. Выглядит так, будто собрался домой.

— Вы курите, мистер Осборн? — спрашивает.

— Время от времени.

— Вот так сюрприз. И сколько в день, скажите на милость?

— Штук тридцать с гаком.

— Какую марку сигарет вы предпочитаете?

— Я вообще-то о сигарах. Сигареты я не считаю.

Врач сильно побледнел.

— Ну и давно так выглядит ваш обычный день?

— А какой нынче год?

— 2004.

— Ну, в таком случае, уже лет сорок.

— Случалось ли с вами в прошлом что-нибудь важное с точки зрения медицины? — спрашивает врач.

— Хм, раз меня ударил самолет, в определенном смысле этого слова. Я сломал себе шею, когда ездил на квадроцикле. Два раза умирал в коме. Двадцать четыре часа у меня был СПИД. А ещё я думал, что у меня рассеянный склероз, оказалось — паркинсонизм. Однажды порвал «погремушку». А, и несколько раз подхватил триппер. К этому прибавьте два приступа: один, когда выпил кодеин в Нью-Йорке, а второй в Германии, когда уделался «таблеткой насилия». Вот, вроде бы всё, ну, разве что передозировка лекарств по рецепту тоже считается.

Доктор кивает головой. Потом откашливается, ослабляет галстук и говорит:

— У меня остался один, последний вопрос, мистер Осборн.

— Смелее, доктор.

— А почему вы ещё живы?

Хороший вопрос. Не существует ни одного рационального

оправдания тому, что я всё ещё жив. Еще труднее понять, откуда во мне столько здоровья. На сегодняшний день меня ничего, бля, не беспокоит. В натуре.

Конечно, с момента аварии на кваде первичная память уже не такая как прежде, это факт — со мной занимается специалист по лечению памяти — и я по-прежнему чуть заикаюсь. Но мое сердце в отличной форме, а печень будто только сошла с конвейера. После бесчисленных исследований врачи констатировали у меня только повышенный уровень холестерола. Что неудивительно для шестидесятилетнего человека, вскормленного на хлебе со смальцем и чипсах.

Не надеялся я, скажу вам честно, что когда-нибудь разменяю седьмой десяток и уж тем более, что я к тому времени еще буду на ходу. Если бы в детстве меня поставили у стены с другими детьми с улицы и попросили сказать, кто дотянет до 2009 года, у кого будет пятеро детей, четверо внуков, дома в Бекингемшире и Калифорнии, я на себя наверняка бы не поставил. Порой смеюсь по этому поводу, ведь против меня была целая система. Меня выгнали из школы в возрасте пятнадцати лет, я не умел толком прочитать и одного предложения.

Но, в конце концов, победил. Мы все победили: я, Тони, Гизер, Билл.

И теперь я чувствую себя отлично, лучше, чем когда-либо.

Знаете, не скажу, что у меня нет проблем. Я испытываю сильный страх перед незнакомыми людьми, хоть это и накатывает волнами. И я очень суеверный. Когда занимаюсь на тренажерах, всегда делаю больше тринадцати повторов. Всегда. И никогда, хоть камни с неба, не надену на себя ничего зелёного. Зелёный цвет меня как-то пугает. Понятия не имею почему, может просто потому, что я ездил когда-то на зеленой машине, которая постоянно ломалась. Даю слово, в трезвом уме, у меня начали проявляться способности к телепатии. Например, говорю Шарон: «Интересно, а как поживает такой-то?». То есть, тот, кого я не видел годами. И на следующий же день этот кто-то стучит к нам в дверь.

Нечто подобное со мной случилось, когда погибла принцесса Диана. За неделю до происшествия, у меня был сон. Был таким ярким, что я рассказал об этом Тони Деннису. Через несколько дней она погибла.

— Не вздумай, бля, во сне увидеть меня! — сказал Тони.

Люди спрашивают меня, чист ли я на самом деле, по-настоящему. Не могу ответить так, как они бы хотели. Могу их только заверить, что на сегодняшний день я чист. Так есть сейчас.

И по-другому никогда не будет.

Но сегодня я определённо чище, чем в предыдущие сорок лет. В последний раз нажрался как свинья пару лет назад, после концерта в Праге. Чувак, пиво было классное, я не смог устоять. И пошел в город со своим гитаристом Закком, для алкоголиков он является самым опасным приятелем. Парень осушает бокалы с невероятной скоростью, как машина. О, это была памятная ночка! После гулянки в городе возвращаемся в мой апартамент на десятом этаже фешенебельного отеля и начинаем потрошить мини-бар. Примерно в час ночи мне в голову приходит одна идея.

— А ты знаешь, — обращаюсь к Закку, — чего я никогда-никогда ещё не делал?

— Список должен быть офигенно коротким, старик — отвечает он.

— Я серьёзно, Закк — говорю. — Есть один рок-н-ролльный обычай, до которого за все эти годы как-то руки не доходили.

— И какой же?

— Я никогда не выбрасывал телек в окно.

— Блин, старик! — говорит Закк. — С этим надо что-то делать.

Ну, мы вытаскиваем телевизор из ниши, тащим его к окну, которое пытаемся тут же открыть. Но окно запроектировано так, что его можно только приоткрыть. Для этого расхерачиваем ударами дырокола петлю, пока окно не открылось и мы можем выбросить туда 50-дюймовый телек. Придаем ему необходимое ускорение.

Фуууууууууууу!

Ящик падает, минует девятый этаж, восьмой этаж, седьмой, шестой, пятый.

— Там чё, внизу какой-то типок курит? — спрашиваю я Закка.

А телевизор продолжает полёт.

— Не переживай! — говорит Закк. — До него далеко.

БА-БАХ!

Что за взрыв, это нужно было видеть. Офигеть. Как будто рванула бомба. Бедняга, который там курил, чуть не проглотил сигарету, хотя он стоял на другом конце площади.

Когда нам надоело рассматривать обломки, я влез в нишу для телевизора, прикинулся диктором, стал читать новости. Вдруг звонит телефон.

— Я могу поговорить с мистером Осборном? — спрашивает менеджер отеля. — Случился некий… инцидент.

— Его здесь нет — отвечает Закк. — Его сейчас по телеку показывают.

В конечном счёте, менеджер переселил меня в другой номер,

потому что в старом окно ни на что не годилось. А когда я выезжал из отеля, к моему счёту в графе «разное» прибавили 38 000$! Объяснили это тем, что номер будет непригоден к проживанию в течение месяца. Вот ведь херня! Закка побрили на десять «штук». А ещё одну тысячу мы заплатили за бухло из мини-бара.

Но это стоило того, в определенном смысле.

Когда я оплатил этот счёт, то осознал, что не хочу больше быть таким человеком. Задал себе вопрос: «И что дальше, Оззи? Хочешь жить как прежде, одной ногой в могиле и закончить так, как другие рок-фраера? Не лучше ли тебе выбраться из этой ямы?».

Я опустился на самое дно, скажем так. У меня это путешествие заняло сорок лет, пока я наконец достиг этого дна. Я чувствовал отвращение к самому себе. Жизнь меня пугала, но я боялся умереть.

Такое существование не по мне, увольте!

Ну, и я решил покончить с дурными привычками.

Во-первых, я бросил курить. Люди спрашивают: «Как же это тебе, бля, удалось?» Но мне уже осточертело отклеивать пластырь ради одной сигареты, а потом обратно его приклеивать. Подумал: «На хер!» — и завязал с этим раз и навсегда. Просто я не хотел больше курить.

Потом пришла очередь алкоголя. Помню, однажды, когда я уже был в завязке, спрашиваю Шарон:

— Можно мне выпить?

Она мне в ответ:

— Ты уже достаточно взрослый, чтобы самому принимать решения.

— Но у меня это как-то плохо получается — говорю я. — Всегда принимаю неправильные решения.

— Ну, хорошо, Оззи, а ты хочешь выпить? — спрашивает Шарон.

Впервые в жизни я мог честно сказать: «нет». В былые времена, когда я подвязывал с выпивкой, то обычно мечтал о прекрасных мгновениях, по которым скучал. И только теперь понимаю, что эти прекрасные мгновения всегда — подчеркиваю, бля, всегда! — превращались в паскудство.

Сегодня я уже не скажу вам, сколько стоит бокал пива и не хочу этого знать. Удивительно дело, принимая во внимание, что когда-то вся моя жизнь вращалась возле паба. Сейчас мне это просто не интересно. Недели две назад в «Beverly Hills Hotel» я встретил Ронни Вуда из «Rolling Stones». Кореш выглядел так, будто минуту назад осушил пару бокалов. Я подумал: «Офигеть,

вот у кого здоровье». А недавно столкнулся на вручении каких-то наград с Кейтом Ричардсом.

— Как делишки, Кейт?

— Недурно, для живой легенды — отвечает он.

У меня чуть не вырвалось: «Живой? Кейт, бля, мы с тобой уже ходячие трупы!».

Много моих товарищей по бутылке ещё кое-как держатся, но возраст берёт своё, и в организме начинаются необратимые процессы. Один из них умер недавно от цирроза печени. После похорон все пошли в паб. Стали у барной стойки с черными траурными повязками на рукавах и глушили тёмное пиво с ромом.

— А вы что? — спрашиваю я. — Собрались его догнать?

Но именно так поступают англичане: идут в паб, чтобы почтить память умершего от чрезмерного посещения паба. Это страна алкоголиков. Когда я был помоложе, то думал, что весь мир бухает. Потом попал в Америку, и оказалось, что бухает только Англия.

Некоторое время спустя завязал и с наркотой. Если не считать лекарств для успокоения дрожи в руках и антидепрессантов, я — зона свободная от наркотиков. Когда иду к врачу, сразу предупреждаю его: «Я наркозависимый, я алкоголик, поэтому прошу меня не слушать, если буду нести чушь». На все визиты хожу вместе с Тони, так, на всякий случай.

Лекарства, которые я сейчас употребляю, не имеют стольких побочных эффектов — в отличие от тех, которые раньше прописывали мне врачи. Хотя антидепрессанты разрегулировали мой сексуальный «моторчик». Малыш встаёт, но без фейерверков. Целую ночь потею над Шарон как отбойный молоток, и ничего не происходит. Попробовал с виагрой, но когда она начинает действовать, Шарон уже сладко спит. Сижу, трусы палаткой, и мне ничего не остаётся — только смотреть «History Channel».

Однажды спросил об этом врача.

— У вас ещё этим голова забита? — удивляется он.

— Мне осталась одна забава. — таков был мой ответ.

Вы знаете, меня никогда не прельщало замутить с молоденькой тёлочкой, как некоторые парни в моём возрасте. Блин, о чём говорить с двадцатилетней? О рынке недвижимости? О ситуации в Афганистане? Это всё равно, что поговорить с ребёнком.

Я в завязке уже четвертый или пятый год. Не считал. Не помню точно дату, когда завязал. Это же не какие-нибудь сраные гонки. Просто утром просыпаюсь и не пью, не принимаю

наркотиков. Несмотря на это, я продолжаю пропускать занятия «Анонимных Алкоголиков». Мне кажется, что человек заменяет привязанность к алкоголю привязанностью к программе лечения. Я не утверждаю, что это бессмысленно, наверняка, смысл есть, и ещё какой, но именно от меня должно исходить желание перемен.

В свою очередь, терапия мне очень помогла, несмотря на то, что в начале я её не понимал. Я совершил ту же самую ошибку, что и раньше, когда ходил в центр реабилитации. Я думал, что там меня вылечат. Но зато, они научили меня говорить о вредных привычках и, таким образом, бороться с ними. Это помогает, но если вы будете замалчивать проблему, она останется в вашей голове и у вас съедет крыша.

У меня есть спонсор[105] — Билли Моррисон гитарист из «Camp Freddy». Я познакомился с ним в клубе «Анонимных Алкоголиков». Если мне хочется пыхнуть косячок для вдохновения или что-то в этом роде, я набираю номер Билли. И у меня сразу же пропадает охота курить, когда он говорит:

— После косячка тебе будет хорошо минуты две, а вечером будешь вливать в себя вискарь литрами.

Это хорошая система, потому что обычно человек начинает пить из-за вранья и незнания.

А вот я не гожусь в спонсоры. Я не доверяю людям и, как уже говорил, не езжу на встречи, а значит, никогда не прошел требуемых двенадцати шагов[106]. Меня вовсе не пугает вера в Бога[107], потому что не нужно верить в Бога, чтобы пройти программу. Достаточно согласиться с тем, что существует какая-то высшая сила — это может быть лампа в комнате — им всё равно. Для одних — это природа, для других — океан или собственный член — что угодно, что взбредёт в голову.

С абстиненцией так получается, что если бы я сейчас сорвался в запой, то мог бы и загнуться. Когда вы завязываете с бухлом, сопротивляемость организма летит вниз с высокой скалы. Два пива — и я готов. Поэтому если я не на гастролях, то редко выхожу из дому. А мне и не надо: у меня есть жена, друзья, собаки — все семнадцать — да плюс имение. Ну, и вы должны увидеть наш новый дом в Хидден Хиллз. Это называется резиденция рок-звезды! Когда я лежу в кровати, то просто нажимаю на кнопку и из-под пола вырастает огромный телевизор с плоским экраном, который через мгновение висит у меня над головой. А туалеты, просто обосраться! Жаль, что мой папанька не сможет их опробовать. В детстве я должен был ходить в ведро, потому что в доме не было толчка, а сейчас у меня компьютеризованные японские туалетные причиндалы: так, после

нажатия кнопки, нагревается крышка унитаза, вода ополаскивает тебе задницу, а теплый воздух завершает процедуру. Наверное, через пару лет мне поставят унитаз с рукой робота, которая сама будет вытягивать из меня котях, чтобы я зря не тужился.

Неплохо мне живется, скажем так.

И я постоянно нахожу себе какое-нибудь занятие. Например, снова собираюсь сдавать на права. За рулём уже почти сорок лет, но всегда незаконно и, как всегда, под газом. Хотел бы я хоть раз, пока не сыграл в ящик, сесть в машину с правами в кармане. По секрету скажу: мой инструктор предпочёл, чтобы я учился вождению в машине, оборудованной двумя рулями. Хера с два! Ставлю ему условие:

— Или мы едем на моём «Рейндж Ровере», или не едем вообще.

Хотя, после последнего урока, я не удивлюсь, если на следующее занятие он придёт в шлеме. Этот парень считает меня чокнутым. Всякий раз, когда я вхожу в поворот, инструктор весь сжимается, как будто я иду на таран с огромной фурой.

Вроде нет ничего в этом удивительного, ведь столько безумных вещей говорилось обо мне все эти годы. Откусил башку летучей мыши. В порядке. Откусил башку голубю. Похоже на правду. Но я не убийца щенков, не поклонник сатаны и не похож на того, кто хочет, чтобы его поклонники разнесли себе башку. Меня подобная хрень утомляет. Знаете, люди приукрашивают свои рассказы. Как дети на школьном дворе. Один говорит: «Джонни порезал палец». Через минуту на другом конце двора уже слышно, что Джонни оторвало, на фиг, голову.

В последнее время дома слушаю в наушниках ранних «битлов» и что-нибудь рисую. Так, мазня. Ну, нет у меня к этому таланта. Придумываю шаблон и мазюкаю странные формы яркими красками, типа поп-арт 60-х. Благодаря этому, я не попадаю ни в какие переплёты. Ага, и ещё собираю нацистские артефакты. У меня есть флаги, эсэсовские кинжалы, кожаные плащи, весь джентльменский набор. Только при жёнушке, которая у меня наполовину еврейка, редко представляется случай напялить на себя мундир со свастикой. Большинство из того, что куплено мною, оседает в коллекции Лемми. Вот кто фанатик. Ты должен увидеть его дом, чувак. Это настоящий музей.

Теперь я значительно больше времени провожу с семьей, чем в то запойное время. У Эйми, Келли и Джека всё хорошо. Я вижусь с Джесс и Луисом.

Определенно они унаследовали от Телмы интеллект, потому что Джессика работает оценщицей, а Луис окончил юридический. Они сделали меня в общей сложности четырежды дедушкой, во

что просто трудно поверить. И я продолжаю по воскресеньям болтать по телефону с моей старшей сестрой Джин.

— Что новенького? — всегда интересуюсь я. — Всё ли у вас в порядке?

С «Black Sabbath» тоже всё нормально, хотя сейчас неизвестно, кто обладает правом на название. Лично я считаю, что у нас у всех одинаковые права. Посмотрим, что будет дальше, но я надеюсь, что всё устаканится, потому что я очень уважаю Тони Айомми. С Гизером уже давно не разговаривал — сидит, обложившись своими книжками — но я поддерживаю отношения с Биллом. Он уже двадцать пять лет не пьёт и не принимает наркотики. Если бы вы знали его четверть века назад, вы бы поверили, что это граничит с чудом.

Если же речь обо мне, то я до конца дней своих хотел бы быть рокером. Определённо, не хотел бы больше светиться в телевизоре, за исключением, может быть, нескольких реклам, если они будут смешными. Знаете, раньше мне мешало то, что люди не понимают меня, но благодаря этому я сделал карьеру. Сегодня намеренно строю из себя клоуна, ведь этого ожидают от меня люди.

Наверное, последняя амбициозная цель, которую я себе ставлю — это первое место для моей пластинки в Америке. Но не буду плакать, если этого не случится, потому что, кроме этого, я уже всего достиг. Знаете, это радость для меня, что я остаюсь собой, что я нахожусь там, где я нахожусь и что могу и дальше радоваться жизни.

Даже если бы завтра я умер, можно было бы сказать, что всё равно получил больше, чем простой смертный. Прошу только об одном: если я закончу свои дни в больнице с отключенным мозгом, пожалуйста, вырубайте меня целиком. Хотя сомневаюсь, что до этого дойдёт. Зная себя, помру при каких-нибудь глупых обстоятельствах. Споткнусь на лестнице и сломаю себе шею. Или подавлюсь леденцом для горла. Или птица серанёт на меня и я заражусь каким-нибудь смертельным вирусом с другой планеты. Вспомните моё приключение с квадроциклом. Несколько десятков лет я уничтожал себя алкоголем и наркотой, но чуть не погиб у себя во дворе, когда со скоростью три километра в час въехал в какую-то выбоину.

Поймите меня правильно, я не каждый день рассуждаю на такие серьезные темы. И пришел к выводу, что в жизни всё расписано наперед. Ну, если должно с вами случиться какая-то гадость, ничего не поделаешь. Просто вы должны выдержать до конца. Пока не придёт смерть, как приходит она ко всем.

Я сказал Шарон:

— Не кремируйте меня после смерти, ни за что.

Я хочу быть похороненным в земле, в каком-нибудь красивом саду, чтобы надо мной могло расти дерево. Лучше — дикая яблоня, пусть ребятня делает из меня вино и пьет от души.

А если речь идет о надписи на надгробии, здесь у меня нет ни малейших сомнений. Когда закрываю глаза, я вижу примерно такое:

ОЗЗИ ОСБОРН
Род. 1948 г.
Ум. (когда-то там)
Откусил башку летучей мыши.

Благодарности:

Моей дорогой жене Шарон, ты всегда поддерживала меня. Я люблю тебя.

Моим замечательным детям: Эйми, Келли, Джеку, Джессике и Луису.

Моим очаровательным внукам: Айси, Гарри, Мие и Элайдже. Колину и Метте Ньюманам; без вас я бы этого не сделал.

Моим братьям и сёстрам: Полу, Тони, Айрис, Джиллиан и не забудем мою замечательную старшую сестру Джин (которая всегда была для меня второй мамой, а не старшей сестрой) — и, конечно же, моим своякам Норману Расселлу, Тому и племяннику Терри.

Моим родителям: маме и папе, без них ничего бы не вышло. Джине и Дину Мазлин, их детям: Оливеру и Амели.

Моим большим друзьям Билли и Джен Моррисонам, которые помогли мне найти путь назад.

Моим друзьям по жизни из «Black Sabbath»: Биллу Уорду, который во всём меня поддерживал, благослови тебя Бог, Тони Айомми и Теренсу «Гизеру» Батлеру.

Моей второй семье, моей команде: Майклу Гуаррачино, его жене Денни и его сыну Джесси; Джону Фентону и его жене Санди; Кевину Томсону; Сильване Арине; Линн Сигер; Клер Смит; Дэвиду и Шарон Годманам; Джуд Алкале; Бобу Трою; Сабе; Дари; Трино; Стиву и Мелинде Варга; Лаки и девушке Скерли (кто это сказал?).

Особая благодарность моему лучшему другу Тони Деннису (ну, фто же ты, фынок, входи, выпей бокальчик, у его папы есть лодка, а у мамы — мотоцикл).

Моим дорогим друзьям миссис Делорес Роудс; Питу Мертенсу, его жене Дэниэлль, их дочери Фёбе; Глории Батлер; и моему другу и сопродюсеру Кевину Чарку.

Антонии Ходжсон, которая сподвигла меня на написание этой книги.

Крису Айрсу, соавтору этой книги. Спасибо за то, что превратил истории из моей жизни в форму книги. Без тебя я бы этого не сделал.

Закку и Барбаре Вайлдам, моему крестнику Джесси, Хэйли-Рей и Хендриксу Вайлдам.

Моей группе: Майку Бордину и его семье: Мерили, Эбби и Вайолет; Бласко и его жене Кэрол, Адаму Вейкману и его семье.

Всем моим четвероногим ангелочкам, которые ежедневно гадят в моем доме.

notes

Примечания

1

Определенные события, описанные в этой книге, некоторые могут помнить по-своему. Не собираюсь с ними спорить. На протяжении последних сорока лет я пичкал себя алкоголем, кокаином, кислотой, барбитурой, клеем, сиропом от кашля, героином, рогипнолом, клонопином, викодином и массой других сильнодействующих субстанций, полный список которых не поместился бы в этой ссылке. Бывали случаи, когда принимал все сразу. Я же не долбаная «Encyclopaedia Britannica», скажем так. Вы прочтете здесь только то, что мне удалось выдавить из холодца, который называется мозгом, когда пробовал восстановить историю своей жизни. И все, ничего больше.

2

Mr.Magoo — герой комиксов, из-за своей близорукости постоянно попадающий в неловкое положение — здесь и далее, примечания переводчика.

З

Роналд Джордж Уильям Баркер — британский актёр-комик.

4

В оригинале — «Show me the Way to go Home» — «Покажи мне дорогу домой»

5

«Everly Brothers» — вокальный дуэт братьев Дона и Фила Эверли. Они исполняли ранний рок-н-ролл, кантри-рок, фолк-рок. Дебютировали в 1954 г.

6

Дислексия (греч. δυς — «плохо» и λέξις — «речь») — избирательное нарушение способности к овладению навыком чтения и письма при сохранении общей способности к обучению. Синдром дефицита внимания и гиперактивности (сокращённо СДВГ; англ. Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder (ADHD)) — неврологическо-поведенческое расстройство развития, начинающееся в детском возрасте. Проявляется такими симптомами, как трудности концентрации внимания, гиперактивность и плохо управляемая импульсивность.

7

Delia Smith — английская ведущая популярных кулинарных программ и автор кухонных книг-бестселлеров.

8

«Hush Puppies» — название американской фирмы, производящей удобную обувь. В тексте — мягкие замшевые ботинки этой фирмы.

9

Teddy boys — молодёжная субкультура, которая появилась в Англии в 50 гг. XX века. Её приверженцы носили характерные длинные плащи, расшитые пиджаки и волосы средней длины.

10

Mods — британская молодёжная субкультура, которая появилась в конце 50-х. Моды любили шокировать окружающих своим провокационным видом, с энтузиазмом относились к авангардному искусству.

11

Rockers — субкультура, чей расцвет в США и Великобритании пришёлся на 50-е и 60-е гг. Основой стиля, собственно, и названия был рок-н-ролл. Рокеры — полная противоположность модов.

12

Guy Fawkes — участник Порохового заговора, организатор неудавшегося покушения на короля Якова I в 1605 году. Фокс пытался поджечь порох в подвалах британского парламента. Ежегодно 5 ноября в Англии отмечают Ночь Гая Фокса с традиционным сожжением его чучела.

13

Термины связаны с названием городов, откуда были родом эти группы. Brum — разговорное название Бирмингема, Mersey — название реки, на которой стоит Ливерпуль.

14

Если ты собрался в Сан-Франциско, не забудь украсить свою прическу цветами.

15

Haight-Ashbury-район Сан-Франциско, в 60-е гг. — центр движения хиппи.

16

Если ты собрался в Астон, будь готов получить стеклом по морде.

17

Tesco — крупнейшая розничная сеть в Великобритании. И не только.

18

«Polka Tulk» — марка дешёвого талька, производное от «Polka Dot» — «узор в горошек, точки».

19

Deep South — Глубокий Юг — юго-восточная часть США.

20

Flying Scotsman — легендарный британский паровоз, построенный в 1923 г. Теперь экспонируется в National Railway Museum в Йорке.

21

«Harrods of Knightsbridge» — самый известный универмаг Лондона, считается одним из самых больших и фешенебельных универмагов мира.

22

Earth — Земля.

23

John Peel — популярный диск-жокей на BBC Radio 1.

24

Речь идет о районе Лондона, а не о знаменитом стадионе, который там находится.

25

Этилированый бензин типа Аи-93.

26

Spandex или эластан — общее название полиуретановых эластичных нитей. Слово появилось в результате перестановки слогов в слове «expand» (растягивать). В Северной Америке предпочитают говорить «спандекс», за её пределами — «эластан» (elastane). В 1970-х и 1980-х годах популярность среди многих рок-групп приобрели леггинсы из эластана. Основной причиной этого послужило то, что он сохранял способность растягиваться и плотно облегать тело даже после многих применений в отличие от джинсов или кожаных штанов. Эластан не стеснял движений музыкантов на сцене, позволяя им высоко прыгать либо ставить ноги на мониторы).

27

«Knees Up Mother Brown» — английская песня пользующаяся популярностью в пабах и на вечеринках.

28

Игра слов — «evil spirits» — «злые духи», «spirit» — «дух, алкоголь».

29

«Manson Family» — демоническая секта, которую возглавлял Чарлз Мэнсон. В 1969 году её члены совершили массовое убийство на вилле кинорежиссёра Романа Поланского.

30

Bernard Medoff — американский финансист, известный своей благотворительностью. В то же время, за финансовые махинации он был приговорён к 150 годам заключения.

31

Рональд и Реджинальд Крэй — известная парочка гангстеров-близнецов, которых арестовали в 1968 г.

32

Групи (англ. Groupie) — поклонница поп- или рок-группы, сопровождающая своих кумиров во время гастролей. С середины 1960-х годов употребляется почти исключительно в отношении женщин, активно стремящихся оказывать своим кумирам сексуальные услуги.

33

Международный аэропорт им. Джона Кеннеди (англ. John F. Kennedy International Airport) — крупнейший международный аэропорт в США, расположенный в юго-восточной части города Нью-Йорка.

34

Всемирный торговый центр (англ. World Trade Center), сокр. ВТЦ — комплекс из семи зданий, спроектированных Минору Ямасаки, американским архитектором японского происхождения, и официально открытый 4 апреля 1973 года в Нью-Йорке.

35

Имя Harry на британских островах произносят примерно так: «Hari», а в Америке — «Heri» как «hairy» — «волосатый». В свою очередь, слово Bollocks, означающее «яйца», по своему звучанию похоже на достаточно распространённую фамилию Bullocks. Выходит, что посыльный разыскивает некоего господина Волосатые Яйца.

36

Ming the Merciless — отрицательный персонаж в комиксе «Flash Gordon».

37

Fag — педик.

38

Сияние звезд.

39

Ослепленный снегом, «snow» — «снежок», кокаин.

40

DuPont — американская семья, которой в настоящее время принадлежит второй по величине в мире химический концерн «E.I. du Pont de Nemours and Company».

Food and Drug Administration — FDA.

42

«Повсюду под этим долбаным Солнцем».

43

Butt — ягодица.

Atrocity — зверство.

Driving Licence — TV Licence.

«Нападение в Роухайд».

47

От тайского «баунг» — «водяная трубка» — устройство для курения каннабиса, также табака и др. По принципу действия бонг похож на кальян, но адаптирован именно под специфику курения каннабиса: меньшие по объёму дозы, потребность задерживать дым в лёгких, чтобы как можно больше наркотика впиталось в кровь.

48

«Черный Шабаш»

49

Thriller (рус. «Триллер») — пластинка Майкла Джексона, где каждая песня стала хитом. В 1985 альбом был объявлен Книгой рекордов Гинесса наиболее продаваемым альбомом за всю историю. При этом на пике популярности продавалось около миллиона его копий каждую неделю.

50

Сокр. от нем. «Offizierslager fur kriegsgefangene Offiziere» или «Offizierslager» — концлагерь для офицеров-военнопленных.

51

Хозяюшка.

52

Пизда раздолбанная.

53

Jabba the Hutt — вымышленный персонаж вселенной «Звёздных Войн», гангстер-слизняк, его рост — 390 см… в длину.

54

Flying V — модель электрогитары, впервые представленная в 1958 году компанией «Gibson». Особенностью модели был необычный дизайн деки, напоминающий наконечник стрелы. В разный период своей деятельности, гитары «Gibson Flying V» использовали: Кейт Ричардс, Джими Хендрикс, Ленни Кравиц, Джо Перри из «Aerosmith», Кен К. Даунинг из «Judas Priest», Рудольф Шенкер из» Scorpions», Вольф Хоффманн из «Accept», Кирк Хэмметт и Джеймс Хэтфилд из «Metallica».

55

«Ты просто покорила меня» — песня, написанная Рэем Дэвисом, которую исполняла его группа «The Kinks».

56

«Hells Angels Motorcycle Club» — международное объединение мотоциклистов, основанное в 1948 г.

57

Adam Ant — ур. Стюарт Лесли Годдард, вокалист и гитарист, лидер группы «Adam and the Ants» — представителей британской «новой волны». Группа имела большой коммерческий успех по обе стороны Атлантики в начале 80-х.

PR — public relations — отдел по связям с общественностью.

59

Rupert the Bear — герой мультфильмов и комиксов для детей. Мишка носил желтые штанишки в чёрную клетку и такой же шарфик.

60

Howard Hughes (1905 – 1976) — американский миллиардер, авиаконструктор и пилот. По его биографии снят фильм «Авиатор» Мартина Скорсезе.

61

Cary Grant — (1904–1986) — актер, ставший популярным благодаря роли в мелодраме 1957 года «Незабываемый роман» и съемкам в фильмах Альфреда Хичкока.

62

Walking the plank — вид казни или пытки, которую, предположительно, практиковали пираты. Жертву заставляли пройти, зачастую с завязанными руками, по доске или траверзу, выдвинутому за борт судна на 2 метра. В большинстве случаев приговоренный падал в море, где его поджидали акулы, либо просто тонул. В настоящее время прогулка по доске превратилась в курортное развлечение.

63

Дорога слёз — англ. Trail of Tears — насильственное переселение американских индейцев в 1831 году из их родных земель на юго-востоке на индейскую территорию (ныне Оклахома) на западе США. По дороге индейцы страдали от отсутствия крыши над головой, болезней и голода, многие умерли: только для племени чероки оценка числа погибших по дороге составляет от 4 до 15 тысяч.

American Society for the Prevention of Cruelity to Animals, сокращенно — ASPCA.

65

Битва за Аламо(23 февраля — 6 марта 1836) стала наиболее известной битвой Техасской революции. После того, как повстанческая армия техасских поселенцев выдворила все мексиканские войска из Мексиканского Техаса, президент Мексики возглавил вторжение, стремясь вернуть контроль над областью. 23 февраля мексиканские войска осадили техасский гарнизон в миссии Аламо. Ранним утром 6 марта мексиканская армия пошла на штурм Аламо. Техасцы отразили две атаки, но не смогли отбить третью. Из всех бойцов техасского гарнизона, участвовавших в битве, выжили только два человека. Вышло множество кинопостановок, включая фильм, снятый в 1960 году Джоном Уэйном.

66

Дочери республики Техас (англ. Daughters of the Republic of Texas, DRT) — сестринское общество, основной целью деятельности которого является сохранение и увековечивание памяти о первых поселенцах Техаса и солдатах Техасской республики. DRT поддерживает библиотеку в миссии Аламо и музей истории Техаса в Остине.

67

Doom — несчастье, катастрофа.

68

Sammy Davis Jr. (1925–1990) — американский актёр и музыкант.

69

Спортивная передача о футболе.

70

Lady Godiva — жена саксонского графа, которая по легенде XI века в замен на снижение её мужем налогов должна была проехать верхом через весь город абсолютно голой. Единственной одеждой служили длинные волосы.

71

Barbara Woodhouse — известная британская дрессировщица собак, автор книг и телепередач на эту тему.

72

Обсессивно-компульсивное расстройство (от англ. obsession — «одержимость идеей» и англ. compulsion — «принуждение») — невроз навязчивых состояний, психическое расстройство. Может иметь хронический, прогрессирующий или эпизодический характер. При ОКР у больного невольно появляются навязчивые, мешающие или пугающие мысли (обсессии). Он постоянно и безуспешно пытается избавиться от вызванной мыслями тревоги с помощью столь же навязчивых и утомительных действий (компульсий). Иногда отдельно выделяются обсессивное (преимущественно навязчивые мысли) и компульсивное (преимущественно навязчивые действия) расстройства. ОКР характеризуется развитием навязчивых мыслей, воспоминаний, движений и действий, а также разнообразными патологическими страхами (фобиями).

73

Трахеотомия — хирургическое вмешательство, заключающееся во введении трубки в верхние дыхательные пути.

74

Ipanema — район в южной части Рио де Жанейро, «Girl from Ipanema» — название популярного хита 60-х.

75

Вазэктомия — хирургическая операция, при которой производится перевязка или удаление фрагмента семявыносящих протоков у мужчин. Эта операция приводит к стерильности (неспособности иметь потомство) при сохранении половых функций. У мужчины после вазэктомии сохраняется половое поведение: либидо, эрекция, эякуляция. Но поскольку семявыносящие протоки становятся непроходимы, то в эякуляте отсутствуют сперматозоиды. Яички сохраняют свои функции. Вазэктомию применяют в качестве радикального средства контрацепции. В медицине обычно рекомендуется мужчинам, обладающим детьми и решившим отказаться от деторождения в будущем.

Речь идет о последнем куплете «Paranoid»: «I tell you to enjoy your life I wish I could but it's too late», журналист намекает на то, что вместо слова enjoy — «наслаждаться», в тексте присутствует end — «покончить».

77

Mickey — предположительно, от имени Майкла «Mickey» Финна, хозяина бара в Чикаго, который на рубеже XIX–XX веков, подсыпал в спиртное клиентам наркотики, а потом, в служебном помещении, их грабил. Отсюда выражение — «подать блюдо Микки Финна», или, короче — «подать Микки».

Проветри цветок, проветри цветок, жарь, жарь, жарь.

79

Your mother sells whelks in Hull, трубач — съедобная разновидность морских улиток.

80

Перри Мэйсон — адвокат и детектив в произведениях Эрла Стенли Гарднера.

81

Dirk Bogarde (1921–1999) — британский актёр и писатель.

82

Grace Jones — темнокожая американская модель, актриса и певица. Родилась в 1948 году на Ямайке.

83

Roger Whittaker — английский исполнитель фолковых баллад в стиле «easy listening», простенький текст которых легко «западает в ухо».

84

Роджер Виттэкер был известен своим артистическим свистом.

85

Rohipnol (Флунитразепам (Flunitrazepam) — оказывает седативное, снотворное и противосудорожное действие. Употребление препарата в комбинации с алкоголем и/или опиатами может привести к провалам в памяти. Благодаря этому эффекту флунитразепам снискал себе славу «наркотика изнасилования» (eng. date rape drug). Подвергшись воздействию препарата, жертвы изнасилования и других противоправных актов, как правило, не могут вспомнить деталей происшедшего. Бум злоупотребления препаратом в противоправных целях пришёлся на 1990-е годы — белые и безвкусные таблетки было сложно обнаружить в составе алкогольных напитков. В 1999 году производители изменили состав препарата, придав ему горьковатый привкус и свойства красителя (бесцветная жидкость принимает голубоватый оттенок). Сленговое название флунитразепама: R2.

«No More Tears» — «перестань плакать», «No More Tours» — «завязывай с концертами».

87

Пенсия — отстой!

88

Страх перед открытым пространством.

«Оззи Осборн без цензуры».

90

Coco The Clown — герой американских мультфильмов.

91

В русской версии — «По домам»

92

«В замочную скважину» — игра на британском ТВ, в которой участники должны отгадать какой знаменитости принадлежит дом, предварительно показанный в сюжете.

В русской версии — «Семейка Осборнов».

94

Пост американской кавалерии в вестерне Джона Форда 1948 г.

95

Warp factor ten — максимальная, теоретически невозможная, скорость космического корабля в мире «Стар Трека».

96

White House Correspondents' Dinner — ежегодное мероприятие, проводимое аккредитованными в Белом Доме журналистами с 1920 года, в котором принимает участие президентская чета. Традиционно ужин проходит в последнюю субботу апреля в отеле «Хилтон».

«Вечеринка с животными», «Лицо в аду», «Резня в раю».

98

Досл. Королевский концерт разнообразия. Королевское варьете. Ежегодный благотворительный гала-концерт, который проходит в Великобритании в присутствии членов королевской семьи.

99

Bill Cosby Show — ситком авторства Билла Косби, в котором он играл главу семейства Хакстейбл.

100

Белая горячка.

101

Парафраза названия неоднократно экранизированной повести Жюля Верна «Путешествие к центру Земли».

102

Tony Curtis — американский киноактёр.

103

Лулу Кеннеди-Кейрнз — шотладская автор и исполнитель, актриса и модель.

«Кто хочет стать миллионером?».

105

Личность зависимая, с опытом терапии, выступающая в роли проводника и помогает другим реализовать решение жить в трезвости.

106

Программа АА заключается в двенадцати шагах — рекомендациях.

Например, шаг третий: «Мы решили доверить нашу волю и нашу жизнь опеке Бога, как бы мы это не понимали».